

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1996

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

КОРРЕКТИРОВЩИК

ПОВЕСТЬ
РАССКАЗЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 84.Р7

Г61

Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

Художник А.А. Хромов

© В.В. Головачев, 1996

Состав

© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

Художественное оформление серии

© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

© Торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00289-5

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

КОРРЕКТИРОВЩИК

ПОВЕСТЬ

Драма 1

ПАТРУЛЬНЫЙ

Тетрарх патрульной монады Адамева учуял дыхание чужого Закона, находясь на границе подконтрольной зоны, примерно в двух миллионах парсеков от желтой звезды, которую люди впоследствии назовут Солнцем. Дыхание было очень тихим и тонким: кто-то пытался незаметно, на уровне суперструнной базы, свернуть двумерный закон изменения энтропии, превратить его в одномерный, причем — деструктурирующий, то есть увеличивающий хаос в этой зоне космоса. Причем бесповоротно!

Реакция Адамева была мгновенной, хотя ему не следовало действовать сразу, надо было сначала обойти всю зону, проверить радиус чужого вмешательства и его силу и лишь потом попробовать изменить ситуацию, нейтрализовать действие чужого Закона. А если потребуется — вызвать помощь пограничной бригады. Однако тетрарх был молод, горяч, энергичен и считал, что справится с любым вторжением во вверенном ему пространственном районе. «Пришпорив» тетраду, Адамева коршуном слетел «вниз», к границе зоны, подвергшейся нападению, и... был встречен жестоким кинжальным выпадом чужих сил.

Выпад носил форму изменения сущности бытия, а не физического воздействия. В принципе тетрада

имела возможность уклониться и от удара чужого Закона, уйдя в прошлое краем времен, однако удар был слишком внезапен и точен, по сути, он являлся нарушением всех существующих в данном районе космоса физических законов. Он просто-напросто запрещал патрульной монаде существовать!

Будь Адамева послабей, он бы тут же исчез, превратился в «суперструну», растянувшуюся по всей Вселенной. Но тетрарх был личностью незаурядной, до патрульной службы работал в составе пентады Внешней Разведки и знал многое, а главное, обладал адапто-адаптирующей программой, которая, сработав, не позволила Адамеве и монаде в целом исчезнуть бесследно.

Как единица действия монадапатрульная тетра-система перестала существовать, но как несвязанная система отдельных существ, составляющих тетраду, монада уцелела. Поскольку распад ее произошел в точке с координатами, точно соответствующими положению одной из планет, которую люди впоследствии назовут Землей, отдельные компоненты тетрады вонзились в нее, как пули одной очереди, с разбросом в тысячи километров.

Носитель погрузился в океан, вызвав гигантскую волну цунами, трижды обежавшую весь земной шар.

«Конь» упал на материк, проделав в базальтовом щите глубокую многосоткилометровую борозду и вызвав сильнейшее землетрясение и всплеск вулканической деятельности, погрузившей земную атмосферу в тысячелетние сумерки.

Наездник также упал на материк, но правее, за шесть тысяч километров от «коня», и его падение тоже породило землетрясение, круто изменившее ландшафт материка, в ту пору имевшего другие очертания, разбив его на несколько отдельных плит.

Сам же Адамева, подчиняясь защитной адаптирующей программе, которую люди называли бы ин-

стинктом самосохранения, существовать во плоти в данной точке пространства не мог, чужой Закон запрещал ему это, и он «осел» бесплотным неосязаемым «облачком изменений» в генах существ, которые уже в то время обживали континенты Земли.

Существа эти, уцелевшие от наводнения и землетрясений, получившие единовременный «сдвиг» генных программ, впитавшие память, знания и параметры личности Адамевы, через сотни тысяч лет после этого события назвали себя людьми...

В тот же временной отрезок, который можно было назвать днем, начальник пограничной службы Кокона Вселенной галеарх Сомадева, явившись по вызову экзарха саварджа Кокона, доложил:

— В районе вихревых звездных сгущений Хаадада исчезла патрульная тетрасистема типа Корректировщик.

— Причина? — поинтересовался экзарх, располагаясь сразу в нескольких координатных узлах, которые можно было бы назвать измерениями.

— Вторжение локального изменения местного Закона, слом изменения энтропии, умело инициированный разведвектором чужого Кокона. Тетрарх Адамева оценил опасность слишком поздно. Монада патруля перестала существовать. Я послал туда патрульную пентасистему типа Ассенизатор, но поиски тетрарха могут продлиться долго.

— Ассенизатора отзовите, у нас слишком много других забот, чтобы отвлекаться на поиски патрульной тетрады. Возможно глубокое проникновение разведвектора чужого Кокона в самое сердце Вселенной, что потребует соединить усилия всех фагоцитарных сил. Вы ликвидировали прорыв в том районе?

— Закон изменения энтропии в зоне Хаадада восстановлен, однако потребуются длительность време-

ни для ликвидации последствий. В результате вторжения нарушен вакуумный баланс зоны, изменились все параметры микромакросоотношений. Область вихревых звездных островов теперь будет долго скользить в «яму» трехмерья.

— Не пришлось бы ее ампутировать.

— Для Кокона Вселенной она пока безвредна. Что касается тетрарха Адамевы, я все же послал бы в Хаадад поискера, пусть и рангом ниже.

— Не распыляйте силы, — отрезал экзарх. — В скором времени они нам понадобятся. Я сам пошлю в район Хаадада контролера. Проанализируйте причины прорыва границы в области Хаадада и укрепите границу тетрадами типа Бастион.

Начальник погранслужбы сделал жест сродни почтительному поклону и втянул контактирующую с экзархом часть своей личности в сложное многомерное тело, как черепаха втягивает лапы и голову в панцирь. Тихо перетек из одного измерения в другое и выплыл из двадцатимерного времени-пространственного купола уже в своей епархии, в шестимерном континууме погранслужбы, описать форму которого не в состоянии ни один земной язык.

Войдя в свой личный Кокон (носитель Сомадевы занял трехмерный уровень, «конь» — четырехмерный, а наездник и управляющий — шестимерные уровни), начальник погранслужбы Кокона Вселенной вызвал своего заместителя иринарха Герпедраго и сказал ему, когда контактирующая часть тела Драго, его третья сущность, проявилась в континууме кабинета:

— Подыщи замену Адамеве. Систему звезд в Хаададе надо изолировать. Поиски тетрарха прекратить, Ассенизатора отозвать, границу заблокировать.

— Но Адамева мог уцелеть.

— Экзарх запустил в Хаадад просачивающуюся самореализующуюся программу типа Контролер. Он

тихо и незаметно пощупает звезды и планеты. Если Адамева жив, он откликнется. А нам с тобой нужен сейчас каждый патрульный.

— Принял, исполняю. — Герпедраго «поклонился» и бесшумно ушел в другое измерение.

Начальник погранслужбы задумчиво посмотрел ему вслед, но дела не ждали, и он занялся другими проблемами.

На Земле же в это время шел процесс рождения разума, подстегнутый падением патрульной тетрады и распадом интеллекта и личности Адамевы. Элементы монады — носитель, «конь» и наездник, — конечно, разбились, но, имея собственные защитные контуры, медленно и уверенно запустили процессы адаптации к земным условиям существования будущих потомков монады. Каждый элемент монады имел свой собственный орган деторождения, и хотя должны были пройти миллионы лет, прежде чем на свет появились бы потомки тетрады Корректировщика, для Кокона Вселенной это не имело значения, как и для пограничной службы, отвечающей за его безопасность. Кокон мог ждать вечно.

Д р а м а 2

НОСИТЕЛЬ

Лейтенант Франсуа Толендаль прибыл на Муруроа в составе батальона охраны ядерного полигона весной, которая начиналась в этой части Тихого океана в сентябре. Ему предстояло в течение года охранять секреты полигона и участвовать в постепенном свертывании программы испытаний, что на языке практика означало уничтожение инфраструктуры полигона, то есть готовых комплексов, шахт с ядерными устройствами, бетонирование скважин и трещин в основании атолла. Последняя часть зада-

ния не нравилась никому из французского воинского контингента, в том числе и Толендалю, однако он был военным человеком и подчинялся приказу, как и все сослуживцы.

И все же, будучи холостяком и французом до мозга костей, Франсуа быстро нашел средство для успокоения нервной системы. Этим средством оказалась аборигенка Муруроа по имени Натили, меланезийка по происхождению. По ее словам, она принадлежала к народности эроманга, для традиционной социальной организации которой характерно существование двух общественных рангов: фанло — вождей и тауи натимоно — простолюдинов. Натили была дочерью фанло, поэтому получила современное образование и диплом врача, обучившись в университете в Канберре. К родным пенатам, то есть на остров Вануату, где жило племя отца, она уже не вернулась, вышла замуж за полинезийца Нэсока, уроженца Папеете, одного из островов Общества, находящегося под протекторатом Франции, и вместе с ним переселилась на атолл Муруроа, где Нэсок получил работу как строитель и разработчик шахт. Однако супружеская жизнь Натили длилась всего семь месяцев. Во время работы Нэсока завалило в одной из шахт полигона, и Натили осталась вдовой. Погоревав немного, она было решила вернуться на родину, но военное представительство полигона предложило ей работу медсестры, и она осталась. А вскоре на полигоне появился Франсуа Толендаль, высокий, плечистый, красивый, обаятельный, улыбчивый и добрый. Естественно, он сразу обратил внимание на миловидную смуглокожую медсестру с прекрасной фигурой и водопадом блестящих черных волос.

Два месяца они встречались только официально, как бы приглядываясь друг к другу, потом Натили Нэсок сдалась, уступив бурному натиску веселого француза, способного к тому же защитить ее от при-

ставаний других особей мужского населения полигона, не избалованного женским вниманием. Любил ли ее Франсуа, она не спрашивала, ей было хорошо и так, только сладко замирало сердце, как при спуске с американских (они же русские) горок, любимого вида отдыха первого мужа Натили.

Территория военного ядерного полигона — не место для тайных встреч и прогулок влюбленных. Но атолл Муруроа все же не являлся тюрьмой за колючей проволокой, и на нем существовало немало красивых уголков природы, где Франсуа и Натили могли чувствовать себя почти свободно и комфортно.

Кольцевой риф атолла разбит протоками на большие и малые прямоугольные островки, многие из которых поросли кокосовыми пальмами и тенистыми хлебными деревьями. Местами пальмы выстраиваются сплошной стеной вдоль рифа, но чаще образуют группы, разделенные мелкими протоками, по которым океанская вода вливается в лагуну. Издали стройные пятнадцатиметровые пальмы с шапками изящных листьев очень красивы, не то что бесформенные хлебные деревья, которые зато дают густую тень и укрытие от посторонних глаз. Грунт на Муруроа везде один и тот же — мелкий белый коралловый песок, а дорожки между пальмами усыпаны старыми орехами. Местами пологие волны лагуны, десятки раз вздрагивающие от подземных ядерных взрывов, подмывают пальмы так, что стволы наклоняются над водой под углом шестьдесят градусов, и если взглянуть на их обнаженные корни, то видно, что они образуют замысловато сплетенную сеть, помогающую пальмам улавливать пресную воду во время скудных дождей и придающую им устойчивость.

Некоторые коралловые островки в самой лагуне, так называемые внутрилагунные рифы, также очень красивы, но отдыхать и даже приближаться к ним нельзя: вся лагуна, по сути, уже территория полиго-

на и усеяна сотней телекамер, датчиков и разного рода приборов для регистрации излучений и полей. Поэтому Франсуа и Чатили любили уединяться в одном из самых укромных местечек атолла на западном берегу, где природа соорудила нечто вроде «кармана», окруженного пальмами и невысокими, до пяти метров высотой, известняковыми столбами. Найти этот «карман» с берега трудно, о существовании этого уголка рифа сама Натили узнала лишь от местной жительницы — полинезийки, прожившей на острове всю свою двадцатилетнюю жизнь. Зато это действительно был райский уголок!

Когда Франсуа впервые попал сюда, ему открылась прогалина в обрамлении пальм, высланная ковром из стелющегося растения ипомеи и отгороженная от пальм густыми зарослями папоротника и широколиственных кустарников — сцеволы и баррингтонии. Кусты постарше были оплетены буровато-желтыми нитями вьющейся кассиды, создающими плотную «проволочную» сетку, которая почти скрывает сам кустарник. Не зная прохода в этих зарослях, войти в прогалину невозможно. Лишь с одной стороны она приоткрывается в сторону лагуны, выходя на берег, да и то лагуна здесь образует изгиб, как бы заводь за барьером из внутреннего рифа. Здесь влюбленные могли чувствовать себя свободно и предаваться радостям любви, не опасаясь, что какой-нибудь наблюдатель увидит их с поверхности лагуны.

Спустя два месяца после знакомства Натили впервые привела лейтенанта в это место, не раскрывая тайны, которая стала ей известна также от Туэмы, полинезийки, доверившейся своей новой подруге. Потом были еще встречи и еще, пока Натили окончательно не потеряла голову. И вот однажды в один из осенних дней сентября, неотличимых практически от летних, зимних или весенних дней, когда Толендаль получил отпуск на сутки с субботы на

воскресенье, Натили снова повела его в их «райский уголок», задумчивая больше обычного. Притих и Франсуа, поглядывая на подругу, но не решаясь отвлечь ее от мыслей. Однако после прибытия в «рай» все же не выдержал:

— Что случилось, Тили? Опять приставал Пузатый Рак?

Натили улыбнулась. Пузатым Раком Франсуа называл начальника госпиталя полковника Базиля де Аларкона за его объемистую талию и цвет лица.

— Нет, авун¹, Рак здесь ни при чем. — Девушка разделась, оставаясь в парео, подошла к Франсуа, сбросившему военный мундир применительно к местным условиям — шорты, куртку, майку, посмотрела ему в глаза. — Поклянись, что никому ничего не расскажешь.

— Чего не расскажу? — удивился Толендаль, обнимая Натили, но та отстранилась.

— Клянись.

— Ну, клянусь. А что ты хочешь мне рассказать?

Вместо ответа девушка взяла его за руку и повела к берегу лагуны, но не к тому месту, где они всегда купались, а подальше, метров за пятьдесят. Здесь начинался абсолютно голый участок рифа, на котором почему-то ничего не росло. У Франсуа он вызвал странное ощущение крыла летающего динозавра, облепленного кораллами и утонувшего в известняке.

Девушка спрыгнула с голой плиты «крыла» на песок берега, повернула вдоль него и остановилась напротив двух гладких берегов с рисунком рытвин и каверн, похожих издали на лоб гигантского слона. Но это оказался не слон. Толендаль спрыгнул на песок, подошел к Натили и, холодея, принялся разглядывать то, что считал известняковой плитой, наминавшей крыло древнего ящера.

¹ А в у н — друг, брат (на языке эроманга).

Перед ним, погруженный в коралловый массив атолла, лежал скелет гигантского существа, похожего на океанского ската — манту. Судя по величине лобной части с буграми для глаз, похожими на надбровные дуги человеческого черепа, и костяных пластин, образующих «крыло», размах плавников «манты» должен был достигать никак не менее сотни метров, а толщина ее тела превышала рост человека раза в три.

— Святая Дева! — пробормотал Франсуа с дрожью в голосе. — Неужели это... скелет?! Или все-таки улыбка природы, соорудившей такую скульптуру?

— Это еще не все, — тихо сказала Натили, покачивая головой. — Идем покажу.

Они спустились к самой кромке рифа, резко обрывавшегося в глубину, что Толендаля удивило: обычно берег рифа уходил под воду лагуны плавно, а сама лагуна была мелкой, с глубинами в центре не более десяти — двенадцати метров.

— Смотри. — Натили наклонилась и звонко шлепнула ладошкой по воде, потом отступила на шаг.

Заинтригованный, Франсуа вгляделся в прозрачный слой воды, такой прозрачный, что даже в трех десятках метров были видны на дне лагуны камешки, раковины и снующие взад-вперед рыбки. Сначала он ничего не увидел, кроме медленно надвигающейся на песок тени. Потом понял, что из глубин лагуны поднимается и приближается к берегу почти невидимое на фоне подводного мира плоское животное, похожее на гигантскую камбалу... или на ската с размахом плавников около десяти метров. Затем на передней части тела этой невероятной рыбы открылись щели и на лейтенанта глянули внимательные янтарно-прозрачные, длинные, с вертикальным, как у кошки, зрачком глаза. Судорожно цапнув с пояса воображаемый пистолет, Толендаль отступил назад, но остановился, расслышав тихий смех подруги.

— Кто... это?! — прошептал он.

— Это Ифалиук, — ответила Натили. — Бог лагуны Муруроа. Молодой бог. Старый — вот он, сзади тебя. По легендам полинезийцев, он упал с неба много-много лет назад и разбился на тысячу кусков, каждый из которых стал островом.

Франсуа, неотрывно глядя в глаза разглядывающего его в свою очередь из-под воды монстра, проглотил горькую слюну.

— Святая Дева! Эта тварь действительно похожа на манту, разве что больше ее... Откуда она здесь появилась, на секретном полигоне?

— Моя подруга Туэма говорит, что Ифалиук возродился, чтобы очистить лагуну и запретить французам ядерные испытания. А появился он год назад. Туэма увидела его, когда он был совсем крохотный, величиной с краба, и не мог выбраться из какой-то щели под водой у берега. Она ему помогла, думая, что это маленький краб.

Толендаль, преодолев неуверенность, приблизился к воде, чтобы рассмотреть поближе чешуйчато-перламутровое тело «бога лагуны», и отпрянул, потому что на него вдруг обрушилась волна воды, окатила с ног до головы. Когда он протер глаза, воды лагуны были прозрачны и чисты, Ифалиук — гигантский океанский скат — исчез.

— Ты ему понравился, — засмеялась Натили. — В следующий раз попросим его, чтобы он покатал нас на спине. Знаешь, он может превращать ракушки и камни в странные предметы. Хочешь, покажу?

Не оглядываясь, она побежала по песку вдоль берега обратно к их «зеленому раю» и остановилась у живописных коралловых столбов, образующих нечто вроде маленькой пещерки. Скрылась в ней и тотчас вернулась, держа на ладонях необычайного вида и цвета кораллы. Впрочем, не кораллы. Один был похож на друзу золотых кристалликов в форме игл и

шипов, второй на удивительное сочетание жемчужных колокольчиков.

— Это были раковины мидий. Только они становятся все меньше и меньше, словно испаряются. И холодные — как лед!

Франсуа осторожно взял в руки творения «бога лагуны» и едва не выронил, такие они были тяжелые и холодные. Руки свело. Он бросил «мидии» на песок и, отвечая на удивленный взгляд девушки, сказал:

— Не трогай их... они... опасны. Я чувствую исходящие от них... токи.

— Но мне они не принесли вреда. Ифалиук не может сделать ничего дурного людям. Я же говорю, он хочет очистить лагуну.

Что-то щелкнуло в памяти Толендаля. Он вспомнил разговор инженеров-дозиметристов, обслуживающих полигон. Год назад они отметили резкое падение уровня радиоактивности вод лагуны, не объяснимое никакими природными процессами. И год назад здесь появился этот Ифалиук... Совпадение?

— Кто-нибудь знает о вашем «боге»? Ах да... твоя подруга. А еще?

— Никто. Ифалиук сторонится людей. Но он все понимает, только не разговаривает. В следующий раз ты сам убедишься в этом.

Франсуа, задумчиво глядя на безупречную, без единой морщинки, гладь лагуны, кивнул. Он был заинтригован и взволнован, но так как долго не мог думать о чем-то серьезном, то вскоре забыл обо всем, растворившись в буре страсти и нежности, которую представляла собой Натили.

Материал, из которого состоял скелет взрослого «бога лагуны» Ифалиука, напоминал расплавленный кремнийорганку, то есть песок, но был гораздо

прочнее. В этом Толендаль убедился, пытаясь отломать хотя бы кусочек скелета, чтобы сделать пробу. Ни нож, ни ломик, ни другие металлические инструменты не оставляли на скелете даже следа. Материал не крошился, не плавился от огня и выдерживал удар пули из армейского пистолета; лейтенант имел штатную девятимиллиметровую «беретту» модели 92 SF.

Приунывший было Толендаль затем взялся очистить скелет Ифалиука, но не преуспел и в этом, так как тело «бога лагуны» тянулось вдоль рифа не меньше чем на двести метров и уходило куда-то в основание атолла. Зато Франсуа удалось очистить от кораллов часть внутренней полости скелета, и он подолгу бродил по этим причудливым лабиринтам, образованным перепонками, паутиной тяжей, «сталагмитов» и «сталактитов» из красивейшего, играющего жемчужными оттенками перламутроподобного материала. Назначение левиафана выяснить не удалось. Не верилось даже, что когда-то это было живое существо. Однако детеныш «бога лагуны», Ифалиук-младший, развеивал сомнения своим существованием и рос как на дрожжах. При первом знакомстве Толендаль оценил размах его плавников в восемь — десять метров, а уже через полторы недели к ним приплыл пятнадцатиметровый гигант, с трудом уместившийся в бухточке возле «зеленого рая». Видимо, преодолеть риф и уйти в океан «малыш» не мог и спасала его лишь небольшая — по сравнению с диаметром корпуса — метровая толщина: тело Ифалиука было плоским, как блин, каким и должно быть тело ската. Однако в последнее время Толендаль начал сомневаться, что это скат. Ни одна океанская манта не достигала таких размеров, это раз, и ни одна манта не вела себя так, как Ифалиук. К тому же и форма тела «бога лагуны» начала отличаться от формы манти, особенно отросшими

рогами впереди головного вздутия и бахромой шипов вокруг всего «плавника». Ифалиук сверху теперь напоминал скорее бабочку со сросшимися крыльями, в точности копируя форму скелета прародителя, уснувшего на рифе вечным сном.

Натили не мешала экспериментировать Франсуа, только стала задумчивой и грустной.

— Мне его жаль, — призналась она как-то. — Скоро он станет слишком заметен, и тогда за него возьмутся ваши вояки.

Франсуа промолчал. «Вояки» в лице начальника полигона генерала Луи Рене уже приказали исследовательской бригаде выяснить причины изменения радиационного фона лагуны, а это означало, что рано или поздно катера исследователей или охраны наткнутся на Ифалиука. Чем закончится контакт с ним, приходилось только гадать.

В городке инженерного корпуса, где располагалась казарма службы охраны и где жили все офицеры полигона, была неплохая библиотека, постоянно пополняемая комендантом гарнизона. Толендаль, не имевший особых познаний в области океанологии и биологии морских животных, проштудировал все книги и журналы, имеющие к этому делу хотя бы косвенное отношение, однако описания чудовищного ската, обитающего в лагуне, не нашел. В природе таких монстров явно не существовало. Таким образом, легенда полинезийцев об «упавшем с неба боге» могла оказаться близкой к истине. В космосе такие исполины вполне могли жить и плодиться, а в том, что один из них упал на Землю, в принципе не было ничего удивительного.

Франсуа поделился своей гипотезой с Натили и нашел понимание. Натили была девушкой романтической, современной и отнюдь не наивной, несмотря на цвет кожи и островную родословную меланезийских племен, а главное, она была хорошо

образованной и любила не только смотреть ночью на звезды, но и читать материалы о тайнах космоса. Поэтому она понимала своего друга больше, чем он сам.

Ее слова о чудесных способностях Ифалиука превращать раковины в странные скульптуры оказались правдой. Толендаль дважды убеждался в этом, поражаясь чуду превращения до дрожи в спине. Происходил весь процесс так.

Натили вызывала Ифалиука звонким шлепком ладони по воде, а когда тот всплывал, подходила к нему и клала предмет испытаний на отсвечивающую тусклым золотом чешуйку между рогами скакта. В первый раз она положила просто обломок коралла, и тот на глазах потрясенного лейтенанта превратился в удивительный перламутровый сосуд с винтовыми ручками. Во второй раз Натили не пожалела заколки для волос, а Франсуа добавил свой офицерский кортик.

Результат превзошел все ожидания. Заколка превратилась в невероятной красоты серебристую розу с тысячью лепестков, а кортик — в странный черный, с фиолетовым и красным отливом бумеранг, похожий чем-то и на старинный дуэльный пистолет. В отличие от шелковистой и теплой на ощупь розы, он был шершавым, тяжелым и невероятно холодным, так что удержать его в руке долго было невозможно. Таким он оставался и много дней спустя.

Убедился Толендаль в том, что «бог лагуны» понимает людей. Во всяком случае, Натили он понимал, а та, по ее словам, чувствовала, о чем он думает.

— Он такой одинокий! — сказала девушка однажды, после очередной встречи с «малышом». — Можешь мне не верить, но я знаю, что его отец или мать, — Натили кивнула на плиту скелета за спиной, — когда-то жил в космосе... свободно летал... причем не один.

— С другими такими же гигантами? С семьей, что ли?

— Нет, их было четверо... все разные... не знаю, как сказать... непохожие друг на друга. Но неотделимые. Понимаешь? Они могли жить и врозь, но летали только вместе.

— Это называется — симбиоз, — догадался Толендаль. — А как выглядели его приятели-симбиоты?

— Не знаю, Ифалиук пытался мне показать... не смейся, я правду говорю, — рассердилась девушка. — Когда я смотрю в его глаза, я вижу разные картины. Но я не поняла, что он мне показал.

— Может, в другой раз. — Франсуа перестал улыбаться, вдруг сообразив, что все слова девушки всегда правдивы. — А мне он может показать? Поговорить со мной?

Натили задумчиво посмотрела на открытое лицо лейтенанта с ямочкой на подбородке и улыбнулась:

— Ты добрый, может быть, он с тобой и заговорит.

Франсуа мгновение смотрел в ее глаза, потом подхватил на руки и закружил, целуя, пока они не упали на песок, не разжимая объятий. Потом, спустя час, утомленный солнцем и ласками, он прошептал ей на ухо:

— Один философ говорил, что в мире есть лишь два чуда: звездное небо над головой и красивая женщина. Но он был не прав.

— Ты хочешь сказать, что их три? Небо, женщина и Ифалиук?

Франсуа засмеялся:

— Нет, чудо лишь одно — это ты! Остальные — твоя свита...

Научно-исследовательский корпус полигона насчитывал всего сорок человек, большинство из которых были инженерами-энергетиками и инженерами

по обслуживанию оборудования. Но работали здесь и биологи-биофизики, и геологи, и физики, естественно военные, состоящие в штате министерства обороны Франции. Среди физиков наиболее известен был доктор Морис Леко, полковник по званию, отличный экспериментатор и практик, а также теоретик, разработчик идеи ядерной накачки. Он первым обратил внимание на изменение среды в лагуне, повлиявшее и на очередной эксперимент — взрыв ядерного устройства в глубинах атолла мощностью в пятьдесят килотонн. Результаты взрыва не соответствовали расчету и компьютерному прогнозу, что привело Мориса Леко в состояние горестного недоумения и глубокой задумчивости.

Думал полковник долго, двое суток, а потом собрал начальников лабораторий и высказал родившуюся гипотезу:

— Одно из двух: либо происходит утечка радиоактивных материалов взрыва в полость под атоллом, о которой мы ничего не знаем, либо в лагуне появился фактор, изменяющий параметры среды в сторону уменьшения радиоактивности, а также демпфирующий колебания атолла после взрыва. Вторая часть гипотезы предпочтительней, поэтому необходимо срочно начать комплексные исследования лагуны и рифа. Для этого мы подключили весь воинский контингент полигона, согласие генерала я уже получил.

Дискуссию, возникшую после этих слов начальника исследовательской бригады, мы опускаем, она интересна только специалистам. Зато приведем высказывание одного из молодых биологов морской лаборатории Андрэ Леблана. Он сказал, что в лагуне прячется некое животное, подобное лох-несскому чудовищу, которое и влияет на среду, поглощая радиацию.

Биолога высмеяли, потому что на вопрос: видел ли он это животное? — он ответил отрицательно.

Но совсем не до смеха было лейтенанту Франсуа Толендалю, когда его вызвал командир батальона охраны и приказал участвовать в барражировании вод лагуны на катере с ультразвуковым и радиолокаторами.

— Зачем? — спросил лейтенант, уже догадываясь, в чем дело.

— В лагуне прячется Несси, — ответил бравый майор, всего на четыре года старше лейтенанта. — Объявлен его розыск. Кто найдет первым — получит звезду и повышение по службе.

Повышение весьма интересовало Толендаля, однако в этот раз он ничего не сказал своему командиру. Не потому, что боялся взыскания за укрывательство «бога лагуны», а вследствие торжественного обещания своей подруге, что никому ничего не расскажет ни под каким предлогом.

Поиски Несси-второго, как в шутку прозвали морские пехотинцы неизвестного похитителя радиации, ни к чему не привели. За трое суток катера с вооруженными до зубов служителями полигона избороздили всю акваторию лагуны, обошли даже кругом весь атолл, но ни одного живого объекта размером более двух метров, кроме разве что местных акул, не обнаружили. Морские пехотинцы обшарили также и весь риф, побывав в «райском уголке» Франсуа и Натили, однако на скелет старого Ифалиука не обратили внимания, а в заливишке, где прятался Ифалиук-младший, лишь искупались, со смехом вытащив из воды забытые Толендалем резиновые шлепанцы.

На этом история первых поисков чудовища закончилась. Но ненадолго. Спустя неделю после этого чиновники в далеком Париже решили еще раз нарушить мораторий на атомные испытания, плюнув на мировое общественное мнение, и полковник Лeko приступил к организации эксперимента, призванно-

го уточнить параметры нового французского ядерного лазера — грайзера.

Взрыв мощностью в десять килотонн встряхнул атолл на уровне одного балла по шкале Меркалли, хотя ожидалось три-четыре единицы, но самое главное — он не вызвал обычную фосфоресценцию воды над эпицентром, что было уж и вовсе удивительно. И тогда полковник вызывал из столицы коллег-физиков и роту быстрого реагирования со спецоборудованием, чтобы разобраться наконец с таинственными процессами на Муруроа.

Толендаля заботы полковника-физика волновали меньше всего, однако и он заинтересовался последствиями вмешательства Ифаилука в дела полигона. Лейтенанта волновали два вопроса: как «бог лагуны» влияет на ядерный взрыв и зачем ему это нужно? Вопросы типа: откуда в действительности оказались на атолле Ифалиуки — старший и младший? к какому семейству фауны земного шара они относятся? — Франсуа себе задавать перестал.

Но все закончилось не так, как он себе рисовал и как рассчитывала Натили, загоревшаяся идеей выпустить «бога лагуны» в океан. Толендаля выследил его приятель, тоже лейтенант, Симон де Буангвиль, завидовавший Франсуа по части успехов у женщин. Коренастый, широколицый, волосатый, с утиным носом, он не был красавцем и потому всегда оставался в тени своего веселого и красивого сослуживца.

Выследив лейтенанта с Натили, Буангвиль тотчас же доложил о том, что видел, командиру батальона, и в тот же вечер Толендаль был вызван к высокому начальству, то есть к полковнику Лeko.

Морис Лeko был худ, сед, широколиц, морщинист, с глазами навывкате, с виду высокомерен и сердит, но вел себя доброжелательно, по-отечески.

— Ну-ка, лейтенант, расскажите подробней, что вы делали сегодня на рифе, — сказал он, излучая добродушие, хотя было видно, что улыбаться он не умеет.

— Купался, — пожал плечами растерявшийся Толендаль. — Встречался с... э-э... с девушкой.

— Это я знаю, — отмахнулся полковник; в его кабинете работал кондиционер, и прохладная струя приятно оведала лицо лейтенанта. — С кем вы встречались еще, кроме девушки, мон шер ами?

Франсуа понял, что его выдали. Кто это сделал, было уже не важно, хотя лейтенант с удовольствием поговорил бы с этим человеком.

— Э-э, мсье полковник, видите ли...

— Короче, лейтенант! — Морис Леко перестал излучать добродушие. — Что за животное вы прикармливаете? Дельфина? Акулу? Черепаху? Краба?

— «Бога лагуны».

— Кого?! — Брови полковника полезли на лоб.

— Видите ли, господин полковник... — Франсуа вдруг понял, что надо говорить правду. — Среди аборигенов бытует легенда, что много миллионов лет назад в океан упал бог Ифалиук. От него якобы образовались острова. А в лагуне живет потомок этого бога...

— Вы в своем уме, лейтенант? Что за чушь вы несете?!

Толендаль вытянулся.

— Скорее всего, это лишь легенда, господин полковник, но этот экземпляр манти очень велик и...

— Вы хотите сказать, что подкармливаете океанского ската?! Но как он оказался в лагуне?

— Не знаю, — честно ответил Толендаль.

Полковник нажал клавишу селектора, сказал в микрофон:

— Майор, катер мне и отделение охраны. — Встал из-за стола. — Пойдемте, покажете мне своего ската.

— Но я не... понимаете... не знаю... — растерянно залепетал Франсуа. — Он просто так не... я не смогу...

— А кто сможет? Эта ваша подружка, медсестра? Мы прихватим ее с собой. Поехали.

Толендаля усадили в катер, а через десять минут туда же доставили Натили. Девушка ничего не понимала, и Франсуа коротко поведал ей о том, что их кто-то выследил и рассказал обо всем начальству.

— Я знала, что этим все закончится, — прошептала Натили, зябко кутаясь в накидку.

К «райскому уголку» добирались более коротким путем, нежели это делали влюбленные, — со стороны ближайшей протоки. Шел уже десятый час вечера, солнце зашло за горизонт, но было еще довольно светло. Вышли к берегу заливчика — Натили, Толендаля, полковник Леко и трое «дубленных загривков» — бойцов морской пехоты, вооруженных автоматами.

Натили склонилась над водой и дважды звонко шлепнула ладошкой по зеркальной водной глади, выпрямилась. Потянулись минуты ожидания.

— Ну? — жестяным голосом произнес Леко.

— Он вас боится, — тихо сказала девушка.

Полковник фыркнул, подумал немного, жестом отослал солдат в заросли кустарника, отступил на несколько метров сам. Натили снова подала сигнал вызова.

Ифалиук показался минут через пять.

Воды лагуны вдруг изменили цвет, в их глубине появилась серебристая полоса, и к ногам девушки приблизился боковой шипастый плавник «бога лагуны». Волна, шипя, выплеснулась на берег.

— Он сердится! — вполголоса произнесла Натили.

— Почему ты так думаешь? — понизил голос и Франсуа.

— Он повернулся боком... это плохой признак.

Еще одна волна обдала ноги стоящих на берегу. Ифалиук шевельнулся, разворачивая свое плоское, ставшее уже двадцатиметровым в поперечнике тело. На людей из-под воды уставились удивительные глаза жителя океана, полные нечеловеческой меланхолии, ожидания, недоверия и укоризны.

— Пресвятая Мария! — пробормотал из-за кустов полковник.

В то же мгновение вал воды обрушился на песок, сбивая с ног лейтенанта и девушку, а когда они встали, залив был уже пуст. Ифалиук ушел. Но Толендаль понимал, что уйти ему дальше лагуны некуда и, как бы хорошо он ни маскировался, люди его все равно найдут.

Лейтенант оказался прав.

Ифалиука отыскивали уже на следующее утро с помощью лазерных и ультразвуковых радаров. Прятаться особенно ему было негде, глубины лагуны не позволяли это сделать, и, несмотря на великолепные возможности океанского ската-мутанта Несси-второго — маскироваться, менять окраску и рисунок тела, — «бог лагуны» не смог скрыться от бдительных глаз наблюдателей, знавших, что именно надо искать.

Однако особенного ажиотажа находка Несси-второго не вызвала. Военные, конечно, подивились размерам ската, биологи тут же разработали план его изучения, но дальше Муруроа, на который журналисты не допускались, новость не ушла. А поскольку исполинский скат вел себя мирно, то и военные вскоре перестали обращать на него внимание, занятые своими более важными делами. Тем более что обмеры полевой обстановки вокруг ската показали полное отсутствие каких-либо радиоактивных или

электромагнитных излучений. Равно как и вредных химических веществ. Скат был абсолютно стерилен, более, чем обработанный в пламени и вакууме ланцет.

Все это время — около полутора недель, пока велись исследования «бога лагуны», — Толендаль почти не встречался со своей возлюбленной. Участия в исследованиях он не принимал, но сопровождал катера с учеными в качестве «крестного отца» Несси-второго. Однажды его попросили вызвать ската на поверхность, чтобы тот всплыл. Франсуа отказался, и его на двое суток посадили на гауптвахту, если можно было гауптвахтой назвать отгороженный кусок рифа с одной-единственной пальмой. Выпустив, его снова попросили вызвать Несси-второго, и Толендаль согласился. Однако у него ничего не вышло, «бог лагуны» не хотел подниматься из пятиметровых глубин лагуны, где в неподвижности лежал на дне все это время. Не поднялся он и на сигналы Натили, которую заставили повторить вызов.

Тогда Толендаля и девушку оставили в покое, а через несколько дней сняли осаду и вокруг Несси-второго, подростка за этот срок еще на несколько метров в диаметре.

Но Ифалиук заставил обратить на себя внимание сразу после очередного ядерного взрыва. Вернее, после провала испытаний, повергшего в шок полковника Лeko.

Скважину для испытаний готовили давно, она была одной из самых коротких скважин — глубиной всего в сорок девять метров, но и взрывное устройство готовилось малой мощности, эквивалентом до одной килотонны. И оно не сработало! Точнее, взрыв произошел всего лишь в одну десятую расчетной мощности, что никоим образом не влезало в рамки теорий. А повышения радиоактивного фона не произошло даже на глубине сорока метров, что и вовсе

невозможно было объяснить теоретически. Не смог этого сделать и полковник Леко, устроивший дискуссию между прибывшими из столицы физиками, среди которых был известный физик-ядерщик, доктор наук, профессор Жан Кюри, правнук знаменитого Жолио-Кюри.

— Этого не может быть! — заявил профессор Кюри, надменность и высокомерие которого были известны далеко за пределами Франции. — Ядерная реакция, реакция распада урана и плутона — не реакция горения, то есть обыкновенного окисления с выделением тепла, ее нельзя уменьшить поворотом ручки, как пламя газовой горелки на плите. Должна распасться вся масса образца!

— Факт налицо, — буркнул Леко, принимавший делегацию физиков у себя в кабинете, в спартанской обстановке. — Впечатление такое, будто реакция, начавшись, тут же прекратилась. Прореагировать успела лишь одна десятая массы заряда.

— Но это же нонсенс! Какое чудо помешало взорваться всему заряду?

Полковник помолчал.

— В чудеса я не верю. Должен существовать конкретный виновник происшествия. Его надо найти. Думайте.

Профессор Кюри задрал голову, глянул на полковника из-под очков, сразу став похожим на верблюда. Сказал назидательно:

— Американец Сэм Клеменс¹ как-то сказал: «Разница между чудом и фактом точно равняется разнице между тюленем и русалкой». Если вы найдете виновника, то я поверю в русалок.

— А я уже, кажется, нашел.

— Неужели?

¹ С э м К л е м е н с — настоящее имя Марка Твена.

— Несси-второй! — воскликнул, не сдержавшись, один из физиков — старожилы полигона. — Эта зверюга появилась здесь аккурат в то же самое время, как на полигоне стали происходить странные вещи.

Профессор Кюри вопросительно глянул на хозяина кабинета:

— Несси-второй? Это еще что за зверюга?

— Гигантский скат-мутант, родственник океанской манти.

Полковник вкратце ввел коллегу в курс дела, и тот, по привычке изображать скепсис, скривил губы, чтобы произнести одну из своих сентенций. Но не успел. Издалека, с другого края лагуны, донесся тяжелый удар. Вздрыгнул пол здания, как после очередного испытания.

— Черт! — сказал профессор, прикусив язык. — Эт-то еще что такое?!

Леко снял трубку селектора, выслушал объяснение помощника, бросил трубку на рычаг.

— Господа, у нас действительно есть кому предъявить претензии. Только что наш друг Несси-второй выпрыгнул из воды и накрыл катер с контейнером урана-237! Шлепок его тела о воду вы только что слышали.

Измученная тишина была полковнику ответом.

Новый всплеск интереса к Ифалиуку изменил статус лейтенанта Толендаля. Он стал главным посредником контакта между командованием полигона и «богом лагуны» Несси-вторым. Миссия его началась сразу же после того, как гигантский монстр, которого продолжали считать скатом-мутантом, второй раз прыгнул на катер, перевозивший заряды с ядерным топливом — ураном и плутонием — к местам его загрузки в шахты и скважины. Тут даже у самых спокойных воинских начальников лопнуло

терпение, и началась охота за Несси-вторым... закончившаяся полным провалом.

Уничтожив контейнеры с ядерными зарядами без следа, скат улегся на дно лагуны и не ответил ни на один призыв рассерженных людей, доводы которых имели не очень широкий спектр — от сбрасывания на тело Несси-второго многотонных глыб известняка до выстрелов из базук. И ни то, ни другое не возымело на гиганта никакого действия.

Побоявшись применить более мощные средства «контакта», глубинные бомбы и торпеды, командир полигона, генерал Рене, вызвал начальника исследователей полковника Леко и приказал ему найти средство избавить территорию полигона от агрессивного монстра. Полковник ответил «слушаюсь!» и после недолгих размышлений вызвал к себе лейтенанта Толендаля. Так началась «коммуникационная эпопея» Франсуа, думать не думавшего, к чему приведет его знакомство с красавицей меланезийской Натили Нэсок.

— Я не знаю, как вам это удастся, — сказал ему полковник, — я имею в виду вашу связь с этим динозавром в лагуне. Но вы должны со своей девицей наладить с ним контакты и заставить не трогать наши... э-э... военные грузы.

— Я не уверен, что мы сможем внушить ему...

— На всю операцию я отвожу вам два дня. Если вам не удастся уговорить этого вашего «бога лагуны», — начальник исследователей усмехнулся, — я прикажу разбомбить его.

— Но может быть, не стоит?.. — робко запротестовал Толендаль.

— Идите.

Через час Франсуа гнал катер к тому месту, где, по данным наблюдателей, спал на дне лагуны Ифа-лиук, не предполагавший, какая участь ему уготова-

на. На корме катера сидела, обхватив колени руками, задумчиво притихшая Натили.

Они почти не разговаривали. Девушка все хорошо понимала и не возражала против участия в контакте, хотя сомневалась, что им удастся найти взаимопонимание с хозяином лагуны.

Катер остановился, перестав скользить по воде. В ухе Франсуа пискнула рация:

— Вы остановились почти над ним. Действуйте, лейтенант. С нами Бог!

— Это уж точно, — проворчал молодой человек. Оглянулся на девушку: — Ну что, Тили? Пора?

Натили кивнула, перегнулась за борт, вглядываясь в воду.

— Ничего не вижу.

— Он отлично камуфлируется, ты же знаешь.

— Там две акулы... рыбы...

— Акулы Ифалиука не боятся.

Девушка подождала, пока проплывут небольшие, с метр длиной, акулы, и звонко шлепнула по воде ладонью. Франсуа представил себе, как за ними сейчас наблюдают в бинокль и морские дальномеры со всех сторон, и ему стало неуютно.

Прошла минута, другая... пять минут, десять. Ни одного движения в толще воды, кроме стайки рыбешек.

— Может, он боится катера?

Натили сняла яркий сарафан, скользнула за борт. Франсуа, подумав, сбросил мундир и нырнул за ней. Отплыв около двадцати метров от катера, девушка повторила вызов.

Громада Ифалиука поднялась со дна через две минуты. Франсуа впервые ощутил кожей ног и рук тело «бога лагуны». Оно не было ни шероховатым, ни скольким, ни теплым, ни холодным, оно было твердым. И еще оно рождало ощущение нездешнос-

ти, чужеродности, непривычности, прикосновения к нечеловеческим тайнам бытия.

Унимая дрожь в коленях, Толендаль двинулся по бугристо-волнистому телу по щиколотку в воде, туда, где располагалась «голова» Ифалиука, его лобное вздутие с рогами и глазами. Встретив взгляд существа, он вздрогнул и остановился за спиной замершей Натили.

Девушка присела на корточки и ласково погладила чудовищное животное по «лбу», заговорила с ним на меланезийском языке. Ифалиук молча смотрел на нее, изредка пошевеливая плавниками, словно понимая, о чем идет речь, хотя вряд ли он имел уши, подобные человеческим.

Девушка выпрямилась.

— Что ты ему сказала? — тихо спросил Толендаль.

— Предупредила, что его хотят убить... если он не уйдет отсюда.

— Ты уверена, что он... услышал?

— Он все понимает, а я понимаю его. И он отсюда не уйдет. Не знаю почему, но он привязан к этому конкретному месту.

— К этой яме, что ли?

— К острову.

Франсуа скептически покачал головой, отвернулся, не выдерживая странного вопрошающего и отстраненного взгляда исполина. Ему тоже начали мерещиться какие-то полупрозрачные картины, и лейтенант поспешил отогнать их прочь.

— Спроси у него... зачем ему радиоактивные материалы? Что он делает с ураном, плутонием, вообще с радиацией?

— В нашем языке нет таких слов, но я попробую. — Натили снова заговорила с «богом лагуны» на языке эроманга.

Толендаль обвел глазами сверкающую гладь лагуны, кольцо рифа с пальмами, безоблачное мир-

ное небо с раскаленным диском солнца, и на мгновение ему показалось, что все это нереально, понарошку, как декорации спектакля. Потом твердь под ногами шевельнулась и впечатление прошло. Ифалиук был осязаем и массивен, как сам атолл.

Натили выпрямилась.

— Не знаю, что сказать. Мне показалось...

— Что все это сон? Бред?

— Почему? — Она удивленно оглянулась на друга. — Если я его правильно поняла, он каким-то образом впитывает радиацию...

— Питается или впитывает? Это две разные вещи. Дозиметры молчат, его тело совершенно не-радиоактивно.

— Ну, он ведь не говорит, как люди... Я просто чувствую... — Натили сбилась и рассердилась. — Может быть, он питается.

Франсуа обнял ее за талию.

— Я думаю, ему нужна энергия, ведь он растет. А чтобы питать такую махину, знаешь, сколько водорослей нужно? Или рыбы? Чем-то он должен кормиться. А он все время лежит на дне. Но в то же время непрерывно растет. Значит, точно кормится радиацией. Наши высоколобые умники с ума сойдут от изумления, если это правда.

— Спасибо, лейтенант, за оценку наших умственных способностей, — донесся по рации сухой голос полковника Леко.

Франсуа прикусил язык, хватаясь за наушник, и в этот момент Ифалиук нырнул.

Нахлебавшись воды, лейтенант и Натили влезли в катер, глянули друг на друга.

— Мы поможем ему? — спросила девушка.

«Как?» — хотел спросить Толендаль, но вместо этого только привлек ее к себе и поцеловал, не стесняясь биноклей и телекамер.

Еще дважды лейтенант и его подруга пытались уговорить Ифалиука покинуть лагуну или хотя бы не трогать оборудование полигона, но все «переговоры» закончились ничем. «Бог лагуны» Несси-второй выслушивал парламентаров и снова погружался в воду. А сутки спустя неожиданно напал на форт, где хранились образцы радиоактивного грунта, извлеченные из толщи атолла после испытаний, и раздавил бетонное одноэтажное строение, как скорлупу ореха. Через час после этого взбешенный генерал Рене отдал приказ «разнести в клочья мерзкого моллюска», хотя моллюском Несси-второй, конечно, не был. Впрочем, он не был и обыкновенным, пусть и гипертрофированно увеличенным, живым организмом. Потому что ни глубинные бомбы, ни торпеды его не взяли!

Когда взрывы бомб прекратились и осела муть, поднятая со дна лагуны, взорам наблюдателей предстали четыре огромные двадцатиметровые воронки под водой и... ни одного кровавого шевелящегося куска плоти Несси-второго! Нет, он не исчез бесследно — лежал там же, где и прежде, не подавая признаков жизни, не поменяв даже рисунка под цвет дна на верхней поверхности своего тела. Он даже не отплыл в сторону.

Тогда с вертолета огневой поддержки сбросили на него одну за другой две торпеды, способные потопить любой современный крейсер. Результат был неожиданнее и трагичнее.

Первая торпеда взорвалась, вонзившись в бок чудовищного мутанта, ничего ему не повредив, вторая не взорвалась, а затем Несси-второй высунул из воды свои рога, больше напоминающие антенны, и яркой желто-зеленой молнией сбил вертолет. Оба пилота погибли, не поняв, в чем дело, распались на атомы, как и вся грозная летающая боевая машина.

На всех наблюдательных постах, во всех кабинах с телеэкранами, в кабинах и рубках военных ма-

шин и судов установилась тишина. Не веря глазам, летчики, моряки, военные специалисты смотрели на успокоившуюся гладь лагуны и молчали. Затем опомнился начальник полигона, вызывая начальника исследователей:

— Что у вас стряслось, полковник?!

— Он сбил вертолет, — ответил Леко, лихорадочно соображая, что делать дальше.

— Я видел. Но как он это сделал?

— Скаты — электрические существа... — Полковник уцепился за эту фразу, вырвавшуюся помимо воли. — Это был мощный электрический разряд!

— Такой мощности? От вертолета ничего не осталось! Проанализируйте и доложите. Объясняться с центром придется мне.

Морис Леко положил трубку телефона, посмотрел на молчавшего коллегу из Парижского национального центра ядерных исследований, и тот, потеряв свой высокомерный вид, пробормотал:

— Это был не электрический, а *плазменный разряд*, многоуважаемый коллега! И по всей видимости, перед нами не манта, не океанский скат, а совершенно неизвестное науке животное. Кто первым наткнулся на него?

— Офицер из бригады охраны, лейтенант Толендаль.

— Вызовите его еще раз, пусть вспомнит какие-нибудь подробности. Может, он не все нам рассказал. У биологов, изучающих его лежбище, нет информации?

— Пока кот заплакал. — Полковник вдавил клавишу селектора. — Найдите Толендаля.

Прозвонил телефон рабочей сети. Леко снял трубку, выслушал, встал из-за стола:

— Пойдемте посмотрим.

— Что еще?

— Наблюдатели клянутся, что видели, как вторая торпеда, воткнувшаяся в лоб ската... превратилась в морскую звезду. Сейчас ее вытаскивают на борт.

— Что?!

Полковник вышел, и профессору Кюри пришлось последовать за ним.

Поскольку Несси-второй после уничтожения вертолета переместился чуть севернее прежнего места лежки, катер с высоким начальством не побоялся подобраться к тому району акватории, где на глубине шести с лишним метров лежала торпеда. Вернее, то, что от нее осталось. Трехметровая сигара диаметром в полметра действительно превратилась в странное дырчато-шипастое сооружение, похожее на пятилепестковую морскую звезду багрово-черного цвета.

Со всеми предосторожностями с помощью аква-лангистов ее с трудом подняли на палубу сторожевого глиссера, едва не проломив его борт. Теперь бывшую торпеду можно было рассмотреть вблизи и пощупать руками.

— Осторожнее, — предупредил подводник-морпех, руководивший подъемом. — Она теперь весит тонны четыре и очень холодная! Морозит даже сквозь перчатки.

Полковник, уже успевший коснуться шипа звезды и получить укол холода, покосился на профессора Кюри:

— Ну, что вы теперь скажете, коллега?

— Не верю! — последовал ответ.

Леко усмехнулся:

— У русских есть хорошая поговорка на эту тему: если на клетке слона прочтешь надпись «жираф», не верь глазам своим¹. — Повернулся к помощнику: — Везите ее в лабораторию.

¹ У К. Пруткова не жираф, а буйвол, полковник слегка подзабыл поговорку.

Катер повернул обратно к берегу.

В своем кабинете полковник хлебнул коньяку и приказал доставить к нему лейтенанта Толендаля.

— Рассказывайте все, лейтенант, — сказал он вытянувшись Франсуа. — Я уже понял, что это не скат. Вообще неизвестно, что за животное. Вы знаете, во что оно превратило торпеду?

— Слышал, — осторожно кивнул Франсуа.

— Рассказывайте, что знаете.

Франсуа думал не долго. Он понимал, что ему все равно придется сообщить начальству о том, что он видел.

— Я лучше покажу, господин начальник.

— Что вы покажете?

— Это надо видеть. Мне рассказали легенду, и я...

— Легенды меня не интересуют. Меня волнует безопасность полигона.

— Прикажите подать катер.

Леко вытер пот со лба, смерил лейтенанта свирепым взглядом, но говорить больше ничего не стал, только вызвал катер.

Через полчаса они подошли к заливчику напротив «райского уголка», и Франсуа молча показал полковнику и двум его помощникам скелет Ифалиука-старшего. После этого достаточно было один раз поглядеть на лицо начальника исследовательского корпуса, чтобы понять, насколько он потрясен.

Исследования скелета предка Несси, находка которого породила сенсацию не только на атолле, но и в далеком Париже, велись уже неделю, когда дал о себе знать Несси-второй.

Так как мировое общественное мнение продолжало давить на политику Пале-Рояля, недавно плюнувшего на мораторий на ядерные испытания, это заставляло французов спешить с выполнением наме-

ченной программы испытаний. Поэтому взрывы на Муруроа происходили все чаще. На подготовку каждого отводилось не более трех дней, и подчиненные полковника Леко трудились днями и ночами, спеша уложиться в намеченный график.

Очередной взрыв прозвучал спустя шесть дней после неудачного предыдущего, породившего шторм споров среди специалистов своей необычностью и малой мощностью. Испытание прошло успешно, ядерное устройство мощностью в двадцать пять килотонн потрянуло атолл в соответствии с расчетами, и военспецы слегка успокоились. Но уже следующий взрыв снова оказался аномальным. Готовилось испытание стокилотонного заряда, а взрыв оказался средни пшику — всего лишь в полторы-две килотонны! Почему вдруг прекратилась реакция ядерного распада, не понимал никто из ученых. Грешили на инженеров, неправильно установивших контейнер, потом на аппаратуру инициирования заряда, потом на качество расщепляющихся материалов, но все объяснения удовлетворить Мориса Леко и профессора Кюри не могли. В природе не существовало факторов, способных произвести отсечку основной массы заряда от той, где уже началась лавинообразная реакция ядерного распада. И тогда вспомнили о притихшем Несси-втором, который, как оказалось, перемещался по лагуне не бесцельно, а по определенному маршруту. «Бог лагуны» Ифалиук — так его звали со слов Толендаля — за час до взрыва занимал позицию как раз над подготовленной скважиной. Кроме него, никто не мог вмешаться в эксперимент. Как он это делает — было вопросом второстепенным, хотя Леко и намеревался выяснить это в скором времени. Через лейтенанта Толендаля, естественно, и его подружку Натили.

С этого момента лейтенант вообще перестал нести службу в качестве охранника полигона и стал

первым в истории человечества посредником контакта с внеземной формой жизни. Правда, сам он об этом не знал. Истина стала известна позже.

В пятницу двадцать девятого сентября, в самом начале весеннего сезона, мало, впрочем, отличающегося в этих широтах от зимнего или летнего, к атолла подошли суда всемирно известной организации «Гринпис», что заставило военное командование подтянуть к Муруроа дополнительные силы в виде атомного авианосца «Сен-Симон». Понимая, что времени у испытателей мало, генерал Рене приказал подготовить и провести испытания оставшихся пяти зарядов в течение недели. В свою очередь полковник Леко приказал лейтенанту Толендалю установить с Несси-вторым контакт и уговорить его, в конце концов, не мешать испытаниям.

— В противном случае мы уничтожим его, — сказал он, понимая, как по-идиотски звучит «уговорить» по отношению к неизвестного вида животному. Добавил: — Если к завтрашнему утру не добьетесь результата, пойдете под трибунал!

— За что?! — растерялся Франсуа.

— Если бы знал за что, я бы вас расстрелял, — ответил по-философски спокойно полковник старым афоризмом.

Выходя из кабинета, Толендаль оглянулся:

— Господин полковник, а как идут дела с исследованием скелета Ифалиука? Меня туда не пускают.

— Нормально, — буркнул Леко, думая о своем. — А вам там делать нечего, вы не специалист.

— Ну а специалистам удалось взять образцы материала, из которого сделан скелет?

Взгляд полковника прояснился.

— Вы-то откуда знаете о материале?

— Я в свое время пытался взять образец... Не удалось.

— Для того чтобы выяснить химический состав материала скелета, не обязательно брать образцы. Для этого есть спектральный анализ, лазерные анализаторы. Но вы правы, по прочности этому материалу нет равных. У вас все?

— А вы не пробовали сравнить характеристики материала скелета с материалом изменившей форму торпеды?

Полковник открыл рот, чтобы послать зарвавшегося лейтенанта куда следует, и закрыл.

— Черт возьми, это хорошая мысль.

— Тогда возьмите для исследования еще и это. — Толендаль выгрузил из кармана на стол полковнику порядком похудевший изогнутый черно-фиолетовый, с красным отливом предмет, похожий на бумеранг и пистолет одновременно.

— Что это?

— Это когда-то было кортиком. — Франсуа рассказал о своем эксперименте с превращением.

— И вы до сих пор молчали?! — побагровел Леко.

Толендаль выпрямился, злясь на себя, что расхвастался своей осведомленностью и намеками на особое знание, которого у него в принципе и не было. Но полковник тут же остыл, интерес исследователя в нем переселил амбиции военного начальника.

— Идите, лейтенант, черт бы вас взял! Да, вы все мне рассказали и показали или у вас еще припрятана пара сюрпризов?

— Вы зря не верите в легенду об упавшем с неба боге, — сказал Толендаль, тут же испугавшись своей смелости. — Может быть, стоит поискать следы Ифа-лиука не на Земле, а где-нибудь в космосе?

Полковник Леко, откинувшись в кресле, молча разглядывал порозовевшее лицо лейтенанта. Покачал головой, задумался.

— У вас какое образование, лейтенант?

- Технический колледж и школа офицеров.
- Не хотите удариться в науку?
- Никак нет, мсье!
- Жаль. — Полковник вздохнул. — Из вас мог бы получиться неплохой специалист. Идите и помните, что я сказал.

Франсуа молодецкато щелкнул каблуками и пошел искать Натили.

Миссия контактера Толендалю удалась наполовину.

С одной стороны, Ифалиук не отказывался от встреч с ним и с девушкой, с другой — никак не реагировал на призыв не трогать радиоактивные материалы. Натили уверяла, что «бог лагуны» и хотел бы покинуть атолл, да по каким-то причинам не может. Он не только питался радиацией, но и ждал кого-то, и ожидание явно было важнее всего остального.

К концу сентября диаметр исполина достиг сорока пяти метров, а толщина — трех. Он уже не мог подплыть близко к берегу и маневрировал в центре лагуны, выбирая самые глубокие места. Правда, каким-то образом ему удавалось переползти и мели, сокрушая свежие коралловые постройки и старые банки, используемые людьми для бурения скважин.

Третий из оставшихся взрывов военспецы готовили особенно тщательно. Он знаменовал собой окончание серии экспериментов по созданию так называемых «векторных бомб», и результатов испытания с нетерпением ожидали десятки специалистов-ядерщиков страны. Расчетная мощность взрыва была невелика, достигая всего двадцати килотонн, зато информационная весомость ожидалась достаточно большой.

Взрыв прогремел в одиннадцать часов три секунды в воскресенье первого октября. Но, во-первых,

как ни следили наблюдатели за передвижением Несси-второго, все-таки не уследили и помешать не смогли: за полминуты до взрыва, когда уже шел отсчет, гигантский скат (пока еще скат) преодолел полкилометра до эпицентра одним прыжком и выполз на риф с бандажом скважины, готовой к испытаниям. Во-вторых, взрыв, рассчитанный с точностью до килоджоуля, неожиданно получился чуть ли не на два порядка мощней!

Казалось, взорвался весь атолл! Он сотрясся до глубин основания, подпрыгнул, упал — и так несколько раз. Вода в центре лагуны сначала вспыхнула нестерпимой голубизной, вскипела, вспучилась горбом, хлынула пятиметровой волной цунами на берег, а потом вдруг образовала гигантскую воронку, хлынув в провал, образованный вылезшей на свет верхушкой подземной ядерной сферы.

Однако скачок радиоактивности был не слишком сильным, что спасло людей на атолле и специалистов на катерах и судах помельче. И все же без жертв не обошлось. Под обломками рухнувших зданий погибло одиннадцать человек, еще шестеро утонуло вместе с катером, и трое пропали без вести.

Когда землетрясение кончилось, а вода в лагуне успокоилась (в нее через протоки хлынули воды океана и уравнили водоем), взору потрясенных военных предстал почти голый риф Муруроа с разрушенными строениями и поваленными пальмами, а также проступившая сквозь муть гигантская воронка в дне лагуны, диаметром в километр и глубиной в сто с лишним метров.

— Пресвятая Мария! — слабым голосом произнес профессор Кюри, обращая бледное лицо к полковнику Лeko; оба находились в бункере управления и не пострадали. — *Что вы взорвали, Морис?*

— Мы взорвали сенсацию, — нашелся полковник, внезапно охрипнув. — Жильбер, общий внешний фон?

— Ниже нормы, полковник, — отозвался далекий голос руководителя группы дозиметрического контроля. — Сначала была вспышка в пике двух тысяч рентген в точке «ноль», сейчас регистраторы показывают девятьсот миллирентген и наблюдается тенденция к уменьшению.

— Черт знает что! — прошептал один из помощников Леко.

— Это он, — сказал полковник, сильно помассировав себе затылок. — Это Несси-второй, его рук дело.

— Рук?! У него их нет.

— Я образно говорю. Он снова вмешался... абсолютно не понимаю, каким образом! Но уверен, без его вмешательства не обошлось. — Леко подтянул к себе микрофон, глядя на экран телемонитора. — Лесквер, где сейчас этот проклятый урод?

— В воронке, мсье.

— Я его не вижу.

— Зарылся в обломки и песок, но хорошо виден в ультразвуке. К тому же он светится в инфракрасном диапазоне, как раскаленный слиток металла.

Леко и Кюри переглянулись.

— Он... поглощает радиацию?! — проблеял профессор.

— Именно об этом я и подумал. Да, лейтенант прав.

— Какой лейтенант?

— Толендаль, первооткрыватель. Этот Несси-второй, «бог лагуны», или как там еще... Ифалиук — вовсе не океанский скат. Не бывает таких скатов. Он попал на Землю из космоса, теперь я в этом уверен.

— Полковник, с авианосца запрашивают, нужна ли помощь, — повернул голову с наушниками от панели комбайна связи координатор полигона. — И еще эти, из «Гринпис»...

— «Зеленых» пошли к дьяволу, а капитану авианосца скажи, что обойдемся пока своими силами. Пусть лучше отгонит от атолла этих рьяных миротворцев.

— Вас вызывает генерал.

— Иду. — Леко похлопал по плечу профессора Кюри. — Жан, готовьте грудь для ордена. Мы войдем в историю.

Профессор не ответил. Как замороженный, он смотрел на экран. Телекамера с катера наблюдателей была направлена на восточную часть рифа, и на экране теперь хорошо был виден колоссальный, двухсотметровый, ажурный, бликующий лазурью и перламутром скелет предка Ифалиука.

Так лейтенант французского военного контингента на Муруроа Франсуа Толендаль и медсестра Натили Нэсок стали первообладателями грандиозного открытия наравне с полковником Морисом Леко и генералом Рене. Ни у кого теперь не оставалось сомнений, что гигантский скат, получивший несколько имен: полинзийское — Ифалиук, «бог лагуны», и европейское — Несси-второй, — на самом деле пришелец из космоса. Вернее, потомок пришельца, упавшего в океан в незапамятные времена. Почему он родился именно в эту эпоху, да еще на территории секретного военного объекта, не знал никто, зато все отлично поняли, что гигант питается радиацией и способен изменять параметры ядерных взрывов и окружающей среды.

Военные попытались было абсолютно засекретить открытие, перекрыть все каналы утечки информации, прекратили даже связь с материком, кроме спецканала, но тайна таковой долго не продержалась. Пронырливые молодцы из организации «Гринпис» разнюхали о «космическом пришельце», и сенсация

мгновенно пошла гулять по свету, обрастая подробностями и рассказами «свидетелей». Остановить скандал военной верхушке не удалось, и тогда она придумала интересный ход: в центральных французских газетах появилось сообщение министерства обороны об удачно проведенном ядерно-биологическом эксперименте на атолле Муруроа. Якобы в целях изучения воздействия радиации на живые организмы военными специалистами был подвергнут радиоактивному облучению детеныш океанской манти. В результате скат выжил и достиг размеров баскетбольной площадки, а в благодарность за это стал очищать акваторию лагуны от радиации. Да здравствует Франция!

В принципе и это сообщение было сенсацией, но помельче и с иным подтекстом. Шум в газетах всего мира стал стихать. Общественности, занятой собственной проблемой выживания, было не до гигантских скатов, питающихся радиоактивными отходами.

Франсуа Толендаль не читал газет. Все трое суток, отведенные ему на контакт с Ифалиуком, он провел в катере вместе с Натили, пытаясь внушить «богу лагуны» бесперспективность его поведения. Ифалиук дважды всплывал из темных глубин воронки на месте последнего взрыва, выслушивал уговоры Натили и снова опускался на дно. Датчики на катере показывали ноль радиации, Ифалиук уже полностью очистил все дно и воду от радионуклидов, радиоактивных шлаков, следов ядерного взрыва, и при мысли о том, что в эпицентре взрыва не выжил бы ни один земной организм, Толендалю становилось не по себе.

— Он не уйдет, — со вздохом сожаления сказала Натили, усаживаясь в шезлонге на корме катера. — Я уже говорила и готова повторить: он кого-то ждет. Может быть, своих соплеменников, может, кого-то еще. И будет ждать до тех пор...

— Пока его не убьют, — закончил Франсуа, откупоривая банку с кока-колой.

— Ему надо помочь.

— Я не возражаю, но как?

— Не знаю. Ты связан со своим боссом, уговори его не убивать Ифалиука. Ведь он ни в чем не виноват.

— Он мешает испытаниям. А последний взрыв вообще вызвал панику среди военспецов и взбеленил командование. Генерал Рене человек жесткий и решительный, он ждать не станет. Если Ифалиук снова что-нибудь учудит, на него сбросят атомную бомбу.

Натили помолчала, поправила волосы, отвернулась от солнца.

— Ты до сих пор считаешь, что он пришелец?

— А ты?

— Я давно это знаю. Было бы удивительно, если бы космос не был населен другими существами. Зачем тогда он?

Франсуа в замешательстве посмотрел на девушку. Иногда он забывал, что та закончила университет и была гораздо более образованной, чем ее белокожие ровесницы, не говоря уже о представительницах родного племени.

— Конечно, он неземная тварь, это видно невооруженным глазом. Знаешь, о чем я думаю? Что он нарочно усилил последний взрыв. Он ведь растет, и если достигнет размеров своего отца... или кто он там ему — чей скелет на берегу... Понимаешь? Он не уместился бы в лагуне. А так — пожалуйста, получила неплохая «квартирка».

— Спасибо за идею, — услышался в наушнике голос полковника Леко, который почти постоянно находился на связи.

Франсуа, постоянно забывавший о связи с берегом, сердито выключил рацию, сбросил дугу с науш-

ником с головы, прилег рядом с Натили. Та насмешливо глянула на него, потянулась всем телом, словно дразня наблюдателей, не сводящих с катера длиннофокусной своей оптики и телекамер, и скользнула в воду. Нырнула, опустила метров на десять, словно хотела достать дно, перевернулась, раскинув руки, глядя вверх сквозь невероятно прозрачную толщу воды. Франсуа не выдержал и нырнул за ней. Встретившись на полпути, они обнялись и стали целоваться.

Наблюдавший эту картину на экране телемонитора полковник Леко в сердцах выключил монитор.

— Дети, честное слово!

Сидящий напротив прилизанный молодой человек, представитель французской контрразведки, Люк Перри, только что прибывший на атолл, усмехнулся:

— А она ничего, эта аборигеночка.

— Эта «аборигеночка» закончила университет в Канберре. Но давайте ближе к делу. С чем пожаловали?

— Вы телевизор смотрите? Нет? И радио не слушаете? Как же вы проводите свободное время? Впрочем, это лирика. Читайте. — Сотрудник контрразведки протянул полковнику дискету.

Пожав плечами, Леко вставил дискету в дисковод компьютера, и монитор развернул на экране текст сообщения о появлении на территории атомного полигона США в Неваде странных существ, так же поглощающих радиацию, как и Несси-второй на Муруроа. Внимательно рассмотрев фотографию жуткого динозавроподобного монстра, Леко выключил компьютер, побарабанил пальцами по столу.

— Вы думаете, они как-то связаны? Наш Несси и эти металлические красавцы?

— Я ни о чем не думаю, это вы должны мне сказать, связаны эти уроды с вашим суперскатом или

нет. К тому же у нас имеются сведения, что у русских тоже появился некий живой феномен, связанный с радиацией.

Леко оживился:

— Под Семипалатинском, на их полигоне?

— Нет, в районе Чернобыля, где у них взорвалась атомная электростанция. Но эта информация, в отличие от американской, русскими полностью засекречена.

— Насколько я знаю географию, Чернобыль располагается на территории Украины, недалеко от Киева. Так что секретили информацию украинцы.

— Все равно они одним миром мазаны, — флегматично заметил Люк Перри. — Мы, конечно, работаем и там, но точных сведений пока мало. Если что-нибудь выясним, я вам сообщу. Как продвигается контакт с вашим Несси-вторым?

— Вы же видели, — кивнул на монитор полковник. — Никак. Похоже, эта сволочная зверюга хоть и понимает посредников, Толендаля и девицу, но не слушается. Официальный Париж молчит, а чиновники из минобороны требуют побыстрее закончить программу испытаний. А как тут закончишь, если эта тварь не дает проводить испытания?

— Уничтожьте его.

— Пробовали. Глубинные бомбы и торпеды ската не берут. А использовать игрушки помощней опасно, повредим готовые скважины.

— Попробуйте заблокировать его. Он сидит сейчас в воронке? Окружите ее катерами с торпедными установками и ракетными системами, и как только он в момент испытания попытается выйти, обстреляйте торпедами и ракетами.

— Мысль не новая, да и опасная. — Леко скептически скривил губы. — К тому же ракеты и торпеды вряд ли его удержат на месте. И все же спасибо за совет, мы им воспользуемся.

— А что там за алхимию продемонстрировал ваш подопечный? — Люк Перри пересел так, чтобы струя воздуха из кондиционера дула ему в лицо. — Мне сказали, что скат якобы превращает предметы в интересные штуковины из платины и золота.

— Если бы из золота, — усмехнулся полковник, доставая из ящика стола изогнутый черно-красный бумеранг и передавая контрразведчику. — Это бывший офицерский кортик. И материал его не золото или платина, а некий быстро испаряющийся композит с вкраплениями рения, осмия, гадолиния и ряда редкоземельных элементов. Ему цены нет! Но, боюсь, через пару недель он испарится.

Перри повертел в руках тяжелый, холодный, шершавый на вид бумеранго-пистолет. Положил на стол, озабоченно потирая занемевшую руку.

— Какой-то он... неудобный. И что это, по-вашему, означает?

— Это означает, господин майор, что мы имеем дело с холодным термоядерным синтезом на уровне кварковых преобразований. Что, в свою очередь, означает, что Несси прибыл к нам из областей космоса, где жизнью управляют иные законы.

Вряд ли контрразведчик понял речь военного специалиста-физика, но на всякий случай сделал глубокомысленно-изумленный вид.

Толендалю и Натили не удалось уговорить «малыша» Ифалиука, диаметр которого достиг восьмидесяти метров, покинуть лагуну. Он не отреагировал даже на угрозы уничтожить его в случае вмешательства в дела военных на полигоне.

День спустя повторилась история со взрывом, подобная предыдущей.

Несмотря на блокаду воронки, где отсиживался Несси-второй, ровно за полминуты до взрыва много-

тонный гигант вырвался из кольца, не обратив никакого внимания на ракетный огонь и торпедные залпы, преодолел километр двести сорок метров до очередной «нулевой точки» со скважиной и прыгнул на риф с запорным устройством скважины. Остановить испытание не успели. А взрыв произошел мощностью не в пять килотонн, как рассчитывали специалисты, а в сто пятьдесят!

Однако на этот раз землетрясение было не очень сильным, а ударная волна отсутствовала вовсе. Впечатление складывалось такое, будто взрыв произошел в «подушке» из вакуума, а не в твердом известняковом теле атолла. Но воронка в дне лагуны образовалась не меньше, чем в предыдущем случае. Несси-второй, расширив свою «квартиру», нырнул в воронку, когда она заполнилась водой, и в течение часа очистил от ионизации и радиоактивности, словно гигантский пылесос. Хотя никто из ученых не мог объяснить, каким образом гигантскому животному удастся «засасывать» жесткую гамма-радиацию, альфа- и бета-излучение, ионы и осколки радиоактивных ядер. Его деятельность подтверждала мнение молодых биофизиков, что Несси-второй питается радиацией. Одно только это выдвигало ската-мутанта в интереснейший объект исследований, затмевающий любые другие по важности и значимости, но французский «пентагон» — министерство обороны — требовал немедленно закончить намеченный план испытаний и на доводы специалистов полигона приостановить ядерную программу реагировал однозначно: «Гигантскую тварь уничтожить! Испытания закончить в течение недели! Виновных наказать!»

Что имели в виду генералы «пентагона» под приказом «Виновных наказать!», генерал Луи Рене, начальник полигона на Муруроа, не понял, но на всякий случай приказал посадить лейтенанта Толендаля

на гауптвахту, помещение которой сохранилось в числе немногих уцелевших на рифе строений.

Капитан авианосца «Сен-Симон» получил приказ атаковать ската с воздуха, используя палубную авиацию и ракеты класса «воздух — земля», способные разрушить бетонные укрепления с толщиной стен до пяти метров. А если и они не помогут — сбросить на Несси-второго бомбу класса «серая зона», то есть класса обычных вооружений, сравнимых по мощности с ядерными.

Атака началась после эвакуации с рифа воинского контингента и обслуживающего персонала полигона в девять часов утра четвертого октября. Как это в спешке бывает, о гауптвахте забыли, и лейтенант Толендаль остался сидеть в комнате с единственным зарешеченным окном с видом на лагуну, не подозревая, что задумали отцы-командиры. Зато не забыла о своем друге медсестра Натили Нэсок.

Эвакуировали ее, как и остальных женщин, морские пехотинцы из подразделения охраны полигона, которым командовал тот самый приятель Франсуа, лейтенант Буангвиль, выследивший его и Натили во время очередной встречи с «богом лагуны». На вопрос девушки: «Где Франсуа?» Буангвиль со злорадством ответил, что тот сидит на губе. Осознав, чем грозит Толендалю забывчивость командира, Натили стала требовать, чтобы катер вернулся за ним, но никто ее не слушал. До авианалета оставалось всего полчаса, и рисковать своей шкурой никто не хотел, в особенности Буангвиль. Он, конечно, мог связаться с командиром батальона и доложить о забытом товарище, но не стал этого делать.

Катер продолжал малым ходом уходить от атолла, и тогда Натили незаметно спустилась по трапу на нижнюю палубу, открыла люк сброса отходов в корме и скользнула за борт, нырнув сразу на несколько метров. Вынырнула она уже рядом с внешней сто-

роной рифа. Когда ее хватились на катере, девушка уже мчалась по берегу к полуразрушенным строениям военного городка, в казарме которого находилась гауптвахта. Но она ничего не успела сделать.

Самолеты были уже в воздухе и дали залп. Восемь ракет, предназначенных для разрушения фортификационных сооружений, вошли в воду лагуны с четырех сторон, нашли тело Несси-второго и взорвались. В воздухе взлетел гигантский восьмиструйный фонтан кипящей воды, обрушился на поверхность лагуны и покатился метровой волной к берегу. Риф вздрогнул.

Натили сбило с ног, но волна здесь, на возвышении рифа, была не столь высокой и в океан ее не утащила. Девушка нырнула в распахнутую дверь казармы, бросилась к помещению гауптвахты.

Толендаль стоял на койке, взявшись руками за прутья решетки, и смотрел на центр лагуны, где только что прогремел взрыв. Он ничего не понял, считая, что прошло очередное испытание. Оглянувшись на стук открываемой двери: Натили нашла ключи, висящие в коридоре.

— Ты?! Что случилось?!

Девушка бросилась к нему на грудь:

— Быстрее! Уходим! Они хотят уничтожить Ифалиука... самолеты... ракеты... если ракеты не помогут, сбросят какую-то страшную бомбу!

— Атомную, что ли?

— Нет, но очень большую. Надо уходить. Бомба поднимет волну, которая смоеет с рифа все оставшиеся постройки. Быстрее!

— Надо предупредить Ифалиука.

Натили, тянувшая Франсуа за руку к выходу, остановилась на полдороге к двери, сказав неуверенно:

— Ифалиуку не страшны бомбы... его нельзя убить...

— А если можно? Откуда ты знаешь?

— Но... мы можем не успеть.

— Успеем, здесь у пирса есть лодки, доберемся за десять минут. Пока летчики будут анализировать результаты атаки, мы найдем Ифалиука.

Девушка чмокнула Франсуа в щеку, и они бросились из казармы наружу, не думая об опасности.

Полковник Леко наблюдал за действиями летчиков на экране телемонитора, стоящего на палубе сторожевого корабля «Моветон». Корабль располагался в миле от атолла, и лагуну отсюда увидеть было нельзя, она пряталась за щеткой пальм. Устроившись в удобных шезлонгах, с банками пива и джина с тоником в руках, рядом с полковником сидели генерал Рене, профессор Кюри, контрразведчик Люк Перри, помощники и адъютанты, готовые выполнить любое распоряжение начальства.

Когда песчано-коралловая взвесь, поднятая взрывами ракет в лагуне, опала, взорам командиров предстала картина, что и до атаки: глубокая стометровая воронка в дне лагуны и серебристо просвечивающий сквозь толщу воды ажурно-резной «кленовый лист» Несси-второго. Взрывы ракет, судя по всему, ни капли не повредили его по-рыбьи нежное с виду чешуйчатое тело.

— Вот гаденыш! — пробормотал, поморщившись, начальник полигона. — Ничто его не берет. Передайте на авианосец: пусть продолжают.

— Может быть, все-таки лучше поработать с ним? — проговорил благодушно настроенный профессор Кюри. — Для науки это бесценный материал.

— Я не хочу рисковать карьерой, — отрезал генерал. — Если я не выполню приказ, меня просто спишут на берег. Нет уж, увольте. Исследовать можно и останки.

— А если и эта бомба на него не подействует?

— Тогда мы сбросим на него ядерную.

Кюри хмыкнул, обменялся взглядами с полковником.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — буркнул Леко. — Мне жаль терять такой объект для исследований. Генерал, профессор прав: изучение этого монстра может дать науке в сто раз больше, чем наша программа испытаний. Не попытаться ли нам убедить главкома? Проявить, так сказать, милосердие?

— Милосердие может позволить себе тот, кто в нем нуждается, — ответил генерал презрительно. — Занимайтесь своим делом, Морис, голова целее будет. Мы и так отстали от графика. Не справимся — нас с вами заменят в три дня!

Самолеты, пустившие по атоллу ракеты, улетели. С борта авианосца стартовал «Мираж-4» с бомбой класса «серая зона» на борту.

— Он всплывает! — доложил наблюдатель.

Приглядевшись, Леко понял, что Несси-второй действительно поднимается из глубины воронки к поверхности лагуны.

— Может, подождем немного, выясним, чего он хочет?

— Удобнее будет бросать бомбу, — бросил начальник полигона.

— Там люди! — донеслись вдруг крики многих наблюдателей. — К объекту подходит лодка с двумя пассажирами, мужчиной и женщиной!

— Ах, дьявол! Это лейтенант со своей девицей! — мгновенно догадался полковник Леко. — Похоже, его забыли на гауптвахте. Но как там оказалась девица? Генерал, давайте отбой!

— Отставить бомбометание! — рявкнул Рене, бледнея от ярости. — Связь с авианосцем, быстро!

Адъютант сунул ему рацию, но было уже поздно: самолет сделал горку над атоллом и сбросил бом-

бу, как на учениях, — точно в хорошо видимую на воде цель.

На мгновение все замерло. Затем загалдели наблюдатели, кто-то нашел мегафон и попытался докричаться до берега, эфир взорвался десятком воплей, приказов, ругательств и призывов, и... снова наступила тишина. А затем блестящая капля бомбы упала в лагуну, и в воздух взметнулся огромный двухсотметровый смерч взрыва.

Булькающая волна гула и грохота ударила в уши, многотонная масса воды обрушилась на риф, снося на нем все постройки, ломая пальмы, как спички, перенеслась в океан и качнула десятки судов, стоящих вокруг атолла. Гул стих, водо-коралловый смерч опал, волнение в лагуне постепенно прекратилось, и все увидели целую и невредимую стометровую тушу Несси-второго, слегка приподнявшего над водой свою лобную часть с рогами-антеннами.

— Пресвятая Дева! — ахнул кто-то. — Он уцелел!

В то же мгновение с рогов монстра сорвалась неяркая в свете дня желто-голубая молния, ударила в небо, где на высоте километра кружил «Мираж», и на месте самолета вспыхнул язычок жемчужного пламени, вспухло дымное облачко и растаяло. Самолет исчез.

Но и это было не последним потрясением чувств руководства полигона. Спустя минуту после уничтожения самолета «богом лагуны» снова закричал наблюдатель:

— Вижу лодку! Люди... там люди! Они живы!

Полковник Леко посмотрел на соседа, и профессор ответил ему таким же удивленным и заинтересованно-понимающим взглядом. Они первыми поняли, что Несси-второй не только уцелел сам, но и защитил каким-то образом людей в лодке, своих «приятелей» Натили Нэсок и лейтенанта Толендаля.

На следующий день на Муруроа прибыли представители министерства обороны Франции, генштаба и департамента безопасности, курирующего военные разработки. Им было вменено в обязанность разобраться с ситуацией на полигоне, навести порядок, во что бы то ни стало довести до конца программу ядерных испытаний, выяснить, кто препятствует делу, а причину ликвидировать. Средства для этой цели выделялись любые, в том числе и технические. Если комиссия сочла бы нужным нанести по атоллу ядерный удар, ей бы это позволили.

К этому моменту лейтенант Толендаль и медсестра Натили Нэсок уже содержались под стражей и в десятый раз рассказывали историю своей попытки спасти Ифалиука, несчастного «малыша», чей предок попал на Землю из космоса задолго до появления на ней человека. Поскольку Муруроа теперь представлял собой практически голый риф со следами построек — пострадал даже подземный бункер управления полигоном, — то содержали арестованных на сторожевом корабле военно-морских сил Франции. Там же находился и временный центр управления научно-инженерным хозяйством полигона, руководимый полковником Леко. Генерал Рене и высокие гости предпочитали расположиться на борту авианосца «Сен-Симон».

Сначала Толендаля и Натили допрашивал полковник Леко, потом генерал Рене со своей командой, потом контрразведчики и чины из министерства обороны, потом снова полковник, военспецы, ученые и те же самые лица по второму кругу, хотя рассказывать-то особенно было и нечего.

Франсуа с девушкой успели достичь места, где находилась лежка Ифалиука, к моменту, когда самолет уже заходил на цель. Вызывать его не понадобилось, «бог лагуны» словно почувствовал появление своих друзей и всплыл им навстречу. В то мгнове-

ние, когда на спину гиганту упала бомба, он каким-то чудом отпрыгнул к лодке и прикрыл ее вставшим вертикально телом, превратившись в жуткое существо — черепаху с головой кобры и конечностями богомола. Бомба взорвалась всего в полусотне метров от него и от людей, подняв в воздух сотни тонн воды, но пробить защиту Ифалиука не смогла и вреда ему не причинила, разве что отшибла все конечности и шипы.

— Значит, скат закрыл вас от взрыва плоскостью тела? — повторил вопрос полковник, хотя видел видеозапись происходящего в момент взрыва.

— Так точно, господин полковник, — ответил уставший от допросов Толендаль.

— И больше вы ничего не заметили, не почувствовали?

Франсуа и Натили переглянулись. Помявшись, лейтенант тихо проговорил:

— Нам показалось, что в момент взрыва вокруг нас... как бы сгустился туман. Словно солнце спряталось за тучи. И еще... стало очень тихо.

— Да, — кивнула девушка, — взрыва мы не слышали.

Полковник крикнул, помассировал по привычке затылок, глотнул пива.

— А говорите, ничего необычного не заметили. Значит, Несси-второй спас вас, не только отгородив телом от взрыва, но и создав вокруг какой-то силовой пузырь. А это уже совсем другой колленкор получается. Такую вещь, как спасательная акция, можно сделать только *сознательно*. Понимаете, лейтенант?

— Вы хотите сказать, что... — Франсуа обескураженно посмотрел на полковника. — Что Ифалиук — разумное существо?!

— В каком-то смысле. Не по-человечески, но разумное. — Леко вздохнул. — С этого дня я с вами прощаюсь, лейтенант. Теперь с вами будут занимать-

ся контрразведчики и спецы безопасности. Программа испытаний на время свернута, решено переключить все внимание на нашего Несси... то есть Ифалиука, с соблюдением всех мер секретности. Если он и в самом деле представитель негуманоидного разума, то выигрыш столь велик, что это сообразили даже безмозглые шишки в силовых министерствах. Короче, Муруроа теперь — центр контакта с неземным скатом.

— Но ведь Ифалиук отказывается контактировать с нами, — проговорил Толендаль с сочувствием, хотя сочувствие это предназначалось не полковнику, а «богу лагуны».

— Вот если снова откажется, тогда и возобновятся ядерные испытания, — многозначительно подчеркнул Леко.

Франсуа растерянно глянул на свою не менее шокированную, все понявшую подругу. Ифалиук был обречен при любом исходе событий. В случае неудачи военные собирались испытать на нем ядерные заряды, чего, конечно, «бог лагуны» выдержать бы не смог.

— А мы? — Вопрос прозвучал по-детски беспомощно и обреченно.

— Вам придется продолжить работу посредников контакта с Несси до упора. Попробуйте достучаться до его сознания. Упрямец действительно добьется, что его уничтожат, какими бы волшебными возможностями он ни обладал. Удачи вам в этом трудном деле.

И полковник Леко вышел из каюты, где содержались пленники, по сути, виноватые лишь в том, что первыми установили тонкий мостик взаимопонимания с инопланетным монстром на уровне эмоций, на уровне доброго расположения к чужому одинокому существу.

Так как программа контакта и исследования феномена не исключала ядерного удара по атоллу, реше-

но было сооружения на рифе не восстанавливать. Бригада обслуживания полигона, его охрана и командование расположились на кораблях военно-морских сил, чувствуя себя даже большей безопасности, чем до этого на суше.

Пока военные устанавливали вокруг атолла десятимильную зону недоступности, организовывали наблюдение за лагуной, монтировали на кольце рифа телекамеры и научные приборы, Франсуа Толендаль и Натили пользовались относительной свободой, предоставленные сами себе. Их отпустили на риф, дали катер, запас продуктов, рации, и теперь они могли хоть по нескольку раз в день наносить визиты Ифалиуку, тихо сидевшему в глубинах образованных ядерными взрывами воронок. Рос «бог лагуны» теперь медленнее, но все же добавлял в сутки по два-три метра в диаметре, что заставляло невольно прикидывать его размеры по сравнению со скелетом предка. Если диаметр предка — двести с лишним метров — был пределом роста Ифалиука-младшего, лагуна атолла еще могла это выдержать, если же нет — никто не знал, что предпримет чудовищный пришелец, чтобы расширить свое жилище.

Если бы не постоянное назойливое сопровождение телекамер, Франсуа чувствовал бы себя прекрасно. Однако и к этим условиям он привык быстро и скованности в отличие от Натили не чувствовал. Обладая легким и веселым нравом, лейтенант унывать не привык, неудобства переносил по-философски спокойно, поэтому и девушка чувствовала себя с ним увереннее. Хотя оба они понимали, что миссия их может закончиться в любой момент ракетно-ядерным ударом по лагуне. Отвести этот удар они не могли, убедить генералов в ценности жизни вообще и «бога лагуны» в частности — тоже, поэтому все усилия направили на поддержание — даже не контакта или диалога — хрупкого мостика доверия меж-

ду людьми и чужаком, способным сбивать самолеты с легкостью зенитного комплекса.

Ифалиук на вызовы — хлопки ладошкой по воде — отвечал каждый раз все неохотнее, однако все же всплывал и подолгу смотрел на людей двумя длинными, светящимися желтизной, «кошачьими» глазами и третьим, щелевидным, мозаичным, без зрачка, который раскрылся у него на лобном бугре над рогами. Эти три глаза, по-видимому, были уже земным приобретением Ифалиука-младшего, потому что у старшего, погибшего миллионы лет назад, судя по сообщениям исследователей скелета, глаз не было вовсе.

— Какого дьявола он нас рассматривает? — сердился Толендаль. — Как будто сомневается, мы это или не мы. Лучше бы прислушался к советам.

— Он все еще ждет, — отвечала Натили.

— Кого?

— Он ждет от нас какого-то поступка... или какой-то информации.

— Ну так спроси у него, чего он хочет.

— Я спрашивала. — На глаза девушки навернулись слезы. — Он отвечает, но я не понимаю.

— Как он отвечает? Мысленно, что ли?

— Я вижу разные картины... как во сне... но они какие-то все странные... чужие... целые потоки пересекающихся видений. Трудно разобраться.

— Почему же я ничего не вижу?

— Ты не веришь, вот и не видишь. Надо верить... и научиться медитировать.

— Этого мне только не хватало. — Толендаль опустил бинокль, через который разглядывал сложное, пластинчато-чешуйчатое тело Ифалиука. Он понимал, что девушка во многом права, но переломить себя внутри не мог. Все казалось, что это сон, что никакого «бога лагуны» не существует, и стоит только сделать усилие — он проснется в своей комнатухе офицерского общежития на атолле с больной от

похмелья головой. Однако «сон» тянулся и тянулся, и, видимо, проснуться Толендалю было не суждено. В конце концов он разозлился на себя и стал потихоньку следовать советам Натили: учиться медитировать, уходить в себя, прислушиваться к своим ощущениям. И — о чудо! — уже на третий день сосредоточения он вдруг при очередной встрече с Ифалиуком отчетливо увидел черную, искрящуюся звездами пропасть космоса, глыбу зеленовато-голубой планеты и косо скользящую в ее сторону жуткую фигуру, составленную из четырех — с виду — фигур: на нижней, похожей на панцирную черепаху, раскрылся страшный, в пупырчатой броне динозавр, на котором, в свою очередь, сидели два таких же чудовищных, одноруких и одноногих уroda в ошестинившихся костяными или металлическими наростами доспехах! Вся эта вызывающая дрожь конфигурация достигла верхнего слоя атмосферы планеты, вспыхнула вдруг малиновым пламенем и распалась на три отдельные фигуры, и каждая из них по очереди нырнула в атмосферу, волоча за собой хвосты из пламени и дыма...

Видение закончилось вспышкой головной боли. Франсуа вскрикнул и очнулся.

— Что с тобой?! — кинулась к нему Натили. — Что случилось? Ты... увидел?!

Глядя перед собой расширенными глазами, держась за голову, побледневший Толендаль облизал губы, потом, подчиняясь ласковым рукам девушки, лег на палубу, не отвечая на вызовы встревоженного дежурного.

— Ты что-то увидел? — шепотом повторила вопрос Натили.

Франсуа кивнул. Краска постепенно вернулась на его щеки. Он снял с себя дугу с наушником и усиком микрофона, глянул в удивленно-недоверчивые глаза подруги.

— Ты была права, Тили... Ифалиук упал на Землю из космоса. Но он был не один...

— Я видела, их было четверо.

— Скорее трое, хотя я не разглядел того, в латах...

— Очень все страшные с виду, но я почему-то их не боялась.

Франсуа вспомнил облик динозавра, содрогнулся, промычал:

— Да уж, милые такие зверьки! Неужели наш Ифалиук один из них?

— Ты сомневаешься?

— Я обязан сомневаться. Та черепаха не очень-то была на него похожа. Надо повторить эксперимент. Где малыш?

— Ушел в глубину. Мне в последнее время кажется, что он страдает.

— Может быть, голодает? Все-таки давно его не кормили радиацией взрывов. Надо попросить начальство, пусть устроит очередное испытание. Кстати, а что мне докладывать командиру?

Натили пожала плечами, села на корме, обняв по привычке колени руками, притихла. Ей давно надоела такая жизнь, отсутствие свободы, дружеской атмосферы, подруг, нормальных условий жизни. И если с отсутствием удобств она еще могла смириться, то к напряженно-казенному бытию привыкнуть не могла.

Толендаль взял с палубы рацию, в наушнике которой надрывался дежурный на авианосце, и сказал с раздражением:

— Прекрати орать, капитан! Все нормально, убитых нет. Наш малыш передает всем привет.

Не слушая ответа, Франсуа бросил рацию в шезлонг, подошел к Натили и обнял ее за плечи,

— Давай искупаемся? Я хочу нырнуть туда, к нему, побродить по его телу.

— Зачем?

— Сегодня я впервые услышал его передачу, а главное — кое-что понял. Надо сообщить ему об этом.

Натили, подумав, поднялась, они обнялись, постояли так немного, не думая о том, что на них пялятся телекамеры с рифа, и принялись надевать акваланги.

Полковник Леко не был допущен к исследованиям Несси-второго, но, будучи специалистом по ядерной физике и знатоком местных условий, отлично знавшим оборудование полигона, часто давал консультации начальнику наспех сформированной бригады по изучению «бога лагуны». А так как начальником стал не ученый, а представитель департамента безопасности полковник Пьер Гарнье, то Морис Леко консультировал его неохотно и скупой, в ответ получая брезгливо-высокомерные поучения и грубые шутки. Неудивительно, что отношения двух полковников стали холодными и если не враждебными, то натянутыми. Леко называл про себя Пьера Гарнье «спесивым надутым индюком», Гарнье, в свою очередь, не стеснялся при подчиненных называть Мориса «выскачкой» и «высоколобым обжорой», намекая на его худобу. Но обоим приходилось скрепя сердце участвовать в обсуждении совместных действий и решать задачи безопасности личного состава.

Когда штабу, сформированному из приезжих чинов и высших сановников правительства, надоело ждать результатов переговоров между посредниками и объектом изучения, последовал приказ провести очередное испытание в рамках прежней программы.

Леко понимал, насколько опасен эксперимент, однако обсуждать приказы не привык и начал готовить одну из уцелевших скважин к взрыву. Полковник Гарнье попытался вмешаться в подготовку, имея

собственное мнение по вопросам безопасности, но получил отпор и затаил злобу, нашедшую выход в изоляции Толендаля и Натили от всех людей. Эта изоляция не имела никакого смысла, и Лёко в общем-то не собирался вмешиваться, но лейтенант и девушка были ни в чем не виноваты, подобного отношения не заслужили, и Морис в резкой форме потребовал отпустить посредников «для участия в эксперименте». Последовал крупный разговор двух полковников, едва не дошедший до рукоприкладства. Обоих вызвали в штаб, выслушали, и полковнику Лёко милостиво разрешили забрать посредников под его ответственность. Взгляд, которым его проводил полковник Гарнье, был весьма красноречив, но на это Морису было наплевать.

Зато в благодарность за освобождение Толендаль вдруг рассказал полковнику о своих телепатических контактах с Ифалиуком, чем весьма озадачил Лёко и заинтересовал. На следующую встречу с «богом лагуны» они поплыли на катере втроем. Пока шла подготовка испытания, по акватории лагуны можно было передвигаться свободно.

Ифалиук отозвался на этот раз удивительно быстро, всплыв после первого же шлепка по воде.

Полковнику стало не по себе, когда монстр выставил из воды свой могучий лоб и уставился на него всеми тремя глазами, словно вопрошая: кто ты такой? Он продолжал смотреть на Лёко и дальше, после того как Натили ласково заговорила с ним, представив Мориса как друга. А затем последовала передача, предназначенная явно не дилетантам в науке Толендалю и Натили, а профессионалу-физику. Ни Франсуа, ни девушка ничего не поняли, да и Лёко не сразу врубился в смысл галлюцинации, потеряв сознание уже на пятой секунде контакта. Однако это не помешало ему впоследствии припомнить спектр скользнувших в сознание видений и сделать

вывод, что он имеет дело не с разумным существом, а с посредником, связующим звеном неких разумных сил, зависящих напрямую от него, «бога лагуны». Но это случится потом, а пока полковник Леко, потрясенный до глубины души, медленно приходил в себя и все пытался оттолкнуть от себя кого-то, пока не понял, что это руки Натили, протягивающие ему успокоительное.

Проглотив сразу три таблетки, Леко пришел в себя и схватился за бинокль. Но Ифалиук, сообщив все, что хотел, уже скрылся на дне воронки, светясь сквозь толщу воды нежным пластом серебра.

— Что вы видели, полковник? — заинтересованно спросил Толендаль, переглядываясь с Натили.

Леко отбросил бинокль, глубоко вздохнул, оглянулся. Лицо его, квадратное, морщинистое и бледно-пергаментное от природы, побледнело еще больше.

— Можешь называть меня просто Морис, лейтенант. Если бы вы взяли меня на встречу с Несси раньше, может, никаких конфликтов с этим космическим парнем не произошло бы. — Леко пожевал губами. — Впрочем, полигон — не лужайка в Пале-Рояле. Поехали на берег.

Франсуа включил мотор, катер заскользил к северному участку рифа, где работала инженерная бригада полигона.

— Никому ни слова о своих ощущениях, ребятки! Ясно? Пока я не проверю кое-какие идеи.

— Вы придумали, как ему помочь, пол... э-э... Морис?

— Нет, не придумал. Но если... — Полковник замолчал и больше не произнес ни слова. Он не верил, что ему удастся помочь чужаку уцелеть. Судя по действиям полковника Пьера Гарнье, единственным решением проблемы для него было уничтожение мешающего объекта, а не контакт или изучение феноменальных свойств пришельца.

Испытание ядерного устройства мощностью в двадцать килотонн окончилось появлением еще одной глубокой воронки в дне лагуны и разрушением части рифа. После чего дремавший до того исполин проявил вдруг странную активность, напав сначала на транспортный корабль с имуществом и оборудованием полигона, а затем сделав попытку нападения на авианосец.

Корабль водоизмещением в тысячу двести тонн Ифалиук потопил, но авианосец успел отойти на безопасное расстояние, используя против монстра все свое оружие — от артиллерийских установок и торпед до ракет класса «борт — борт». Неизвестно, огонь ли авианосца остановил «бога лагуны» или он просто не решился далеко уходить от «родных пенатов», но напугал командование изрядно. Особенно сильное впечатление произвела на штаб даже не погоня за авианосцем, а потопление транспортника, совершенное Ифалиуком с легкостью кока, топящего в воде очищенную картофелину. Причем сделал это Ифалиук очень дипломатично: сначала пару раз толкнул посудину в бок, заставив команду эвакуироваться, а затем выпрыгнул из воды и всей массой обрушился на корабль, погребая его под собой.

Срочно было созвано чрезвычайное совещание командования, на котором генералы и руководители служб обсудили создавшееся положение. Больше всего времени и нервов потребовала дискуссия о мотивах поведения Несси-второго, на которой свое мнение высказал полковник Леко.

— Все очень просто, — сказал он. — «Бог лагуны» хочет есть. Ему нужны либо взрывы, накачивающие его энергией, либо расщепляющиеся материалы. На транспортнике находились готовые к использованию ядерные заряды, вот он и напал на корабль, чтобы заполучить их.

— Но на авианосце-то нет зарядов, — перебил его полковник Гарнье.

— На авианосце есть атомный реактор, — отрезал Лeko. — Прекрасная пища для Несси. Хорошо еще, что он по каким-то причинам не может покинуть атолл.

— А если все же решится выйти? — спросил прилизанный, как всегда, Люк Перри. — Что тогда?

Ответом было молчание.

После долгих дебатов штаб принял решение в последний раз послать к Ифалиуку парламентариев, а потом нанести по атоллу ядерный удар, если договориться с ним не удастся. Против этого решения протестовали полковник Лeko и профессор Кюри, но их мнение в принципе никого не интересовало. Чиновники испугались последствий предполагаемого похода монстра по океанам и морям. Винить их в желании воевать в общем-то не имело смысла.

Снова лейтенант Толендаль и Натили очутились на катере в лагуне, давно потерявшей прежний мирный вид, со зловещими фиолетовыми пятнами воронок от взрывов, с растрескавшимся дном, с изменившимися очертаниями рифа, практически лишённого растительности. Но на этот раз с ними снова пошел полковник Лeko, что придавало молодым людям уверенности и бодрости. Сам Лeko далеко не был уверен в успехе переговоров, но держал свое мнение при себе.

Ифалиук всплыл только спустя час после первой попытки вызвать его пошлепыванием ладони по воде. Ракетно-торпедная пальба с авианосца с виду не оставила следов на его теле, и все же Морису показалось, что «бог лагуны» выглядит иначе, не так, как раньше. Вглядевшись в монстра, он понял, что Ифалиук-младший действительно изменил форму. Теперь он выглядел больше похожим на помесь гигантской черепахи и ската, обзавелся панцирем,

двумя полукружиями плавников, острым копьевидным хвостом, а также двумя перепончатыми «ушами» по сторонам лобного вздутия. Зато у него исчезла бахрома шипов, ранее окружавшая все тело, отпали рога и удлинились глаза.

Полковник сглотнул ком в горле, внезапно осознав, что несколько дней назад Ифалиук показал ему свой собственный портрет. Вернее, «скульптурную композицию», в которой сам он занимал положение черепахи, послужившей основанием для динозавра и двух исполинов в сверкающих золотых доспехах. Сомнений не было. К тому же Морис вспомнил и разговор с контрразведчиком о появлении на территории ядерного полигона в Неваде какого-то супердинозавра, очень похожего, судя по описанию, на второго члена «скульптурной композиции».

— Пресвятая Дева! — пробормотал полковник, ясно понимая, *кого именно* ждет Ифалиук в лагуне. Сел на палубу, чтобы не упасть — внезапно ослабели ноги.

— Что с вами, Морис? — обернулся Толендаль, удивленный поведением полковника.

— Он не уйдет отсюда, — одними губами ответил Лeko. — Нечего даже и пытаться уговорить его.

— Почему вы так думаете?

— Уверен.

— Франсуа, — вдруг позвала Натили слабым голосом.

Оба подскочили к ней, глядя на застывшего напротив гиганта, разглядывающегося людей с каким-то странным выражением глаз. Эти глаза спрашивали, предостерегали и как бы плакали, налитые чужой, нечеловеческой тоской.

— Он хочет... чтобы мы ушли, — со слезами в голосе продолжала девушка. — И еще он хочет, чтобы мы нашли какого-то наездника и сообщили ему об Ифалиуке.

— Что за наездник? — осведомился Леко. — Как выглядит? Как динозавр?

— Нет, — покачала головой Натили. — Он такой... два туловища на одной... на одном... но две ноги...

Полковник снова вспомнил свое видение. Неужели два одноруких всадника на динозавре — на самом деле один двутелый и двуголовый урод?!

— Понятно. Спроси своего приятеля, где искать этого наездника.

Натили, запинаясь, обратилась к Ифалиуку, но тот, не спуская глаз с людей, медленно погрузился в воду и скрылся в глубине воронки, Леко только теперь заметил, насколько подрос «бог лагуны»: за прошедшие несколько дней его диаметр достиг не менее ста пятидесяти метров!

Натили беззвучно заплакала, глотая слезы, и Толлендаль прижал ее к себе, хмуро поглядывая на воду.

— Ну и что теперь?

— Мне не поверят, — со вздохом ответил Леко. — Шансов спастись у этой одинокой твари нет.

— А если поискать наездника?

— Где вы будете искать его? На полигоне в Неваде вроде бы объявился какой-то громадный динозавр... но вдруг не тот? И как вы туда доберетесь?

— Подам рапорт... улечу в Австралию. Оттуда — в Америку...

— Не успеете. Рене уже отдал приказ о подготовке к пуску ракеты с ядерной боеголовкой. Конечно, Несси питается радиацией, но вряд ли способен переварить сразу столько энергии, что порождает ядерный взрыв. Он просто лопнет, испарится...

— Значит, выхода нет?

— Я так не сказал. Попробую уговорить штаб, но не думаю, что мне это удастся сделать. Для военных профи ваш скат — что бельмо на глазу, которое срочно надо удалить.

Натили перестала плакать, плечи ее вздрагивали. Франсуа среагировал на слова Леко более спокойно, однако и у него испортилось настроение. Один полковник мыслил трезво и хладнокровно, сам удивляясь своему внутреннему позыву помочь необычной твари и тому состраданию, которое вызывала участь неземного исполина. До этого дня он не считал себя способным на такие сентиментально-интеллигентские порывы.

Полковник оказался прав: ему не поверили. Доказать штабу, что тот имеет дело не с агрессивным мутантом, а с составной частью некоего разумного комплекса, потерпевшего крушение над Землей в доисторические времена, не удалось. Не возымела успеха речь Леко и перед военными специалистами, привыкшими не фантазировать, а решать чисто прикладные задачи. После недолгих дебатов генерал Рене отдал приказ на уничтожение исполинского ската, и с борта авианосца стартовал к атоллу Муруроа штурмовик с ракетой «Марсо», снабженной ядерной боеголовкой мощностью в десять килотонн.

Весь многотысячный контингент специалистов, моряков, летчиков, официальных лиц, представителей организации «Гринпис», находящихся на кораблях разного класса и водоизмещения на площади в тысячу квадратных миль вокруг атолла, затаил дыхание, ожидая развязки разыгравшейся драмы. Однако развязка наступила раньше, чем самолет достиг зоны пуска ракеты, и не такая, какую ожидали планировщики бомбометания.

Под тихий возглас наблюдателей Ифалиук всплыл на поверхность лагуны, безошибочно определил местоположение самолета и сбил его с первого же выстрела. Только на сей раз это была не молния

электрического разряда, уничтожившая недавно вертолет, а мерцающий звездами столб черного бурлящего дыма толщиной в полметра; лучом этот ровный дымный искрящийся пучок назвать не поворачивался язык.

«Мираж» стал разваливаться на горящие пронзительным жемчужным пламенем куски и упал в океан вместе со всем своим вооружением, в том числе и с ракетой «Марсо». В то же мгновение Ифалиук перепрыгнул через риф атолла, достиг места падения обломков, нырнул, несколько минут рыскал под водой в поисках ракеты и вернулся в лагуну.

Только после этого общий вздох вырвался из сотен грудей, наблюдатели и техники вспомнили о своих обязанностях, в эфир хлынул водопад восклицаний, возгласов, оживленных переговоров и сообщений. А полковник Леко, наблюдавший за происходящим в каюте сторожевика в компании с лейтенантом Толендалем и Натили Нэсок, проворчал, расслабляясь:

— Похоже, нам дали небольшую передышку. Но горячие головы из спецслужб и минобороны на этом не успокоятся. Через пару дней они опомнятся и потребуют новой атаки, но теперь уже выберут игрушку помощней, что-нибудь вроде стратегической ракеты класса «земля — земля» или, в крайнем случае, ракеты с подводной лодки.

— Может быть, попытаться отыскать наездника, о котором «говорил» Ифалиук, на полигоне в Неваде? — неуверенно проговорил Толендаль. — Если меня не отпустят, я потихоньку сбегу на один из кораблей «Гринпис»...

— Тебя не выпустят без пули в спине. Нет, это попытаюсь сделать я, возможностей у меня побольше. — Полковник Леко выдул одним глотком банку пива, швырнул пустую в монитор и встал. — Адьо, лейтенант.

— Но что делать нам? — в отчаянии заломила руки Натили.

— Ваша задача — отвлечь на время внимание командования. Пообещайте этому куску дерьма Гарнье добиться непрямого диалога с Ифалиуком, наврите ему с три короба, тяните время, общайтесь с вашим скатом, может, он что-нибудь подскажет. В общем, убедительно валяйте дурака, сколько сможете. Связь будем держать по лонг-рации через спутник, я достану для вас один экземпляр.

Леко легонько потрепал Натили по щеке, хлопнул Толендаля по спине широкой ладонью и вышел из каюты. Девушка и ее друг остались сидеть, глядя на закрывшуюся дверь.

В тот же день после настойчивых просьб принять его Франсуа был допущен к генералу Рене и полковнику Гарнье и сумел уговорить их, поражаясь своему красноречию, отпустить его с Натили в последний раз для контакта с «богом лагуны», который сумел найти в водах океана упавшую ракету, после чего она бесследно исчезла вместе с боевой частью из килограмма с небольшим плутония-237.

— Хорошо, идите, — сказал начальник полигона, не глядя на лейтенанта. — Даю вам два дня. Кстати, спросите этого мерзкого урода, что он сделал с ракетой. Пусть лучше вернет.

— Да, да, пусть вернет, — поддакнул сытым голосом полковник Гарнье, ковыряясь в зубах. — Не то ему будет плохо.

Лейтенант подумал, что Ифалиук, наверное, давно использовал боевую часть ракеты, что на угрозы он не реагирует, но вслух говорить об этом не стал.

Через два часа после разговора с генералом Толендалю дали пятиместный катер с крохотной каютой на корме, телекамеру, магнитофон, фонари, осветительные ракеты и запас консервов на два дня. Натили заняла место на корме, возле люка в каюте, и Фран-

суа отчалил от борта сторожевого корабля, где находился все это время. Он знал, что полковник Леко убыл с корабля в неизвестном направлении и под неизвестным предлогом, но рация, которую он оставил Толендалю, пока молчала. Оставалось только ждать от него вестей.

Катер обогнул риф, нашел достаточно широкую протоку и по ней пробрался в лагуну, мирно отсвечивающую лазурью и пляжами с жемчужно-перламутровым песком.

Воронку с лежащим на дне Ифалиуком они нашли быстро, по указаниям наблюдателей, не сводящих стволы приборов и оптики с обиталища двухсотметрового исполина. Посидели на палубе катера, просто свесив ноги через борт, глядя в воду и думая о своем. Потом Натили искоса посмотрела на задумчиво-отрешенное лицо лейтенанта, сказала с виноватой улыбкой:

— Ты, наверное, меня ругаешь в душе, авун?

— За что? — поднял брови Франсуа.

— За то, что втянула в эту историю. Если бы я не рассказала тебе об Ифалиуке и не познакомила с ним...

— Все равно рано или поздно его обнаружили бы.

— Но ты бы не мучился со мной, выполнял бы свой долг, и все.

Франсуа притянул девушку к себе, поцеловал, глянул в ее черные, глубокие, печальные глаза.

— Кто сказал, что я мучаюсь? Все нормально, Тили. Я благодарен судьбе, что свела меня с тобой.

— Правда? — Глаза девушки вспыхнули, полные пунцовые губы приоткрылись, и Франсуа не удержался от поцелуя, долгого и желанного для обоих.

Запищала рация. Толендаль с сожалением оторвался от девушки, засмеялся, представляя лица наблюдателей, поднес наушник рации к уху.

— Чем вы там занимаетесь, лейтенант? — донесла мембрана недовольно-брюзгливый голос полковника Гарнье.

— Обсуждаем план контакта с Ифалиуком, — ответил Франсуа не моргнув глазом.

Динамик рации донес чье-то хихиканье, затем голос начальника полигона:

— Займитесь делом! В случае угрозы со стороны объекта убирайтесь прочь, с рифа вас снимет вертолет.

— Вертолет не понадобится, господин генерал. К тому же неизвестно, как на него отреагирует наш приятель.

Рене промолчал.

Толендаль выключил рацию, подмигнул Натили, откровенно любуясь ее грудью, кивнул:

— Ну что, коллега, начинаем?

Девушка улыбнулась, свесилась за борт и дважды звонко шлепнула ладошкой о воду.

Громада «бога лагуны» всплыла на поверхность через несколько минут. Подросший «малыш» помнил о своих друзьях среди людей и, несмотря на ракетно-бомбовые удары со стороны сородичей Натили, откликался на ее вызовы.

Два глаза Ифалиука остались такими же, как и прежде, разве что еще больше удлиннились, а вот третий превратился в «кратер вулкана» с блестящим черным зрачком на дне. Франсуа вдруг вспомнил дымно-звездный луч, сбивший самолет, и понял, что этот глаз «бога лагуны» на самом деле представляет собой какой-то неизвестный вид оружия.

— Скажи ему, что у нас всего два дня, — пробормотал Толендаль. — А потом, если он не перестанет нападать на корабли, его накроют более мощными ракетами.

— Он знает, — тихо сказала Натили. — Он не хочет больше встречаться с нами.

— Почему?

— Потому что это опасно... для нас. И еще он... —
Девушка не договорила.

Сзади на палубу катера вдруг ловко взобрался аквалангист в необычном блестящем костюме, за ним второй. Оттолкнув Толендаля, первый бросил в черный глаз-кратер Ифалиука блеснувший металлом предмет, а второй рывкнул, сбивая с ног Натили:

— Ложись!

Блестящий предмет вонзился в глаз «бога лагуны» и взорвался, оказавшись гранатой с мощным зарядом. Сноп огня ударил фонтаном вверх, породил три ярких огненно-дымных языка, и тут же раздался еще один взрыв, глуше, но массивнее, тяжелее. От него сотряслось все тело Ифалиука, а вместе с ним и вода в лагуне.

Катер отшвырнуло прочь от этого места на несколько метров, аквалангистов и Толендаля с девушкой снесло с палубы, как пушинки, и это их спасло. Непередаваемо низкий, уходящий в инфразвук рев прокатился над лагуной — крик Ифалиука, хотя было непонятно, как он кричал — без рта, а затем во все стороны от его тела рванули десятки змеящихся желто-зеленых молний, испарили катер, искромсали уцелевшие кое-где пальмы на рифе и пробили в самом рифе десятки брешей, окончательно разрушая атолл...

Толендаль и Натили пришли в себя уже на палубе быстроходного спасательного глиссера, уносящего их от атолла Муруроа. Девушка закричала, с плачем стала вырываться из рук морских пехотинцев, глядя на отдаляющуюся полоску раздробленного на куски рифа, потом застыла в объятиях Франсуа.

Через несколько минут глиссер подняли на борт сторожевика, лейтенанта и девушку проводили в каюту, но Толендаль уперся, не желая заходить.

— Мне надо поговорить с генералом Рене, это очень важно.

— Не велено, — сказал мордастый молодой парень с лихо сидящим на голове голубым беретом. — Ждите.

— У меня важное сообщение...

— Проходи. — Морпех подтолкнул Франсуа к двери каюты, в которой уже скрылась безучастная ко всему Натили, и тогда лейтенант без замаха въехал локтем в солнечное сплетение мордоворота и добавил рубящий удар по толстой шее. Пехотинец с грохотом рухнул на гофрированный пол коридора.

Его напарник у трапа оглянулся, рванул было с плеча автомат и замер, глядя в зрачок автомата, который направил на него Толендаль.

— Я вас тут всех положу, мальчик, — проникновенно сказал Франсуа. — Иди и доложи командиру, что я хочу поговорить с генералом Рене. Понял?

Пехотинец, знавший лейтенанта в лицо, кивнул.

— Иди.

Проследив за парнем, Франсуа заглянул в каюту:

— Тили, я сейчас вернусь, выясню, что там и как. Не выходи из каюты.

— Ты думаешь, он жив? — Девушка подняла на лейтенанта печальные глаза, имея в виду Ифалиука.

— Конечно жив, ему не страшны даже бомбы, а тут была одна граната.

— Но он кричал!

— Я бы тоже закричал на его месте. Граната все же не комариный укус. Но я уверен, что Ифалиук жив. Узнаю и приду, жди.

Франсуа закрыл за собой дверь каюты и стал ждать возвращения морпеха, напарник которого начал подавать признаки жизни.

За ним пришли через пять минут трое мощных лбов с автоматами и командир подразделения, которым оказался Буангвиль.

— Ну и влип ты, красавчик! — зловеще ухмыльнулся он. — Придется тебя снова отправить на губу, приказ майора. Так что извини, но...

В ту же секунду Франсуа дал очередь вдоль коридора, рванул к себе «приятеля», перехватывая его руку и упирая в бок ствол автомата. Сказал, отступив к стене:

— Ребятки, зовите майора, иначе я из него сделаю красивый труп. Вы меня знаете, я слов на ветер не бросаю. Не так ли, Жорж?

Один из морских пехотинцев, знавший Толендаля, кивнул. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Тогда беги за майором, а то обмочится парень.

Двое из «дубленных загривков» потрусили по коридору к трапу и исчезли. Из кают по обе стороны коридора начали выглядывать привлеченные шумом матросы, появился старпом корабля, но вмешиваться не стал. Через пять минут появился хмурый командир батальона майор Леблан.

— Что бузишь, Толендаль? Что за концерт ты тут устроил?

— Мне надо поговорить с генералом, — шепотом сказал Франсуа, успокаивающе махнув рукой выглянувшей Натили. — Это очень важно. И если вы меня не отведете к нему, меньшее, что вас ждет, — это разжалование!

— Не пугай, — усмехнулся чем-то похожий на лейтенанта майор, посмотрел на морских пехотинцев: — Опустите пушки, парни. Пошли, лейтенант.

Они вышли на палубу, спустились в катер и вскоре подошли к авианосцу, на котором расположился со своим штабом генерал Рене.

В каюте генерала находились еще трое человек: представитель Комитета по внешней оборонной политике, полковник Гарнье и работник контрразведки, прилизанный, мышинового вида, с неприятной

ухмылкой на бледных губах. Франсуа уже знал, что его зовут Люком Перри. Удобно расположившись в шезлонгах вокруг телемонитора, они беседовали и пили пиво. Франсуа непроизвольно облизнул пересохшие губы, но никто из присутствующих не догадался предложить ему чего-нибудь выпить.

— Слушаю, лейтенант, — глянул на него генерал Рене, сухой, загорелый, с ледяными глазами и ничтойкой усом. — Мне доложили, что вы устроили настоящую войну, чтобы встретиться со мной. В чем дело? Что вы хотите сообщить?

— Что с Ифалиуком?

— Вы имеете в виду ската? К сожалению, цел и невредим, по обыкновению лежит на дне. Посбивал, кстати, все телекамеры на атолле, отогнал катера... В общем, мы имеем полное право принять адекватные меры, уничтожить его, как опасное агрессивное животное.

Толендаль с недоверием посмотрел на генерала, потом на полковника Гарнье.

— Но вы же первые напали! Кто придумал бросить гранату в его глаз? Зачем?

Присутствующие в каюте переглянулись.

— Вы, собственно, зачем сюда явились? — ледяным тоном осведомился полковник Гарнье. — Адвокаты монстру не нужны. Говорите, что хотели сказать, или убирайтесь.

— Хорошо, я скажу. — Толендаль глубоко вздохнул. — Генерал, Ифалиук передал, что, если вы попытаете атаковать его ракетами с более мощным зарядом, чем прежде, он ответит адекватно. Авианосец вас не спасет.

— Он так прямо и сказал? — усмехнулся бледными губами контрразведчик.

Франсуа посмотрел на него:

— Это, случайно, не ты предложил бросить гранату, слизняк?

— Но-но, лейтенант, не забывайтесь! — загремел генерал, сдвигая брови.

— Ну я, — снова растянул в улыбке губы Люк Перри, с превосходством и жалостью посмотрев на Толендаля. — И что из этого следует?

— Ничего, — сжал зубы Франсуа, поворачиваясь, чтобы выйти, потом вдруг прыгнул в глубину каюты и в прыжке ударил улыбающегося контрразведчика ногой в лицо. Прилизанный молодой человек улетел в угол вместе с шезлонгом, сбив экран телемонитора, генерал и полковник Гарнье вскочили, но Толендаль не собирался драться со всеми присутствующими. Уронив руки, он остановился посреди каюты и вспомнил слова Натили: «Он не хочет больше встречаться с нами, потому что это опасно... для нас». Вероятно, Ифалиук знал, чем в конце концов закончится его контакт с людьми.

Он проснулся оттого, что по щеке проползло что-то мокрое и прохладное. Не открывая глаз, прислушался. В трюме сторожевика, где располагался бункер гауптвахты, было тихо, но рядом слышалось чье-то легкое дыхание. Снова щеки коснулось что-то прохладное... Женская ладонь!

Франсуа открыл глаза и рывком сел на привинченной к стене койке. В скудном свете, сочившемся в помещение из щели под дверь, блеснули глаза Натили, на губы лейтенанта легли ее пальцы, к уху приблизились горячие губы.

— Мне удалось уговорить охранника... он теперь спит. Пошли отсюда.

— Куда? — спросил шепотом Толендаль, натягивая на себя помятый офицерский костюм; спал он из-за жары и духоты в одних плавках.

— Катер готов, стоит под кормой. Надо попасть в лагуну.

— Зачем?

— Утром с подводной лодки по атоллу будет запущена ракета с ядерной боеголовкой. Надо предупредить Ифалиука, он успеет уйти на момент залпа.

— Ты с ума сошла! После того инцидента с гранатой он не подпустит нас на пушечный выстрел!

— Я могу поплыть одна, оставайся.

Франсуа покачал головой, удерживая руку Натили, притянул ее к себе и, несмотря на сопротивление, поцеловал.

— Нет, ты все-таки сумасшедшая!

Стараясь не производить шума, они выскользнули в трюм, поднялись по трапу наверх, обошли сидящего на полу в глубокой задумчивости охранника и шмыгнули по палубе мимо артиллерийской установки в корме. Ночь была безлунная, никто их не увидел.

Спустились по канату на палубу скоростного глссера, вытравили шкот, оттолкнулись, и Толендаль начал бесшумно грести специально подготовленными веслами.

Шум на сторожевике начался, когда они отплыли метров на двести. По палубе забегали люди с фонарями, раздались команды, загорелся прожектор на корме. Тогда Толендаль включил двигатель и уже не таясь погнал глссер напрямик к атоллу, располагавшемуся в трех милях к северу. Натили подсказывала курс, хорошо ориентируясь на море ночью.

Их не преследовали и стрелять по глссеру не стали. То ли командиры решили дождаться утра, а потом выловить беглецов в лагуне, то ли имели другие цели. Таким образом, Толендалю и девушке никто не мешал миновать риф и войти в лагуну. Проплыв еще с милю, лейтенант остановил свой быстроходный катер.

— Ну и что мы будем делать дальше?

— Ничего, — серьезно ответила девушка. — Звонил полковник Лeko...

Франсуа присвистнул. Он совсем забыл о рации, которую им оставил Морис.

— Рация у тебя?! Что он сказал?

— Он сейчас на полигоне в Неваде. Дела там обстоят примерно так же, как и у нас: динозавров двое и их хотят уничтожить. Но он надеется все-таки выйти на них и рассказать об Ифалиуке. Велел нам держаться, тянуть время...

— Как же, потянешь тут время. — Толендаль сплюнул, оглядывая звездное небо. — Завтра Рене выбросит десант, выловит нас и сбросит ракету...

— Пусть попробует! — В голосе Натили послышались гневные нотки. — Я попрошу Ифалиука помочь... десант здесь не высадится. А мы будем сидеть и ждать, сколько хватит терпения, пока Лeko не даст команду уходить. Пусть осмелятся пустить ракету или сбросить бомбу на нас.

Франсуа хмыкнул, прошелся по шаткой палубе глассера на корму, где сидела девушка, присел рядом.

— А если они осмелятся?

— Тогда мы умрем.

Толендаль снова хмыкнул, потом засмеялся, лег на палубу, раскинув руки и глядя на крупные звезды.

— Хотел бы я видеть рожи генерала, полковника Гарнье и этого мерзавца, Перри! Ты не боишься... умереть?

Натили нагнулась к нему, погладила кончиками пальцев грудь, подбородок, щеки, губы, прильнула к нему всем телом.

— Не боюсь. А ты?

— Я тоже... — пробормотал лейтенант, крепче обнимая подругу, жизнь без которой стала ему не мила.

И звезды закружились вокруг них...

Драма 3

КОНИ

Кемпер позвонил в семь утра, когда Алиссон еще спал.

— У телефона, — буркнул Алиссон, сцапав трубку с аппарата со второго захода.

— Привет, Норман, — раздался в трубке далекий голос Кемпера. — Спишь, наверное, как сурок?

— Хэлло, Вирджин! — отозвался Алиссон, улыбаясь во весь рот, сел на кровати. — Рад тебя слышать, старина. Ты, как всегда, звонишь в самый неподходящий момент. Откуда свалился на этот раз?

— Я в Неваде, есть тут такое райское местечко — городок Тонопа, слышал? Жара под пятьдесят, вода на вес золота, женщины еще дороже. Но не в этом дело. Ты сможешь прилететь ко мне через пару дней?

Сон слетел с Алиссона окончательно.

— Брось разыгрывать. — Норман не выдержал и засмеялся. — Хватит с меня прошлого раза, когда ты прислал мне целый скелет диметродона.

Кемпер хихикнул в ответ, но продолжал вполне серьезно:

— Скелет я сделал что надо, хотя и не без помощи твоего друга Стива, даже ты поверил, профессионал. Но сейчас иной разговор. Да и не в настроении я, честно говоря, приглашать друга за тысячу миль для розыгрыша. Ты же знаешь, я работаю на полигоне и сверху высмотрел кое-что любопытное, даже сенсационное. Короче, прилетай, по телефону всего не расскажешь. Перед отлетом позвони, я встречу. — Кемпер продиктовал шесть цифр, и в трубке зачирикали по-воробьиному гудки отбоя.

Алиссон автоматически записал номер телефона, положил трубку, посидел с минуту, потом лег. Но сон не приходил.

Вирджин Кемпер был летчиком на службе¹ и второй год работал в отряде ВВС, обслуживающем ядерный полигон в Неваде: фотометрия, киносъемка, радиационный контроль. Ему шел тридцать третий год, и парень он был серьезный, хотя и с хорошо развитым чувством юмора. Случай, о котором вспомнил Алиссон, произошел в прошлом году: Кемпер прислал Норману громадный ящик, в котором находились якобы части скелета диметродона — древнего спиннопарусного ящера. Алиссон работал в Пенсильванском институте палеонтологии и археологии и был специалистом по мелу, то есть по меловому периоду мезозойской эры. Посылке он обрадовался, но скелет оказался довольно искусной подделкой, раскрывшей талант Кемпера по части розыгрышей. Однако одно дело — прислать «останки ископаемого динозавра» по почте, и другое — приглашать друга-палеонтолога на другой конец материка за тридевять земель в гости для демонстрации какой-то сенсационной находки. Не мог же Вирджин шутить так непрактично: на один только билет от Питтсбурга до Тонопы придется ухлопать три-четыре сотни долларов. Что же он там увидел в пустыне?

Алиссон занялся завтраком, потом позвонил Руту Макнивену:

— Салют, холостяк! Хорошо, что тебя можно заставить дома хотя бы по воскресеньям. Мне нужен отпуск за свой счет, примерно на неделю, может быть, две.

В трубке раздался смешок заведующего лабораторией.

— А место на Арлингтонском кладбище тебе не нужно? Могу уступить свое. — Макнивен шутил часто, но не всегда удачно. — Ты что, решил жениться второй раз?

¹ Гражданские лица могут работать в армии США по найму.

— Нечто в этом роде. Еще мне нужны дозиметр, счетчик Гейгера и аптечка.

Тон Макнивена изменился.

— А как я объясню это директору? Если ты собрался в экспедицию, действуй официальным путем.

— Официальным не могу, мне надо навестить приятеля, срочно. Придумай что-нибудь, завтра в десять я должен быть в аэропорту. Спасибо, Рут!

Не давая Макнивену опомниться, Алиссон нажал на рычаг и начал обзванивать соответствующие службы по бронированию мест на самолет и доставке билетов на дом. Затем нашел карту штата и углубился в изучение географии окрестностей Тонопы. Если уж он брался за дело, то готовился к нему основательно, с тщанием опытного, битого не раз человека, закаленного многими жизненными передрыгами.

Он был старше Кемпера на три года, но склонность к риску, даже порой с оттенком авантюризма, проглядывала в его облике так четко, что в свои тридцать пять Алиссон выглядел студентом, а не доктором палеонтологии и археологии с восьмилетним стажем. «Мальчишеский» вид уже не раз сыграл с Норманом злую шутку, в том числе и в браке, когда на третьем году супружеской жизни жена вдруг вознамерилась командовать им, упрятать «под каблук», по выражению Кемпера, из-за чего и произошел раскол семьи. Тем не менее Алиссон не потерял ничего из того, что ценил: независимость и мальчишескую улыбку.

В понедельник утром Алиссон упаковал в саквож дозиметры, щупы, пинцеты, молоток, нож, набор пакетов и в десять утра вылетел на «Боинге-747» компании «Эйр Пенсильвания» в Лас-Вегас, откуда самолет местной линии за два часа без происшествий доставил его в Тонопу.

Кемпер ждал его возле трапа — загорелый, худой, улыбающийся ослепительной улыбкой киноактера. Волна выгоревших до желтизны волос падала на его жилистую шею, скрывая старые шрамы. Одет Вирджин был в летный комбинезон, сидевший на нем как собственная кожа.

Они обнялись.

— По норме полагалось бы отвезти тебя сначала в отель, — сказал Кемпер, отбирая саквояж Алиссона и показывая рукой на стоящий неподалеку джип. — Садись, это наша. Но у меня изменились обстоятельства. Сейчас мы поужинаем, ты расскажешь о себе — и в путь.

— То есть как — в путь? — Ошеломленный Алиссон безропотно дал усадить себя в машину. Кемпер сел рядом, и джип резво побежал по бетонному полю к левому крылу аэропорта — длинному барaku из гофрированной жести.

— У нас с тобой всего два дня плюс сегодняшней вечер на все изыскания. В среду намечается очередное испытание... э-э... одной штучки.

— Не мнись, что вы там взрываете?

Кемпер засмеялся, останавливая машину так, что Алиссон едва не проломил головой ветровое стекло.

— Всего полсотни килотонн под названием «Тайгершарк», и, что главное, совсем недалеко от того места, куда я тебя везу на экскурсию, километрах в пятнадцати. Поэтому-то и надо поторопиться.

Они спустились в полуподвал и поужинали в столовой для летного состава аэропорта, рассказывая друг другу последние новости.

— Ну а чем конкретно ты занимаешься в настоящее время как ученый? — поинтересовался Кемпер, не страдающий отсутствием аппетита ни в молодые, ни в зрелые года.

— Пишу трактат о пользе вреда, — булькнул куриным супом Алиссон. — Причем уже второй.

— А без шуток?

— Я вполне серьезно: занимаюсь теорией пользы вреда. Ты уже слышал, наверное, что динозавры вымерли около трехсот миллионов лет назад?

— Ну, раз их нет сейчас, то, очевидно, вымерли.

— Есть несколько гипотез, определяющих причины регрессии рептилий: вспышка сверхновой звезды недалеко от Солнца, долгая галактическая зима — из-за попадания Земли в полосу пыли, накопление ошибок в генетическом коде и так далее. Все эти факторы нанесли непоправимый ущерб фауне и флоре нашей планеты, не так ли? Ну а я пытаюсь доказать, что такой вред чрезвычайно полезен для эволюции приматов и вообще прогрессирующих форм жизни.

— По-моему, это ерунда.

— Истина ничуть не страдает от того, если кто-нибудь ее не признает, как сказал Шиллер. Ты его не знаешь?

— Откуда я могу знать твоих сотрудников? Я не о том, просто можно было бы найти проблему поинтересней. Правильно я тебя оторвал от рутины, чувствую — сохнешь на корню в тиши кабинета. Вон даже морщины на лбу появились... от усилий сохранить умное выражение лица.

— От такого слышу. — Алиссон улыбнулся. — Раз шутишь, значит, дела твои идут неплохо. А за то, что вытащил из города, спасибо, я действительно никуда в последнее время не выезжал. По теории моего непосредственного босса Макнивена, город наносит организму человека комплексную травму, и надо бывать в нем как можно реже. Так ты мне скажешь наконец, зачем вызвал? Я еще не миллионер, чтобы ни за что ни про что выкладывать триста шестьдесят долларов за перелет из Питтсбурга в Тонопу.

— Миллионы нас ждут в пустыне, увидишь сам. — Вирджин расплатился за ужин, и они снова залезли в джип.

Самолет Кемпера стоял в ангаре под охраной мрачного капрала ВВС предпенсионного возраста. Вирджина здесь знали, и проблем никаких не возникло, никто даже не спросил, кто с ним летит, и куда, и по какому поводу. Алиссон оглядел самолет: моноплан фирмы «Локхид» с выпирающим брюхом и блямбой на носу — локатором в обтекателе, а также с дюжиной контейнеров на подвесках под крыльями.

Кемпер помог другу устроиться в кабине за сиденьем пилота, и через двадцать минут они взлетели в сторону низко опустившегося солнца. Алиссон и сам не любил проволочек, ожидания и размеренного ритма бытия, но и он был поражен тем, как быстро Вирджин принимает решения и, главное, претворяет их в жизнь.

Алиссон не слышал, как их самолет дважды окликали по радио посты радиолокационного охранения полигона, борясь с внезапно забастовавшим организмом: хотя Норман был физически крепок и вынослив, но и его вестибулярный аппарат в результате десятичасового пребывания в воздухе начинал барахлить. Справившись с «вестибуляркой», Алиссон задумался над глубокой философской проблемой: какая причина побудила его принять участие в очередной аванюре Кемпера. Дружили они с детства, и всегда заводилой во всех компаниях и похождениях был Вирджин.

Они почти не разговаривали, хотя Кемпер дал шлем с ларингофонами и пассажиру. Лишь когда солнце зашло и внизу перестали встречаться огни — свидетели вторжения человека в жизнь гори-

стой пустыни Невада, Вирджин окликнул палеонтолога:

— Не уснул, старина? Скоро будем на месте. Я там давно высмотрел неплохую ровную площадку и на своем «ишаке» сяду даже с закрытыми глазами, так что не дрейфь.

— А я думал, что придется прыгать с парашютами, — меланхолично пошутил Норман.

Кемпер фыркнул.

— За всю жизнь я прыгал с парашютом всего два раза, третий был бы лишним. Смотри вниз, вправо по борту градусов десять.

Алиссон напряг зрение и через минуту в хаосе коричневатых-черных бугров и рытвин под самолетом разглядел маленькое облачко зеленовато-желтого свечения.

— Что это?

— То самое, из-за чего я оторвал тебя от комфортного туалета. Держись крепче, сейчас немного потрясет.

«Ишак» резко завалился влево, нырнул вниз, земля и вечеряющее небо поменялись местами, но ненадолго. Когда Алиссон сориентировался, самолет уже катился по твердому грунту, подпрыгивая на неровностях почвы, вонзая вперед столбы прожекторного света. Остановился, пробежав метров двести. Кемпер выключил моторы, и наступила пульсирующая тишина.

— Жив, орел?

— И весел, — вяло пошутил Норман.

— На место пойдем завтра. — Вирджин снял шлем и оглянулся. — Э, да ты совсем квелый, парень. Посиди здесь, пока я поставлю палатку.

— К черту, — сказал Алиссон, проведший в воздухе в общей сложности одиннадцать часов с лишним. — Я способен уснуть и так. Разбудишь завтра к вечеру... а еще лучше, послезавтра. Что там светилось так красиво? Радиация?

— Фон, конечно, выше, чем везде в пустыне, кроме «нулевых точек»¹, но в костюмах, которые выдаются всему летному составу полигона на время испытаний, пройти можно. Отдыхай и не забивай голову вопросами, сам все увидишь, оценишь и пощупаешь.

Алиссон кивнул и провалился в сон, как в пещеру. Он не проснулся даже тогда, когда Кемпер перенес его из кабины в палатку и впихнул в спальный мешок, сняв только мокасины.

Летчик поднимался первым, и Алиссон видел только склон горы и подошвы его сапог. Оба обливались потом, облаченные в блестящие антирадиационные балахоны с яйцевидными шлемами, несмотря на включенные системы терморегуляции. Идти мешали россыпи крупных и мелких валунов, собирающиеся в длинные моренные гряды.

Солнце еще не встало, но было уже светло, расцвет в горах занимался рано. Воздух на высоте полутора тысяч метров был прозрачен и чист.

— Не понимаю, — пропыхтел Алиссон.

— Ты о чем? — обернулся Кемпер.

— Не понимаю, зачем ты меня сорвал с места. По горам я мог бы полазить и у себя дома. Здесь нужны сильные ноги, а не умная голова.

— Не спеши, умник, уже не много осталось. Если бы не эти камни, мы были бы на месте давно.

— Это не камни — дропстоны.

— Что-что?

— Эрратические валуны.

— Не объясняй икс через игрек. Какие валуны?

¹ «Н у л е в ы е т о ч к и» — места подземных ядерных взрывов.

— Принесенные и обточенные ледником. Видимо, ледник был мощный и растаял недавно — пару десятков тысяч лет назад.

— Для меня недавно — пару часов назад.

Кемпер взобрался на гребень перевала и показал вниз:

— Вот оно, чуть ниже, прошу любоваться.

Алиссон остановился рядом, перевел дух.

С этой стороны склон горы без единого намека на растительность уступами спускался в долину древнего водного потока — сейчас там струился ручей с густой коричневой водой, а на площадке первого уступа располагался длинный каменный вал необычной формы с выступающими из камней толстыми дугами и остроконечными столбами серебристо-белого цвета. Что-то он напоминал, этот вал; смутные ассоциации зароились в голове Алиссона — где-то он видел нечто подобное, странно знакомое и волнующее. Он достал бинокль, подкрутил окуляры.

Кемпер щелкнул футляром дозиметра.

— Фон вполне сносный — семнадцать рентген. Вблизи будет около тридцати, но я долго прохлаждаться там не собираюсь, покажу кое-что, и назад. Отсюда, кстати, видно лучше. Ну, что тебе напоминает эта осыпь?

— Кладбище динозавров! — сообразил наконец Алиссон, у него даже дух захватило. — И ты молчал?!

— Во-первых, мог бы и сам догадаться, что я не поволоку палеонтолога в горы любоваться рассветом, а во-вторых, здесь почил всего один экземпляр, а не стадо динозавров.

Алиссон хмыкнул скептически, но чем дальше рассматривал останки, тем больше убеждался, что Вирджин прав. Перед ним лежал наполовину забитый землей и камнями скелет чудовищного, неизвестного науке гиганта, достигавшего в длину никак не менее двухсот метров! Колосс лежал на

спине, раскинув лапы, — их было почему-то пять, как показалось Алиссону, — и откинув назад голову, почти полностью скрывавшуюся в земле. Форма конечностей была в общем-то понятной, мало отличающейся от известных Алиссону форм скелетов древних пресмыкающихся, но все же хватало и деталей, назначение которых было неизвестно палеонтологу с первого взгляда. И еще пятая конечность, не хвост, хвост был виден — сорокаметровой длины, из позвонков размером с человеческую голову, с шипами, раздваивающийся на конце, — а именно скелет лапы, странной, напоминающей скелет зонтика.

— Вот это да-а! — сказал наконец Алиссон, опуская бинокль. — С ума можно сойти! Удружил ты мне, ничего не скажешь! Или это потрясающее открытие, сенсация века, или снова твои шутки.

Кемпер засмеялся:

— Как говорил Дидро, неверие — первый шаг к философии. Скептицизм — худшее из мировоззрений, хотя, с другой стороны, ученый обязан быть замешан на изрядной доле скепсиса. Пошли, покажу главное.

Они опустились на сто метров ниже и приблизились к полузасыпанному, вернее, наполовину вылупившемуся из почвы скелету отжившего свой век исполина. Обошли кругом, прислушиваясь к треску счетчика Гейгера в руке Вирджина: радиация вблизи скелета достигла сорока четырех рентген в час.

Цвет костей был или серебристо-серым, или белым, словно они были покрыты инеем, но пальцы Алиссона в перчатке защитного комбинезона ощутили твердый монолит, похожий на гофрированную сталь. Кемпер остановился возле пятиметрового бугра с тремя ямами, расположенными на одной линии, стукнул в макушку бугра кулаком.

— Череп полностью в земле, придется очищать. Чувствуешь, какая громадина? Что тебе ковш двадцатитонного экскаватора!

Алиссон с дрожью в коленях погладил торчащий из-под камней осыпи снежно-белый шип, похожий на бивень мамонта.

— Что-то не припомню подобных находок... да и не знаю, могли ли такие гиганты жить на Земле, он же должен был весить не менее тысячи тонн! Как он себя таскал?

Кемпер пожал плечами:

— Спроси у него самого. Факты — упрямая вещь. А теперь загляни сюда. — Летчик взобрался на груды камней, протиснулся между двумя изогнутыми столбами и посторонился, пропуская палеонтолога вперед. Счетчик Гейгера, засунутый им в карман, заверещал сильнее.

Алиссон остановился на краю громадной ямы, окруженной частоколом наклонившихся серебристых столбов — это явно была грудная клетка исполина, внутри которой свободно уместился бы железнодорожный вагон. В центре ямы, глубина которой достигала семи метров, среди крупных и мелких камней выдавались три граненых глянцево-черных кристалла, заросшие щетиной, отсвечивающие серебром шипов. Над ними струилось марево нагретого воздуха, словно они были металлическими болванками, вынутыми из электропечи после нагрева. Макушки двух кристаллов были срезаны, открывая взору отблескивающие зеленым внутренности. У Алиссона внезапно родилось ощущение, что эти черные кристаллы — живые, и он сглотнул ставшую горькой слюну.

Кемпер отобрал у него фотоаппарат, сделал несколько снимков и завернул аппарат в освинцованную пленку.

— Давай за мной вниз, самое интересное там, у этих яиц, но задерживаться возле них нельзя — там

рентген восемьдесят, если не больше, наши «пингвины» такую радиацию долго не удержат.

Они спустились в яму, прыгая с камня на камень, пот заливал глаза, но вытереть его мешало стекло гермошлема. Температура воздуха в яме держалась на уровне семидесяти градусов по Цельсию.

Кемпер подошел к одному из многогранников, поверхность которого украшал рисунок трещин, нагнулся к срезу, заглянул и тут же уступил место Алиссону. Тот наклонился над горячим щетинистым срезом кристалла и остолбенел. Кристалл на самом деле оказался верхним концом огромного яйца, заполненного прозрачно-желтым желе, в котором плавал «желток» — светящийся нежно-зеленым светом, свернувшийся в комок... зародыш! Из переплетения каких-то жил, крючьев, лап и перепонок на Нормана глянул пристальный немигающий глаз!

Алиссон сглотнул комок в горле и с трудом оторвал взгляд от этого странного, завораживающего, не человеческого, да и не звериного, а скорее птичьего глаза, в котором, однако, пряталась не то мука, не то смертельная тоска.

— Идем отсюда, — потянул летчик Алиссона за рукав. — Потом придем еще раз с лопатами и кинокамерой, возьмем образцы.

Палеонтолог словно в ступоре последовал за ним, но на полдороге к подъему из ямы вернулся и еще раз заглянул внутрь чудовищного яйца — теперь было совершенно очевидно, что это именно яйцо с живым зародышем! Как специалист, Алиссон знал, что его коллеги не раз находили яйца динозавров, но окаменевшие, утратившие прежние качества и материальный состав, однако живых яиц не находил никто, он был первым...

— Я не хотел заявлять об этом один, — сказал Кемпер, когда они выбрались наверх, на уступ, и смотрели на останки монстра. — Да и времени,

честно говоря, не было, второй месяц испытания идут одно за другим, передохнуть некогда. Мой напарник заболел, и я срочно позвонил тебе. Кстати, когда я нашел скелет, яйца были целые, дырки в них появились только неделю назад.

— И ты никому ничего не говоришь?

— Какой смысл? Здесь никто не ходит, никто не летает, кроме спецбригады обслуживания полигона, так что сохранность тайны обеспечена, и денежки за сенсацию все наши. Интересная зверюга была, а? И радиация ей нипочем!

— Похоже, она сама была радиоактивна, радиация полигона тут ни при чем. — Не обращая внимания на стекающий по лицу пот, Алиссон снова достал фотоаппарат и доснял пленку до конца. — Любопытно, что помогло скелету выбраться на белый свет? Судя по базальтам, это ларамийская складчатость, конец мела — начало палеогена...

— Оползень, — сказал Кемпер. — Все четыре уступа образованы оползнями, последний и вскрыл скелет. Это же полигон, каждый взрыв трясет землю не хуже, чем природная стихия.

— Мезозойская эратема, — бормотал Алиссон, не слушая друга; он все еще находился в трансе. — Фанерозой... ни триас, ни юра, ни мел не могли породить таких гигантов... совершенно невозможная вещь!.. Даже бронтозавры не могли жить только на суше, как и сейсмозавры, и большую часть жизни проводили в воде, а ведь весили они всего-навсего около сотни тонн... Понимаешь?

Кемпер развернул палеонтолога спиной к своему открытию и повел, упирающегося, обратно к самолету.

— Рад, что тебе интересно, но пора и отдохнуть.

— Радиация... — продолжал бормотать Алиссон. — Может быть, все дело в радиации? Просто перед нами результат мутации, обособленная экологичес-

кая ниша? Чем не гипотеза? Впрочем, любое живое существо на Земле должно быть приспособлено к ее гравитации, это закон. Что ж, выходит, этот провозвестник апокалипсиса не подчинялся законам физики? Как он таскал свое тысячетонное тело? Никакие мышцы не в состоянии этого сделать и никакие кости не выдержат такой вес!

— Снова ты о своем. Вот же он, перед тобой, можно пощупать руками. У него кости словно из металла, я пробовал отломить кусочек — не смог даже с помощью пассатижей. Попытаемся взять анализы под вечер, когда немного спадет жара, я буквально плаваю в поту, никакой регуляции в этих саванах, врет реклама...

Они с наслаждением сбросили с себя «пингвины», вымылись водой из бака, пропахшей пластиком и железом, и переоделись в сухое.

Алиссон никак не мог успокоиться, у него от волнения дергалось веко, а он, растирая глаз, все бормотал что-то, исписывая страницу за страницей своего член-корреспондентского блокнота, привезенного из Стокгольма месяц назад. Кемпер только посмеивался над проснувшимся в палеонтологе профессионалом, понимая, что Норман сам придет в себя и станет прежним Алиссоном, простым и веселым.

В шесть часов вечера они предприняли еще один поход к скелету неизвестной твари, которой Алиссон дал название «суперзавр» — сверхъящер. Полюбовались на плавающих в зеленом желе зародышей, готовых вот-вот явиться на свет, и попытались откопать череп суперзавра, утонувший в обломочном материале почти по шейные позвонки. Но, во-первых, в скафандрах работать лопатой было неудобно, изыскатели вспотели уже через несколько минут ра-

боты, а во-вторых, для освобождения черепа нужен был по меньшей мере ковшовый экскаватор, потому что Алиссон определил длину головы исполина метров в пятнадцать. И, наконец, в-третьих, радиация возле скелета была все-таки выше защитных свойств «пингвинов», предназначенных для работы в горячих зонах атомных реакторов на подводных лодках с радиацией не выше сорока — пятидесяти рентген в час.

И все же Алиссон сумел уловить характерные особенности строения черепа зверя — череп внутри был свободен от камней и почвы и просматривался хорошо даже без помощи фонаря — и, придя в лагерь, набросал сначала его эскиз, а потом и реконструкцию головы ящера. Получилось нечто экзотическое, непривычное, ни на что не похожее. Алиссон даже засомневался и сделал необходимые расчеты, но рисунок не изменился: голова суперзавра представляла собой сложный агрегат из тех подвижных рыл с рогами, причем глаз у этого монстра было тоже три — один спереди и два по бокам. Хотя вполне могло случиться, что отверстия, которые Алиссон принял за глазные, на самом деле служили для других целей.

— Ну и урод! — пробурчал потрясенный Кемпер. — Ты, случайно, не последователь Босха или Сальвадора Дали? Этот зверь больше похож на бурильную установку, чем на живое существо. Ничего похожего на твоих обычных динозавров.

— Обычных! — Алиссон усмехнулся. — Ты говоришь так, будто сызмальства охотился на них с луком и копьем. Знаешь, сколько видов зверья репродуцировала природа в мезозое? Около ста пятидесяти тысяч! А мы знаем, вернее, рассчитали облик всего трех с небольшим тысяч видов, то есть два процента, а раскопали и реставрировали и того меньше. Никто не может представить, какие чудища жили в те времена.

— Но мы же наткнулись на одно из них...

Алиссон покачал головой:

— Не уверен.

— Что?! Уж не хочешь ли ты сказать, что и этого монстра я смастерил своими руками?

— Нет, не смастерил, сие не под силу и всему нашему институту, но у меня мелькнула мысль: вдруг наш сверхъестественный не является жителем Земли?

Кемпер перестал помешивать в котелке суп из концентрата, варившийся на походной спиртовой горелке.

— Ты неоригинален. В свободное время и я почитываю научно-популярную литературу и знаю, что такое панспермия. Хочешь сказать, что спора или яйцо этого чудовища выпало на Землю из космоса, а он потом здесь родился? Лично мне нравится первая гипотеза: суперзавр — детище мутации. В истории Земли столько белых пятен, что нет смысла искать пришельцев там, где их нет. Природа более изобретательна, чем мы думаем. Во всяком случае, Богу с ней не сравниться.

Алиссон с проснувшимся любопытством слушал летчика, вдруг открыв в нем качества, которых еще не знал: любознательность, начитанность и способность к философским обобщениям.

— Бога нет, — сказал он. — Вернее, я в него не верю.

— Я тоже. «В мире столько безумия, что извинить Бога может лишь то, что он не существует», как сказал Стендаль.

— Не помню, кто сказал, что безумие — избыток надежды.

— В таком случае я безумен сверх меры. — Кемпер налил в алюминиевые тарелки дымящийся суп. — Я настолько безумен, что надеюсь дожить до глубокой старости.

Алиссон покачал головой, но продолжать разговор не стал.

Мысли вернулись к находке, и его снова увлекла пропасть тайны, которая крылась в появлении на свет суперзавра с живыми зародышами. Поужинав, он поднялся на небольшую пирамидальную скалу и оглядел окрестности «посадочной площадки», где приземлился их «беременный ястреб», как назвал самолет палеонтолог, или «ишак» — по образному выражению Кемпера.

Серо-белую твердь каменной пустыни уже расчертили длинные черные тени от удивительных геологических структур — даек, напоминающих огромные, будто воздвигнутые человеческими руками коричневые стены, ориентированные как спицы гигантского колеса. Это были остатки древних лавовых потоков, излившихся через трещины в эпоху вулканизма и горообразования. Конусовидные, зубовидные скалы-штоки застыли сторожами древних вулканов, конусы которых были разрушены эрозией. Сплюснутый багровый овал солнца падал за горизонт в пелену пыли. Белый шрам — след высотного самолета — делил чашу неба пополам и вонзался в солнце оперенной стрелой злого охотника-великана.

Алиссон вдруг ощутил — не услышал, а именно ощутил — тишину пустыни: громадное пространство вздыбленного камня замерло в ожидании чего-то привычно ужасного, как укол для больного ребенка, но крылось в этом молчании еще и терпеливое спокойствие матери, и суровый укор отца...

— А вообще-то странно, — раздался над ухом голос Кемпера.

Алиссон вздрогнул, оглянулся:

— Ты о чем?

— Странно, что в таком хаосе отыскалась приличная ровная площадка, и как раз в самом интересном, с точки зрения геологии, месте.

— Насчет геологии не знаю, а с точки зрения палеонтологии — точно.

— Вот я и говорю. Пошли еще разок посмотрим издали на нашу золотую жилу и ляжем спать. Завтра утром я должен быть в воздухе, испытание ровно в двенадцать по местному, перенесли гады на сутки вперед. Побудешь один, а потом я за тобой прилечу.

— А тут оставаться не опасно? Если до эпицентра всего пятнадцать километров...

— Не дрейфь, взрыв подземный, потряхнет маленько, и все. Не подходи близко к осыпи, чтобы не насыпало ненароком. Но если не хочешь оставаться, возьму с собой, хотя это прямое нарушение инструкции.

— Хорошо, останусь. Но тебе придется связаться с одним человеком в Питтсбурге, он нам понадобится как специалист.

— Кто он?

— Питер Маклин, биолог, неплохой парень... кстати, брат моей бывшей жены. Хотя он в этом не виноват.

Кемпер пожал плечами, но возражать не стал.

Антирадиационные костюмы надевать не стали, взяли только фонарь, дозиметр, фотоаппарат, зарядив его особочувствительной пленкой. Стемнело, когда они влезли на перевал и увидели мягкое переливчатое нежно-зеленое облачко свечения над полуутопленным скелетом суперзавра. Сами кости светились зеленым, а порода, земля и камни вокруг — желтым, лишь изредка в этой желтизне просверкивали алые и вишневые искры, словно тлеющие угли или сигареты. Смотреть на эту светящуюся феерию можно было не отрываясь всю ночь, но Кемпер знал пределы любознательности и риска.

— Очнись, Норман, здесь фон тоже небезопасен, а лишние рентгены мне ни к чему, да и тебе тоже.

Алиссон настроил фотоаппарат, сделал с десятков снимков, и они побрели назад, освещивая под ноги фонарем.

Перед сном Алиссон выглянул из палатки, и небо, запотевшее вокруг обломка луны перламутровым туманом, показалось ему твердым, как кость.

Кемпер улетел в десять утра, оставив Алиссону палатку, костюм, запас концентратов и винтовку.

— А она зачем? — вяло поинтересовался невыспавшийся Норман; его всю ночь мучили кошмары.

— Никогда не знаешь, что найдешь, что потеряешь, — усмехнулся летчик. — Пусть полежит в палатке, тебе все равно ее на себе не таскать, а есть она не хочет. Пожелаешь взглянуть на «нулевую точку» — вот тебе бинокль, забирайся на горку повыше и смотри, направление — норд. Хотя вряд ли что-нибудь увидишь, кроме разве что гейзера на-электризованной пыли.

Самолет Кемпера, издали действительно похожий на пузатую птицу, взлетел и скрылся за скалами. В пустыню вернулась тишина, подчеркиваемая редкими посвистами ветра. Алиссон вздохнул и принялся за работу.

За два часа он успел облазить скелет суперзавра, взять образцы почвы в пластиковые пакеты, сфотографировать все детали, уповая на то, что фотопленка выдержит кратковременное пребывание в радиоактивной зоне, и с благоговением и ужасом полюбоваться на зародышей внутри зловещих коконов: оба показались палеонтологу явно подростками за ночь и теперь упирались в стенки яиц подобием лап и хвостов.

Нагруженный ворохом впечатлений, Алиссон вернулся в лагерь, вспотев так, что рубашку и штаны пришлось выжимать. Он торопливо переоделся в сухое, захватил бинокль, собираясь взобраться на одну из ближайших скал-штоков, как вдруг издалека донесся нарастающий рокот, и над палаткой низко

пролетел военный вертолет. Алиссон видел, как пилот с изумлением — у него даже челюсть отвисла — смотрит на лагерь и трясет головой. Вертолет едва не врезался в склон горы, сделал пируэт и вернулся, завис над площадкой, подняв тучу пыли. Сел. Открылась дверца, из кабины вывалился пилот в черной форме, с вычурным шлемом на голове и, подбежав к Алиссону, закричал, перекрывая шум двигателей своей машины:

— Какого дьявола ты здесь торчишь, идиот?! Через три минуты «час ноль»! Тебе что, жить надоело?!

— Я бы не сказал, — пожал плечами Алиссон. — Разве «Тайгершарк» лежит прямо под нами? До него же километров пятнадцать.

Пилот на несколько секунд онемел, потом схватил Нормана за руку и поволок за собой. Палеонтолог вырвал руку, он ничего не понимал.

— В чем дело, мистер торопыга? Занимайтесь своим делом, я вам не мешаю.

Летчик смотрел на него, будто встретил разговаривающего осла.

— Парень, ты понимаешь, что говоришь? Ты из какого ведомства? Что-то я тебя раньше не встречал...

— Я тебя тоже и, по правде говоря, ни капли не страдаю от этого, — буркнул Алиссон. — Меня привез Кемпер.

— Вирджин? Так ты не из бригады яйцеголовых? Чтоб я сдох! Как же вас пропустили на территорию? Что ты здесь делаешь? — Рука летчика потянулась к кобуре пистолета.

— Я пакистанский шпион, — сказал Алиссон. — Хочу украсть секрет приготовления сдобного теста из радиоактивной пыли.

— Не шути, смельчак, не то пожалеешь, что родился. Отвечай на вопрос, когда тебя спрашивают вежливо.

— Я палеонтолог. — Алиссон на всякий случай примерился, как попроще обезоружить летчика. — Мой друг Кемпер обнаружил здесь скелет древнего динозавра... пригласил меня. А что, разве сегодняшнее подземное испытание чем-то отличается от других?

Пилот вздрогнул, бросил взгляд на часы.

— О Господи! Он же не знал... осталось полминуты, не успеем взлететь. За мной! — заорал он так, что Алиссон едва не оглох, и бросился под защиту ближайшей серо-коричневой стены дайки. Перепугавшийся Норман помчался за ним, понимая, что попал в какой-то непредвиденный переплет.

— Чего не знал Вирджин? — спросил он на бегу.

— «Тайгершарк» отменили, — прокричал летчик. — Вместо него сегодня испытывают подкритический «Аутбест». Худшего случая вы с Кемпером выбрать не могли.

Залегли в углублении под монолитным выступом какой-то черной породы, летчик вспомнил о брошенном вертолете, высунулся, но тут же втиснулся обратно.

— Ну все, перевод в другую часть обеспечен, черт бы тебя побрал!

— А что такое «подкритический»? — рискнул спросить Алиссон, машинально отсчитывая оставшиеся секунды.

— Глубина залегания заряда в пределах максимального выброса. То есть вспыхнет под землей, но макушка взрыва вылезет на Божий свет. А это означает, что в момент взрыва в пределах двадцатимильной зоны радиация будет на три порядка выше естественного фона... Все, время!

Где-то глубоко в недрах земли словно упал и разбился стакан — первый звук, коснувшийся слуха. За ним донесся длинный рыдающий стон — будто под неимоверной тяжестью рвались мышцы и сухожи-

лия, ломались кости у атлета-тяжеловеса, пытавшегося справиться с весом всей планеты. А потом началось: удар, гул, треск, визг! Алиссона подкинуло вверх, вниз, закачало, как на волнах, придавило. Ему показалось, что откололась скала, но это оказался вертолетчик, тяжелый, как его вертолет, и такой же твердый!

Встряска длилась всего семь секунд.

Гул стих, земля перестала качаться, эхо взрыва улетело умирать в пустыню.

— Встань с меня, сундук, — невежливо проговорил Алиссон, нащупывая шишку на темени.

Летчик вылез из убежища, прищурился на солнце и стал отряхиваться.

— Вот теперь можешь посмотреть... если не пропала охота.

Охота у Алиссона была. Сопя, он вскарабкался на скалу и в стороне, где прогремел ядерный взрыв, без бинокля увидел ровное серо-желтое поле до горизонта, пушистое, как туманная пелена. Пыль, понял он не сразу. Это пыль! Но почему такой ровный слой?

— Собирайся, приятель, — буркнул, появляясь на скале, пилот; на пелену пыли он даже и не взглянул. — Полетишь со мной, на базе выясним, кто тебя сюда закинул, Вирджин или... — Глаза летчика вдруг остановились. — А это еще что такое?!

Алиссон посмотрел в том направлении. Над россыпью каменных обломков, курившихся пылью, торчало нечто желто-оранжевое в зеленую крапинку, по форме напоминающее хищное насекомое богомола. У Алиссона непроизвольно сжались мышцы живота. Он приник в окулярам бинокля и отчетливо увидел свой оживший эскиз суперзавра с кошмарной, словно сошедшей с полотен Иеронима Босха, головой: три костяных, обтянутых бородавчатой кожей нароста — не то рога, не то хоботы, не то носы, три рога вверху, три кружевных перепончатых

нароста по бокам головы и под ней и один узкий и длинный глаз с горизонтальным зрачком... Детеныш суперзавра переступил на месте, Алиссон понял, что у него не четыре и не пять ног, а все шесть! Плюс какой-то омерзительный белый выступ на груди, похожий на опухоль.

— Родился, — глухо пробормотал Норман, бледнея.

Пилот выхватил у него бинокль, знакомое выражение изумления проступило у летчика на лице, привыкшем в условиях военных отношений носить маску субординации и стандартной готовности выполнить приказ.

— Откуда здесь это чудище?! Сколько здесь летаю — ни разу не видел! О, их два!

Рядом с первым детенышем суперзавра появился второй, почти его копия, чуть иной расцветки.

— Они же с жирафа ростом! Ты видишь? — Ошеломленный пилот растерянно оглянулся на Алиссона. — Откуда они взялись?

— Взрыв... — пробормотал снова Норман, думая о своем.

— Что?! Взрыв синтезировал этих тварей?!

— Нет, радиация... волна излучения ускорила... вернее, инициировала спусковой механизм рождения... недаром и скелет радиоактивен.

Пилот прислушался к чему-то, вдруг выругался, сунул Алиссону бинокль и начал спускаться с крутого бока скалы. Палеонтолог очнулся. С юга летел еще один вертолет, летел зигзагами, то опускаясь, то поднимаясь выше. Он искал исчезнувшего напарника.

Пилот добрался до своей машины, винты которой продолжали ленивый холостой ход, и, очевидно, связался со своими по радио, потому что второй вертолет, с двумя подвесками серебристых контейнеров, повернул в их сторону и сел рядом с первым.

Алиссон поискал глазами родившихся суперзавров, но склон осыпи был пуст, отвратительные создания скрылись за скалами, испугавшись шума...

Кемпер прилетел через час, злой и неразговорчивый. Он застал палеонтолога в компании вертолетчиков, оживленно обсуждавших какую-то проблему.

— Хэлло, Вирджи, — помахал рукой один из них, без шлема, белокурый и круглолицый. — Этот парень утверждает, что он твой друг.

— Хэлло, Пит. Какими ветрами вас сюда занесло? Вы же барражируете западную зону.

— Если бы не Боб, — Пит указал на летчика, первым увидевшего Алиссона, — от твоего приятеля остались бы рожки и ножки.

Кемпер мрачно погрозил кулаком небу.

— Я еще разберусь с этим сукиным сыном Рестеллом! Он должен был предупредить меня о замене по крайней мере за три дня.

Пит засмеялся: он был молод, улыбчив, обаятелен.

— Рестелл — генерал, тебе до него не добраться, а если хочешь сорвать злость на ком-нибудь из ближних, двинь по шее... да хотя бы Боба, ему это полезно.

Пилот, спасший Нормана, не принял шутки.

— Забирай своего приятеля, Вир, и сматывайся, не то вам обоим не поздоровится. Если Рестелл узнает, что в зону испытаний проник посторонний, он скормит тебя тем двум тварям.

— Каким тварям? — не понял Кемпер.

Пилот вытаращился на него:

— Брось разыгрывать, разве не ты их нашел?

— Они вылупились, — пояснил Алиссон, которому уже надоело быть ходячим справочником. — Де-

теньши суперзавра вылупились из яиц, мы их только что видели.

— Не приведи Господи встретиться с ними нос к носу! — пробормотал Роберт. — В общем, я буду вынужден доложить шефу о находке. Вас я не видел, — повернулся он к Алиссону. — Вирджин доставит вас в Тонопу, а там...

Алиссон отрицательно покачал головой:

— Дудки! Это наша находка, Вирджина и моя. То, что она находится на территории полигона, не имеет никакого значения. В научных кругах она произведет такую сенсацию, что превзойдет даже открытие неизвестной цивилизации!

— Как хотите, мое дело предупредить. Вряд ли Рестелл допустит сюда гражданских яйцеголовых.

Пилот откозырял, махнул второму летчику, и они разошлись по своим машинам. Через несколько минут металлические стрекозы, сделав круг над местом расположения скелета суперзавра, умчались на запад. Молчание гористой пустыни придавило землю ватным одеялом.

— Тебе это в самом деле грозит неприятностями? — спросил Алиссон, глядя вслед вертолетам.

— А, черт с ними! — философски заключил Кемпер. — Работу я найду, не так уж и много на свете летчиков, налетающих пять тысяч часов над радиоактивными вулканами. Не о том речь, Рестелл действительно может просто выставить нас отсюда, и тогда плакали наши денежки.

— Если бы только денежки. Это же открытие нобелевского масштаба! Я не преувеличиваю, в науке подобное рождение динозавров из уцелевших яиц — беспрецедентно! Но самое главное... — Алиссон не договорил, задумавшись.

Кемпер ждал, посматривая то на него, то на свой некрасивый пузатый самолет. Наконец не выдержал:

— Ну и что главное?

— Земная природа не могла породить таких химерических чудовищ. У них трехлучевая симметрия, три пары ног... кости не минерализованы...

— Опять ты за свое. Сам же говорил, что никому не известно, сколько видов живых существ прошло по Земле за сотни миллионов лет. Просто твой суперзавр восприимчив к радиации, и каждый всплеск излучения от испытательных взрывов добавлял свою дозу к уже полученной, пока не сработал механизм включения наследственной информации. Знаешь, сколько в Неваде длятся атомные испытания? Более сорока лет! Давай-ка лучше подумаем, что будем... — Кемпер замолчал.

Алиссон рывком обернулся.

Из-за черно-коричневой стены дайки в сотне метров от них вытягивался вверх кошмарный силуэт суперзавра. Трехрылая голова размером с туловище человека, в ромбовидной броне, с массой неаппетитных деталей — наростов, бородавок, шипов — плавно поднялась на пять метров над скалой и остановилась, впери в застывших людей взгляд единственного глаза. Затем появилась желто-серая лапа с шестью членистыми пальцами-когтями, вцепилась в гребень скалы, за ней другая. Чудовище повернуло морду налево, на его виске пульсировал выпуклый кожистый нарост. Этот нарост вдруг лопнул вниз и оказался клапаном, приоткрывшим еще один глаз, круглый, с белым ободком и черным зрачком-щелью, но словно закрытый полупрозрачным бельмом.

— Мама миа! — сказал Кемпер севшим голосом.

Бельмо на глазу суперзавра сползло вниз, открыв зеленоватое глазное яблоко с плавающим по нему зрачком: ящер мигнул. А затем как-то по-птичьи быстро и гибко повернул морду к людям, нижнее рыло его выдвинулось вперед, как жвалы у насекомого, клапан, прикрывающий его, отогнулся вниз, из круглого отверстия беззвучно выметнулся голубо-

ватый луч и впился в камень недалеко от замерших друзей: фонтан искр, шипение, треск, клуб дыма фонтаном выстрелил вверх...

Алиссон опомнился уже за самолетом.

Летчик обогнал его, но вернулся к палатке и выдернул оттуда винтовку. Теперь оба, судорожно дыша, спрятавшись за стойками шасси, выглядывали из-за укрытия. Суперзавр не имел намерения преследовать их, он в таком же темпе — медленно и плавно, как на гидравлической тяге, — перевалил через скалу, искал что-то среди камней и уполз назад, показывая свой худой по-насекомьи, но костистый и бронированный, как у древних динозавров, зад.

Кемпер отложил винтовку, сел и вытер вспотевший лоб. Поглядел на Алиссона.

— Ты хочешь что-то спросить?

— Только одно — где тут туалет... — буркнул Алиссон.

Кемпер затрясся от смеха, потом фыркнул и сам Норман. Хохотали минуты три, потом Алиссон встал на подгибающихся ногах, помял пальцами икры.

— Ты всегда бегал лучше меня, но если эта звероюга выглянет еще раз, я в Тонопу прибегу первым. Готов биться об заклад на любую сумму.

Кемпер вытер слезы и сплюнул.

— Боб прав, Рестелл никого сюда не допустит, и твоим красавцем суперзавром будут заниматься военспецы. Видал, как он в нас... лазером! Представляешь, каким он станет, когда вырастет?

Алиссон покачал головой, с сожалением констатируя, что находка, а вместе с ней и предполагаемый заработок уплывают из рук. Но его деятельная, склонная к авантюризму натура жаждала приключений и требовала не сдавать позиций. Первооткрывателями суперзавров были все-таки они с Вирджином, этот факт не мог бы отрицать даже всемогущий

генерал Рестелл, начальник ядерного полигона Невады. И Норман решил остаться, несмотря на угрозы Кемпера вернуться в Тонопу и сообщить о находке в прессу.

Любопытство ученого оказалось сильнее инстинкта самосохранения и предвидимых осложнений с властями. К тому же Алиссон никогда не бросал начатое дело, с какими бы трудностями ни встречался.

Обещанные вертолетчиком неприятности не замедлили явиться.

Уже к вечеру на площадке, приспособленной Кемпером под ВПП, сели пузатые вертолеты десантников, одетых в спецкостюмы, и дюжие молодцы в мгновение ока оцепили район со скелетом суперзавра и ползающими его детенышами. Затем прилетела группа экспертов из Таунского военного научного центра, среди которых, к счастью Алиссона, оказался и палеонтолог Питер Кеннет, с которым он был знаком еще с университета.

Только содействие Кеннета и помогло Алиссону освободиться из-под ареста и даже остаться на полигоне, после чего он был включен в состав исследовательского отряда в качестве специалиста по фауне мезозойской эратемы.

А дальше события начали развиваться по нарастающей, в ритме брейк-данса, так что ни у кого не осталось времени спросить, что делает на атомном полигоне Норман Алиссон, палеонтолог Пенсильванского института палеонтологии и археологии, тридцати пяти лет от роду, не являющийся штатным сотрудником команды генерала Рестелла.

«Крошки» суперзавры росли не по дням, а по часам, обшаривая скалы, ущелья, каменные россыпи в поисках пищи — так, во всяком случае, расшифровывали их неутомимые поиски исследователи. К концу

второй недели с момента рождения суперзаврики достигали уже пятнадцати метров в высоту и сорока в длину. На людей и их технику они не обращали внимания совершенно, только однажды отреагировав на появление рентгеновского излучателя для просвечивания пород. Алиссон был свидетелем происшествия, он работал — когда это удавалось — возле скелета взрослого суперзавра, освобождая его от камней, песка и глины, измеряя, зарисовывая, фотографируя каждую кость.

Когда прибыл вертолет с рентгеновской установкой, оба «малыша», выколупывавшие что-то в скальных обнажениях к северу от своего «родильного дома», тут же поползли на «запах» церия-139, служащего источником излучения в установке. Они передвигались примерно со скоростью быстро идущего человека, сочетая грацию и пластичность робота-погрузчика с резкими, неожиданными поворотами хищного насекомого и пируэтами не менее хищной птицы, и при движении уже крошили камень, задевая скалы твердыми шипами на лапах или шпорами на хвостах. По расчетам, вес их достиг сорока тонн, хотя до сих пор было неясно, что служит им источником питания.

Один из суперзавров, прозванный Стрелком за постоянную демонстрацию поражающего луча, похожего на лазерный, достиг места посадки вертолета первым и, не обращая внимания на отпугивающую стрельбу — охранники палили из всех стволов не только вверх, но и в ящеров, хотя пули отскакивали от их бронированных панцирей, — с ходу ударил по наполовину выгруженной из грузовой кабины платформе своим голубым лучом. Экипаж вертолета и грузчики разбежались, суперзавр спустился к машине, раздавив по пути тягач. Вместе с прибывшим собратом по имени Тихоня они исполнили вокруг вертолета сложный тяжеловесный танец и удалились

к северной границе определенной ими самими территории «пастбища». Когда летчики и специалисты, готовившие рентгеновскую установку к работе, вернулись, оказалось, что контейнер с радиоактивным церием превращен в слиток металла, а сам церий исчез. Дозиметрический контроль показал, что уровень радиоактивности в районе вертолета и вообще в тех местах, где прошли гиганты, упал на порядок по сравнению с другими участками почвы.

Эпизод с рентгеновским интроскопом еще больше заставил Алиссона утвердиться во мнении, что сверхъестественные — пришельцы на Земле, споры которых случайно оказались занесенными на планету космическим «ветром». А через некоторое время в этом убедились даже твердолобые снайперы из охраны Рестелла, умеющие только нажимать на спуск пистолета, карабина или автомата.

Ровно через месяц после своего появления на свет суперзавры вдруг покинули зону отчуждения, которую исползали вдоль и поперек, нигде не выходя за пределы пятимильного круга с центром в районе скелета их родителя — матери или отца (кто разберет?), — и направились в пустыню по направлению к месту недавно прогремевшего ядерного взрыва под кодовым названием «Аутбест». Ни пулеметно-автоматный огонь, ни атака огнеметов, ни залпы реактивных минометов не остановили их и не повредили. К этому моменту уже было известно, благодаря стараниям Алиссона, Кеннета и коллег-экспертов, что материал костей суперзавров представляет собой сложный полимер на основе боросиликатных соединений с включениями гадолиния. Этот материал был прочнее любого металла, не боялся высоких температур, вплоть до четырех тысяч градусов, и не поддавался ни одному методу механической обработки, кроме резания плазменным лучом с температурой плазмы выше десяти тысяч градусов.

Работать вблизи радиоактивного скелета в защитных антирадиационных комбинезонах было очень нелегко, тем более что все время приходилось быть настороже, чтобы не прозевать появление «малышей», но ученые терпели, сделали все, что было в их силах, и добыли столько невероятной, сенсационной информации, что хватило бы на несколько Нобелевских премий. Главный же вывод, зревший подспудно день ото дня, сделал председатель комиссии, созданной из специалистов военных лабораторий Пентагона и высокопоставленных сотрудников Совета национальной безопасности. На пресс-конференции в Тонопе, куда были впервые допущены журналисты и корреспонденты центральных газет и телевидения, он заявил, что полученные результаты позволяют считать родиной суперзавра не пустыню Невада, не Соединенные Штаты и не Землю вообще, а космос!

После этого сенсация вспыхнула и загорелась буйным пламенем и на страницах прессы всего мира, вызвав приток энтузиастов, жаждущих познакомиться с панспермитами¹, как стали называть молодых суперзавров, поближе.

Однако поток этих самодеятельных горе-исследователей быстро поредел, когда стало известно, что панспермиты излучают, как могильники радиоактивных отходов, до двухсот рентген в час, да еще и владеют мощным грайзером — гамма-лазером, луч которого был виден из-за эффекта переизлучения. А потом информация о суперзаврах вдруг исчезла со страниц газет и журналов США, как по мановению волшебной палочки, будто перекрыли питающий сенсацию кран. Впрочем, так оно и было на самом деле: спецслужбы Штатов оценили попавший в их

¹ От слова «панспермия» — гипотеза о появлении жизни на Земле в результате переноса с других планет неких «зародышей жизни».

руки живой раритет и его влияние на военную науку и нажали на соответствующие кнопки. С этих пор суперзаврами вплотную занялись профессионалы военных лабораторий, давно разрабатывавшие наравне с простыми и надежными еще и самые экзотические способы умерщвления себе подобных. Все гражданские специалисты были выдворены с территории полигона под клятву молчать обо всем, что они видели.

К удивлению Алиссона, его оставили, то ли из-за принесенной конкретной пользы, то ли как первооткрывателя, то ли из других соображений. Остался и Кемпер, пересевший из кабины своего «ишака» в кабину вертолета «ирокез». Виделись они редко, но ни один, ни другой друг друга из виду не теряли и находили способ связи, когда обоим становилось тошно от постоянной гонки и недосыпания.

Суперзавры в это время достигли эпицентра взрыва — там зияла неглубокая, но широкая воронка диаметром в пятьсот с лишним метров — и долго рыскали кругом, вспахав пустыню не хуже, чем сотня тракторов с плугами. Что они искали, одному Богу было ведомо, но после «пахоты» оба еще больше подросли и вытянулись в длину, а радиация в «нулевой точке» практически исчезла, упав ниже уровня естественного природного фона.

Смотреть на драконов даже издали было жутко и дико, никто на Земле и в кошмарных снах никогда не видел подобных созданий, и недаром один из летчиков-наблюдателей сошел с ума, когда сел от них слишком близко и суперзавр Стрелок плюнул в него гамма-лучом.

Панспермиты явно эволюционировали: у них выпадали «лишние» рога и шипы, цвет кожи изменился на серый, она стала гладкой, блестящей, отражающей свет, как множество полированных металлических зеркал, зато на спинах появились ка-

кие-то гребенчатые наросты, названные, по аналогии, крыльями. Вес прищельцев достиг пятисот со- рока тонн, и они теперь при движении проделывали широкие борозды в любой почве, в том числе и на голой скале.

В контакт с людьми они не вступали, а определить на расстоянии, разумные они или нет, было невозможно. Поэтому ученым-биологам и палеонтологам дали срочное задание определить по скелету взросло- го суперзавра и остаткам яиц, обладал ли он интел- лектом. Алиссон отнесся к заданию скептически, но сомнениями поделился вслух только с Кемпером.

— Понимаешь, — говорил он летчику, когда тот нашел его под вечер с флягой виски «Чивас-Ри- гал», — мозг у суперзавра был, хотя и располагался не в голове, а на животе и у основания хвоста. По размерам он больше человеческого, однако объем мозга — еще не доказательство мыслительного про- цесса. Мозг тираннозавра или тарбозавра тоже был больше человеческого, тем не менее интеллект этих величайших хищников в истории Земли не превы- шал интеллекта современного крокодила.

Кемпер протянул палеонтологу колпачок фляги с двумя глотками виски.

— Ты выглядишь, как после марафона... или трех бессонных ночей подряд. Много работал?

— Не то слово. Забыл, когда ел и спал вовремя и спокойно. Ясно, что сверхъясер действительно сва- лился к нам на Землю из космоса, как я и предпо- лагал, но почему он не смог размножиться еще в те времена, не создал популяции? Что ему помешало? Вся история мезозоя пошла бы иным путем...

Кемпер сделал глоток, завинтил флягу.

— По-моему, все очень просто: он мог жить толь- ко в условиях высокого радиактивного фона, а в те времена фон был в Неваде очень и очень низкий, не то что сейчас. Рождение суперзавров на ядерном

полигоне, где фон из-за испытаний выше, чем в любом другом месте земного шара, тому подтверждение.

Алиссон задумчиво продолжал переодеваться.

— Наверное, ты прав, — изрек он наконец. — Кстати, такое совпадение весьма символично: это кошмарное существо, ярко выраженный носитель вселенского зла, с виду хотя бы, аналогов которому не нашло даже человеческое воображение, могло родиться только здесь, на ядерном полигоне, призванном совершенствовать орудия уничтожения рода человеческого, и только в нашу эпоху, эпоху зла и насилия. — Алиссон зябко потер руку об руку.

— Калиюга, — пробормотал Кемпер.

— Что?

— Калиюга, с древнеиндийского — эпоха греха и порока, началась три тысячи лет до нашей эры. Но я с тобой не согласен.

— В чем?

— Суперзавр, конечно, страшен, слов нет. — Вирджин передернул плечами, коротко рассмеялся. — Даже когда о нем вспоминаешь — и то мороз по коже! Но я не назвал бы его носителем вселенского зла, это чисто психологическая оценка, сформированная нашим, человеческим, страхом. Может быть, с его точки зрения, именно мы, люди, являемся носителями зла. Это с какой стороны поглядеть.

Алиссон вскрыл жестянку с кока-колой, предложил летчику, достал бутерброды в целлофане.

— Где они сейчас?

— Ползут по направлению к Уилер-Пик, из-за чего спецы Пентагона стоят на ушах.

— Почему? Боятся, что панспермиты не вернуться в «резервацию»?

— И этого тоже, но больше из-за того, что в сорока девяти милях от Уилер-Пик готовится очередное ядерное испытание по программе «Черный огонь»: в

шахте на глубине в полмили упрятана дура мощностью в двести пятьдесят килотонн.

— Ты хочешь сказать... — Алиссон перестал жевать.

Кемпер кивнул.

— Соображаешь? Суперзавры учуяли радиацию зарада. Помнишь, как они сожрали контейнер с радиоактивным церием для рентгеновского интроскопа?

Алиссон присвистнул.

— В таком случае им каюк. Твой любимый Рестелл не станет ждать, пока драконы полезут в шахту, он их уничтожит раньше.

— Не знаю. — Кемпер вздохнул, мрачней. — Что-то мало верится. Если бы ты их видел! — Он внимательно посмотрел на осунувшееся лицо палеонтолога. — Не жалеешь, что я тебя сюда притащил? Рассчитывал подзаработать, а вместо этого...

Алиссон покачал головой, в свою очередь вглядываясь в лицо друга с запавшими глазами, обветренное, с острыми, туго обтянутыми кожей скулами.

— Тебе, я вижу, тоже достается. А я получил больше, чем рассчитывал, — удивительную, хотя и жутковатую тайну, перевернувшую умы, и захватывающий душу интерес. Правда, шеф обещал мне за информацию золотые горы, так что и в этом мы не прогадали. Половина прибыли за публикации — твоя. А жаль, если Рестелл их уничтожит...

Они вышли из алюминиевого домика, одного из десятка ему подобных, в котором жили члены экспедиции. Снаружи было жарко, душно, несмотря на порывистый ветер, приносящий из пустыни запахи раскаленного камня, гудрона, сгоревшего пороха и пыли.

Где-то в двадцати с лишком километрах отсюда пробивали свою дорогу в скалах неземные, ужасные, ни на что не похожие несчастные существа, случайно рожденные злой волей человека и совсем не случайно приговоренные этой же волей к уничтожению.

Суперзавры достигли Уилер-Пик спустя двое суток.

С холодным и жутким спокойствием они расстреляли танковый взвод, вызванный Рестеллом и переброшенный по воздуху для охраны подготовленной к взрыву шахты, прошли минное поле и огненную напалмовую полосу, спустились в долину с палаточным городком, откуда были спешно эвакуированы инженеры и рабочие-строители, и Рестелл вынужден был приказать бригаде охраны полигона обстрелять район дивизионом реактивных установок залпового огня.

Когда стена земли, раздробленного в щебень камня, пыли и дыма осела, взорам наблюдателей-вертолетчиков, среди которых был и Кемпер, предстали живые и невредимые с виду панспермиты, деловито расковыривающие устье шахты. Взрывы ракет, начиненных обычным ВВ, были для них не страшнее, чем комариные укусы для человека.

Генерал Рестелл недаром заслужил репутацию жесткого и решительного человека, способного на любые средства ради достижения цели, но и он не отважился отдать приказ нанести по месту предполагаемого испытания бомбовый удар. Пока он созванивался с Вашингтоном, пока министр обороны совещался с начальниками штабов и президентом, суперзавры добрались к нижнему залу на дне шахты, где был установлен контейнер с ядерным зарядом.

В центр управления полигоном срочно прибыли представитель Пентагона адмирал Киллер и сенатор Джайлс, председатель сенатской комиссии по делам вооружений. Они успели насмотреться на деятельность суперзавров сверху, прежде чем те скрылись под землей, и оценили их мощь, упорство, неземное величие и потрясающее уродство, хотя, если разобратся, вопрос красоты и уродства весьма спорен, а для животного мира термин «красота» и вовсе озна-

чает целесообразность формы тела, гармонию функциональной деятельности, доведенную эволюцией до совершенства. После этого потрясенные адмирал и сенатор принялись звонить каждый в свои колокола, в том числе и президенту, всколыхнув застоявшееся болото самоуспокоенности и уверенности в национальном превосходстве над любым противником.

На полигон прилетела целая бригада высокопоставленных официальных лиц под предводительством заместителя министра обороны по научным исследованиям и разработкам. Она застала суперзавров уже в пути: панспермиты проникли в зал с ядерным устройством — никто не рискнул его взорвать — и похитили урановый зародыш и контейнер-бланкет со смесью дейтерия и трития. Что произошло под землей на глубине в полмили, никто, конечно, не видел, но когда после ухода ящеров в развороченную шахту спустились каскадеры-ядерщики, они обнаружили изуродованные остатки оборудования и пустую скорлупу камеры, где находился заряд. И ноль радиоактивности.

Суперзавров пытались задержать на выходе из шахты: устроили ракетно-пушечный ад, применили даже боевые лазеры, но все было напрасно — бронированные колоссы прошли огневую завесу без видимых усилий и остановок. Похоже, страха они не знали, как и боли.

Спустя сутки непрерывных совещаний и полетов над неутомимо ползущими через пустыню, еще более подросшими сверхдраконами над Невадой появился бомбардировщик «В-1В» и сбросил на них вакуум-бомбу класса «серая зона». Взрыв превратил уголок дикой горной местности со множеством острозубых скал, пещер и ям, стенок и барьеров в идеально ровный круг диаметром около километра, в пыль раскрошив все, что возвышалось над землей больше чем на сантиметр. И все же панспермиты уцелели.

Сначала наблюдатели подумали, что звери убиты: они распластались на голой скальной площадке и не двигались, вцепившись всеми шестью лапами в камень. В лагере, следовавшем за пришельцами в пределах радарной видимости, среди военспецов вспыхнуло ликование, длившееся ровно полчаса. Суперзавры опомнились, зашевелились, пришли в себя, забавно ощупывая друг друга хвостами. Несколько часов они сидели на месте, занимаясь какими-то таинственными приготовлениями, может быть, залечивали раны, а потом вдруг один за другим сбили три вертолета с наблюдателями, кружившие на двухкилометровой высоте. Летчики погибли. По счастью, Кемпер в этот день в воздух не поднимался, была не его смена. С этого момента сверхдраконы не подпускали к себе никого ближе чем на семь-восемь километров и увеличили скорость бега. Когда эксперты установили направление их движения, в лагере затлепа тихая паника: чудовищные твари через три-четыре дня должны были достичь каньона возле Коннорс-Пик, где шла подготовка к еще одному подземному ядерному испытанию в рамках «Черного огня». Как мрачно пошутил адмирал Киллер, пришельцы явно были «агентами Кремля», которые решили сорвать программу СОИ любыми средствами.

Шутка адмирала вызвала неожиданный резонанс в мире, выйдя за пределы штата Невада. У журналистов многих стран она породила ироническую улыбку, а корреспондентов радио- и телекомпаний самих США обуял гомерический хохот. На страницах газет и журналов появились десятки фельетонов, насыщенных убийственным ковбойским юмором, статей и рассказов «очевидцев». Обыватель тоже хохотал над хлесткими фразами типа: «Еще никто и никогда не воевал с динозаврами, но Америка и в этом опередила мир, подтвердив свое историческое предназначение».

ние», пересказывал анекдоты и слухи и веселился, находясь в абсолютном неведении относительно реальных обстоятельств дела. К сожалению, и в политических кругах не нашлось деятеля, который трезво оценил бы обстановку и сделал надлежащие выводы. В Пентагоне, да и среди администрации страны все еще бытовало мнение, что военные вполне контролируют положение и вся эта шумиха вокруг двух оживших реликтов эпохи мезозоя не стоит выеденного яйца.

Суперзавры прошли последний ракетный заслон перед шахтой в ущелье у Коннорс-Пик и через день уничтожили ядерный заряд, предназначенный для испытаний рентгеновского лазера с ядерной накачкой. К этому времени их рост достиг сорока трех, а длина от носа до кончика хвоста превысила двести десять метров. Они были гораздо больше не только самых крупных живых существ на Земле, но и превосходили все созданные человеком передвигающиеся по суше механизмы. Невада была открыта и беззащитна перед ними, а «медные лбы» в Пентагоне все еще искали оружие, способное их уничтожить, испытывая на панспермитах весь имеющийся в наличии арсенал, в том числе и экспериментальный химический и биологический.

Прозрение не наступило, даже когда ни лазерные пушки, ни электромагнитные снаряды с высокой скоростью полета — до двадцати километров в секунду, — ни ядохимикаты и самые страшные из животных и растительных ядов не оказали на чужих зверей никакого воздействия. Суперзавры раздавили еще две шахты с подготовленными к взрыву устройствами, и полигон опустел. Рестелл, не дожидаясь команды сверху, отдал приказ эвакуировать оставшиеся установки. Но на границе штатов Невада и

Юта располагался секретный завод по переработке урановой руды, и суперзавры повернули туда.

Америка перестала хохотать и затаила дыхание. Рестелл получил официальное разрешение президента применить для уничтожения чудовищ атомную бомбу.

И лишь один человек из всех причастных к этому делу догадался, к чему может привести ядерный взрыв. Этим человеком был Норман Алиссон.

Он нашел Кемпера возле одного из вертолетов в компании летчиков, обменивающихся впечатлениями от последних рейдов на северо-восток Невады. Это был передовой отряд наблюдателей, следовавший за суперзаврами по пятам на минимально возможном расстоянии. В компании царил дух бравады, непритязательного юмора и снисходительного терпения: каждый ждал своей очереди рассказчика, отвечая смехом на неуклюжие остроты других. Алиссон послушал с минуту и выдернул Вирджина из толпы.

— Вир, привет, надо помешать ядерной атаке на суперзавров.

В глазах Кемпера погасли искорки смеха. Он повертел пальцем у виска:

— Ты что, привет, совсем свихнулся там, у родного скелета? Кстати, как ты сюда попал?

— С почтой, — отмахнулся Алиссон, не обижаясь на «свихнулся». — Если не остановить бомбардировку, произойдет... вернее, может произойти нечто страшное!

Кемпер внимательно оглядел лицо друга, покачал головой:

— Это невозможно.

— Но это надо сделать, пока еще есть время не допустить чудовищной ошибки.

Кемпер машинально отметил время и решительно махнул рукой на штабель ящиков:

— Садись и рассказывай.

— Все довольно просто. Ты еще помнишь, какими родились панспермиты?

— Конечно, метров по восемь...

— Дело не в размерах, они двигались не так, как сейчас, гораздо медленнее и плавнее. А когда сожрали начинку рентгеновского интроскопа — радиоактивный церий, сразу стали активнее, повеселели, помнишь?

Кемпер неуверенно почесал затылок.

— Да, вроде бы...

— Это факт. Каждый раз, как они находили очаги радиации, в «нулевых точках» или в шахтах, подготовленных к испытаниям, скорость их жизни увеличивалась, я проверил. То есть они вне зон с повышенной радиацией «мерзнут», остывают. Понимаешь? И чем больше мощность излучения, тем выше темпы их роста, активность, скорость процессов обмена, реакция, сила. В сочетании с практической неуязвимостью... Представь, что будет, когда взорвется бомба: они наконец-то насытятся энергией и... черт знает, куда отправятся потом и за что примутся!

Летчик хмыкнул, искоса поглядывая на сдерживающего волнение Алиссона, начертил носком ботинка женский профиль и стер.

— Логично. Хотя я и не верю, что суперзавры выдержат ядерный взрыв. А велика ж потенция у природы! — воскликнул он вдруг с восхищением. — Моей фантазии никогда бы не хватило нарисовать таких монстров! Живые атомные поглотители! Их надо оставить в живых хотя бы для того, чтобы они очищали землю от радиации. Экономический эффект будет колоссальный! Неужели в космосе могут обитать еще более жуткие формы жизни?

— По-моему, одни мы с тобой и способны удивляться, — хмуро проговорил Алиссон. — Даже в среде ученых любопытных романтиков — один-два на сотню, все больше прагматиков, меркантильных

дельцов да расчетливых препараторов. Не отвлекайся, думай, что делать.

Кемпер снова почесал в затылке и превратился в деловитого и рассудительного человека.

— Нужен деятель масштаба государства, который может убедить шишек из Пентагона отменить атаку. Рестелл не годится, он зажат рамками устава, и кругозор его узок, к тому же он не станет нас слушать. Адмирал Киллер? Не знаю, мне он не понравился: эдакая высокомерная жердь с благородной сединой, да и фамилия у него чертовски убедительна... Может быть, Джайлс?

— Кто это?

— Сенатор, председатель комиссии по делам вооружений. Похож на борца-профессионала, но не дурак, судя по отзывам. Попробуем к нему.

Кемпер вскочил и, не оглядываясь, пошел к фургону с радиостанцией. Алиссон, давно привыкший к манере Вирджина ставить задачу и тут же ее решать, поспешил следом.

Летчик задержался в фургоне на две минуты.

— Порядок, я выяснил: Джайлс и вся его свита находятся сейчас у Коннорс-Пик, изучают следы наших милых динозавриков. Жаль, что заместитель министра обороны уже укатил, а то можно было бы обратиться к нему.

Не давая Алиссону опомниться, Кемпер энергично зашагал к вертолету, крикнув на ходу в толпу развлекающихся пилотов:

— Боб, я по вызову Рестелла, буду через час-полтора, предупреди майора, когда вернется.

Через несколько минут они были в воздухе. Мощный двухвинтовой «ирокез» понес их над угрюмым морщинистым телом пустыни на юго-запад, к горному кряжу Коннорс-Пик. Через весь каменный щит, то пропадая в нагромождениях скал, то появляясь на ровной поверхности, тянулись рядом четы-

ре характерные борозды — следы проползших здесь драконов.

Все сорок минут полета молчали. Только сажая вертолет возле шеренги таких же машин — с одной стороны и стада бронетранспортеров — с другой, Кемпер спросил:

— Ты уверен в своих расчетах?

Алиссон выдержал его взгляд.

— Это не расчеты, это логика и прогноз. Но я уверен, что не ошибся в выкладках.

Но пробиться на прием к Джайлсу оказалось не просто.

Было время ленча, официальные представители власти собрались в легком алюминиевом домике с кондиционированием и душем, который монтировался за час и охранялся почти как здание Пентагона. Дальше колонны многоствольных реактивных установок Кемпера не пустили. Обманчиво ленивый десантник в черном преградил ему путь:

— Куда спешите, парни?

— У нас дело к сенатору.

— А почему не к президенту? Сенатор вас ждет? Кстати, какой именно? У нас тут их целый взвод.

— Джайлс.

— Вот теперь ясно, вы его родственники.

— Не родственники, — начал терять терпение Кемпер, — но дело к нему весьма спешное и важное. Могу я пройти? Оружия не ношу, можете обыскать.

— Не спеши, торопыга, я, что ли, по-твоему, ношу оружие? — Охранник развлекался, ему было скучно. — Эй, а ты куда, приятель? — окликнул он Алиссона, который приблизился к одной из бронированных машин и выглянул из-за нее на недалекие холмы пёска и груды камней, скрывающие за собой развороченный суперзаврами вход в шахту.

— Не напрягайся так, широкозадый, — сказал Алиссон, не оборачиваясь, — штаны лопнут.

Капрал в черной форме сухопутных сил быстрого развертывания свистнул два раза, из стоящего неподалеку фургона выпрыгнули двое десантников и двинулись к ним, поправляя автоматы «узи», казавшиеся в их руках игрушечными.

— Беги к домику, — крикнул Кемпер, — я их задержу, эти болваны не посмеют стрелять.

Алиссон рванул по прямой, десантники, замешкавшись на мгновение, тяжелой рысью бросились за ним, но Кемпер, выхватив у капрала автомат и смазав им его же по скуле, дал очередь в небо.

— Ложись! Перестреляю, как собак!

Десантники с ходу послушно грохнулись на животы.

Алиссон добежал до алюминиевого бунгало и что-то стал торопливо объяснять выглянувшему на шум офицеру в форме военно-воздушных сил. С двух сторон к посту бежали охранники, готовясь к бою. Взвыла сирена.

Лицо капрала налилось кровью, глаза сделались бешеными. Он открыл рот, но сказать ничего не успел, офицер в голубом крикнул ему от домика:

— Все в порядке, капрал, пропустите их.

— Держи, — сказал, усмехнувшись, Кемпер и сунул автомат державшемуся за щеку охраннику. — Извини, если перестарался. Но тому парню есть что сказать сенатору.

Охранник сплюнул, помассировал кисть руки и неохотно отступил в сторону.

— Ты еще не раз вспомнишь нашу встречу, сукин сын! Это тебе говорю я, Бенджамин Фримен. Запомнишь?

Кемпер пожал плечами и обошел капрала, как столб.

Сначала Алиссона выслушал дежурный офицер охраны, который без размышлений вызвал флаг-секретаря генерала Рестелла. Флаг-секретарь рас-

суждал сам с собой минут пять, потом все же позвонил кому-то, вкратце рассказал, в чем дело, переврав смысл идеи Нормана, и остался в комнате. Через минуту в помещение вошел заместитель Рестелла по техническому обеспечению, поджарый полковник с ежиком стальных волос и шрамом через весь лоб.

— Что случилось, Жорж? Я ничего не понял. Кто эти люди?

— Пилот Вирджин Кемпер, первая бригада авиаконтроля. — Кемпер щелкнул каблуками. — А это Норман Алиссон, палеонтолог.

— Помню. — Полковник постоянно шурился, казалось, его раздражает слишком яркий свет. — Вы первыми наткнулись на этих симпатичных зверюг. Чего вы хотите? Только покорооче и внятнее.

Алиссон снова повторил свои доводы, стараясь быть лаконичным. К его удивлению, зампотех Рестелла соображал куда быстрее флаг-секретаря. Он потер лоб так, что шрам стал лиловым, и вышел. Оставшиеся в комнате переглянулись, но вслух свои впечатления выражать не стали. Полковник вернулся через несколько минут.

— Идемте. Уложите в две минуты?

— Попытаюсь.

Прошли короткий коридор и свернули в крайнюю дверь, распахнутую вооруженным до зубов десантником.

Нечто вроде гостиной с очень простым интерьером: голые стены из гофрированного пластика, жалюзи на окнах, девять или десять раскладных стульев, два низких столика с напитками и шейкером с колотым льдом. На стульях генералы и сенаторы, одни из самых уважаемых или богатых людей страны. На Алиссона смотрели десять пар глаз, разных по цвету, мысли и характеру, но в данный момент с одинаковым выражением любопытства.

— Говорите, — кивнул сенатор Джайлс, старший в этой разнокалиберной по возрасту и опыту компании. Он и в самом деле был похож на борца сумо или боксера-профессионала. Его руки были величиной в ляжку нормального человека, а веснушчатые кулаки вызывали в памяти образ копра, забивающего сваи.

Поборов волнение, Алиссон в четвертый раз пересказал свою идею. Под конец речи он заметил среди присутствующих известного физика, лауреата Лоуренсовской премии, доктора Хойла, и сбился, кое-как завершив выступление.

— И это все? — сказал в наступившей тишине адмирал Киллер, встопорщив мохнатые седые брови. — И я должен выслушивать подобные бредни? Кто их сюда впустил? Вы, Гретцки? Не могли решить на своем уровне?

— Подожди, Долф, — мягко произнес Джайлс. — Мне кажется, в словах этого молодого человека есть рациональное зерно. Ваше мнение, доктор Хойл?

Алиссон поймал взгляд Кемпера, тот подмигнул — не робей, мол.

— Я тоже думал над этим, — признался вдруг Хойл, коротышка с помятым заурядным лицом, но умными и живыми глазами. — По правде говоря, я не верю, что панспермиты выдержат ядерный взрыв. Каковыми бы ни были их способности поглощать и аккумулировать излучение, радиацию такой плотности и в таком широком диапазоне им не переварить, «захлебнутся». С другой стороны, мы о них почти ничего не знаем, поэтому правомочна любая гипотеза. Да и жаль терять такие объекты для исследования. Сверхассенизаторы, стопроцентно утилизирующие самые страшные из отходов человеческой деятельности — радионуклиды, радиоактивные шлаки, нужны человечеству не меньше, чем ядерное оружие. Не так ли, генерал? Кстати, у наших французских коллег, — доктор Хойл посмотрел на морщинистого седого

мужчину, сидящего рядом с генералом, — появились сходные проблемы. На их полигоне ожил некий странный скат-мутант, поглощающий радиацию. И я считаю, что это не просто совпадение, а...

— Давайте по делу, доктор, — хмуро бросил Киллер.

Хойл не смутился.

— А что вы предлагаете конкретно, доктор Алиссон?

— Давайте порассуждаем немного, — хрипло сказал Норман, перевел дух, откашлялся; все ждали, пока он промокнет губы платком, даже генерал, сидевший с презрительно-скептическим видом. — С большим процентом вероятности, будем говорить так, суперзавры привыкли жить в радиоактивной среде с очень большой интенсивностью излучения. Судя по тем данным, которыми мы располагаем после изучения останков их спор и скелета взрослого ящера, они чувствуют себя прекрасно даже при излучении в тысячу рентген в час. Чем меньше интенсивность, тем им «холоднее», тем медленнее идут процессы обмена и быстрее уменьшаются запасы энергии.

— Логично, — кивнул Хойл, как это сделал Кемпер полтора часа назад. — Вы предлагаете создать вокруг них зону без излучения? Как это сделать практически? Но допустим, мы создадим такую зону, заэкранируем, как вы заставите их находиться в ней? До того, как у них кончатся жизненные запасы?

В помещении повисло молчание, которое нарушил Киллер:

— Я же говорил — все эти фантазии не стоят скорлупы съеденного ореха. Бомбу сбрасывать необходимо, пора кончать с этими гражданскими умонастроениями. Гретцки, проводи гостей.

— Не спеши, Долф, — снова сказал сенатор Джайлс своим необычайно мягким, совершенно не соответствующим его облику голосом. — Доктор

Хойл, вы на самом деле считаете идею этого парня стоящей?

— Он такой же ученый, как и я, и отвечает за свои слова, только он моложе и поэтому смелей. Надо привлечь к проблеме остановки панспермитов всех крупных физиков, сообща мы решили бы ее в приемлемые сроки.

— Вы еще русских предложите привлечь, — съязвил Киллер. — Они с удовольствием рассчитают массу надгробья над вашей могилой.

— Не порите чепухи, адмирал, — спокойно отрезал Хойл. — Вы не знаете русских. Это хорошие специалисты и неплохие...

— Некогда привлекать, — хмуро перебил его Рес-телл, вертя в пальцах пустой стакан. — Через семь-восемь дней эти гады доберутся до объекта «Эр-зет», и тогда вообще будет поздно что-либо предпринимать. Эвакуировать завод, его оборудование мы успеем, но перевезти десятки тысяч тонн руды — утопия!

— И все же есть выход, — тихо сказал Алиссон.

Заговорившие друг с другом члены комиссии замолчали.

— Ну говорите же, — нетерпеливо сказал Джайлс. — Мы слушаем.

— Охлаждение... — Голос сел, и Норман вынужден был повторить: — Надо попробовать охлаждение...

Хойл первым догадался, о чем идет речь.

— А ведь верно! — сказал он, покрасневшись. — Глубокое охлаждение! — Повернулся к Джайлсу: — Давайте-ка попытаемся заморозить их, понизить температуру воздуха вокруг них хотя бы до точки замерзания азота. Думаю, недостатка средств для подобных экспериментов наши brave воители, оплот мира и процветания, не испытывают.

Последние слова доктор произнес с иронией, отчего Алиссон проникся к нему симпатией. Хойл был одним из ученых, которые довольно резко выступа-

ли против вывода оружия в космос, против ядерных испытаний, и, как он оказался в одной упряжке с ярыми приверженцами «Стратегической оборонной инициативы», было непонятно.

Рестелл и Киллер переглянулись.

— По-моему, лаборатория Винса в Льяно занимается генераторами холода, — пробормотал специальный помощник президента. — Надо срочно созвониться с ним, выяснить...

— Совсем недавно они испытали свои «коулдж-стоидж» в горах, — сказал Джайлс. — Я читал отчет. За три минуты один генератор превратил в лед участок горной реки длиной в триста ярдов. Благодарю за отличную мысль, доктор Алиссон! Постараюсь не забыть об этом. Где вы сейчас обитаете?

— Или в лагере, у скелета, или...

— У меня в бригаде, — закончил Кемпер.

— Проводите их, Гретцки, и проследите, чтобы они ни в чем не нуждались.

— И за то спасибо, — вздохнул Кемпер, когда они добрались до вертолета под охраной неразговорчивого полковника. — А ты молодец, доктор Норман, чесал как по писаному. Джайлс зря хвалить не станет, да и слово свое держит, будь спок. Ты чего смурной? — удивился вдруг летчик.

— Да жалко мне их! — с досадой сказал Алиссон.

— Кого?

— Малышей! Они-то не виноваты, что родились здесь, в Неваде. К тому же мы сами спровоцировали роды.

Кемпер только присвистнул, с изумлением глядя на помрачневшего палеонтолога.

Спустя сутки на полигон в район Коннорс-Пик были доставлены из Льяно серебристые контейнеры, похожие на цистерны для горючего, — эксперимен-

тальные криогенераторы мгновенного действия, детище одной из секретных лабораторий, работавших над применением любых изобретений в военных целях.

Алиссон все еще гостил у Кемпера, слетав с ним пару раз на патрулирование у границы зоны поражения — в девяти километрах от неутомимо движущихся к намеченной цели суперзавров. Он знал, что готовится операция «двойного удара»: вместе с бомбометанием криогенераторов предполагалось сбросить и ядерную бомбу, если холод не остановит ползущих гигантов. Еще через день все было готово для начала операции.

И тут суперзавры остановились. До завода «Эрзет», перерабатывающего руды урано-торианита, оставалось еще пятьсот с лишним километров.

Замерли в ожидании «непогрешимая» военная машина Пентагона, бездумно потрясающая мускулами, обслуживаемая компанией бравых ребят «без страха и упрека» из всех родов войск, и коллектив ученых, инженеров и технических работников, призванный объяснить все тайны природы и приспособить их на службу богу войны. Гипотезы одна невероятнее другой кипящей пеной обрушились на головы благодарных слушателей, с помутневшими взорами и раскрытыми ртами внимавших ораторам. Одна из них была интересна, выдвинул ее молодой биолог из Пенсильванского университета: перехватив радиоразговоры, суперзавры поняли, что их хотят уничтожить, и остановились посоветоваться, что делать дальше. Таким образом, гипотеза прямо предполагала наличие у неземных драконов разума.

— Вот увидите, — размахивал руками биолог, — они через день-другой пойдут на контакт, сдадутся в плен и примут все наши условия.

В другой гипотезе утверждалось, что драконы просто оголодали и отдыхают, в третьей — что они решили не идти к заводу из-за недостаточного запаса

энергии, все-таки на двухсоткилометровый переход ее ушло немало. Были еще и четвертая, и пятая, и двадцать пятая гипотеза, и все они оказались несостоятельными.

На третий день таинственного сидения почти в полной неподвижности в глубокой вулканической воронке панцири суперзавров почернели, стали трескаться, словно хитиновая скорлупа личинок майских жуков, и из этой «скорлупы» выползли обновленные, похудевшие, в ярко-оранжевой броне панспермиты. У них теперь почти отсутствовали хвосты, а жуткие наросты на спинах превратились... в громадные перепончатые полупрозрачные крылья! Когда один из драконов, словно пробуя, расправил эти крылья, все смотревшие телепередачу в лагере ахнули, пораженные красотой вспыхнувших бликов и радуг.

— Я почему-то ждал подобной трансформации, — признался Кемпер Норману; они смотрели телевизор у себя в палатке. — Вспомнил рассказ одного из наших ведущих фэнов про куколку. Правда, от того, что у них выросли крылья, драконы не стали намного красивее и привлекательнее.

— Зрелище притягивающее и одновременно отталкивающее, — согласился Алиссон. — Но меня больше пугает то, что они способны приспособиваться к чужим условиям. Прогрессируют, исчадия ада, причем такими темпами, что и не снились нашим земным организмам. Что-то будет дальше?

— Как ты думаешь, они взлетят?

— Вряд ли, уж больно велика их масса, никакие крылья не потянут, да и энергии для полета нужна уйма. Я вообще думаю, что это не крылья.

— А что?

— Ну-у... фотоэлементные батареи, например, для подзарядки внутренних аккумуляторов от солнечного излучения. Или зонтики для защиты от ядерного взрыва.

— Шутишь.

— Нисколько. Они приспособляются, а механизмами приспособления ведают инстинкты, которые ничего не делают впустую. Крылья для таких махин в нашей жиденькой атмосфере были бы явной ошибкой эволюции, создавшей суперзавров.

Алиссон оказался прав.

Когда панспермиты раскрыли крылья и просидели без движения еще двое суток под солнцем, ученые сошлись во мнении, что это — поглотители солнечной радиации. Но главная сенсация открылась позже, когда суперзавры, утолив энергетический голод, снова двинулись в горы по направлению к «Эр-зет». Слетевшиеся к останкам их скорлуп, как воронья стая, армейские эксперты и ученые обнаружили под скорлупой... два пятиметровых, свеженьких, излучающих радиацию, как обнаженный атомный реактор, похожих на граненые кристаллы мориона — черного хрусталя, — яйца!

Вот тут-то впервые Алиссон и почувствовал страх, сначала необъяснимый, темный, словно внушенный кем-то, а потом нашлось основание: суперзавры несли реальную угрозу всему живому на Земле, потому что размножались, откладывая яйца. Дай им подходящие условия для начального этапа роста при их неуязвимости — и через несколько десятков лет от рода хомо сапиенс не останется ничего, кроме следов его деятельности, да и то ненадолго. Попытается ли природа после этого воспитать на Земле новый разум? Хотя бы в этих чудовищах — полуящерах, полунасекомых, полуптицах?

В понедельник утром второго сентября на полигон прибыл президент. Понаблюдав на экране телемонитора за ползущими, все сокрушающими на сво-

ем пути панспермитами и рассмотрев в бинокль их странные, похожие на сrostки кристаллов яйца, он скомандовал начать бомбардировку.

С аэродрома базы ВВС «Найтхилл» стартовал сверхзвуковой бомбардировщик «В-111» и, достигнув цели за полчаса, с высоты в десять километров сбросил три серебристых контейнера размером с железнодорожную цистерну. Спустя положенное число секунд контейнеры распустили бутоны парашютов и опустились в точном соответствии с расчетом бортовых компьютеров бомбометания — вокруг крушащих скалы гигантов. В ту же секунду сработали замки криогенераторов, и от всех трех цистерн взметнулись ввысь султаны искрящегося белого тумана.

Туман в несколько секунд расползся по площади круга с центром под замершими суперзаврамами, утопил их по брюхо, стал подниматься вверх, как пена в кастрюле с закипевшим молоком, и наконец накрыл с головой. С высоты беспилотного вертолета с телекамерами было теперь видно только громадное пухлое облако в месте падения криогенераторов, продолжавшее медленно увеличиваться в размерах.

Над пустыней внезапно пронесся шквал, подняв в воздух тонны пыли и песка: переохлажденная масса воздуха породила барометрическую волну из-за резкого падения давления. Над облаком стала конденсироваться влага, и вскоре весь район, обезображенный как естественными вулканическими взрывами миллионы лет назад, так и искусственными, скрылся под пеленой тумана. Впервые в пустыне за многие годы прогремел гром не от взрыва, а от самой обыкновенной молнии.

Алиссон вместе с остальными оставшимися не у дел специалистами смотрел за происходящим на экране армейской телесистемы. У него от волнения мерзли ноги и все время тянуло сказать какую-ни-

будь «умную» фразу, но он сдерживался. Кемпер улетел на задание, а с другими летчиками и «зубрами» науки разговаривать не хотелось.

Туман рассеялся только через три часа с четвертью, открыв жадным взорам людей изменившийся до неузнаваемости ландшафт: в радиусе километра поверхность плоскогорья была покрыта сверкающей коркой льда, превратившей застывших без движения суперзавров в ледяные изваяния.

В толпе, окружившей телемонитор, слышались крики ликования и одобрительный гул. Техника не подкачала, исполнители не подвели, оказались на высоте и расчеты. Да здравствует головастый парень, придумавший затею с охлаждением! Знай наших, Боже, храни Америку!

Один лишь Алиссон, тот самый «головастый» парень, не радовался вместе со всеми, ему было жаль несчастных драконов, абсолютно чужих всему земному, страшных, сильных, не знавших пределов своей мощи, но столкнувшихся на свою беду с жестокостью и беспощадностью повелителя Земли, который тоже не знал пределов, и прежде всего пределов своей злобы, цинизма и ненависти к любому, кто не подчинился его воле, — будь то силы природы или разумное существо. Впрочем, поправил себя ради иронической объективности Алиссон, такое возможно не только в свободной демократической стране, но и в любой другой, способной защищать свои интересы всеми доступными средствами.

— А ты чего не радуешься, приятель? — хлопнул Нормана по плечу заросший детина в куртке на «молниях». — Здорово мы их приморозили! Выйдем в космос — всех гадов передадим!

Дурак — зародыш конца мира, подумал Алиссон, но вслух сказал другое:

— Бедный Йорик!..

Давно не брившийся абориген не читал Шекспира и не знал, кто такой Йорик, поэтому на всякий случай назвался:

— Джоб. Выпьем за удачу?

— Пошел бы ты!.. — ответил Алиссон, поворачиваясь к нему спиной и пряча кулаки в карманы.

— Эй, мсье, — раздался сзади хриловатый голос.

Алиссон с неохотой обернулся. К нему подходил высокий худой мужчина с морщинистым лицом и шапкой седых волос, в комбинезоне защитного цвета. Норман узнал его: этот человек находился в компании сенатора Джайлса, когда Кемпер и Алиссон пытались отговорить военных от нанесения ядерного удара.

— Мистер француз?

— Так точно, мсье, Морис Леко, физик и... — седоволосый помедлил, — военспец, работаю на армию. Естественно, тоже французскую.

— Полигон на Муруроа?

— Совершенно верно, у вас хорошая память.

— Что у вас произошло на атолле?

— Вырос один интересный объект, похожий на океанского ската-манту, но, конечно, не скат. Растет, как и ваши панспермиты, поглощая радиацию. Вот я и подумал, не родственники ли они?

Алиссон заинтересованно глянул в маленькие холодные глазки француза.

— Почему вы так решили?

Морис Леко снова помолчал.

— С ним контактируют двое наших сотрудников, молодой парень, лейтенант охраны полигона, и девушка, его подруга. Так вот они утверждают, что принимают от Ифалиука...

— Кого?

— Так они называют ската. По их словам, скат передает им телепатические картины. Девица вос-

принимает их лучше, парень слабее, но в одном они сходятся: Ифалиук прибыл из космоса. Вернее, на Землю миллионы лет назад свалился предок Ифалиука. Кстати, мы нашли его скелет. И еще ребята утверждают, что на предке Ифалиука сидел такой же суперзавр, как ваши Стрелок и Тихоня.

— Это любопытно.

— Мало того, на суперзавре сидел якобы еще один монстр, двутелый, двухголовый, двурукий.

Алиссон покачал головой:

— Вы в это верите?

— После того как этот зверь выдержал ракетный и бомбовый удары, я могу поверить во все.

— Что ж, я не прочь был бы посмотреть на вашего ската.

— В следующий раз я покажу вам фото. Сегодня же я просто решил предупредить вас: осторожнее с этими динозавриками. Они живы. Так я думаю. Ведь вы собираетесь навестить их?

— Если нас возьмут в группу. Почему бы вам не пойти с нами?

— Меня уж точно не возьмут.

— А зачем вам понадобилось лететь сюда, изучать суперзавров? Даже если связь и существует, что вам, физику, до нее?

Леко усмехнулся:

— Да в принципе ничего. Просто наши вояки стоят ваших... хотя я сам полковник. Если объект мешает, они его уничтожают, не обращая внимания на познавательный интерес и даже выгоду, которую можно извлечь. И еще... не знаю почему, но мне жаль Ифалиука. Ядерного удара, который запланировал наш штаб, ему не выдержать.

Француз сунул руку Алиссону и пошел прочь, раскачиваясь, как моряк на суше. Норман задумчиво во след.

Лед на панспермитах растаял к утру, но они не шевелились, став из ярко-оранжевых тускло-желтыми. Теперь они были похожи на скульптурные творения модернистов, изваянные из чистого золота. Но даже такие — неподвижные, молчаливые, мертвые — они внушали ужас, отвращение и одновременно благоговейный трепет своей несхожестью с земными формами жизни, мощью и неземным, поистине космическим уродством. При долгом созерцании чудовищ человека вдруг поражала мысль о невероятной, чуть ли не противоестественной приспособляемости жизни к любым природным условиям, готовности выжить любой ценой: либо ценой отказа от разума — и тогда возникали колоссы вроде динозавров на Земле и суперзавров в космосе, либо ценой приобретения разума — и тогда появлялись существа вроде людей, сильные только волей к победе и умением переделывать условия существования...

Примерно такие мысли бродили в голове Алиссона наравне с мыслями о сообщении французского физика Леко, когда его вместе с другими «яйцеголовыми» доставил к застывшим тушам на вертолете Кемпер.

Это была третья группа специалистов, десантированная в район замороженных панспермитов после того, как военные обстреляли драконов ракетами и ничего не произошло.

От застывших колоссов, да и от земли, от каменных складок несло могильным холодом, с близких холмов дул пронизывающий ветер. Поправляя прозрачные шлемы, пояса и рукавицы антирадиационных комбинезонов, ученые и эксперты разошлись вдоль погрузших в каменной осыпи тел, каждый со своими инструментами и приборами. Им разрешалось работать возле суперзавров не более сорока —

пятидесяти минут, потому что тела ящеров излучали радиацию на уровне двухсот двадцати рентген в час.

Вообще-то Алиссону делать здесь было нечего, но он хотел в последний раз полюбоваться на монстров вблизи и упросил организатора экспедиции взять его с собой. Теперь он пожалел, что не остался в теплой палатке: выдержать пытку холодом даже в скафандре с подогревом больше десяти минут не было никакой возможности.

Кемпер понял друга раньше, чем тот пожаловался на превратности судьбы и непогоду. Он отвел Нормана в кабину, дал ему поддеть под балахон свой вязаный свитер и второй шлем с наушниками, и Алиссон повеселел.

— Знаешь что, давай попробуем взобраться? — внезапно загорелся он, кивая на гору суперзавра. — Заодно и погреемся.

Кемпер поглядел на него, как на сумасшедшего, подумал, почесал затылок шлема и... согласился.

— Только возьмем фотоаппарат, запечатлеем друг друга на память, такого трофея не было ни у одного охотника. Хотя мне их тоже немного жаль, как-никак они наши крестники.

Они вооружились кошками, ледорубами, связками бечевы, карабинами для зажима веревок и выступили в поход. «Покорение трупов» решили начать с одной из лап средней пары, где было больше шансов зацепиться за неровности рельефа.

Суперзавры, очевидно, при внезапном похолодании пытались сжаться, сохранить тепло, закрыться перепончатыми крыльями и так и застыли, прижимаясь брюхами к земле, втянув хвосты, стискивая передними лапами шеи и уронив головы. И все равно высота их «холки» — кружевного воротника на шее, ставшего высшей точкой, — достигала не менее шестидесяти метров — высоты двадцатиэтажного дома!

Вблизи броня сверхдраконов оказалась пластинчатой, состоящей из выпуклых граненых ромбов, полупрозрачных, словно шлифованные драгоценные камни. В глубине каждой пластинки горел тусклый желтый огонек. Кемпер постучал ледорубом по броне, вызвав тонкий, ноющий, стеклянно-металлический звук.

— Сезам, откройся! — пробормотал Алиссон, невольно съеживаясь, ожидая, что гигант шевельнется в ответ и оставит от них мокрое место. Но все оставалось по-прежнему, в наушниках рации гнусавил голос руководителя группы, дающего указания подчиненным.

— Ходят слухи, — обронил Кемпер, с некоторым сомнением глядя вверх, на крутую гору тупа суперзавра, — что наш знакомый доктор Хойл обратился к русским с предложением поломать головы над проблемой остановки суперзавров и какой-то русский физик будто бы предложил нашим войкам хорошую идею.

— Не слышал. Что за идея?

— Чтобы удержать драконов в «загоне», нужно скармливать им понемногу в центре Невады радиоактивные шлаки, отходы топлива ядерных реакторов. Неплохая идея?

— Неплохая, но подана слишком поздно. — Алиссон не стал рассказывать другу о своей встрече с французом и его идее.

— В том-то и дело, что физик предложил ее еще до бомбардировки драконов криогенераторами. Ну что, поехали? — Под верещание счетчика Гейгера Кемпер первым полез на согнутый крючкообразный палец лапы, судорожно вцепившийся в скалу.

Никто не обратил внимания на действия «альпинистов», каждый торопился сделать свою работу, зная, что второй раз попасть сюда будет очень не просто.

Подъем был не слишком трудным, однако «скалолазы» очень скоро поняли, что грани выпуклых чешуек брони зверей не только твердые, но и чрезвычайно острые: сначала Алиссон, неловко повернувшись, начисто срезал полкаблука сапога на левой ноге, потом Кемпер порвал ткань комбинезона на колене, и наконец порвалась веревка, неудачно скользнувшая по острой шпоре на сгибе «локтя» суперзавра. Пришлось сбавить темп подъема, и Алиссон подумал, что у них не останется времени на спуск, когда будет дана команда рассаживаться по вертолетам. Кемпер подумал о том же, но отступить было не в его правилах.

Они взобрались уже на первый горб суперзавра, от которого начинались гребенчатые наросты, переходящие в крылья, когда Алиссон вдруг обратил внимание на мерные звуки, даже не звуки — сотрясения, ощутимые руками и ногами, исходившие из тела ящера. Палеонтолог остановился и прислушался: глухой, едва слышимый удар, короткое сотрясение брони, тишина пять секунд, и снова — удар, сотрясение...

— Господи!.. — пробормотал он.

— Что? — оглянулся Кемпер, шедший на четыре метра выше. — Поднимайся, чего остановился. Не успеем добраться до головы.

— погоди... прижмись к шкуре и послушай.

Летчик приник грудью к уродливому выступу, замер, потом спросил, не меняя позы:

— Что это?

Алиссон сел, ноги не держали его, и сказал глухо:

— Вероятно, это его сердце, Вир. Он жив, черт возьми! Француз был прав! Надо немедленно уходить... дать сигнал... он может очнуться в любую минуту.

— Не паникуй. — Кемпер и в этой ситуации не потерял присутствия духа. Нашупав пряжку ларин-

гофона на шее, позвал — Берринджер, майор Берринджер, где вы?

— В чем дело? — слышался в наушниках бас командира звена вертолетов. — Кто меня зовет?

— Пилот Кемпер. Сэр, немедленно дайте сигнал тревоги и заберите людей!

— Что за шутки, Вирджин? У тебя живот заболел? Или соскучился по Рестеллу?

— Сэр, шутками здесь не пахнет У него бьется сердце!

— У Рестелла?

— Идиот! — вырвалось у Алиссона. — Майор, оставьте свой солдафонский юмор, у суперзавра бьется сердце, понимаете? Он жив! Включайте тревогу и эвакуируйте людей, пока...

По телу ящера пробежала судорога, едва не сбросив «восходителей» с тридцатиметровой высоты В эфире наступила полная тишина, сменившаяся через мгновение хором криков. А еще спустя мгновение леденящий душу вопль сирены перекрыл все остальные звуки.

— Держись! — крикнул Кемпер, цепляясь за веревку.

Толчок поколебал корпус суперзавра — это выпрямилась передняя правая нога, еще толчок — пошла левая. Два толчка подряд, затем серия металлических ударов следом, визг раздираемого камня, и над вцепившимися в наросты на шкуре панспермита людьми вознеслась его кошмарная голова!

Где-то далеко взревели двигатели вертолетов, прозвучали автоматные очереди: у кого-то из солдат охранны не выдержали нервы.

— Делай, как я! — Кемпер быстро сделал несколько снимков и заскользил по веревке вниз, до уступа бедра суперзавра. Затем оттолкнулся от него и скрылся за уступом. Алиссон без колебаний последовал за летчиком.

Ценой десятка ушибов, сорванных шлемов, порезов и ссадин им удалось спуститься на землю, но убежать они не успели: панспермит — это бы Стрелок — повернул голову в их сторону.

Две минуты — Алиссону показалось, что прошла целая вечность, — они, не двигаясь, смотрели друг на друга: люди и чудовищный пришелец; боковые глаза-радары суперзавра были закрыты, а центральный отсвечивал прозрачной влагой, словно ящер плакал, но в его взгляде не было ни злобы, ни угрозы, ни ненависти, только недоумение и боль. А может, это показалось Алиссону. Волна судороги пробежала по телу дракона, подняв металлический перезвон.

Суматоха у вертолетов улеглась, крики стихли, два из них поднялись в воздух, за ними последний, ведомый напарником Кемпера: летчик действовал по приказу майора, спасавшего двадцать человек и пожертвовавшего двумя — Алиссоном и самим Кемпером. Суперзавр перевел взгляд на вертолеты, но не сделал ни одного выстрела из своей носовой «гамма-пушки», потом снова повернулся к оставшимся землянам, дернул крылом и... отвернулся! Рядом начал просыпаться Тихоня.

— Пошли, Норман, — сказал скрежещущим голосом Кемпер. — Кажется, он нас отпустил.

— Зачем? — очень спокойно осведомился Алиссон. — Мы никуда не успеем уйти.

— Почему? Если тихонько отойти к ущелью, а потом рвануть...

— Я не о том, драконы нас, может, и не тронут, они более великодушны, чем Рестелл и компания.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что операция «Двойной удар» вступила в завершающую стадию.

— А-а... — сказал, помолчав, Кемпер. — Я и забыл. Но, может быть, Джайлс и... кто там с ним...

Киллер не станут бросать атомную бомбу? Возьмут и примут предложение русского, а? Подождем?

— Что нам остается?

Обменявшись полуулыбками, они отошли, не таясь, на километр, сели на камни и стали наблюдать за действиями суперзавров, не знавших за собой никакой другой вины, кроме факта рождения в «неположенном месте» в самую жестокую из эпох, которую сами же люди назвали калиюга...

Драма 4

НАЕЗДНИК

Горела деревня.

Автобус медленно катил по абсолютно пустому шоссе мимо горящих домов, мимо черных, голых деревьев, и люди, прикившие к окнам автобуса, — журналистская бригада из всех стран СНГ, — молчали. Потом раздался чей-то сдавленный шепот:

— Смотрите, яблони!

Алевтина, у которой, как и у всех, ком стоял в горле, оглянулась на молодого сконфузившегося парня, фоторепортера из журнала «Экспрессмен», потом перевела взгляд на деревню. То, что березы в Чернобыльской зоне иногда зеленели зимой, она слышала, но не знала, что яблони в садах в августе месяце могут стоять кроваво-красными, почти голыми и тем не менее — с огромными, изумительно красивыми и аппетитными плодами.

— Зона! — со знанием дела улыбнулся сосед Алевтины, перехватив ее взгляд. Он тоже прилетел из Москвы, как и она, только представлял не «Известия», а «СПИД-инфо». Звали его Леонидом Панасюком, и еще в самолете он, как говорится, «положил глаз» на Алевтину, однако к его ухаживаниям девушка осталась равнодушной и реагировала на

них холодно. Ей не нравились не в меру самоуверенные всезнайки.

За околицей деревни стояли тракторы и экскаваторы, но не мертвые, брошенные, как показалось сначала, а с водителями.

— Прибыли хоронить, — снова проговорил Леонид авторитетным тоном.

— Кого хоронить? — не поняла молоденькая журналистка из «Белновостей».

— Деревню, — кивнул на окно Леонид. — За десять лет ликвидаторы похоронили уже двадцать с лишним деревень.

Автобус выбрался за пределы деревни, увеличил скорость, но через несколько минут вынужден был остановиться. До АЭС оставалось около двух километров, и на въезде в радиозонологическую зону стоял блокпост внутренних войск. Молодые суровые парни в камуфляжных комбинезонах и лихо заломленных беретах быстро проверили документы, обыскали автобус и подняли шлагбаум.

Еще через четверть часа автобус подкатил к новому двухэтажному зданию с зеркальными освинцованными стеклами. Здание принадлежало научно-исследовательскому центру, и располагались в нем многочисленные медицинские, биологические, радиологические, физические и лаборатории контроля, центры, в которых работало не менее четырехсот человек. По сути, АЭС вместе с научно-исследовательским институтом и производственно-техническим центром в настоящее время представляла собой полигон со сложным хозяйством, в который входила и тридцатикилометровая зона вокруг — странный и опасный радиологический заповедник.

В здании располагался также пункт дезактивации и санобработки для работников центра и прибывающих гостей.

Четвертый энергоблок со взорвавшимся реактором, упрятанным в саркофаг, стоял от здания всего в трехстах метрах и был хорошо виден. Из стали и бетона, он отсвечивал на солнце серебром. Но люди в автобусе долго разглядывали его, притихшие и смиренные, пока проводник, сотрудник центра, а также по совместительству работник коммерческой фирмы «Чернобыль-Интеринформ» Эдик Мартиросян, не скомандовал выходить.

Прошли в здание, в специальной раздевалке сняли с себя все «цивильное» и облачились в химзащитное белье, штаны, ботинки и хлорированную фуфайку.

— Фу! — скривил нос Леонид, норовя пристроиться поближе к Алевтине. — Ну и амбре!

Воняла фуфайка, конечно, отвратительно, однако, по мнению Алевтины, вынести эту вонь можно было и без комментариев.

— Идем к реактору, — объявил проводник. — Фотоаппараты, ручки, карандаши, записные книжки, диктофоны и магнитофоны не брать! Ни к чему не прислоняться, руками ничего не трогать. Что надо, я скажу сам. Вопросы тем не менее задавать можно, отвечу в пределах компетенции.

Мартиросян повернулся и зашагал впереди. В отличие от журналистов он был одет в джинсовый костюм, превратив его в «зонный комплект». Пятнадцать представителей прессы и телевидения разных агентств и стран, переговариваясь, потянулись за ним.

Леонид сошел с дорожки, чтобы подойти к сосне с огромными — с кулак! — шишками, но получил сердитый окрик:

— Осторожно, земля грязная! Завезли два месяца назад, но она уже «хапнула» две тысячи микрорентген. Ходите только по асфальту, он ежедневно моется. До сосен дотрагиваться не рекомендую, они из

деревьев самые чуткие к радиации, берут до тысячи микрорентген.

Леонид вернулся на дорожку, поглядывая на свои ботинки, будто хотел увидеть радиоактивные флюиды.

Прошли через рыжий лес, полностью выгоревший от радиации. На его опушке росли и зеленые сосны, но, как пояснил Мартиросян, их недавно высадили ликвидаторы.

Возле реактора царила будничная суета. Люди в серой, белой, черной и оранжевой спецодежде что-то переносили, что-то строили, обсуждали, тянули кабели, куда-то шли. Над журналистами нависла пятидесятиметровая стальная стена с контрфорсами, закрывшая фасад пострадавшей западной стены энергоблока.

Несмотря на самообладание, Алевтину пробрала дрожь. За стеной саркофага, чаще называемого просто «гробом», дремал ядерный джинн, способный в любую минуту преподнести сюрприз. Что он и делал на протяжении десяти с лишним лет со времени катастрофы. Так, в 1991 и 1995 годах саркофаг по неизвестным причинам дал трещины, а в 1990 и 1996 годах внутри «гроба» вдруг началась самоуправляемая ядерная реакция. Ее удалось задавить, а трещины залить бетоном, но никто не мог с уверенностью предсказать, на что еще способен самый большой в мире и застывший на неопределенное время ядерный взрыв.

Притих даже Леонид, благоговейно взирая на могучие контрфорсы, призванные укрепить стену.

— По оценкам экспертов, в саркофаге лежит около ста шестидесяти тонн ядерного топлива, — сказал Мартиросян, оглядываясь на Алевтину; видимо, красота девушки подействовала и на него. — Но это топливо не содержится в ТВЭЛах, то есть в контролируемых «рубашках». Во время аварии там

была температура около семи тысяч градусов, металл, бетон, конструкции, топливо — все расплавилось и потекло. Лава пошла по коридорам, прожгла ходы в слабых местах... В общем, за стеной спит вулкан, полный лавы! Теперь я покажу вам реактор. Но прошу не отставать и не отвлекаться.

— Шаг вправо, шаг влево — стреляю! — проворчал Леонид, но на его шутку отреагировал лишь проводник:

— Просто в саркофаге и сейчас есть щели, сквозь которые «светит» до четырех тысяч рентген.

Мартиросян снова глянул на Алевтину и повел группу вокруг «гроба», официально именуемого «Укрытием», чтобы показать северную стену, построенную бетонными уступами. С той же стороны находился вход в здание станции, сохранившееся и укрепленное впоследствии строителями саркофага.

Алевтина уже знала, что готовится проект постройки над «гробом» нового саркофага — «Укрытия-2», полностью герметичного и безопасного, с размещением внутри завода по переработке радиоактивных отходов. Но, во-первых, Украина не имела необходимой суммы на строительство — около двух миллиардов долларов (впрочем, такой суммы не имело и все сообщество независимых государств), а во-вторых, расчетный срок строительства — десять лет — оптимизма ликвидаторам и правительству страны не добавлял.

Обошли здание, поглазели на гигантские трубы насосного бетонного агрегата, установленного недавно для накачки под давлением специального бетона в полости под реактором, и вошли в здание энергоблока.

За два часа они находились по коридорам и туннелям до одурения, осмотрели систему подачи в реактор раствора метабората калия для подавления

активности ядерного топлива, уникальные сигнальные системы датчиков температуры и гамма-излучения «Шатер» и «Финиш», камеры протелевидения, не боящиеся радиации, пылеподаватели, венткамеры и камеры отсоса жидких радиоактивных материалов. Им показали даже знаменитую «слоновью ногу» — огромный поток застывшей лавы, отсвечивающий фиолетовым, голубым и зеленым цветом, с перламутровыми переливами вздувшихся пузырей металла и расплавленного камня, кирпича и бетона. На пятьдесят третьей отметке третьего блока реактора им также позволили заглянуть в оконце тридцать на сорок сантиметров с толстым бронированным стеклом. Оконце позволяло заглянуть в жерло реактора с зависшей в нем «Еленой» — верхней крышкой диаметром в двенадцать метров и толщиной в три.

— Фон здесь безопасный, — сказал Мартиросян, — однако долго таращиться не стоит.

Алевтина заглянула в оконце и в рассеянном свете прожектора увидела слоистый, серый, какой-то мертвый туман. Из тумана торчали полуразрушенные бетонные балки, металлические фермы и обломки стен.

— Туман — это пылеводная взвесь, — пробубнил над ухом Мартиросян. — Когда реактор горел, в жерло высыпали пять тысяч тонн химических соединений, доломита, песка, глины и свинца. А когда образовалась и стала разноситься пыль, добавили воды. Серый туман — пар и пыль, да еще и под давлением. Реактор-то горячий.

Алевтина отодвинулась, уступая место коллегам.

— Ну как? — поинтересовался проводник, блеснув хищным глазом.

— Страшно, — призналась девушка.

— Пройдет, привыкнете. А вечером вы свободны? — понизил голос Мартиросян. — Мы могли бы

уютно посидеть в ресторанчике. В Славутиче их два, неплохие кстати.

Алевтина посмотрела на орлиный нос Мартиросяна и его щегольские усики, отрицательно качнула головой:

— Я занята.

— Тогда, может, завтра?

— Вряд ли.

— Ну и видик! — подошел Леонид, избавляя Алевтину от необходимости продолжать разговор; проводник отошел, скомандовал идти за ним. — Между прочим, Аля, — продолжал Леонид, — что ты делаешь вечером?

«Еще один «свободный человек», — с тоской подумала девушка. — Неужели на мне написано, что я в разводе?»

— Меня зовут Алевтина Васильевна, — сказала она со вздохом. — И вечером я... — Придумать она ничего не успела, потому что из группы проходивших мимо работников АЭС в оранжевых комбинезонах ликвидаторов вдруг вырвалась молодая смуглая женщина и дотронулась до рукава фуфайки Алевтины:

— Алька, ты?!

— Мамочки, Маринка! — ахнула Алевтина, приглядевшись.

Перед ней стояла бывшая одноклассница и подруга Марина Шикина, повзрослевшая, вытянувшаяся, женственная и такая же обаятельная, как и прежде, с милой улыбкой и классическим «греческим» профилем.

— Не отставайте, — подстегнул группу Мартиросян, оглядываясь на остановившихся было журналистов.

— Это сколько же мы не виделись? — сказала Марина, сделав отталкивающий жест и тут же объясняя его: — Тут обниматься не рекомендуется.

— Как закончили школу, так и разошлись. Лет шесть прошло. Значит, ты ликвидатор? Никогда б не подумала!

— А ты, значит, журналистка? Никогда б не подумала! — в тон Алевтине ответила Марина, и они засмеялись. — Страшно рада тебя видеть! Ты где остановилась?

— Где и все, в гостинице в Славутиче. А ты где живешь?

— В деревне, отсюда всего в девяти километрах. Не хочешь погостить? У меня машина, заберу после обеда, и поедем.

— А не опасно?

— В Тепловке не опасно.

— Договорились. Мы тут будем еще часа полтора, потом я свободна.

— Тогда жди в офисе турфирмы, Эдик тебя развлечет.

— Он уже пытался назначить встречу. Ты его знаешь?

— Кто же его не знает? — белозубо рассмеялась Марина. — Ну ладно, побегу, дел невпроворот. — Она заспешила к поджидавшим ее мужчинам в оранжевых комбинезонах, потом оглянулась, подбежала, шепнула: — Как я рада тебя видеть, Алька! — И пропала за одной из дверей коридора.

Задумчивая Алевтина поспешила догнать группу журналистов, ушедшую вперед.

В три часа дня Марина подкатила к зданию научно-исследовательского центра на джипе «данатсу», похожем на облагороженный российский «газон» по кличке «козел». Однако внутренняя отделка машины намного превосходила дизайн и качество «козла», так что Алевтина даже забыла заготовленную заранее шутку, когда села рядом с подругой.

Эдуард Мартиросян, успевший переодеться в костюм с галстуком, вышел провожать Алевтину и, наверное, надеялся на продолжение знакомства, но Марина на его «подвези до Славутича» ответила насмешливым «адю, Эдичка, нам не по пути» и уехала, не оглядываясь.

— Вообще-то мужик он неплохой, — сказала она, когда «данатсу» выехал за ворота контрольно-пропускного пункта после обязательного мытья колес. — Но только безответственный.

— Бабник, что ли?

— Слабо сказано. По крайней мере шестерым моим знакомым он обещал жениться, но слова, естественно, не сдержал. А так не дурак, видел много, рассказывать умеет. А что за парень возле тебя крутился? Друг?

— В самолете познакомились. Но мне он не нравится, пришлось отшить.

— Ты не замужем?

— Была. — Алевтина ответила неохотно, и Марина кивнула, понимая ее чувства. — Захочешь, расскажешь. — Помолчала. — Я тоже одна. Был один парень... крутой и сильный... а после него все мужики на одно лицо. В общем, не нашла я второго принца. Наверное, его и в природе не существует.

— Чепуха, твой принц тебя найдет. — Алевтина не стала говорить, что надеется и на свою удачу. — Рассказывай, как ты здесь оказалась, в Чернобыле.

Машина вырвалась на шоссе, связывающее АЭС и город энергетиков Славутич, но через несколько километров свернула на узкую асфальтовую ленту, ныряющую в густые леса на левобережье Припяти.

Деревня, в которой жила Марина Шикина, называлась Тепловкой и располагала всего девятью дворами. В двух жили семьи «самоселов», как называли вернувшихся в свои дома, в основном стариков, в третьем жила Марина с родной бабкой Варей.

Я сначала тоже в Славутиче прописалась, — сказала Марина, загоняя машину во двор. — А потом съездила к бабе Варе и переехала. К тому же выяснились кое-какие обстоятельства.

— Какие?

— Потом расскажу. И покажу.

— А не опасно здесь все-таки? — Алевтина вылезла из кабины, потянулась всем телом, оглядывая хозяйство бабы Вари.

В подворье входила бревенчатая изба — хата, как тут говорили, крытая потемневшим от времени шифером, сарай для коровы и поросенка, курятник, погреб, сарай для сена, огород и сад.

— Сейчас уже не опасно, — ответила Марина. Месяца три назад в километре еще было цезиевое пятно с фоном до тысячи микрорентген, но исчезло, так что можешь спать и есть все спокойно.

— Как это — исчезло?

Марина нырнула в хату и вышла уже с хозяйкой Бабе Варе пошел восемьдесят второй год, но была она осанистой, полной, седоволосой, с круглым и гладким лицом, на котором выделялись живые прозрачно-голубые глаза.

— Заходите до хаты, — сказала она, когда внучка познакомила ее с подругой, — поснидайте, обид на столы у голбци.

— Пошли, умоемся с дороги. — Марина повела Алевтину в дом. — Вода здесь чистейшая, родниковая, очень вкусная.

— Но ведь до эпицентра всего девять километров!

— Я же говорю, тебя ждет сюрприз. Но чтобы ты была спокойна, вот дозиметр, видишь? — Марина показала на стоящий на столе прибор. — Фон — почти нулевой, ниже природного. Пообедаем, отдохнем, и я тебе кое-кого покажу.

— Кого?

— Помогает нам тут один... леший.

— Раньше ты загадками не говорила.

— А иначе нельзя, подумаешь — сбрендила. Лучше показать.

Девушки умылись, переоделись, сели за стол. Алевтина оглядела предлагаемое меню, искоса глянула на улыбчивую бабу Варю, потом на спокойно накладывавшую в свою тарелку закуски Марину. На столе стояли грибы, соленые и маринованные, квашеная капуста, яйца, сало, картошка, куриные котлеты, хлеб — каравай, самогон и бутылка шампанского.

— Все свое, из огорода и с поля, — проговорила баба Варя. — Да ты не бойся, милая, ешь, все алгически чистое, как внучка говорит.

— Экологически, — засмеялась Марина. — Ешь, все верно.

Выпили, закусили, повеселели. Начались расспросы и рассказы, воспоминания. Но как бы ни была Алевтина раскрепощена, она все время ощущала угнетающую психологическую атмосферу Чернобыля, мешающую ей чувствовать себя свободно и раскованно.

— Так ты и не сказала, как оказалась в зоне, — проговорила она.

— Случайно. — Марина погрустнела. — Я ведь закончила Киевский политехнический, факультет металлоконструкций. А он был в другой группе...

— Кто — он?

— Гриша. Позвал — я поехала... — Марина залпом выпила стопку самогона, вытерла наворачнувшиеся на глаза слезы. — Представляешь, делал шпагат, отжимался сто раз, пятьдесят подтягивался, даже на одной руке подтягивался, бегал, в футбол играл... а потом попал под вынос, щель в саркофаге образовалась... и через год похоронили. — Она махнула рукой, вытерла слезы. — Вот так я здесь и осталась. Ладно, давай о другом. Ну а ты все время в столице?

— Закончила МГУ год назад, ушла от мужа, развелась... Он мне квартиру оставил, двухкомнатную, на Солянке, все надеялся, что вернусь. Теперь живем вдвоем, я и собака — чистокровный колли. Работаю в «Известиях», благодаря опять же его связям.

— А чего ж ушла, если он такой хороший? Такая броская мадам, аж завидно.

— Не сошлись характерами, — усмехнулась Алевтина. — Этот процесс длился не один год. Как-нибудь расскажу. Ну а что за сюрприз ты хотела показать?

— Ты вообще-то пугливая или нет? Волков-медведей не боишься?

— А ты меня в гости к медведю отведешь? Не боюсь.

— Хорошо, коли так. Баб Варь, мы скоро придем, — крикнула Марина хозяйке, кормившей поросенка.

Шел уже шестой час после полудня, но солнце пекло, как и утром, зной растекался по земле, маревом дрожал над крышами домов, густо заполнял улицу, однако в тени дышалось легко, а в лесу и вовсе жара перестала ощущаться. Алевтина заметила, что в лесу не слышно птиц, и поделилась наблюдением с подругой:

— Везде так? Или птицы вообще покинули зону?

— Да нет, остались, хотя их стало намного меньше. Все больше воробьи да вороны, благородные птицы улетели.

— Радиации боятся. — Алевтина все еще вспоминала рассказы Мартиросяна и относилась к природе зоны настороженно.

Марина поняла чувства подруги, достала из кармана джинсовой куртки дозиметр, щелкнула крышкой.

— Можешь спокойно дотрагиваться до любого дерева, радиация здесь ниже природного фона.

— Как такое может быть?

— Я же говорила, у нас тут леший завелся. Вернее, не тут, я его возле реактора нашла. Думала — ящерица, странная такая, смешная. Принесла домой, я тогда еще в Славутиче жила, люблю с животными возиться. Начала кормить, а он не ест. Ну, думаю, сдохнет скоро. Проверила еще раз на радиоактивность — ноль. Оставила. А вечером пришла, что такое — счетчики в квартире молчат!

Марина замедлила шаги. Они сначала шли вдоль оврага, потом взобрались на холм, заросший соснами, и свернули направо, к обрыву над рекой.

— В общем, оказалось, где Мутик ни появится, там радиация резко идет на убыль.

— Кто-кто?

— Я его Мутиком назвала, от слова «мутант», очень уж он необычный, этот звереныш. Баба Варя сначала его боялась, а потом ничего, привыкла, стала Двурылком звать. Ну вот, добрались.

Девушки вышли на край оврага, вернее, старицы, образовавшей здесь естественный котлован с пологими травянистыми склонами и сухим песчаным дном, усеянным огромными валунами. Один из них привлек внимание Алевтины своим блеском и формой, а потом ей показалось, что она грезит. Валун вдруг ожил, стал разворачиваться, как броненосец, свернувшийся в шар, и Алевтина, холодея, увидела странную чешуйчатую, двутелую и двухголовую фигуру, глянувшую на нее снизу вверх длинными, щелевидными глазами — по одному на каждой угловато-бугристой, похожей на медвежью голове. Рук у монстра было две, ног тоже две, но два тела срастались на одном сиделище, и необычное существо карикатурно напоминало раздвоившегося, но так и не разделившегося до конца человекомедведя. Ростом Мутик-Двурылко достигал, наверное, высоты телеграфного столба, но сверху не казался гигантом. Каждая чешуйка его тела горела на солнце как зо-

лотая, и весь он казался одним золотым слитком, но стоило Алевтине шевельнуться, как двутелый урод погас, словно внутри него выключили свет, опустился на дно старицы и превратился в округлую каменную глыбу.

Марина вышла вперед, свистнула тихонько, и глыба снова зашевелилась, оживая, превращаясь в самое необычное из существ, когда-либо виденных Алевтиной.

— Знакомься, это и есть Мутик.

— Мамочка родная! — пробормотала Алевтина. — И ты не побоялась взять его к себе домой?!

— Так он же тогда совсем маленький был, с кулачок.

— И никто о нем не знает?

— В Тепловке, конечно, знают все, кто живет, но помалкивают. Однако слушок уже прошел по всей зоне, что, мол, живет в лесах зверь, очищающий их от радиации. Правда, официальные лица в это не верят, а ликвидаторы и работники станции привыкли верить своим собственным рукам, даже не глазам. Мутик выползает из этой норы только по ночам.

Двутелое чудовище внизу снова пристально посмотрело на Алевтину, и столько в этом взгляде было настороженности, выразительного внимания, что Алевтина невольно схватилась за руку подруги:

— Он... так смотрит!

— Мутик умный и все понимает. Ну, посмотрела? Пошли обратно. Мы еще придем сюда, если ты не уедешь завтра.

— Теперь не уеду. Хотела дать материал об АЭС, но теперь вижу, что он не главный. Ты хоть представляешь себе, какая это сенсация?! Животное-мутант, утилизирующее радиацию!

Марина покачала головой:

— Сенсации не будет. Мутик — не животное и не захочет, чтобы им занялись исследователи. Он что-

то ищет здесь и, как гольфо найдет, — вернется туда, где находится его родина

— Где же?

— Далеко в космосе, — ответила Марина серьезно.

Алевтина фыркнула, но поскольку подруга не улыбнулась, оставаясь серьезной, призадумалась и она.

— Откуда ты знаешь? Ну, что он из... космоса?

— Мы с ним разговариваем. — Марина оглянулась, нахмурилась. — Не так, как люди, я просто вижу картины, которые он мне внушает. — Она вздохнула. — Но не все понимаю, к сожалению.

Алевтину пробрала дрожь, но она сделала вид, что верит рассказу. В голове мелькнула мысль о последствиях радиационного поражения мозга. Марина вполне могла заболеть психически после получения дозы радиации.

Марина искоса глянула на журналистку, улыбнулась:

— Небось думаешь, умом тронулась девка? Ничего, сама убедишься в обратном. Поможешь узнать, что ищет Мутик.

Алевтина, сбита с толку, пораженная увиденным и услышанным, посмотрела на застывшего чешуйчатого великана внизу и вдруг поверила, что он — не житель Земли! Озарение было ярким, мгновенным и абсолютно естественным. Что оно было навеяно двутелым уродом, Алевтина сообразила позже, когда они уже шли обратно.

Пока петляли по лесу и добирались до деревни, Алевтина молчала, переваривая удивительную информацию. Потом успокоилась, трезвый ум журналиста начал свою работу, и в доме бабы Вари она уже стала сама собой. Правда, на дальнейший разговор с Мариной сил не хватило. Переизбыток впечатлений был таков, что уснула Алевтина, как только голова коснулась подушки

Утро началось с того, что в деревню пожаловали незваные гости.

Алевтина привыкла вставать рано, поэтому проснулась еще до семи. Но оказалось, что баба Варя и Марина встали еще раньше.

— Одевайся и умывайся, пока я завтрак сготовлю, — заявила в спальню Марина, одетая по-домашнему в халат. — Как спалось?

Алевтина потрогала голову.

— Мы вчера в самом деле встречались с двухголовым или это мне приснилось?

— В натуре, — засмеялась Марина, восхищенно разглядывая Алевтину, снявшую ночную рубашку. — Ох и хороша ты, подруженька. Дурак он, твой мужик бывший, что такую кралю упустил. — Она вышла, зазвенела вилками и ложками у печки.

Алевтина села в позу лотоса, несколько минут медитировала, наполняя тело энергией, потом начала ежеутреннюю тренировку: уже шесть лет она занималась системой самозащиты тайцзицюань школы У. В журналистской практике ей приходилось сталкиваться со всяким проявлением внимания к своей особе, в том числе и с насилием. Годы тренировок сделали свое дело, и теперь она могла постоять за себя. Но закончить тренировку она не успела.

Возле дома послышался шум мотора подъехавшей автомашины, хлопнули дверцы, а затем раздался крик бабы Вари:

— Да что же делаете, супостаты! Ироды!

Алевтина, одетая в спортивное трико, выскочила на улицу.

У ворот стоял новенький, сверкающий вишневым покрытием, с зализанными формами, микроавтобус «мицубиси», охраняемый молодым водителем в спортивном костюме из болоньевой ткани. Еще четверо молодых людей с одинаковыми прическами, в таких же костюмах, с большими черными сумками в руках,

вломились на маковое поле и с ходу принялись рвать несозревшие коробочки, не обращая внимания на причитания бабы Вари.

Марины нигде не было видно, в погреб спустилась, наверное, и Алевтина стала действовать без ее подсказки.

— Эй, малый, — окликнула она того, кто был к ней ближе. — Прекратите безобразия!

— А то что? — лениво оглянулся тощий, но жилистый парень с челкой до глаз. — Ахой, Букер, займись леди, мешает. А ты бы шла воще... — Больше он не успел произнести ни слова, потому что Алевтина прыгнула к нему и провела два удара с поворотом тела — локтем в грудь и плечом в ту же точку. Парень сложился пополам и рухнул в заросли мака без звука.

Его напарник оглянулся, глаза его расширились, брови поползли вверх.

— Ты чё... — начал он и свалился под куст смородины от удара в горло.

Третий собиратель мака, огромный и здоровый, как бык, с широким, но бледным и каким-то рыхлым бабьим лицом, бросил сумку и надвинулся на Алевтину, сжимая свои ладони-лопаты в огромные кулаки.

— Ну, сучка, сама напросилась, я тебе щас!..

Алевтина приблизилась, увернулась от удара, пропуская кулак слева, наотмашь врезала ладонью по щеке здоровяка, а второй ладонью сплющила ему нос. Пока он хватался за лицо, она повернулась вокруг своей оси и вонзила колено ему в бок. Парень вскрикнул, перекашиваясь, хватаясь за бок, и в тот же момент локоть Алевтины нашел его солнечное сплетение.

Четвертый любитель макового дурмана не стал испытывать свое умение драться и достал пружинный нож, но воспользоваться им не успел. Недале-

ко прогремел выстрел, из-за сарая на поле вышла Марина с ружьем в руках, навела стволы на бандита.

— Убирайтесь! Живее!

Чертыхаясь, постанывая, налетчики подобрали свои сумки и потянулись за вожаком с ножом к дороге, сели в микроавтобус.

— Ну, падлы, мы еще вернемся! — крикнул первый подвернувшийся под руку Алевтине. — Молить будете о...

Громыкнул еще один выстрел, фара микроавтобуса разлетелась брызгами. Шофер врубил скорость, и машина умчалась, унося команду наркоманов.

— Ты даешь, Алька! — подошла к подруге Марина. — Давно карате занимаешься?

— Это не карате, китайская школа. А если они вернуться?

— Пусть осмелятся. — Марина взвесила в руке ружье. — Есть и посерьезней игрушки.

К подругам подковыляла баба Варя, вытирая слезы на ходу, обняла их.

— Ох, девоньки, спасибо! Век не забуду! Паршивцы, на мои пироги с маком позарились... Ох, что за жизнь пошла...

Через полчаса они позавтракали, и Марина вывела со двора свой темно-зеленый джип.

— Тебя куда?

— Вообще-то в Славутич, там готовится пресс-конференция директора АЭС. Вечером собиралась домой, но теперь не полечу, пару дней у тебя поживу. Не сильно стесню?

— Да что ты, Алька, — Марина выехала на дорогу, — я давно не чувствовала себя так хорошо. Конечно, оставайся. К Мутику ходим, по грибы, отдохнем, наговоримся. Захочешь, к мужикам в гости напросимся, у меня команда подобралась очень даже неплохая.

— Благодарствую, — улыбнулась Алевтина, — мне мужиков и в редакции хватает. Вот в баню я бы с тобой сходила.

— Организуем.

— Тогда поехали к станции, оттуда я доберусь до Славутича сама.

— Подброшу, дорога хорошая и пустая, много времени не займет, а вечером заберу.

Джип набрал скорость и покатил по асфальтовой дороге, соединявшей деревню с шоссе. На многие километры вокруг не было ни одного человека, по дороге уже давно никто не ездил, кроме спецкоманд и военных патрулей, и снова темное психологическое давление давней трагедии заставило Алевтину почувствовать злую тоску здешних мест и грозную, невидимую для глаз опасность.

Вечерней встречи с Мутиком не получилось. На прежнем месте, среди валунов в овраге у реки, его не оказалось.

Подруги даже спустились вниз, где было его логово, но двутелое чудовище следов не оставило, и куда оно отправилось днем, можно было только гадать.

— Он мог пойти к реке, — предположила Алевтина.

— Он мог пойти куда угодно. — Марина присела на валун. — Меня это почему-то тревожит. Раньше он никогда не уходил отсюда в дневное время.

— Мутик! — позвала Алевтина.

Звонкое эхо повторило имя несколько раз и смолкло.

— Не кричи, — тихо сказала Марина. — Если бы он был неподалеку, услышал бы и так. Ладно, пошли домой, придем попозже, перед заходом солнца.

Подруги поднялись по откосу на гребень оврага и неторопливо побрели обратно, продолжая начатый разговор.

Алевтина за день успела побывать в трех местах, в том числе и на АЭС, куда ее пропустили только по настойчивой просьбе Марининых ликвидаторов. Узнала много нового о строительстве саркофага, о подготовке к строительству «Укрытия-2», о теплицах, в которых «для науки» выращивали клубнику размером с помидор и огурцы длиной с бревно. А еще она слышала давно бродившие среди работников станции легенды о мутантах, якобы встречающихся в лесах зоны: о громадных лосях с пятиметровыми рогами, о кабанах, похожих на мамонтов, и о гигантских ящерицах, превратившихся в динозавров и научившихся ходить на задних лапах. Последняя легенда явно была навеяна встречами с Мутиком, и Алевтина поделилась догадкой с подругой.

— Тут, кроме Мутика, много всяких уродов развелось, — ответила Марина. — Особенно потрясают насекомые. Посреди цезиевого пятна недалеко от Тепловки я видела муравейник величиной с дом! Ей-богу, не вру! А муравьи там живут размером с палец и летают!

— Да ну! — усомнилась Алевтина.

— Сама видела. Когда Мутик очистил пятно от радиации, этим мутировавшим муравьям стало, очевидно, плохо и все они подошли, а муравейник стоит до сих пор, могу сводить.

— Нет уж, спасибо, — передернула плечами Алевтина. — Как ты их не боишься?!

— А чего их бояться? Несчастные твари... несчастные животные... несчастные люди. У нас в команде один мужик работал, еще до меня, спортсмен, красавец, атлет, Саша Кучков. А командовал отрядом бывший подполковник химвойск Киян. Так вот этот Киян запрещал спецкоманде работать в химза-

щите на виду у населения. «Чтоб не будоражить людей», — говорил он. Через два месяца полкоманды списали по болезни. А Саша теперь — инвалид второй группы, в день может пройти не больше двух километров, позвоночник болит, голова — с ведро и глаза навывкат пошли. Не жилец, короче.

— А что ж Киян? — помолчав, спросила Алевтина.

— Уволился, урод, политиком заделался, собирается, говорят, баллотироваться в депутаты Верховной Рады.

— М-да! — только и сказала Алевтина. — Живут же такие твари на свете! Что он, что деятели из Политбюро и ЦК, запретившие людям говорить правду в 86-м, после аварии.

— Мало того — погнавшие людей на майскую демонстрацию в Киеве! — Марина в сердцах поддала ногой мухомор высотой в метр. — Давай о другом, чегò настроение портить. Лучше расскажи, как живет в Москве.

Девушки спустились к реке, медленно прошлись по берегу, прислушиваясь к тишине, продолжая разговор. В деревне они появились около семи часов вечера, когда августовская жара пошла на убыль. А когда поужинали и собрались в лес, чтобы повидать Мутика, деревню снова навестили давешние знакомцы на вишневом микроавтобусе, любители наркотического кайфа.

На этот раз они действовали иначе. Двое зашли со стороны сада, держа в руках пистолеты. Еще двое вошли во двор и дали очередь из автомата по курятнику. На поднявшийся куриный переполох Марина и Алевтина выскочили во двор, причем Марина прихватила ружье, но против них поднялось три ствола, сопротивляться было бессмысленно.

— Ну что, стервы? — сказал, поигрывая ножом-бабочкой, худощавый бандит с челкой до глаз. —

Дождались гостей? Мы предупреждали. А теперь вам будет очень весело. — Он махнул рукой пятому налетчику, широкому, с длинными руками и бледным лицом: — Букер, волоки их в хату, поиграемся с телками немножко. А вы начинайте работу.

Двое, выглядывавшие из сада, потопали на маковое поле, а остальные повели девушек в дом, подталкивая в спины стволами автомата и пистолета. Бабу Варю они походя затолкали в сарай и закрыли двери на крючок.

— Повежливей, — проговорила Алевтина сквозь зубы, получив очередной толчок в спину.

— Глянь-ка, еще шебаршится, — заржал широко-телый Букер, хватая Алевтину за грудь... и, громко икнув от удара, свалился ничком.

Второго бандита Алевтина утихомирила ударом ноги в пах, но третий успел отскочить и направил на нее автомат трясущимися руками. Взвизгнул:

— Укокошу, сука!

И в это время за садом, в поле, раздались крики и началась суматошная стрельба.

Бандит изменился в лице, оглянулся, но лучше бы он этого не делал, потому что Алевтина прыгнула к нему и с силой рубанула ладонью по шее, одновременно перехватывая левой рукой ствол автомата.

Парень ойкнул, согнулся, но автомат не выпустил. Пришлось добивать его боковым приемом «семь звезд»: Алевтина ударила кончиками пальцев левой руки в бок бандиту, затем почти одновременно нанесла правой рукой удар вперед и вниз поверх левого колена. Парень опрокинулся на спину и замер. Алевтина отобрала у него автомат, Марина схватила свое ружье, и они выбежали в сад, где все еще раздавалась пальба.

Сцена, свидетелями которой они стали, могла повергнуть в шок кого угодно.

За двумя любителями мака топала шестиметровая кошмарная фигура в золотой чешуе, отмахиваясь от пуль громадными пятипалыми лапами. Впрочем, пули ей вреда не причиняли, с лязгом отскакивая или с визгом рикошета от чешуй. Однако гигант не был похож на Мутика. Алевтина видела его двухтелым, а тут двигался двуногий, двурукий и двуглазый великан с уродливой, почти медвежьей, головой, похожий на робота, медведя и динозавра одновременно. Лишь приглядевшись, Алевтина поняла, что это все тот же Маринин Мутик, только сжавшийся, соединивший оба своих торса в одно тело; линия раздела торсов была видна лишь вблизи.

Двое бандитов с белыми от ужаса лицами и белыми безумными глазами вихрем промчались мимо, залезли в машину, но завести мотор не смогли. Мутик дотопал до микроавтобуса и наступил на него короткой, по сравнению с туловищем, складчатой и толстой ногой. Парни едва успели выпрыгнуть оттуда. Раздался скрежет, скрип металла, и микроавтобус фирмы «Мицубиси» превратился в смятую посередине консервную банку.

Со стороны двора раздался вопль — это очнулась троица обработанных Алевтиной «маколюбцев». Один из них подобрал автомат, дал очередь по гиганту, а когда тот повернулся и пошел к нему, разделяясь на ходу в две фигуры на двух ногах, второй вопль означал, что парни наконец поняли смысл слова «ужас». Через минуту все было закончено. Пятерка наркоманов пылила окраиной деревни к лесу не оглядываясь.

Мутик остановился посреди двора, опустил руки. К нему смело подошла Марина, что-то ласково говоря. Алевтина, подобрав оружие, открыла запертую бабу Варю.

Хозяйка ойкнула, увидев нежданного гостя, шмыгнула в сени, и все же было видно, что двете-

лого уroda она хотя и побаивается, однако принимает как естественную часть природы.

Алевтину снова пробрала внутренняя дрожь, но она преодолела свой страх и подошла к Марине, глядя снизу вверх на не слишком уж и уродливые головы и туловища Мутика. Проговорила весело:

— Спасибо, дружище! Ты очень вовремя появился.

— Он встревожен, — повернула голову к подруге Марина. — Грядут какие-то события, а он еще не нашел, что ему нужно. Теперь он отправляется к реактору.

— Куда?! Ты представляешь, что будет? — нахмурилась Алевтина. — А если он полезет на четвертый блок? Да ненароком нарушит саркофаг?

— Ты забыла, что он поглощает радиацию. Вдруг очистит весь аварийный корпус?

— А если наоборот — устроит взрыв? Да и не допустят его к реактору. Скажи ему, что к блоку идти опасно, там смерть.

— Он понимает наш разговор. Но все равно пойдет. А сюда пришел, чтобы попрощаться. Я как бы его мачеха в некотором смысле.

Алевтина хотела спросить: откуда ты знаешь, чего он хочет? — и в это время гигант стал наклоняться к ней, сгибая одно из туловищ в двух местах сразу. Побледнев, Алевтина с места, однако, не тронулась, только закрыла глаза. Затем раздался смех Марины.

— Не бойся, он так выражает свои чувства. Похоже, ты ему понравилась.

Алевтина открыла глаза. Перед ней, в метре от лица, находилась медвежье-драконья, хотя и без рта, голова чудовища с единственным, длинным и узким, светящимся, как янтарь на солнце, глазом. Этот глаз внимательно смотрел на нее, и девушке внезапно показалось, что ее обнимает горячая, тяжелая, но мягкая и добрая рука.

Затем Мутик разогнул правую половину тела и зашагал со двора, аккуратно перешагивая забор, колодец, корыто с едой для поросенка. Скрылся за деревьями, только еще с минуту доносился звук его тяжелых, сотрясающих землю шагов.

Из хаты выглянула баба Варя, перекрестилась, поднесла руку козырьком к глазам:

— Ушел? Ну и слава тебе, Господи! Все ж таки не человек, не зверь, не поймешь кто.

Подруги переглянулись.

— Что будем делать?

— Не знаю. — Марина зябко потерла ладонь о ладонь. — Надо бы предупредить на станции, что возможен... визит лешего. Но и ему надо помочь. Да только не знаю как.

— Выведать бы, что он ищет.

— Да не понимаю я его. Знаю, что ищет, показывает какие-то картины... прямо в голове у меня появляются. Но не галлюники, не думай, я себя уже проверяла. Хотя первое время тоже пугалась.

— Что больше всего запомнилось?

— Космос... потом какая-то странная фигура: дракон на драконе. Знаешь, как бы всадник, а на нем еще сидит парочка наездников, как в цирке. Только вместо лошади — что-то вроде черепахи, а вместо людей — динозавры, причем все разной формы. Это, пожалуй, повторяется в его мыслепередачах чаще всего.

— Так, может, он и есть один из них, из тех «наездников»?

Марина задумалась, неуверенно качнула головой

— Может быть, ты и права. Только где же он найдет своих напарников? Неужели прячутся в лесу, возле реактора?

Алевтина не ответила. Она составляла план своих действий на ближайшие несколько дней. Уехать

в Москву ей придется, но как только сдаст материал в газету, тут же отправится обратно. Она чувствовала, что в Чернобыльской зоне начинаются события странные и удивительные.

Это был один из полусотни блок-постов на дорогах, ведущих к Чернобылю, расположенный в десяти километрах от аварийного четвертого блока АЭС. Дежурили здесь солдаты внутренних войск под командованием лейтенанта Оксюты, уроженца здешних мест. Как спецподразделение, ответственное за радиационный и химический контроль участка, а также дозиметрический контроль выезжающих из зоны автомобилей, отделение Оксюты давно перестало функционировать, но обязанности КПП приходилось нести в полной мере, несмотря на отсутствие большого движения. Начали возвращаться в свои покинутые села и деревни жители района, все еще шастали в поисках добычи мародеры и уголовники, сбежавшие из мест заключения, и вдобавок ко всему появились туристы, причинявшие солдатам больше всего хлопот. Всем не терпелось увидеть если не саркофаг над реактором, то хотя бы двухголовых коз, восьминогих поросят, лосей-мутантов с ветвистыми многометровыми рогами и вызывающие не меньший восторг одуванчики величиной с голову человека.

Как правило, пропуска в десятикилометровую зону эти самодеятельные туристы, путешествующие на личном автотранспорте, не имели, и приходилось заворачивать их обратно, не обращая внимания на уговоры или угрозы. Правда, лейтенант Оксюта понимал, что туристы и любители экзотики свободно могли миновать блок-посты, пробираясь по лесам или вдоль ручьев и рек, но воинский долг свой соблюдал неукоснительно.

Так, в обед он завернул обратно вишневого цвета микроавтобус с пятью пассажирами, спешащими якобы по вызову для усмирения бандита, терроризирующего деревню Тепловку. У старшего в машине было даже удостоверение сотрудника милиции. Но Оксюта машину не пропустил, так как, во-первых, у милиционера не было на руках спецпропуска, а во-вторых, ему не понравились наглые и какие-то болезненные лица молодых ребят.

А в начале девятого вечера лейтенант увидел тех же ребят, одетых в спортивные костюмы, но без машины, мчавшихся по дороге из зоны. Они даже не стали прятаться в лесу, перли по шоссе, бледные до синевы, не обращая внимания на вышедших навстречу солдат поста.

— Стой! — рявкнул Оксюта, выходя из небольшого деревянного, панельно-щитового здания блокпоста. Кивнул командиру наряда. Сержант дал очередь над головами бегущих.

Те наконец остановились, тяжело дыша, оглядываясь, ошалело глядя на подходивших бойцов наряда.

— Проверь, — сказал лейтенант, и командир наряда достал дозиметр, обошел пятерых сбившихся в кучку парней, от которых валил пар, покачал головой:

— Чисто, в пределах нормы.

— В чем дело? — подошел Оксюта, не снимая руки с кобуры пистолета. — Почему бежите? Как вы там оказались? Я же завернул вашу машину. Кстати, где она?

Худой чернявый парень с удостоверением милиционера нервно облизнул губы, оглянулся, унимая дрожь рук, глаза его стали осмысленными.

— Командир, пропусти. Нам было нужно... я знаю места... но там... там... — Голос парня сорвался.

— Что там? Да говорите толком!

— Там, в деревне... урод... с дом величиной! Мы хотели... а он вдруг вышел из леса и к нам! Пули образину не берут...

Лейтенант сообразил, о чем речь, мгновенно и выхватил пистолет. Его подчиненные среагировали соответственно, направив на «спортсменов» автоматы.

— Стоять! Не дергаться! Сдать оружие! Быстро!

Чернявый «милиционер» достал из-под мышки под курткой пистолет «ТТ», бросил на землю. Его напарники сделали то же самое. На асфальте образовалась горка оружия: три пистолета, автомат «узи», четыре ножа.

— Однако! — покачал головой сержант. — Целый арсенал.

— И куда же вы ходили? — осведомился ироническим тоном Оксюта. — С таким боезапасом? Саша, позвони в комендатуру, пусть заберут этих субчиков.

И в это время наблюдатель на вышке у блок-поста закричал:

— Лейтенант, смотрите, в лесу!

Оксюта оглянулся и остолбенел.

На опушку леса, начинавшегося в полусотне метров от дороги, вышло кошмарное, ростом с дерево, существо. У него было две ноги и две лапы, вытянутая вперед и в то же время прямоугольная медвежь-драконья морда с двумя щелевидными глазами, а кожа отсвечивала янтарно-золотыми чешуйками, создавая впечатление натянутых на тело металлических доспехов из выпуклых многогранников. Больше всего монстр напоминал вставшего на задние лапы медведя, хотя и без шерсти, или динозавра, каким его представляли ученые.

Великан шагнул вперед и вдруг разделился на две фигуры. Вернее, так показалось лейтенанту. Разделилось на две части только туловище «динозавра»,

образовав еще более странное и страшное чудовище, двуногое и двутелое.

Пискнув что-то, из рук сержанта рванулся чернявый «милиционер» и бросился по шоссе прочь от блок-поста. За ним помчались его приятели. Никто из солдат их не преследовал. Все как замороженные, в том числе и командир подразделения, дивились на приближавшегося уroda, не веря глазам своим. Потом лейтенант опомнился:

— Иванов, Петрик — обойдите его слева! Каширин, Дильмах, вы справа! Сержант, дуй в подсобку, поставь на крышу пулемет.

Привыкшие к приказам, повидавшие в зоне много чего необычного солдаты повиновались беспрекословно, охватывая лесного гостя в полукольцо и держа его под дулами карабинов и автоматов.

Набрав в грудь воздуха, лейтенант шагнул к обочине дороги, взмахнул рукой:

— Стой! Стрелять буду!

Чудовище сделало еще пару шагов и послушно остановилось, разглядывая солдат светящимися желтизной глазами без радужек и зрачков, причем каждое туловище реагировало по-разному, смотрело только на свой объект, и видеть это было жутко и непривычно.

— Пошел обратно! — снова взмахнул рукой лейтенант. — Обратно иди, в лес!

Наступила тишина. Солдаты замерли, сдерживая дыхание. Притих и сержант, развернувший на крыше блок-поста крупнокалиберный пулемет. Все ждали, что станет делать страшный пришелец. Он же, оглядев всех по очереди, посмотрел обеими головами на лейтенанта, сложил оба туловища в одно, неуловимо быстро повернулся, как бы перетек в другое положение, спиной к бойцам, и пошагал обратно в лес, заметно встряхивая землю каждым шагом: тумм-тумм-тумм. Ушел. Стало совсем тихо. Ошеломлен-

ные встречей солдаты смотрели друг на друга, на стену леса, сомкнувшуюся за спиной гиганта.

— Витя, кто это был? — спросил, слегка заикаясь, сержант.

— Черт его знает, Саша! — ответил лейтенант — На лешего не похож, это уж точно.

— Может, мутант какой? Мне он кого-то напомнил.

— Комбата, — хихикнул один из солдат, закидывая карабин за спину.

— Не, я серьезно. Чем-то он на медведя в доспехах похож, только морда гладкая.

— На динозавра... на ящера... я видел картинки... точно, — слышались голоса остальных, собравшихся на шоссе и доставших сигареты. — Только я ни разу не видел двутелых динозавров. Все-таки это мутант...

— Что будем докладывать?

— Ах ты, мать твою!.. — Лейтенант сорвался с места. — Быстро давай комбата! Надо же задержать тех хлопцев, что бежали от этого двутелого чудачюда.

Послышался гул моторов, из зоны шел автобус в сопровождении бронетранспортера.

— По местам! — оглянулся Оксюта.

Солдаты разбежались по своим местам, привычно подтягиваясь и проверяя оружие. Смутить их можно было лишь на короткое время. И все же необычность встречи подействовала и на них, такого странного мутанта они не только не видели сами, но не слышали о нем и в рассказах старожилков.

Лейтенант Оксюта честно доложил командиру батальона о встрече с двутелым «динозавром», однако был достаточно искушен в подобных делах, чтобы не понять реакцию майора. Тот просто не поверил, пообещав разжаловать в рядовые «за употребление алкоголя на службе».

Двутел появился возле АЭС восьмого сентября, перепугав до смерти водителей колонны грузовиков, доставивших свежий грунт для выравнивания местности и замены старого, начинавшегофонить. К реактору его, однако, не пустили, отпугнув огнеметами, но переполох поднялся изрядный. Даже опытные ликвидаторы, повидавшие немало страшных вещей в зоне, были потрясены, увидев шестиметрового гиганта, объявившегося у изгороди из колючей проволоки, которой была обнесена территория четвертого блока.

Военные, охранявшие периметр, были тем не менее опытными и хладнокровными людьми. Им не раз приходилось отпугивать диких зверей: лосей, медведей, кабанов, пытавшихся проникнуть в запретную зону, в том числе и мутантов. Еще один мутант, пусть и вовсе уж диковинного вида, хотя и произвел на них впечатление, но к отступлению или бегству не принудил. На выстрелы в воздух монстр не отреагировал, зато остановился, когда в его сторону протянулся длинный язык пламени из ранцевого огнемета. Затем удалился в том же направлении, откуда вышел к станции, оставив развороченный людской муравейник. Никто не попытался ни преследовать его, ни проследить за вектором движения. Люди, в том числе и военачальники, были слишком потрясены встречей.

Но двутел появился у проволочного забора в тот же вечер, около десяти часов, только на три километра севернее, со стороны Припяти. На этот раз огнемет его не остановил, как и выстрелы из карабинов и автоматов. Лишь выехавшие навстречу два БТРа с крупнокалиберными пулеметами заставили пришельца изменить маршрут, остановиться и отказаться от своих намерений (каких — не знал никто; как сказал директор станции: «Может быть, чудовище просто хотело погулять по территории»). Через

несколько минут двутел убрался восвояси. И лишь спустя час выяснилось одно любопытное обстоятельство: дозиметры показали странное уменьшение радиационного фона в тех местах, где он шел.

Контроль обстановки стал для работников бригады обслуживания станции чем-то рутинно-обыденным, стандартной процедурой, от которой давно не ждали страшных открытий, и дозиметрист, обходивший залатанный периметр, даже не поверил глазам, когда в окошке прибора увидел одни нули. Он даже не поленился заменить дозиметр, но результат был тот же. И тогда на АЭС, а затем и дальше, в Славутиче и других чистых от радиации поселках, родилась сенсация, что появился неведомый зверь, который утилизирует радиоактивные отходы, каким-то непонятным образом очищает местность.

Эти слухи дошли сначала до уха директора АЭС господина Пашкина, а затем и до контрразведчиков из украинского Министерства государственной безопасности (МДП — Министерства державной безпеки). Высокое начальство в слухи не поверило, но направило двух агентов для проверки «психологической обстановки» на АЭС. И надо же было так случиться, что третье появление двутелого великана-мутанта пришлось именно на тот момент, когда агенты, лейтенант Конечко и капитан Пилипец, обходили проволочный забор километрового периметра зоны вокруг четвертого блока станции.

Двутел поднялся из котлована, оставшегося на месте старой насосной станции, подающей жидкий бетон. Раздались крики солдат, охранявших этот участок зоны, затем выстрелы. Но гигант легко прошел сквозь проволочное ограждение, обогнул штабель бетонных шпал и пучки труб и предстал пред взорами остолбеневших контрразведчиков. Несколько секунд люди и гигантский мутант смотрели друг на друга, словно встретились старые знакомые. За-

тем «динозавр» разделился на два независимых друг от друга тела, шагнул к застывшим в трансе гэбистам, и неробкие в общем-то профессионалы молча бросились бежать к станции.

Двутел их не преследовал. Он «обнюхал» штабель шпал, трубы, асфальтовую площадку, скрывающую под собой одно из старых радиоактивных пятен, отшвырнул с дороги трактор и направился вдоль забора, продолжая что-то вынюхивать и высматривать в густом поясе гигантских — трех-четырёхметровых — сорняков. Неизвестно, удалось ли ему найти то, что он искал, но на возню вокруг он не обращал внимания. Солдаты группировались за периметром проволочной изгороди, чтобы пресечь попытки мутанта приблизиться к реактору, если ему вздумается повернуть, рычали моторы бронетранспортеров и грузовиков, освещавших фигуру двутела фарами, а он брел вдоль проволоки, постоянно нагибаясь, и по сторонам не смотрел. Однако стоило двум бэтээрам двинуться к нему на малой скорости, как двутел перестал рыскать по территории зоны, с минуту рассматривал недалекий корпус четвертого блока с печально знаменитым силуэтом трубы с шестью площадками и направился прочь, снова пройдя сквозь двойную изгородь и не заметив ее.

Только теперь капитан Пилипец опомнился, перестал стискивать в потной ладони рукоять штатного «макарова» и оглянулся на бледного лейтенанта:

— Что скажешь, Паша?

Конечко проглотил ком в горле, криво улыбнулся:

— Если я чего не понимаю, то боюсь. Если радиация способна порождать такие мутации среди животных, то мне здесь делать нечего. Я не хочу получить рога, как у лося.

— Ну, ты их и вне зоны свободно можешь получить, от жены. — Пилипец вытер пот со лба. — Как ты думаешь, начальство в Киеве поверит сообщению?

— Это не моя забота. Докладывать будешь ты. Как доложишь, так и ответ получишь. Но сдастся мне, зону закроят. Наглухо. Этот двутелый парень — колоссальная аномалия! Его надо изучать.

— Сержант, что там? — слышался неподалеку голос командира поста. — Пройди до котлована.

— Уже прошел, везде чисто, природный фон...

Конечко и Пилипец переглянулись, освещаемые рассеянным светом фар.

— А ведь до появления монстра здесь «фонило» до полутора тысяч микрорентген! — тихо сказал Пилипец.

— Ты думаешь, что он очистил площадку? Чушь какая-то! Как может живое существо поглощать радиацию?!

— Этот вопрос задай не мне.

Капитан вспомнил взгляд исполина, полный внимания и сосредоточенности, и поежился.

Лейтенант Конечко оказался прав.

Из Киева поступила команда закрыть десятикилометровую зону вокруг реактора, и на АЭС был сброшен десант спецвойск украинской службы национальной безопасности. Режим входа-выхода в зону предельно ужесточили. Теперь только работники станции, исследователи и ликвидаторы имели право доступа, получив специальные сертификаты; остальным лицам: хозяйственникам, снабженцам, инженерам производственного центра, не занятым непосредственно работой на «Укрытии», а также журналистам, доступ в зону был воспрещен.

На третий день действия режима группа поиска, имеющая вертолеты и другую технику, в том числе специальную, в виде ультразвуковых сканеров, переносных ВЧ-локаторов, счетчиков частиц, индикаторов полей и излучений, обнаружила двутелого мон-

стра в районе деревни Тепловка. Монстр был обложен со всех сторон, после чего вступил в действие план какого-то высокого чина в Министерстве обороны Украины, предусматривающий контакт с чудовищем, а в случае неудачи — его уничтожение.

Мариша Шикина, узнавшая об этом плане через своих знакомых в военном лагере, немедленно начала искать выход на командование десантом, и благодаря настойчивости и связям ей это удалось. Не последнюю роль сыграло в этом деле то, что девушка жила в Тепловке, буквально в километре от места расположения двутелого мутанта.

Ее приняли в палатке командира спецбатальона подполковника Сидоровича; лагерь спецвойск, а также прикомандированных экспертов-экологов и биологов, специалистов по трансмутационным видам фауны, был разбит сразу за деревней, на берегу пруда.

Подполковник был высок, смугл, красив и лаконичен.

— Слушаю вас, — бросил он, кивнув гостю на походный складной стул. — Что вы хотели сообщить?

— Не уничтожайте Мутика, — сказала Марина, мучительно подыскивая нужные слова.

— Кого, простите?

— Ну... этого двутела. Это я его так назвала — Мутик, от слова «мутант». Но он не мутант.

— Откуда вы знаете?

— Это я его нашла... в километровой зоне. Мы трубы тянули, и под камнями я увидела его. Думала — ящерка, жалко стало. Проверила дозиметром — ноль, ну и взяла с собой, принесла в дом. Это уж потом он вырос...

— Интересно. — Подполковник окинул девушку иронично-скептическим взглядом, сел за стол. — Значит, вы являетесь его воспитателем, так сказать? Кем вы работаете?

— Ликвидатором... инженер по разработке металлоконструкций. Вы не улыбайтесь, я не сумасшедшая! — рассердилась Марина. — Мутик действительно дезактивирует территорию с любым видом загрязнений. Вы тоже могли убедиться в этом. И он не мутант, как я думала сначала, он попал на Землю из космоса.

— Ясно, — хлопнул подполковник ладонью по столу. — Хомченко, проводи мадам.

В палатку заглянул рослый адъютант командира батальона, выжидательно глянул на посетительницу, моргая белесыми ресницами. Марина встала, окинула красивого подполковника уничтожающим взглядом.

— Вы еще придете ко мне за консультацией, друже комбат. С Мутиком могу договориться только я. — Марина вспомнила об Алевтине. — И моя подруга, она скоро приедет. Вас он не послушается, а пуль не боится.

— Спасибо за информацию, — махнул рукой Сидорович, снимая трубку телефона и тут же забывая о госте.

Когда Марину проводили за границу лагеря, она оглянулась и сказала, глядя на сумрачного адъютанта подполковника, одетого в защитный комбинезон без знаков различия, но с трезубцем на плече:

— Неужели среди вас нет умных людей?

Вопрос ушел в воздух. Адъютант к числу упомянутых людей явно не принадлежал.

Закончив дела в Москве, сдав материал о Чернобыльской АЭС в редакцию и проведав собаку, оставленную у друзей, Алевтина прибыла в Чернобыль спустя неделю после прощания с Мариной. Но дальше Славутича ее не пустили даже с корреспондентским удостоверением, а точнее, именно из-за удостоверения и не пустили, объяснив популярно, что,

во-первых, здесь не любят москалей, во-вторых, журналистов, а в-третьих, в зоне организован для приезжих особый режим.

Что это за «особый режим», Алевтина познала на собственной шкуре, когда ее вышвырнули из автобуса, возившего работников станции от Славутича к АЭС. Произошло это у контрольно-пропускного пункта на шоссе возле Припяти, города-призрака, города, покинутого энергетиками и так и не заселенного впоследствии. Хоронить многоэтажный город под землей оказалось слишком дорогим удовольствием, его лишь огородили колючей проволокой, а домашнюю утварь в квартирах сожгли.

Прапорщик, высаживавший Алевтину, был слишком груб и поплатился за это, надолго запомнив пассажирку, потому что ей в конце концов надоели тычки и рывки и девушка свалила его на землю ударом в пупок. После этого ее уважали солдаты КПП, хотя пропустить в зону все-таки отказались.

Тогда Алевтина, не дожидаясь возвращения автобуса, сделала вид, что собирается добираться до Славутича пешком, а сама, свернув за поворот шоссе, нырнула в лес и, руководствуясь своими недавними познаниями туриста, направилась к Тепловке, до которой в принципе оставалось не больше семи-восьми километров от этого места.

К дому Марины она добралась под вечер, сумев обойти патруль и воинскую часть, расквартированную в километре от деревни. К радости путешественницы, Марина оказалась дома, но эта радость быстро померкла, когда подруга рассказала, что творится в зоне, а также в лесу вокруг оврага, где прятался Мутик.

— Неужели они в самом деле собираются его уничтожить?! — воскликнула Алевтина. — За что?!

— Посмотрела бы ты на их командира — красавец писанный, но полнейший дуб, несмотря на пого-

ны! Да и что может предложить хорошего хохляцкая беэпека? Национальный лозунг самостийности и землянку, как выход из жилищного кризиса.

Алевтина улыбнулась:

— Ты же сама хохлушка.

— Потому и знаю, что говорю. Видела бы ты эти морды — что в Минобороны, что в Верховной Раде! Холенные, гладкие, хитрые... а в голове ни одной извилины! — Марина вздохнула, пригорюнилась. — Что же делать? Как спасти Мутика?

— А ты уверена, что его надо спасти?

— Что ты имеешь в виду?

— Его же пули не берут.

— А если они попробуют пушкой или бомбой?

Все же четвертый блок — штука опасная, непредсказуемая. Если Мутик туда сунется, его точно ликвидируют. Нет, его надо спасти, только не знаю как. Может, ты что придумаешь?

Алевтина покачала головой:

— Ни одной дельной мысли. Нас к нему даже на километр не подпустят.

Вечер прошел в вялых разговорах и усиленных раздумьях о судьбе космического пришельца, которого приняли за мутанта, порожденного радиацией зоны. Однако девушки легли спать, так ничего путного и не придумав.

Разбудил их какой-то шум в четыре часа утра, когда небо начало светлеть и горизонт засветился малиновой полосой. Сначала послышалось знакомое тумм-тумм-тумм, от которого сотрясалась земля и пол хаты, а затем раздался гул вертолетных винтов, грохот моторов, человеческие голоса, звуки команд.

Набросив на себя халаты, подруги выскочили в сад, заливаемый светом прожекторов вертолета и бронетранспортеров, и увидели возвышавшуюся над яблонями и грушами фигуру Мутика, блистающую чистым золотом.

Их заметили.

— Эй, вы, двое! — заревел в мегафон чей-то голос. — Немедленно очистите территорию! Уходите отсюда, быстро!

— Черта с два! — ответила Марина выразительно, медленно подошла к гиганту, глядящему на нее сверху вниз; в настоящий момент оба торса Мутика соединялись в одно тело, видимо, ему так удобней было передвигаться.

— Уйдите из сада! — снова заорал мегафон. — Вы мешаете провести военную операцию! Эй, кто-нибудь там поближе, уберите женщин!

— Привет, Мутик, — проговорила Марина со странной нежностью, несколько покоробившей Алевтину. — Что ты задумал? Зачем ты вышел из леса? Что ищешь возле реактора?

Двutel замер, продолжая глядеть на девушку, внезапно разделился на две половины. Одна его голова оглянулась, всматриваясь в цепь солдат и БТР, охватившую деревню кольцом, вторая стала приближаться к Марине.

— Сейчас же уходите отсюда! Будем стрелять! — надрывался мегафон. — Он вас сейчас покалечит! Немедленно бегите!

— Заткнись! — сказала Алевтина в перерыве между словами.

Мегафон умолк. Стихли крики, замолчали моторы машин, только стрекот вертолета нарушал тишину.

Сдерживая дрожь в коленях, Алевтина шагнула к подруге, стала за ее спиной. В этот момент чешуйчато-пластинчатая морда Мутика опустилась совсем низко, вплотную к девушкам, глаз великана налился желтым сиянием, и все поплыло перед глазами Алевтины.

Когда она пришла в себя, двутела уже не было в саду. Удалился и гул вертолета, а также грохот дви-

гателей военных машин. Алевтина поняла, что ее поддерживают под локоть, посмотрела на Марину.

— Ну что, оклемалась? — улыбнулась та. — Как самочувствие?

— Нормально, только голова слегка кружится.

— Пройдет. Мутик не рассчитал дозу.

— К-какую дозу? — заикаясь, спросила Алевтина, позволяя вести себя к дому, на пороге которого тихо причитала и крестилась баба Варя в белой рубахе.

— Он передает мысленные образы, хотя и не всегда понятные. Я уже привыкла, а тебя снетику повело. Ничего не видела?

Алевтина вспомнила странные цветные всполохи перед глазами, черные кляксы и пятна, складывающиеся в какой-то геометрический узор, и покачала головой:

— Я ничего не поняла.

Марина засмеялась:

— Успокойся, я тоже почти ничего не поняла. Помоему, Мутик приходил советоваться, как вести себя с военными. Я ответила, чтобы он не связывался с ними, и он ушел. Кстати, тебе не показалось, что он подрос?

— Показалось, хотя я не очень присматривалась.

— Вот и мне тоже.

На пороге хаты Алевтина оглянулась.

Гул моторов и стрекот винтов удалялись на север, но не туда, где двутел устроил себе лежку. Он направлялся в сторону Припяти, покинутого людьми бывшего города энергетиков.

В Припяти чешуйчатый двутелый великан не задержался надолго. Побродив по пустым улицам, он отправился на окраину города, где располагалось кладбище использованных при ликвидации аварии вертолетов, грузовиков, тракторов, передвижных

кранов и пожарных машин. Все они стали радиоактивными, очистке и дезактивации не поддавались, поэтому начальство решило просто собрать их в одно место до тех пор, пока не найдутся время, деньги и методы утилизации радиоактивного металла. Ни второго, ни третьего у штаба по ликвидации последствий, естественно, не было.

На кладбище техники двутел остановился на сутки, исходив его вдоль и поперек, превратив множество новых с виду автомашин в металлолом. Когда он покинул пригороды Припяти, направляясь дальше на север, к реактору, дозиметристы установили, что уровень радиации кладбища упал ниже природного фона.

Легенда о способности чудовища к поглощению радиации, так сказать, в чистом виде, то есть, по сути, к преобразованию элементарных частиц и ядерных реакций, еще раз получила реальное подтверждение, зафиксированное десятком измерений. Обескураженные эксперты из бригады спецвойск еще и еще раз включали свои приборы, делали анализы и приходили к одному и тому же выводу: радиоактивность металла и прилегающей местности исчезла!

По настоянию экспертов подполковник Сидорович созвонился с командованием бригады в Киеве и получил приказ «действовать по обстоятельствам», а в случае необходимости, при прямой угрозе безопасности станции, и вовсе открывать огонь на поражение. Изучать феномен специально, тратить силы и средства на исследования, специальную технику, консультации с учеными командование в лице Борова, как подчиненные за глаза прозвали начальника инженерно-технического и научного обеспечения войск генерала Борисова, не сочло нужным.

Силовой эскорт, в состав которого вошел спецбатальон Сидоровича, экипированный гранатометами, ранцевыми огнеметами и минометами, а также три

бронетранспортера, три вертолета, два танка, фургон экспертов и машины технического сопровождения, продолжал следовать за монстром в пределах прямой видимости, то есть буквально по пятам. Солдаты убедились в мирном настроении великана и не предпринимали попыток остановить его, но до тех пор, пока он не приблизился к проволочному ограждению километровой зоны. Здесь произошел первый огневой инцидент с чешуйчато-золотым гигантом, рост которого, по оценке наблюдателей, достигал уже восьми с половиной метров.

Как только двутел прорвал ограждение, со стороны пустыря за северным торцом здания к нему навстречу вышли бронетранспортеры, командир подразделения прокричал в мегафон команду: «Стой! Стрелять буду!» — как будто «динозавр» был нарушителем границы и понимал язык людей, а затем по ногам чудовища ударили пулеметы. Пули с воем и визгом срикошетили от крупных чешуй великана величиной с ладонь человека и едва не стали причиной трагедии, сыпанув по цепи солдат, сопровождавших монстра с двух сторон. Пятеро получили ранения, причем один тяжелое — в живот. Никто из военачальников почему-то не удосужился снабдить бойцов особого отряда бронежилетами.

Двутел остановился, но не потому, что осознал предупреждение, а потому, что попал ногой в подготовленную ловушку: военспецы успели обнести территорию зоны особо прочной стальной сетью с мощными капканами, способными остановить даже слона. Однако освободился великан достаточно быстро, без усилий порвав лапами сеть и сломав рычаги капкана. Затем снова направился к реактору, не обращая внимания на очередную порцию крупнокалиберных пуль. Один из бэтээров замешкался, отрабатывая обратный ход, и двутел, не задерживаясь, ударом левой руки-лапы буквально вплющил пулемет в верхний

лобовой лист бронетранспортера; пулеметчик успел, к счастью, прыгнуть и не пострадал.

Но до четвертого блока гигант не дошел. Подтянулись огнеметчики, создали вал огня на его пути, и двутел наконец остановился. Одна его голова дважды слева-направо и справа-налево «просканировала» окрестности, а вторая в это время пристально разглядывала что-то под ногами. Затем она так же пристально рассматривала здание реактора, в то время как огнеметчики продолжали создавать барьер из струй огня. Видимо, посчитав свою задачу на данный момент выполненной, двутел сжался в однотелого «динозавра» и неторопливо потопал обратно. Лучи утреннего солнца высекали искры в его золотой «кольчуге», слепили глаза наблюдателям и многочисленным зрителям, работникам станции, случайно оказавшимся в это время в этом месте. Хвост гиганта — бронемшины, огнеметчики, бойцы спецгрупп, вертолеты — удалился, исчез в лесу. Наступила тишина.

Директор станции вытер вспотевшее лицо, перевел взгляд с экрана телевизора на лицо собеседника и хрипло произнес:

— Вот гад!

— А если бы он прошел к реактору? — поинтересовался собеседник директора, осанистый, с широким, складчатым, красноватым лицом, по которому буквально расплылись губы и туплеобразный нос. Это был заместитель председателя Верховной Рады Петр Яковлевич Оселедец.

— Не прошел бы. — Пашкин залпом выпил стакан минеральной воды. — Мы там заложили фугасы направленного взрыва и скрытые окопы с быстро твердеющим бетоном.

— Судя по его остановке, он учуял эти ваши сюрпризы. Нет, подготовились вы слабо, Станислав Семенович.

— Еще раз предлагаю обратиться за помощью к Москве. Специалистов у них больше, возможностей тоже.

— Обойдемся! — сказал Оселедец с пренебрежением. — Сегодня я встречусь с премьером и попрошу вскрыть кое-какие арсеналы. Завтра утром необходимые средства будут у вас. А как вы думаете, Станислав Семенович, — это действительно мутант медведя, как говорят?

— Вопрос не ко мне, — буркнул директор станции. — Там у Сидоровича есть эксперты, они должны выяснить.

— Но медведи ведь в зоне не водятся?

— Ну и что? — Пашкин озадаченно посмотрел на собеседника.

— Я к тому, что эту зверюгу могли подкинуть в зону специально, для провокации.

— Что?! — Глаза директора станции полезли на лоб. — Кому это взбредет в голову устраивать такую провокацию?!

— Кому-кому, москалям, конечно, — усмехнулся Петр Яковлевич. — Кому же еще?

— Да зачем это им?!

— Я понимаю, у тебя среди них много друзей, знакомых, родственников, но... — Оселедец прихлопнул ладонью по столу, блеснул злыми глазами. — Есть такое мнение. И его надо проработать, понял?

— Вы там в Раде совсем с глузду зыхалы! — искренне ответил Пашкин. — Одичали совсем!

Он был прав. Интеллектуалов в правительстве страны было не много, большинство составляли такие недалекие и властолюбивые люди, как Оселедец. Ни один из тех, кто был причастен к государственной тайне под названием «Мутант», не призвал остальных к изучению тайны. Появилась угроза — даже не безопасности станции — потерять свои кресла, и все они отреагировали на появление двутела, как реаги-

ровали зрители гладиаторских боев в Древнем Риме — опусканием большого пальца вниз, что означало: уничтожить!

Три дня двутел отдыхал в лесу — так восприняли его поведение эксперты Сидоровича. Но они все же установили, что гигант при этом подрос на целых полтора метра. Теперь его рост составил высоту трехэтажного дома — десять с лишним метров!

За это время подполковник перегруппировал силы, оснастил подразделения более эффективным оружием — лазерными винтовками, ракетными противотанковыми комплексами, безоткатными орудиями, а также оборудовал вокруг километровой зоны минные поля. И все же главным защитным средством оставались военные вертолеты, обладающие, кроме ПТУРС и НУРС, еще и ракетами класса «воздух — земля».

Десятиметровый гигант не препятствовал снимать себя на пленку, фотографировать и даже подходить чуть ли не вплотную. Возбуждался он, лишь когда вблизи появлялись эксперты со своей аппаратурой, пока не стало ясно, что он реагирует на дальнобойный рентгеновский интроскоп, снабженный в качестве источника лучей радиоактивным кобальтом.

И еще Сидоровича очень сильно раздражали журналисты, умудрявшиеся проникать в тридцатиметровую зону и пытавшиеся пробраться к лежке «чудовищного мутанта». Одному из них удалось пройти все кордоны, найти деревню Тепловку и познакомиться с первооткрывательницей двутела Мариной Шикиной. После чего в «Киевских ведомостях» и одновременно в московских «Известиях» появилась сенсационная заметка под заглавием: «Чернобыльский мутант». Шума заметка особого не вызвала, но заставила украинские власти ужесточить визовой и пограничный режимы и полностью закрыть Чернобыльскую зону. Но и эта статья не смогла насторо-

жить дуболомов из спецвойск МДП Украины и обратиться к виновнице торжества, давшей интервью пронирыливому журналисту. Правда, благодаря такой нерасторопности настоящее имя журналиста осталось нераскрытым. Этим журналистом была Алевтина Морозова.

Девушки продолжали жить в Тепловке. Марина регулярно ездила на работу, Алевтина бродила по окрестностям, ездила по деревням и собирала материал для очередной подачи в газету. Предлагать свои услуги контактеров военному руководству зоны подруги уже не пытались. Но в их услугах нужда все-таки возникла. В конце сентября в один из дождливых дней, превративший местность вокруг реактора в болото, Мутик — в официальных кругах он получил имя Двоерыл — снова отправился к четвертому блоку станции, закрытому саркофагом.

Он свободно прошел все огневые заслоны, организованные специалистами Сидоровича, в том числе выдержал гранатометную и ракетную — из противотанковых комплексов — атаки, и преодолел минное поле. Ни противопехотные, ни противотанковые мины не заставили его остановиться и видимых повреждений не принесли. Не остановил его и залп НУРС с вертолетов. Когда фонтаны земли, огня и дыма от взрывов осели, взору летчиков и наземных наблюдателей предстала тускло бликующая золотом фигура Двоерыла-Мутика, неторопливо бредущего по пустырю к зданию реактора. Казалось, он вообще ничего не замечает вокруг, занятый только ему одному понятными размышлениями.

У западной пятидесятиметровой стальной стены с контрфорсами он остановился и около пяти минут разглядывал ее, то соединяясь в одно тело, то снова раздваиваясь. Затем обошел корпус блока и вплотную приблизился к северной стене, построенной бетонными уступами. Дотронулся до нее обеими лапами.

Все, кто наблюдал эту картину, затаили дыхание. Директор станции покрылся липким холодным потом, представляя, что будет, если монстр проломит стену. Те же чувства, если не в большей степени, владела представителем Верховной Рады. Оселедец в принципе никогда не отличался храбростью, а тут до него дошло, что может произойти еще одна катастрофа, страшнее первой.

— Сделай что-нибудь! — прошипел он Пашкину, как проколотый воздушный шарик.

Директор станции не ответил. Он не знал, что можно сделать в данной ситуации. Стрелять по монстру ракетами было нельзя, а огнеметов и пулеметов он уже не боялся.

Один только подполковник Сидорович чувствовал себя нормально, ибо находился в своей стихии и собирался использовать все средства, которые имелись у него в арсенале. Он дал команду (находясь на своем КП в лесу), и с двух сторон к замершему у бетонной стены саркофага двутелу двинулись танки. По замыслу Сидоровича, они должны были оттеснить чудовище от саркофага и в случае его сопротивления расстрелять его в упор кумулятивными снарядами. Но танки не успели выполнить свою миссию.

Чешуйчатая шкура гиганта вдруг вспыхнула, заиграла огнями, покрылась сеточкой голубоватых змеящихся молний. Двутел без усилий всунул лапы в бетон, постоял так немного, продолжая искрить и играть электрическим сиянием, затем погас и перетек из положения «спиной к наблюдателям» в положение «лицом». Он не повернулся, как это делает человек, а именно перетек, как бы вывернулся сам в себе, и направился прочь от реактора.

Из сотен грудей раздался одновременно облегченный вздох. Родовались работники станции, ликвидаторы, строители, инженеры, наблюдатели, солдаты. Пашкин с утомленным видом вытирал лицо. Оселе-

дец шумно отдувался, сморкался, вытирал потное лицо, тоже достав громадный клетчатый платок, чувствуя острое желание зайти в туалет. Радовались Марина и Алевтина, видевшие всю драму на экране телемонитора, установленного в кабинете главного инженера станции, который командовал бригадой ликвидаторов.

Не радовался только подполковник Сидорович, которому не удалось показать всю мощь своего спецподразделения.

Когда двутел скрылся в рыжем лесу на западе от реактора, раздался чей-то изумленно-сдавленный вопль:

— Стена! Смотрите!..

Телекамеры сфокусировались на том участке стены, возле которого стоял Двоерыл, и все увидели две глубокие дыры в бетоне. Гигант действительно продавил стену в этом месте, словно она была не из бетона, а из пластилина.

Пашкина едва не хватил удар. Побледнев до синевы, он дотянулся до телефона, просипел:

— Серый, кто там поближе?! Как сильно нарушен изоляционный слой? Какая там радиация?!

— Похоже, он пробил стену на всю толщину! — донесся голос главного инженера. — Но выброса нет. Вообще ничего нет. Радиация равна нулю!

Директор станции дико посмотрел на потекшего зампреда Верховной Рады, пошевелил губами:

— Сидоровича на связь!

Подполковник откликнулся через минуту:

— Преследую мутанта. Направляется в сторону запретной зоны номер три. Могу нанести бомбовый удар.

— Не надо. Просто следуйте за ним, замеряйте фон. Полковник, вы что-то там рассказывали о девушках, якобы первыми открывших это чудовище. Где их искать?

— В деревне Тепловке.

— Спасибо. Найдите и доставьте обеих сюда — Пашкин выключил радиотелефон, посмотрел на Оселедца: — В нашем положении не следует пренебрегать ни малейшим шансом. А ведь его надо изучать, Петр Яковлевич. Явление действительно сногшибательное.

— Нехай його вовки зучають, — отмахнулся Оселедец. — Колы вин знову на реактор полIZE...

— Понял. За безопасность станции отвечаю я. Что ж, пусть ваши гэбисты помогают, чем могут. Двоерыл — это проблема!

Марину и Алевтину доставили в штаб «по ликвидации проблемы», коей стал Двоерыл-Мутик, вечером двадцать восьмого сентября. Штаб располагался в кабинете директора АЭС Пашкина, и руководили его работой три человека: сам Станислав Семенович, полковник из Министерства национальной безопасности Шпак Иван Эдуардович и физик-ядерщик, академик, специалист по теории кластерных взаимодействий, Пупков-Задний Константин Феоктистович.

— Ну-ка, доложите нам, дамы, почему вы живете в деревне, где жить запрещено? — спросил подполковник, полный телом, с лысиной на макушке, которую он скрывал, тщательно зачесывая три волосины, с мясистым лицом и угрюмо-ехидными водянистыми глазами.

Алевтина открыла рот, собираясь честно рассказать историю своего появления, и закрыла, сообразив, что она журналистка, да еще из Москвы. Выручила Марина:

— Во-первых, я ликвидатор и живу здесь давно... в отличие от вас. И знаю, где что можно делать. Тепловка же перестала быть запретной зоной, там впол-

не можно жить. К тому же у меня есть свое начальство, а оно...

— Ладно, ладно, успокойтесь, Марина Сергеевна, — пробурчал директор станции, знавший в лицо всех сотрудников и ликвидаторов, покосился на полковника. — С вами все ясно. А кто эта девушка?

— Моя подруга, — отрезала Марина. — Гостит у меня с разрешения властей. Кстати, классный специалист своего дела. С Мутиком мы знакомились вместе. Можно мы присядем?

Мужчины переглянулись.

— Садитесь. Расскажите, как и когда вы познакомились с этим... двухголовым Големом.

— С кем? — не понял Шпак.

— С двутелом. Они его называли Мутиком, мы зовем Двоерылом. Итак?

— Я увидела его еще весной, — пожала плечиками Марина, — в канаве возле третьего блока. Подумала — какая странная смешная ящерка. Он тогда был с хвостиком, такой безобидный, милый, безротый, величиной с ладошку. Ну и взяла к себе домой, предварительно проверив фон. А потом он начал расти...

— Понятно. Почему он к вам привязан? Мне докладывали, что вы с ним якобы разговариваете, и он вас слушается.

— Это не совсем так. Мы понимаем друг друга, но разговором наше общение назвать нельзя. Он не всегда меня... нас понимает, а отвечает... — Марина замялась. — Это нечто вроде телепатии, вернее, передачи мысленных образов. Кое-что я воспринимаю.

— Мутант-телепат, — хмыкнул полковник. — Такой белиберды в моей практике еще не встречалось.

— Почему вы считаете это белибердой? — тихо спросил третий участник разговора, устроившийся в уголке кабинета; был он тучен, сед, одутловат, с

глазами навывкате, имел обыкновение прятать руки в карманы брюк и смотреть на собеседника исподлобья. — Существование Двоерыла — факт. Утилизация им радиоактивных материалов — тоже факт.

— Мутант, он и есть мутант. Но чтобы он еще телепатически общался с кем-то... — Шпак окинул кислым взглядом сидящих напротив девушек. — Я в это не верю.

— Не дано, господин полковник, — сочувственно проговорила Алевтина. — Полковник, он и есть полковник.

Шпак побагровел, открывая рот, но его опередила Марина:

— Мутик — не мутант. Это я сначала так думала, что он мутант ящерицы, потому и дала имя — Мутик. А он вообще не с Земли. Его родина где-то далеко в космосе.

Шпак захлопнул рот, хотел покрутить пальцем у виска, но сдержался.

— Черт знает что мы здесь выслушиваем! Вы хоть сами понимаете, что плетете? Откуда вам известно, что этот ваш... Мудик — из космоса?

Впервые Марина смутилась. Объяснить свою уверенность она не могла, а ощущения не годились в качестве вещественных доказательств.

— Я... видела... такие прозрачные картины... Мутик передает образы, как галлюцинации... — Она окончательно сбилась и умолкла.

— Галлюцинаций нам только и не хватало! — Шпак сардонически взглянул на Пашкина: — Я же говорил, от баб нигде нет никакого толку.

— Сам ты баба! — Алевтина встала, потянула подругу за рукав: — Пошли, Марин, с этими солдафонами говорить, что песок жевать.

— Ну, ты!.. — снова налился кровью полковник. — Придержи язык, а то..

— А то что? — вызывающе подбоченилась Алевтина. — Ты меня в тюрьму посадишь? Расстреляешь? Руки коротки, господин невежа! — Она высоко подняла голову и вышла.

Марина встала, неуверенно глянула на директора. Пашкин махнул рукой: иди, мол. Девушка исчезла за дверью. В кабинете директора установилась тягостная тишина.

— Вертихвостки! — буркнул, остывая, Шпак. — Мнят из себя королев. Сегодня же вышлю из зоны ко всем чертям!

Пашкин поморщился:

— Вы действительно солдафон, Иван Эдуардович. К женщинам другой подход нужен. А ну как они правы? И Двоерыл — космический монстр, случайно свалившийся на Землю?

— Чушь!

— Не знаю, не знаю... А вы как думаете, Константин Феоктистович? Есть в словах этой девицы резон?

— Пока нет полной информации, допустима любая гипотеза, — отозвался академик, безучастно отнесшийся к перепалке в кабинете. — Если эти девицы действительно контактируют с мутантом... э-э... кем бы он там ни был, то они могут быть полезны.

— С бабами лучше не связываться... — начал полковник, но посмотрел на Пашкина и замолчал.

На пульте директорского селектора вспыхнул зеленый глазок, раздался чей-то молодой энергичный голос:

— Станислав Семенович, Двоерыл окопался в семи километрах от реактора, в центре запрещенной зоны номер четыре.

Шпак вопросительно глянул на Пашкина, тот проворчал:

— Это радиоактивное пятно: криптон-85, углерод-14, цезий-237, рубидий, стронций и куча изотопов. Фон — до тысячи кюри... Как он себя ведет?

— Никак, — ответил селектор. — Бродит по полям и нюхает землю.

— Нюхает?

— Ну, не знаю, наклоняется... а дозиметры после этого показывают в тех местах нули.

Мужчины в кабинете молча смотрели друг на друга.

— Надо было все-таки выслушать девчат, — сказал академик Пупков-Задний. — Надо знать, что он любит, чем питается, чего боится, чего ищет. Может быть, существует способ остановить его на подступах к реактору и без пальбы.

— Сами с ним разговаривайте, — махнул рукой Шпак. — У меня есть задание — ликвидировать объект угрозы, а не изучать его. Я не верю, что эти наглые бабы могут нам помочь. Лучший способ остановить урода — пригрозить ему расправой.

Пашкин, знавший множество примеров обратного, промолчал. Он тоже не видел выхода из создавшегося положения. Угроза была слишком велика, чтобы полагаться только на советы молодых женщин. Никто не мог предсказать, во что выльется новое появление чудовища у стен саркофага, хранящего за стенами из стали и бетона сто шестьдесят тонн ядерного топлива.

Марину и Алевтину на время оставили в покое, чему подруги были очень рады. Повлиять на ситуацию они не могли и уже не надеялись, но все-таки вынашивали планы помочь Мутику или хотя бы уговорить его покинуть территорию АЭС. Мирное поведение двутела еще ни о чем не говорило. Лишь Марина знала, что терпение «небесного динозавра» имеет пределы. Последующие события подтвердили ее уверенность.

Целую неделю гигант бродил по лесам, полям и лугам Чернобыльской зоны, методично прочесывая самые загрязненные давним радиоактивным выбросом места, превращая их в экологически чистые районы. За это время он подрос еще на четыре метра и теперь был виден издалека даже в лесу. К Тепловке он больше не подходил, и девушки могли только по слухам, от знакомых на АЭС, знать о его похождениях. Журналистов в Чернобыль не пускали, и вся информация о мутанте была засекречена так, что о положении дел не знали даже депутаты Верховной Рады и члены правительства, не говоря уже о народе. Зато слухам, один нелепее другого, не было числа.

Так, Алевтина, будучи в Славутиче — в магазинах города можно было купить все, что необходимо для жизни, — услышала историю о «рождении в лесах одной женщиной двухголового змея».

— И будто бы она с мужиками-то не спала, — рассказывала бабуля в троллейбусе, — а увидела во сне рогатого дьявола, поговорила с ним и наутро понесла и родила жуткое чудовище!

Историю эту Алевтина рассказала Марине, они посмеялись и погрустили. Действительность была более чудовишна и масштабна, чем любые выдумки, но именно они влияли на сознание обывателя, грозя вылиться когда-нибудь в панику. Во всяком случае, одно следствие слухов уже проявилось, самоселы перестали возвращаться в свои родные деревни и села в Чернобыльской зоне.

Очередной инцидент с Мутиком произошел третьего октября.

Марина и ее гостя узнали об этом раньше других, вернее, услышали ночью грохот канонады и поняли, что Мутик снова подошел к реактору четвертого блока. Подробности инцидента стали известны утром, когда Марина поехала на работу, прихватив с собой Алевтину.

Двутел вышел к проволочной изгороди километровой зоны со стороны Припяти, ни разу не наступив на мину. Не обращая внимания на эволюции военной техники, прорвал заграждение, миновал полосу сюрпризов Сидоровича — сети, скрытые ямы, ловушки и капканы — и преодолел ров с фугасами направленного действия; ни один фугас, как и мины на минном поле, не сработал.

Тогда полковник Сидорович с молчаливого согласия полковника Шпака применил новинки: боевой лазер, разработанный в украинских секретных институтах, напалмовые гранаты и танковые пушки с кумулятивными снарядами, способными пробить броню толщиной в полметра или бетонное укрытие толщиной в три метра.

Лазер, включившись, через пять секунд взорвался, оконфузив разработчиков. К счастью, никто при этом не пострадал. На гранаты четырнадцатиметровый гигант не прореагировал, а вот на выстрелы из пушек, произведенные в упор, с расстояния в пятнадцать метров, ответил сильнейшим разрядом, напоминавшим сноп ветвистых голубовато-зеленых молний. Сноп вонзился в ствол двадцатимиллиметровой танковой пушки слева и превратил ее и башню в странное ветвистое дерево из расплавленного металла. Ни один человек из экипажа танка не уцелел. Двутел повернулся ко второму танку, но его водитель, демонстрируя небывалую реакцию, уже дал обратный ход и успел отвести машину на безопасную дистанцию.

На ракетный залп двутел сначала не ответил, однако на эволюции вертолетов и вторую их атаку снова отозвался молнией, превратившей одну из грозных боевых машин в огромную «виноградную гроздь» — причудливый куст расплава. После этого двутелый великан, уже никем не преследуемый, проследовал к бетонной стене саркофага и, как и в

прошлый раз, утопил свои лапы в бетоне. Оделся в сеточку ослепительных голубых молний, постоял несколько минут и не спеша двинулся обратно, освещаемый прожекторами.

Вслед ему не взлетела ни одна ракета, не прозвучал ни один выстрел. Люди, свидетели происшедшего, изумленные, пораженные, обескураженные, ужаснувшиеся, смотрели в золотую бликующую спину чудовища и молчали, не рискуя вызвать его гнев.

Когда эксперты исследовали новые дыры в стене саркофага, стало известно, что Двоерыл опять продемонстрировал свое умение «выкачивать» радиацию: радиоактивный фон в этом месте упал ниже природного — двенадцати пикокюри. Но выявились и негативные последствия вторжения двутела в стену саркофага: стена, во-первых, дала трещину в двух местах, и во-вторых, резко подскочила активность ядра реактора, сплавившегося в единый ком ядерного топлива, защитных трубок, регулирующих стержней, металлоконструкций, оборудования стенок и корпуса реактора.

Марина Шикина была вызвана в кабинет директора АЭС сразу после появления на работе. На этот раз с ней больше говорили ученые и эксперты, нежели представители министерств обороны и безопасности. Они внимательно выслушали рассказ девушки и даже попросили пересказать видения, посещавшие Марину во время контактов с двутелом. Та пыталась это сделать, но не слишком вразумительно, и полковник Шпак, прямой и простой, как голенище сапога, прервал беседу, пренебрежительно назвав рассказ Марины «сонным бредом». Марина уже привыкла к манере его поведения и не обиделась, с грустью подумав, что решать судьбу Мутика будет именно этот облеченный властью недалекий человек.

— Вы уверены, что правильно интерпретировали свои галлюцинации... простите, видения? — спросил

ее академик Пупков-Задний. — По-вашему, Двое-рыл — не земное животное?

— Он не животное, — сдвинула брови Марина. — Во всяком случае, не больше нас с вами. Он другой, не такой, как люди, но все же разумный. Я это чувствую. А в том, что он прибыл на Землю из космоса, я уверена. Да и какое земное животное, какой бы панцирь оно ни носило, способно выдерживать ракетные атаки?

— Спасибо, — кивнул Пупков-Задний. — Мы поняли. Как, по-вашему, можно повлиять на двутела? Заставить его не ломать саркофаг? Ведь это чревато новой катастрофой, пострашнее первой.

— Я не знаю, — тихо ответила девушка.

— Я же говорил, все это ерунда на постном масле, — вмешался полковник Шпак. — Ничем она не поможет, да и что ждать от...

— Баб, — договорила Марина с презрительной улыбкой. — Вы законченный кретин, господин хороший! Позвольте узнать ваш официальный статус?

— Не грубите старшим, Шикина, — недовольно бросил Пашкин. — Это полковник национальной службы безопасности Шпак. Идите.

Марина невольно засмеялась:

— Я вас поздравляю, коллеги. Если операцией руководит господин Шпак, вы многого добьетесь!

Она вышла.

Директор станции посмотрел на брюзгливое лицо Шпака с оттопыренной нижней губой.

— По-моему, Иван Эдуардович, девица в чем-то права. Вместо того чтобы помогать нам разобраться в ситуации, решить дело мирным путем, вы мешаете.

— Пойдите к черту, Станислав Семенович, — грубо ответил полковник, недобро сверкнув глазками. — Отвечаем за ситуацию мы оба, а не эта вертихвостка. Что вы запоете, если ваш Двоерыл разрушит объект «Укрытие»?

— Лазаря, — буркнул Пашкин.

— Я предлагаю конкретное действие, — сказал академик Пупков-Задний. — Послать девиц, открывших мутанта, для установления с ним прямого контакта. Сами девицы действительно не способны оценить пси-сообщения двутела, нужны специалисты, профессионалы. Но через них мы установим связь...

Шпак шумно встал. Голоса тихо переговаривающихся военных экспертов стихли, замолчал и Пупков-Задний.

— Стемнеет — будем его брать! — тяжело произнес полковник и вышел.

Но взять Двоерыла не удалось.

Операцию по захвату разрабатывали Шпак и Сидорович, однако они не учли ни прежних ошибок, ни данных о физической силе монстра, ни страха, который владел исполнителями, видевшими демонстрацию огневой мощи великана.

Вертолетчики сбросили прочнейшую кевларовую сеть на Двоерыла с высоты в сто метров, а не с двадцати, как задумывалось, и сеть зацепила его краем, а не накрыла в центре. Соответственно сработали замки, нарушив симметрию «сачка» и закрутив сеть вокруг торса исполина, оставив свободными его лапы. Двоерыл легко сорвал с себя сеть, глянул на поспешно удиравшие вертолеты и побрел в лес, волоча за собой тросы и капканы, которые тоже сработали нештатно. Следовать в темноте за гигантом было опасно, и основные силы Сидоровича — бронетранспортеры, танки и мотострелки — остались дожидаться утра на берегу Припяти.

Но Двоерыл далеко не ушел. Побродив в окрестностях одного из кладбищ техники, участвовавшей в ликвидации аварии в 86-м году, он к утру снова подобрался к проволочной изгороди, оконтуривавшей километровую зону реактора. Войско Сидоро-

веча, сделав рывок, перекрыло ему доступ в зону, и наступило томительное ожидание новых бедствий, настоянное на нервном напряжении и страхе за судьбу АЭС.

— Что будем делать, Иван Эдуардович? — осведомился Пашкин у полковника Шпака. — Есть еще порох в пороховницах? Я имею в виду не ракеты и бомбы.

Директор имел в виду запасы интеллекта, мысленный потенциал, но полковник его не понял.

— Мы развернули полк «Водопадов»¹, а с аэродрома в Грабарях готово стартовать звено «Сушек» с ракетами класса «серая зона».

— Великолепно! — хмыкнул Пашкин. — Проманись кто-нибудь из них, попади в саркофаг, и мы получим атомный взрыв мощностью в миллион Хиросим! Конечно, вряд ли Двоерыл выдержит такой взрыв, но ведь и от нас с вами ни хрена не останется.

— Что там — от нас, — усмехнулся бледными губами академик Пупков-Задний. — От Украины и Белоруссии ничего не останется!

— Ну? — посмотрел на Шпака директор станции.

— Пускайте своих баб, — буркнул тот, помолчав.

Через сорок минут к изгороди, возле которой топтался двутел, доставили Марину и Алевтину.

Девушки, одетые по-походному в джинсовые костюмы, медленно направились через заросший сорняками пустырь к огромной фигуре Мутика-Двоерыла, отмечая про себя, что он еще больше вырос. Остановились в десяти шагах, чувствуя невольное волнение и неуверенность. Ни Марина, ни ее подруга не знали, чем можно заинтересовать двутела и как уговорить его не трогать укрытие над аварийным блоком АЭС.

¹ «В о д о п а д ы» — реактивные установки залпового огня третьего поколения.

Мутик повернулся к девушкам и разделил тело на два торса. Одна голова его обратила внимание на Марину, вторая на Алевтину. Журналистка невольно вздрогнула, поежилась, сказала со смешком вполголоса:

— Он, похоже, относится к нам по-разному.

— Во всяком случае, различает, — отозвалась Марина, сделала шаг к великану в золотой чешуе: — Привет, малыш. Как ты себя чувствуешь?

Шестнадцатиметровый «малыш» приблизил к ней свою жутковатую голову, долго смотрел не мигая, потом отодвинулся.

— Подойди к нему ближе, — прошептала Марина, не поворачивая головы. — Он хочет нам что-то сказать.

Алевтина, чувствовавшая себя неуютно из-за десятков взглядов, скрестившихся на ней и не пропускающих ни одного жеста, подошла к Марине и стала рядом. Двutel присел, складывая ноги не как человек, а как кузнечик, снова приблизил к девушкам голову, потом вторую, и Алевтине показалось, что она внезапно провалилась в глубокий колодец со стенами из дыма и звезд.

Падение показалось долгим, почти бесконечным. Тело девушки пронизывало какие-то слоистые сложнейшие конструкции, таранило сотни странных живых существ, летело вниз в сопровождении прекраснейших или чудовищных созданий и наконец достигло дна.

Удар по нервам был столь силен, что Алевтина потеряла сознание, а когда пришла в себя — поняла, что все еще стоит рядом с Мариной, поддерживаемая ее рукой. Мутик уже не сидел напротив на корточках, он уходил от них вдоль проволочного ограждения, поглядывая под ноги и по сторонам.

Где-то зарычали моторы танков, послышались голоса команд и постепенно стихли. К девушкам под-

бежали двое бойцов из отряда Сидоровича в спецкомбинезонах и с автоматами на груди.

— Быстрее, там вас ждет полковник.

— Шел бы он куда подальше! — пробормотала Алевтина, все еще чувствуя головокружение, повернула голову к подруге: — Что ты видела?

— Много чего, — ответила погруженная в раздумья Марина, испытующе посмотрела на Алевтину. — А ты?

— Я падала... в колодец... но скорей всего, это мое воображение так восприняло космос. Теперь и я уверена, что Мутик живет там. И еще я видела странную фигуру...

— Наш Мутик верхом на жутком динозавре?

— И еще на ком-то вроде черепахи! — Алевтина вцепилась в рукав куртки подруги. — Они потерпели катастрофу... разбились!

Марина кивнула:

— Мне он это показал давно. Но и тебя принял в друзья, раз решил рассказать свою историю.

— Может, не свою, а своего родителя, предка? Ведь он родился уже здесь? Ты нашла его детенышем?

Марина с удивлением посмотрела на Алевтину:

— А ведь верно! Я как-то об этом не подумала. Мутик же здесь родился! — Она внезапно стукнула себя ладошкой по лбу. — Поняла! Мутик ищет своего родителя... или его останки. Они явно где-то здесь. Вот почему он рыщет по территории АЭС.

— Он же радиацией питается...

— И питается одновременно. Но главное — ищет, мешать ему не надо. Он не собирается устраивать тут атомный ад, разрушать саркофаг.

— Зачем же тогда он его ковыряет?

— Ты уже ответила на этот вопрос. Мутик питается радионуклидами, и саркофаг для него — огромный пищевой склад. Понимаешь? Его надо не отго-

нять от станции, не чинить препятствия, а наоборот, создать все условия для прохода к блоку.

Алевтина засмеялась.

— Ты что? — озабоченно посмотрела на нее Марина.

— Представляешь рожу этого Шпака, когда мы сообщим ему наши предложения? Он наверняка загонит нас в психушку.

— Пожалуйста, идемте к машине, вас ждут, — сказал один из солдат, маявщихся рядом.

Девушки проводили взглядом спину Мутика и последовали за спецназовцами к ворчащему неподалеку бэтээру.

Шпак не принял версию подруг о космическом происхождении мутанта и о том, что Двоерыл ищет своего предка. Он был сугубо земным человеком, вернее, приземленным, провинциалом в худшем значении этого слова, без капли воображения и творческих потенций, он привык верить только своим глазам и знаниям, тем вещам, которые можно «помацать», и над отвлеченными теориями голову ломать не привык. Перед ним стояла задача — не допустить опасного врага на территорию охраняемого объекта, и полковник эту задачу стремился выполнить во что бы то ни стало, нимало не заботясь об исследовании феномена.

Так, утром он выгнал из кабинета делегацию ученых научно-исследовательского центра, ратующих за изучение удивительного существа, а часом позже пообещал отдать под трибунал своего заместителя, подполковника Зайца, который посмел заикнуться о том же.

Однако слова девушек неожиданно нашли подтверждение. Двоерыл, дважды обойдя реактор по кругу километровой радиуса, как обычно, прорвал ограждение, подошел к домикам производственного объединения и растоптал одно из строений, в ко-

тором находилась насосная станция и узел перегрузки с двумя автоцистернами для перевозки радиоактивной жижи. Затем начал работать экскаватором и бульдозером одновременно: лапами рыл котлован, а ногами отгребал землю в сторону.

Ему не мешали, и через час двутел вырыл не котлован, а ров в форме полукруга шириной в двадцать и глубиной в пять метров. Отошел, полюбовался на свою работу (у солдат устали пальцы на курках, кнопках пуска ракет и рукоятках огнеметов) и снова спустился в ров. Еще через час он углубился в землю уже на десять метров и почти скрылся во рву, без устали выбрасывая кубометры грунта каждым движением «ковшей»-лап.

Напряжение наблюдавших за его действиями людей достигло предела. Полковник Шпак даже решил было послать подразделение разведчиков поближе ко рву, который приобрел к этому времени крестообразную форму, чтобы выяснить, что затеял монстр. Наземные телекамеры видели только горы земли, а оптика вертолетов не доставала дна рва. Но Двоерыл опередил полковника.

Вал земли, образовавшийся по краям рва-котлована, вдруг зашевелился, и над ним выросли две головы гиганта. Медленно, напрягаясь, останавливаясь на короткие мгновения, он вылез на свет спиной вперед, и стало понятно, что двутел тянет за собой некий белесый хвост, похожий на корневую систему какого-то исполинского дерева. Вытащил, посидел рядом на корточках, спрыгнул в котлован и тут же снова поднялся наверх.

Что он делал в двух огромных «корнях», вытянутых из земли, люди не поняли. Дважды его тело покрывала сеточка бледных на солнечном свете молний, перетекала с лап на «корни» и гасла. После этого двутел бросил возиться с «корневой массой» и двинулся к реактору.

Защитники АЭС, давно ждавшие этого момента, открыли огонь из гранатометов и переносных противотанковых комплексов, практически не промахиваясь, разукрасив тело монстра огненными цветами взрывов, но Двоерыл не остановился. Подойдя к уступчатой бетонной стене саркофага, он, как и прежде, вонзил в нее лапы, постоял немного, оделся в ослепительную желто-зеленую корону сияния и спокойно побрел обратно, оставив еще одну пару отверстий в стене на высоте пятого этажа. Но на этом не успокоился, а вернулся к вытянутым из-под земли двум толстым «корням» и начал копать в них, то спускаясь в котлован, то выкарабкиваясь на обрыв.

Внезапно что-то вспыхнуло там, в глубине котлована, откуда торчали бело-жемчужные ажурные «корни», похожие на связки канатов или костей. Двутел выпрямился, заглянул вниз, дотронулся до «корня», засиял весь, словно превратился в язык огня, и... исчез!

Сутки обалдевшая команда Сидоровича искала двутелого монстра на территории АЭС. Однако Двоерыл действительно исчез, словно испарился, превратился в пыль, в газовое облако, в ничто.

Уже стало ясно, что он вытащил из земли верхнюю часть скелета какого-то исполинского существа, судя по очертаниям — своего родителя или предка. И это открытие привело умы всех действующих лиц в состояние шока. Всех, кроме полковника Шпака. Он бодро доложил начальству в Киеве о «ликвидации угрозы станции» и получил отеческое уверение министра безопасности в скором повышении в звании. Однако радость полковника, равно как и остальных участников событий, оказалась преждевременной.

Ровно через сутки Двоерыл вернулся!

Но это был уже совсем другой монстр.

Во-первых, рост его достиг высоты десятиэтажного дома. Во-вторых, от пояса и ниже он был закован в оранжевую броню из выпуклых шестиугольных плиток. И в-третьих, разогнав ковырявшихся в скелете его предка людей, он сразу закопал его обратно, заровнял площадку над могилой и потоком ослепительного радужного огня превратил ее в расплавленное море лавы. Когда лава остыла, взору потрясенных наблюдателей предстала «керамическая крышка», надгробие над могилой предка двутела, гладкое, полупрозрачное, бликующее под лучами осеннего солнца.

Затем подросший исполин двинулся к зданию четвертого блока, сбил молнией неосторожно приблизившийся вертолет и одним ударом правой лапы проломил западную стену саркофага — стальную, с металлическими контрфорсами. Взвывшая мгновением позже сирена означала, что в блоке резко повысилась интенсивность гамма-излучения. Разрушенная стена дала обильную радиоактивную течь.

Поздно ночью шестого октября президенту Украины позвонил президент России:

— Не спишь, вислоносый?

— Не сплю, чубатый, — ответил украинский президент, не всегда понимавший юмор собеседника.

— Ну, еще бы тебе спать. Что там у тебя происходит в районе Чернобыля?

— А что происходит в районе Чернобыля?

— По моим сведениям, в тридцатикилометровой зоне отчуждения объявился некий мутант размером со слона и ломает объект «Укрытие». Может, нужна помощь? Так я немедленно пришлю.

— Как всегда, твоя разведка на высоте. Да, у меня появились кое-какие проблемы, но я уверен, что справлюсь.

— Ой, не кажи гоп, хлопче. Чернобыльская АЭС — не только твоя головная боль и забота. Если там снова рванет реактор... оставшийся в живых народ тебя не поймет.

— Представляю. Поверь, друже, делается все необходимое.

— Мне сказали, что этот мутант якобы не земной житель, а попал на зараженную территорию из космоса. Это правда?

— Да кто ж его знает? Ученые говорят одно, эксперты — другое, военные — третье. Его исследовать надо, а он лезет на саркофаг, как пчела на мед...

— И при этом поглощает радиацию, так?

Украинский лидер помолчал.

— Я думал, мои службы в состоянии обеспечить необходимую степень секретности этого дела.

— Милый мой, чем выше степень секретности, тем более мощные средства применяются для ее вскрытия. К тому же ты забываешь, что мы живем в других условиях, времена обособления, отгораживания своей территории от других глухими стенами прошли. Бедствия типа Чернобыля, понимаешь, преодолеть можно только сообща. Кумекаешь?

— Я-то кумекаю, да только в моем окружении немало «ястребов» и националистов из «черной сотни» УНСО, мешающих работать. И у каждого — своя команда.

— Тебе не позавидуешь. Ладно, крутись, борьба с внутренними радикалами — твоя забота, тут я тебе не помощник. Другое дело — Чернобыль. Если понадобится помощь — звони... если успеешь.

— Что ты имеешь в виду?

Теперь помолчал российский президент.

— Если твой Двоерыл сломает саркофаг... понимаешь? Киев слишком близко расположен от Чернобыля. Можешь не успеть эвакуироваться.

Тихий гудок означал конец связи. Украинский президент глянул на ставшую скользкой трубку телефона и в сердцах швырнул ее в стену кабинета.

Спустя трое суток после первой попытки проникновения в аварийный блок АЭС Двоерыл снова пропал.

Радиационная обстановка внутри саркофага несколько стабилизировалась, мощность излучения упала, но на территорию станции все же лег многокилометровый пылевой выброс, «фонивший» до ста рентген в час. Пришлось ликвидаторам снова вступить в бой с грозной стихией и дезактивировать около семи квадратных километров площади, не надеясь на помощь Двоерыла. В этой работе участвовала и Марина Шикина, надолго оставив Алевтину в деревне на попечении бабы Вари. А вскоре ей стало известно, что готовится план захвата Мутика с помощью новых секретных средств. Этими «секретными средствами» были: первое — генераторы плазмы, развивающие температуру около двадцати тысяч градусов, детище украинских физиков-атомщиков, и второе — специальный раствор, твердеющий практически мгновенно при добавке особого катализатора.

Утром двенадцатого октября бригада солдат начала рыть два котлована — у северной и западной стен саркофага. За трое суток котлованы размерами двадцать на сорок и глубиной в пятнадцать метров были вырыты. В них закачали шесть цистерн маслянисто-желтого раствора и закрыли сверху крышками, автоматически открывающимися при команде с дистанционного пульта. По мысли разработчиков захвата, двутел должен был провалиться в один из котлованов и застрять в застывшем растворе.

Последствия этого шага никто не просчитывал, само собой разумелось, что монстр ничего сделать

не сможет. И данный расчет больше всего говорил об интеллекте разработчиков проекта. Вернее, о его отсутствии.

Марина узнала о «секретном» плане захвата случайно, из разговора начальника группы, с которым работала, и одним из строителей ловушек. Вечером она все рассказала Алевтине, и девушки даже всплакнули — от бессилия что-либо изменить. Но не в их характерах было сидеть и ждать у моря погоды. В конце концов они решили любым способом известить Мутика о готовящемся покушении на него и переселились к зданию АЭС, договорившись с начальником турфирмы «Чернобыль-Интеринформ», что некоторое время будут жить и ночевать в помещении фирмы.

По территории АЭС они передвигались свободно, получив спецпропуска через друзей и многочисленных поклонников Марины. Дело теперь было за появлением двутела, деятельность которого заставила поседеть не только директора станции Пашкина и его сотрудников, но и физиков-ядерщиков, с трудом поверивших в уникальные способности мутанта.

Десять дней на территории станции ничего не происходило. В конце октября погода испортилась, зарядили дожди, похолодало. Настроения среди персонала АЭС и ликвидаторов бывали разные, но большинство сходилось во мнении, что двутел «наелся» до отвала и покинул Землю. Теперь уже все поверили в гипотезу инопланетного происхождения монстра.

Двоерыл-Мутик возник на территории станции утром двадцать шестого октября, неожиданно для всех. Но не для Марины. Она с Алевтиной как раз подъехала к пропускному пункту на территорию километровой зоны, когда сработала сирена оповещения и возле могилы предка Двоерыла возник он сам — выше корпуса четвертого блока, выше, чем

можно было представить. Дождя в это утро не было, тучи поднялись выше, видимость улучшилась, земля за ночь подсохла, а у здания реактора и вовсе было сухо.

Марина проехала ворота и мгновенно свернула в ту сторону, где ворочалась гигантская металлическая фигура. Поэтому девушки оказались возле двутела раньше, чем кто-либо другой. Марина выскочила из джипа, замахала руками:

— Не ходи туда, Мутик! Там ловушка! Уходи, улетай с Земли, здесь у тебя нет друзей!

К подруге присоединилась Алевтина, стала рядом. Но исполин-двutel не ответил на призыв. Мельком оглянувшись на подбегających подруг одной из голов, он грузно потопал к четвертому блоку. Только теперь девушки отметили, насколько у него измученный вид. Чешуя двутела не светилась изнутри, как раньше, стала пепельно-серебристой, словно «золото» его брони превратилось в «свинец». Руки-лапы безвольно свисали по сторонам торса. Шел он согнувшись, словно от боли в животе, и еле поднимал ноги, задевая землю, поднимая, сдирая дерн и верхний слой почвы. До ловушки с раствором оставалось всего около двух десятков шагов, когда Марина обогнала его и встала на пути, вытянув вперед руки:

— Мутик! Там — смерть!

— Остановите ее! — проревел динамик на территории АЭС голосом полковника Шпака.

Тотчас же на крыше четвертого блока возникло движение, две фигуры в защитных спецкостюмах высунулись из-за кирпичных кладок и подняли винтовки с оптическими прицелами. Зачем туда Шпак посадил снайперов, можно было только догадываться.

Щелкнул выстрел, другой. Марина вскинула руки, зашаталась, упала. Алевтина бросилась к ней, но тоже упала: еще одна пуля попала ей в плечо. И тогда Двоерыл ответил снайперам своим знаменитым

электрическим разрядом: снап неярких сине-фиолетовых молний вонзился в крышу саркофага, превратив ее часть вместе со стрелками в красивое ветвистое «дерево». Люди исчезли. Стрельба прекратилась.

Мутик покачнулся, словно этому разряду отдал все силы, но не упал, опустился возле упавших подруг на колено.

— Огонь! — проревел динамик. — Ракетчики — огонь!

Однако никто из солдат и офицеров не смог выполнить приказ. Все молча смотрели на металлическое чудовище, склонившееся над телами девушек.

Двutel посидел в раздумье с минуту над телами потерявших сознание девчат, потом подхватил их на руки и медленно, тяжело, с остановками, раскачиваясь на ходу, двинулся к саркофагу.

Все, кто готовил ловушки, затаили дыхание, ожидая падения монстра в яму с раствором, однако этого не случилось. Двоерыл просто перепрыгнул замаскированную яму, продавил ногой стену саркофага и через несколько мгновений оделся в нежно-золотистый ореол свечения. После этого он действовал гораздо энергичней, решительней и быстрее.

Осторожно устроив девушек в углублении между правой и левой половинами торса, несколькими ударами разрушил всю северную стену саркофага, проник внутрь четвертого блока и погрузил лапы сквозь перекрытия и корпус реактора в его сплавленные в единый ком внутренности.

К счастью, людей в корпусе четвертого блока не было, во избежание инцидентов Пашкин приказал эвакуировать оттуда всех ликвидаторов, даже инженеров контроля.

Свечение тела гиганта усилилось до такой степени, что на него стало больно смотреть. Затем произошло нечто вроде мощнейшего бесшумного взры-

ва, световая вспышка заставила людей отшатнуться от экранов мониторов или зажмурить глаза, а когда зрение восстановилось, ни Двоерыла с ранеными девушками, ни здания четвертого блока с саркофагом и аварийным реактором внутри на территории АЭС не было!

На этом месте теперь зияла колоссальная яма глубиной в сорок и диаметром в двести метров.

Ожидавший чего угодно: выброса, пожара, взрыва, наконец, — только не того, что произошло, Пашкин почувствовал слабость и потерял сознание. Через минуту он умер. Но это была единственная смерть, которой рассчитались эти люди за свою слепоту и неприятие *иных* законов бытия.

Драма 5

ТЕТРАРХ

Горизонт отодвинулся, подернулся голубовато-сизой дымкой, и дикая, всхолмленная поверхность полигона, вблизи серая, с узором черных, фиолетовых и рыжих пятен, вдали бесцветная, отблескивающая полями кварцита и скоплениями пегматитовых скал — даек и штоков, легла перед глазами во всем своем мрачном великолепии символом Хаоса, Тишины и Смерти. Октябрь, месяц бабьего лета, ничего не мог добавить к ее краскам. Впрочем, как и любой другой месяц года.

Алиссон отступил от края площадки и перевел дух.

Он стоял на спине суперзавра Тихони, вернее, на странной формы наросте, которому исследователи дали меткое название «седло»; издали он и в самом деле напоминал конское седло с высокими передним и задними краями.

Далеко, километрах в пятнадцати отсюда, что-то сверкнуло, метнулись световые зайчики — там груп-

пировалась исследовательская техника: вертолеты, вездеходы, передвижные лаборатории, компьютерные комплексы, радары, антенны радиостанции. Алиссон мельком посмотрел в ту сторону и достал из кармана дозиметр.

Из-за края площадки показалась голова Кемпера, одетого, как и палеонтолог, в защитный комбинезон, точнее, в новейший боевой костюм «силз» («тюлень»), удобный, не слишком тяжелый, одинаково хорошо защищавший тело от холода и жары, пуль и радиации. Костюмы предназначались для подразделений особого назначения военно-морских сил, доставили их в лагерь благодаря стараниям адмирала Киллера, и друзья были ему признательны за это, хотя и не испытывали симпатии.

В комплект такого костюма входит комбинезон из особой огнеупорной и пуленепробиваемой ткани, защитные перчатки, шлем, очки с плавающим сектором прицеливания и поляризационным покрытием, пистолет-пулемет МР-15 в плечевом захвате, связанный компьютером с очками, кольчужная маска, рация, системы обогрева и охлаждения, карманы для боезапаса и ранец НЗ. Алиссон свой МР-15 не носил, он не любил оружия. Кемпер же всегда в походы к суперзаврам брал пистолет-пулемет и полный боезапас, хотя надобности в этом не было никакой. Норман подшучивал над летчиком, но тот, жилистый, выносливый и упрямый, никогда не жаловался на усталость, хотя приборов на себе таскал чуть ли не вдвое больше Алиссона.

Кемпер вылез на край седла, сбросил со спины рюкзак с датчиками и снял с рук и ног ежастые полусферы абсолютных липучек, с помощью которых можно было ходить не только по вертикальным стенам, но и по потолку. Липучки тоже были военным изобретением, как и многое другое, но удивляться этому не стоило: летчик и палеонтолог вы-

полняли военных заказов вдвое больше, чем гражданских.

— Сколько? — спросил Кемпер, кивая на дозиметр.

— Двадцать¹. Естественный фон воздуха.

— Чудеса, да и только! Никак не привыкну.

Летчик имел в виду то обстоятельство, что гиганты суперзавры, достигшие в длину трехсот метров, а в высоту ста десяти, в один прекрасный миг перестали излучать в гамма- и рентгеновском диапазоне! Уцелев после бомбовых ударов и атаки холодом, они сначала преобразовали свои крылья — фотоэлементные батареи в термоэлектрические, а потом и вовсе отказались от внешней энергоподпитки, вырастив себе какие-то достаточно мощные источники энергии. Без крыльев драконы потеряли часть своеобразия, зато создали седла, превратившие их в жутковатых оседланных «коней»... По ночам их тела испускали голубовато-фиолетовое свечение, и это было сказочно красиво. И страшно!

Чем они питались, оставалось тайной, может быть, просто горными породами, однако радиоактивные породы и шахты с ядерной начинкой звери искать перестали.

С момента атаки на них криогенераторами, создавшими двухкилометровую зону охлаждения с температурой жидкого азота, прошел ровно месяц. Отпустив с миром своих «покорителей», Кемпера и Алиссона, чудовищные твари провели все это время в непонятных маневрах вблизи оставленных ими пятиметровых яиц (как оказалось, они натаскали на место кладки около ста тонн радиоактивных руд), проделывая широкие круговые ущелья в скальном основании полигона. Со стороны казалось, что они пасутся, и возможно, это так и было.

¹ Имеется в виду двадцать микрорентген в час.

Факт исчезновения радиации произвел настоящую сенсацию. Взвывая от восторга ученая братия бросилась было к панспермитам со своими приборами и идеями, но оказалось, что сверхдраконы могут терпеть присутствие только двух человек из всего многотысячного отряда на полигоне, а именно — палеонтолога Алиссона и летчика Кемпера. И программы исследований, в том числе и военных специалистов, пришлось менять и сокращать.

То, что у военных насчет суперзавров имелись свои соображения, Алиссону и Кемперу пришлось узнать сразу же после первого их похода к панспермитам. Всего им не говорили, но было и так понятно, что Пентагон заинтересован в раскрытии тайн драконов больше других ведомств и мечтает когда-нибудь завербовать их на службу. Мощь и неуязвимость зверей настолько поразили воображение «медных лбов», что они спали и видели, как полки выдрессированных суперзавров пересекают материки по их приказу и «наводят порядок», где это необходимо. Кемпер к планам военщины относился равнодушно, а на Алиссона они действовали тягостно, лишали удовольствия от собственной работы и ощущения таинственности.

— Да что ты переживаешь, — сказал ему как-то Кемпер за стаканом виски, — сделай вид, что всю трудисься над их заданиями, а сам делай свое дело.

Алиссон так и поступил.

С Морисом Леко он встречался теперь довольно регулярно, француз, по существу, незаметно влился в компанию летчика и палеонтолога. Мыслил французский полковник, специалист по ядерным преобразованиям, оригинально, соображал быстро, и беседовать с ним было интересно. Так, он поразил Алиссона высказыванием, что все элементарные частицы суть возбужденные состояния вакуума, то есть в мире нет ничего, кроме пустоты в разных формах.

Именно эту идею якобы подтверждали своим поведением скат Ифалиук на Муруроа и суперзавры в Неваде. Будучи палеонтологом, а не физиком, Алиссон оспаривать идею Леко не мог, но мощь воображения оценил. Зато он, в свою очередь, произвел впечатление на француза своей новой гипотезой о рождении разума на Земле.

— Общая экологическая организация жизни на нашей планете, — сказал он, — подчиняется слабому варианту закона или, если хотите, принципа объединения. Но появление человека означает переход процесса структурирования на более сильный вариант закона, не имеющий исторических предпосылок. И произошел переход практически внезапно, сразу, будто кто-то действовал целенаправленно.

— Что вы хотите этим сказать? — озадаченно проговорил Леко.

— То, что момент перехода практически совпал с появлением на Земле суперзавров, вернее, их общего предка. Кстати, возраст вашей манти тоже близок этому моменту — пятьдесят миллионов лет назад. Не так ли?

— Вы думаете, они попали на Землю одновременно?

— Вот именно. И появлением своим изменили закон. Не знаю как, но уверен — так было. Мы с вами — результат изменения принципа объединения.

— Ерунда! — только и нашелся что ответить Леко...

Алиссон, вспомнив этот разговор, улыбнулся.

Площадка под ногами качнулась — Тихоня перешагнул скалу, оглянувшись при этом на людей в седле. Алиссона уже давно не покидало ощущение, что зверь чувствует к ним симпатию и ждет каких-то указаний, однако языка людей он явно не понимал.

Руководитель комплексной научной экспедиции, известный профессор, доктор биологии Стивен Тим-

мери, знаток индийской мифологии, предложил дать сверхдраконам имена Индра и Равана¹, и, хотя его предложение было утверждено официально, Алиссон продолжал звать своих любимцев по-старому: Стрелок и Тихоня.

Панспермит шагнул правой передней лапой: визг раздираемого гранита, грохот рухнувшей скалы, стук рассыпавшихся во все стороны камней.

— Полегче, приятель, — проворчал Кемпер, — приборы посбрасываешь... Ишь, уставился, будто понимает.

— Знаешь, — задумчиво произнес Алиссон, — у меня сложилось впечатление, что он нас *действительно* понимает. Может быть, не слова, а мысли, образы, но понимает. Или, в крайнем случае, воспринимает эмоциональное поле. И чего-то ждет. Нет, они не просто *anima vilis*², как утверждает Тиммери, но существа, функционально ориентированные, зависящие от чего-то или кого-то.

— А конкретнее?

— Вспомни рассказ Мориса о скате-мутанте. Я убежден, что у них были хозяева. Вернее, хозяева были у их родителей, погибших на Земле по неизвестной причине миллионы лет назад. По моим прикидкам, драконы не обладают интеллектом, во всяком случае подобным человеческому. То есть они не разумны... хотя никто еще, по-моему, не определил разницу между разумом и сложным инстинктом.

— Короче, зануда. В лагере, кстати, бытует мнение, что драконы разумны. Твой друг Тиммери склоняется к тому, что суперзавры — представители негуманоидного разума.

— Чушь! Разум всего лишь свойство адаптации, а в этом смысле нашим зверушкам он не нужен, они

¹ И н д р а — бог молний, грома и разрушительных стихий (царь богов); Р а в а н а — повелитель зла и демонов.

² Низшие существа (*лат.*).

и так наделены чудовищной потенцией к выживаемости. Да и у человека мозг есть не орган мышления, а орган выживания, как клыки и когти — по образному выражению одного ученого¹.

Тихоня-Равана шагнул дважды: левая передняя лапа — правая средняя — левая задняя, затем правая передняя — левая средняя — правая задняя. Складывалось впечатление, что он что-то вынюхивает в россыпях камней, изредка оглядываясь на седоков. Его собрат Стрелок-Индра «пасса» в километре отсюда, но далеко не отходил. Грозное свое оружие — грайзер он теперь применял редко, хотя в первое время лупил лучом по любой движущейся цели вроде БТР или военного вертолета, справедливо относя их в разряд личных врагов.

В наушниках радиации раздался голос дежурного связиста:

— «Силзы», как дела? Что-то вы притихли.

Алиссон вспомнил, где находится, переключил диапазон связи:

— Нормально дела. Через полчаса запустим систему, пусть коллеги готовятся к приему информации.

— Они давно готовы. Осторожнее, док, не совитесь.

— Типун тебе на язык! — проворчал Кемпер.

«Драконолазы» принялись за работу.

В течение сорока минут они установили на спине Тихони и на шее, за кружевным «воротником» высотой в десять метров, десяток датчиков и включили их в единую сеть анализирующего комплекса. После этого Алиссон принялся колдовать с прибором, о котором не говорил никому, боясь, что засмеют. Прибор этот назывался анализатором пси-информации и представлял собой нечто вроде миниатюрного

¹ А. Сент-Дьерди.

детектора лжи. Он регистрировал до десятка параметров человеческого тела, в том числе электромагнитные поля, ауру испарений и звуков и «пакеты» биоизлучений. Палеонтолог хотел сначала убедиться сам — излучает ли суперзавр биоволны, мысленный фон, так сказать, а уж потом докладывать об этом координационному совету. Норман был уверен, что ажурный костяной нарост — «воротник», вздымающийся над головой панспермита трехзубой короной, является на самом деле антенной, а то и комплексом антенн.

Кемпер с любопытством понаблюдал за его действиями, глянул на часы.

— Ну что, пошли? Я есть хочу, а нам еще топать и топать до лагеря. В следующий раз возьмем велосипеды.

Алиссон на шутку не отреагировал.

— Подожди, я тут проверяю одну идею. — Он, пыхтя, взобрался на шею Тихони. — Если... этот гребень — антенна, как я считаю, то прибор... должен... сработать.

— То говоришь, что драконы неразумны, то пытаешься поймать их пси-излучение. С таким же успехом можно просто позвать его и мысленно спросить, разговаривает ли он по-английски.

В тот же миг Тихоня изогнул шею и глянул на людей в упор.

Алиссон чуть не свалился вниз, на седло, потому что ему показалось, что по затылку кто-то врезал стеклянной бутылкой, осколки которой вонзились в череп, прошили голову насквозь и вышли через глаза двумя лучами синего света. Вспышки эти породили целую вереницу тающих видений — странные призраки на невероятных животных или птицах, а звук удара вызвал в ушах грохот морского прибоя и каскад необычных звуков: щелканье кастаньет, бульканье и писк. Тело наполнилось водой, вода закипе-

ла, испарилась фонтаном через дыру в затылке, в глазах потемнело...

Длилось это состояние несколько мгновений.

Норман снова обнаружил себя висящим на шее суперзавра на «липучках», а Кемпер внизу на седле оглянулся по сторонам, шепча проклятия.

— Или я принимаю желаемое за действительное, — хрипло сказал Алиссон, — или он нас понял! Во всяком случае, анализатор сработал, в диапазоне био даже зашкалило.

— Чуть не задавил, дурак! — ответил Кемпер тенором. — Или это мне тоже показалось?

— А что ты почувствовал?

— Будто я упал в бездонный колодец и лечу в космосе... Потом вынырнул посреди болота: все зелено, зыбко, морда в тине, почти ничего не вижу, ноги светло... причем их шесть, а не две... И сверху кто-то сидит, давит на шею, вгоняет в болото...

— М-да, разные мы с тобой люди. Мне привиделось другое.

Алиссон слез вниз, погрозил пальцем все еще разглядывающему их Тихоне.

— Не балуй, зверюга. Может быть, ты нас и понимаешь, но мы тебя не совсем.

Суперзавр дернул головой, по коже шеи пробежала быстрая рябь, вызвав тонкий стекляннометаллический перезвон выпуклых ромбовидных пластин.

Снова тяжесть навалилась на головы людей, сбив дыхание и ритм работы сердца. Алиссон потерял ориентацию, схватился за плечо Кемпера. В глазах поднялась кровавая пелена, спала, смыв все краски окружающего мира, так что тот стал полупрозрачным, как мутное стекло. Затем последовало головокружительное падение в бездну, свет в глазах померк, ударило в ноги... во все шесть... в груди гулко заработало три сердца... Два боковых глаза требовали

энергии, а передний слезился... и очень чесалась шея за плавником...

Очнулся Алиссон там же, на гладкой поверхности седла. Ноги дрожали, во рту пересохло, сердце колотилось о ребра, хотелось прилечь и закрыть глаза. Те же ощущения владели и Кемпером, разве что в меньшей степени.

— Хватит экспериментировать! — буркнул летчик, глотнув из фляги. — Я тебе не подопытный кролик, а эта зверюга не умеет рассчитывать дозы своего психованного излучения.

— Ты прав. И все же мы с тобой сделали сенсационное открытие: суперзавры отзываются на мысли человека! А значит, контакт с ними возможен. Если удастся... — Норман не договорил.

Видимо, не получив ответа, какого он ждал, Тихоня поднял голову к небу, и над пустыней прокатился леденящий душу клич, в котором смешались орлиный клетот, волчий вой, бас органа, вопль трубы, тремоло сверчка и визг раздираемого железного листа!

Исследователи не помнили, как они спустились с крупа суперзавра и ударились в бега, пока не удалились на приличное расстояние. Остановились, с трудом переведя дыхание, уняли дрожь в руках и ногах, сделали по глотку виски.

— *Carmen horrendum*¹, — прохрипел Алиссон, пряча флягу.

— Это уж точно, — поддакнул Кемпер, не знавший латыни. — Орет он знатно. Рассердился, наверное.

— Скорее пожаловался сам себе на нашу тупость. Ведь явно хочет что-то сообщить, а мы не воспринимаем. Голова трещит... наверное, не совпадают спектры излучений наших мысленных сфер. —

¹ Песнь, наводящая ужас (лат.).

Алиссон оживился. — Хорошо бы попробовать поговорить и со Стрелком.

Кемпер посмотрел на ворковавших сверхдраконов — Стрелок подполз к Тихоне и тыкался мордой в гребень на шее — и сделал еще один глоток.

— Благодарю покорно! Тихоня ему сейчас нажалуется, того и гляди — лучом своим поджарит. Хочешь — лезь один, если жить надоело, а мне ни к чему знать, о чем думает дракон.

— Познавать — это радость для того, в ком воля льва¹, — проговорил рассеянно Алиссон. — Я, пожалуй, рискну влезть на Стрелка... завтра.

Кемпер засмеялся, хлопнул друга по плечу и направился к лагерю, бросив через плечо:

— Пошли домой, лев, потом поговорим.

— Значит, по-вашему, они читают мысли людей? — спросил скептически настроенный доктор Хойл, переглядываясь с коллегами, среди которых, кроме Тиммери, находились крупные ученые — зоологи, физики, биологи, ксенологи со всех концов света.

— *Ipso facto*², — спокойно произнес Алиссон. — Скорее не читают, а воспринимают мысленные образы. Читать — значить понимать язык, а драконы слишком далеки от всего земного, чтобы выучить язык. Нет, они чувствуют наши мысленные движения и пытаются ответить, передать свои образы, но, боюсь, вряд ли и мы поймем их, воспримем сообщение.

— Почему?

— Не берусь утверждать это априори, но диапазоны мысленных излучений человека и панспермита могут не перекрываться полностью, в таком случае передачи всегда будут сопровождаться шумом...

¹ Ф. Ницше.

² В силу самого факта (*лат.*).

— Спасибо, понял.

Координационный совет заседал в одной из военных палаток лагеря, достаточно теплой и просторной. Среди присутствующих находился и адмирал Киллер, олицетворявший собой силы безопасности лагеря и службу сохранения секретности исследований, хотя на полигон и были допущены ученые из многих стран.

После того памятного раза, когда панспермит Тихоня-Равана «заговорил» с людьми, Алиссон и Кемпер уже дважды совершали восхождения на живые горы суперзавров, в том числе и на Стрелка-Индру, и оба раза воспринимали их мысленные — ксенологи предложили термин — пси-передачи, хотя понять в них ничего не смогли. Контакты были больше эмоциональными, чувственными, чем информационными, что породило в среде ученых массу дискуссий, считать ли панспермитов разумными существами, пусть и негуманоидного типа, или же «умными» животными, предрасположенными к приручению или дрессировке. Споры шли и вокруг сути термина «разум», в результате которых оппоненты нередко обвинялись в отсутствии такового.

Алиссон в спорах не участвовал, но имел свою точку зрения, основанную на идее Кеннета, который продолжал возиться со скелетом древнего суперзавра. Идея состояла в том, что скелет выполнял несколько функций, среди которых опорная и двигательная были не главными, главной же была роль хранилища мозга! Не костного мозга, а подобного тому, который у человека помещался в позвоночнике и в голове.

«— То есть ты хочешь сказать, что панспермиты обладают колоссальными запасами нервного вещества, — сказал ошарашенный Алиссон, будучи в гостях у Кеннета. — И в то же время этот «длинный» мозг не является носителем интеллекта.

— Абсолютно справедливо. Этот мозг нужен панспермитам для иных дел, кои нам еще предстоит выяснить.

— А Тиммери считает, что старый дракон сдох, а труп его усох и фоссилизировался¹.

— Тиммери мыслит стереотипами, как и большинство стариков, но мы-то с тобой помоложе...»

— Доктор Алиссон? — услышал Норман и очнулся.

— Что, простите?

К нему обращался коротышка Хойл. Физик выглядел усталым и помятым, но в глазах его блестели живой, острый ум и проницательность

— Нам до сих пор неизвестен источник энергии панспермитов, — терпеливо повторил Хойл. — От термоядерного реактора они избавились, если судить по прекращению гамма- и рентгеновского излучения, но что вырастили взамен — загадка. Я считаю — кварковый реактор, однако нужны замеры волнового фона.

— Не обязательно кварковый, — возразил коллега Хойла физик из России Романецкий. — Судя по тонким полевым эффектам, которые регистрирует наша аппаратура, панспермиты используют вакуумный резонанс.

— Для того чтобы источником энергии служил вакуум-резонанс, им необходимо сбрасывать либо адронные струи, либо тепловое излучение в сопровождении нейтринных потоков, что не наблюдается.

— Ошибаетесь, коллега, у панспермитов уже отмечено несоблюдение гомойотермии², температура многих участков тела резко отличается от соседних. Это не доказательство?

¹ Ф о с с и л и з и р о в а н и е — переход в ископаемое состояние с сохранением структуры.

² Г о м о й о т е р м и я — поддержание постоянной температуры тела.

Ученые заспорили, но разгореться спору не дал Киллер:

— Господа, успокойтесь, здесь не место для дискуссий. Доктор Хойл, что вы хотели сказать доктору Алиссону?

— Во-первых, два моих прибора перестали выдавать информацию, а во-вторых, неплохо бы установить еще с полсотни датчиков на телах панспермитов.

— Доктор, вы и так покрыли суперзавров слоем своих датчиков, зачем вам столько?

Хойл замялся, пытаясь сформулировать ответ так, чтобы его понял неспециалист, и Киллер не преминул заметить:

— Вы, ученые, явно не способны объяснить коллегам содержание гипотезы, ради которой затевается исследование. Убеждаюсь в этом еще раз. Док, — адмирал хмуро взглянул на Алиссона, — у вас появляется еще одна задача: приручить драконов.

Последовала секунда полной тишины, затем раздался шум: заскрипели стулья, ученые и организаторы заговорили, кое-кто засмеялся. Алиссон боковым зрением поймал жест Кемпера, покрутившего пальцем у виска.

— Как вы себе это представляете?

— А это уж ваши заботы! Вас тут сорок человек, придумаете чего-нибудь. Выигрыш при этом настолько велик, что мы заплатим вам любую сумму.

«Мы» — это военные, понял Алиссон. Подумал: для них это действительно находка колоссального значения. Во-первых, открывается перспектива решения многих инженерных задач и применения физических открытий в военных областях, во-вторых, панспермиты, по сути, уникальные эффекторы, способные для достижения цели изменять самих себя. А может быть, и не только себя, но и сферу. К тому

же вполне вероятно, что они обладают свободой выбора материала.

— Попробуем, — услышал палеонтолог свой голос, не отвечая на изумленный взгляд Кемпера. — Хотя добиться того, чтобы драконы слушались нас *in extenso*¹, вряд ли возможно.

Киллер кивнул, оставаясь чем-то недовольным и хмурым.

— Теперь поговорим об оставленных ими яйцах. Что, если мы заберем их в Форт-Брагг? Лаборатории там мощные. Доктор Тиммери, вы уже выяснили?.. — Адмирал не договорил — в палатку вбежал дежурный офицер:

— Драконы ползут сюда!

Все повскакали с мест, бросились гурьбой из палатки. В лагере трижды взвыла сирена, поднявшая приличную панику. От городка исследователей до «пастбища» суперзавров было всего двенадцать километров, а звери могли передвигаться со скоростью до шестидесяти километров в час. Четверть часа — и они в лагере.

Алиссон выскочил вслед за физиком Хойлом и, еще не увидев за палатками ничего, услышал далекий вибрирующий вопль — это кричал Тихоня.

В стороне транспортной базы взревели двигатели вездеходов, раздались команды охране и призывы забираться в машины. Один за другим в низкое серое небо взлетели вертолеты наблюдения и боевого охранения.

— Что будем делать? — Возникший сзади Кемпер хлопнул друга по спине. — Тревожно мне что-то.

— Мне тоже, — признался Алиссон, застегивая теплую меховую куртку. — Может быть, драконы зовут нас? Я имею в виду — не только криком, но и в мысленном диапазоне? Отсюда и тревога.

¹ Полностью (*лат.*).

— Пошли навстречу, выясним. Только наденем «силзы», без них я чувствую себя голым.

Спустя несколько минут, предупредив гражданское начальство в лице Тиммери и военное в лице Киллера, друзья рысили к приближающимся панспермитам, которые с грохотом и гулом вспахивали каменистую почву пустыни. Их следы — четыре громадные рваные борозды — были заметны даже из космоса, со спутников.

Встретились всего в трех километрах от опустевшего лагеря. Суперзавры остановились первыми, подождали, пока люди подойдут ближе, и вдруг как по команде вытянули шеи и положили головы на землю перед людьми, словно предлагая обойтись без «скалолазания».

— Никак они нам кланяются! — раздался в наушниках веселый голос ошеломленного Кемпера. — Зря я материл Киллера, драконов-то и приручать не надо, они уже кем-то выдрессированы.

Алиссон был потрясен не меньше летчика и ответил не сразу, по привычке анализируя событие со всех точек зрения.

— Видимо, драконы раньше нас преодолели коммуникативный барьер... и понимают нас больше, чем мы их.

— В таком случае они умнее, чем думают твои яйцеголовые коллеги.

— Что ж, продолжим диалог.

Они приблизились к страшной морде Тихони, снисходительно разглядывающего их передним щелевидным глазом, — боковые глаза-радары зверя были закрыты, — и остановились, озадаченно разглядывая новую деталь на носу — центральном рыле панспермита — три ветвистых, сверкающих золотом рога.

— Этого вчера не было, — хмыкнул Кемпер. — Вырастили за ночь. — Он чуть отошел, чтобы взгля-

нуть на второго дракона. — У Стрелка то же самое. Вот бы мне так: захотел — вырастил рога... — Он подумал. — Впрочем, женюсь — они и так вырастут. А вот крылья не помешали бы. Или пистолет на пузе.

Алиссон улыбнулся, а летчик вдруг завопил во всю мочь, так, что Норман вздрогнул:

— Эй, Тихий, рога себе зачем соорудил?

— Не ори, они реагируют не на звук и радио, только на мысленный зов. А рога вполне могут играть роль вибрисс¹. Может быть, это проявление какого-то этапа эволюции драконов, но сдается мне, рога выращены специально для связи с нами. Чтобы преодолеть высокий порог мысленного восприятия... Сейчас проверим.

Алиссон подошел поближе к рогам (Тихоня лежал смирно в отличие от Стрелка, который то и дело поднимал голову и поглядывал в сторону тархтевших на горизонте вертолетов), машинально передал мысленный привет и постарался четко представить голову суперзавра без рогов. Затем пририсовал к ней рога и поместил рядом фигурку человека.

Ответ последовал тотчас же.

Алиссона растянули, как резиновую куклу, до толщины карандаша, так что голова вошла в облака, а ноги — глубоко под землю, затем ноги отпустили, и удар в заднее место бросил его в космос. Короткая темнота, боль в позвоночнике, отчетливый хруст костей, верчение огненных спиралей, — и вот он уже сидит верхом на суперзавре, ощущая в теле странную раздвоенность, даже растроенность. Суперзавр смирно стоит в стаде таких же исчадий ада со всадниками в седлах, только всадники эти не люди, а жуткие монстры, закованные не то в каменно-керамическую, не то в металлическую броню.

¹ В и б р и с с ы — крупные осязательные волосы у млекопитающих (усы у кошек, львов и т.д.).

Больше всего они напоминали разрубленного пополам, до пояса, гигантского пещерного медведя. Обе половины (размеры всадников соответствовали размерам «коней»-суперзавров, рост их достигал никак не меньше ста двадцати метров), опирающиеся на одно сиденье, имели по две бугристые лапы и тяжелые медвежьи головы, вытянутые вперед, с крутым лбом, на котором светился один желтый щелевидный глаз. Многосегментные «латы» всадников отсвечивали тусклым золотом, покрытые на первый взгляд слоем полупрозрачного стекла, а в центре каждого сегмента торчал раскаленный до оранжевого свечения острый шип.

Алиссон как зачарованный разглядывал фиолетовую, почти черную, равнину с рядами суперзавров, молчаливых всадников, горы на горизонте, похожие на искусственные сооружения, и снова поймал себя на ощущении, что видит всю эту картину как-то своеобразно, не из одной точки, вернее, не одной головой. Глянул вниз, на свои ноги, — и обомлел: он увидел обтянутые «стеклянным металлом» громадные бугристые конечности, заканчивающиеся чем-то вроде копыт. А руки — две толстые бликующие глазурию лапы — держались за высокую переднюю стенку седла суперзавра.

В следующее мгновение невероятная картина пропала, Алиссон всплыл сквозь кипяток сознания на поверхность реальности и ощутил себя стоящим у морды суперзавра. Голова слегка кружилась, подташнивало, но отрицательных ощущений, подобных первым от контактов с драконами, не было. Панспермиты и в самом деле «подстроили» свои мыслепередатчики под параметры «приемников» в головах людей.

Палеонтолог оглянулся на Кемпера, топтавшегося сзади:

— Ты тоже видел?

— Что именно?

Алиссон вспомнил зловещие фигуры, оседлавшие суперзавров, и сглотнул горькую слюну. Каждое живое существо подчиняется закону соответствия среды и организма, поэтому рыбы могут жить только в воде, а птицы в воздухе, но представить среду, сформировавшую этих биторсных монстров, было невозможно.

— Всадников апокалипсиса.

— Кого? Нет, не видел. Обычный набор — призрачные тени, фейерверк, космос... Что за всадники?

— Потом расскажу. Иди к своему альтер эго — Индре, мой Тихоня настроил пси-резонанс со мной, может быть, Стрелок сделал то же самое для тебя. Только вопросы задавай не словами, а образами.

Кемпер, заинтригованный, ушел ко второму дракону, не удержавшись, чтобы не рывкнуть:

— Опусти голову, скотина! Да не вздумай дергаться или стрелять из своей пушки, я тебе не мишень в тире.

Норман покачал головой, глубоко вздохнул, собираясь с духом, и представил двухтуловищного медведеподобного «динозавра» на панспермите, сопроводив образ эмоциональной вопросительной интонацией.

Тихоня ответил не сразу. Прошла минута, прежде чем на Алиссона обрушилась пузырящаяся волна эмоций животного, чужих эмоций, из которых Норман уловил только одну знакомую — недоумение. Затем последовал тот же набор ощущений: растягивание в струну, «выстрел из рогатки», падение, шум полета — хотя никуда он, конечно, не летел, и финальное ощущение — палеонтолог сидит на суперзавре, но уже не в виде монстра, а как нормальный человек в седле лошади. Под ногами дракона — твердая, белая, как кость, поверхность, над головой — чужое небо с мириадами ярких

звезд, и впечатление такое, будто он сейчас прыгнет в небо и полетит.

Алиссон повернул голову и увидел рядом второго панспермита, всадником которого был знакомый двутелый урод. Ксенурс — пришло на ум название существа, составленное из двух латинских слов: хепос — чужой и ursus — медведь. Существо помянило человека лапой — жест был вполне понятен, второй лапой похлопало суперзавра по шее, и в тот же миг они исчезли — всадник и конь. Свет перед глазами померк...

Зрение вернулось через две-три секунды, но слабость и тошнота от мощной волны пси-излучения Тихони прошли не сразу. Алиссону показалось, что взгляд дракона выражает добродушие и сочувствие. Было ли так на самом деле, неизвестно, однако страха перед гигантскими животными, прирученными двутелыми существами, — сомнений в этом не оставалось, — у палеонтолога не было давно.

— Да стой ты спокойно, урод, не брыкайся! — донесся голос Кемпера. — Никто тебе не угрожает, трус.

— Что там у тебя?

— Чуть не задавил, дьявол одноглазый. Ты знаешь, что он мне показал? Аж живот схватило!

— Всадника? Два туловища на одной заднице?

— Точно! Ну и химера! А ведь ты был прав, док, суперзавры — «домашние» животные, «рысаки»... для тех монстров.

— Я придумал им название — ксенурсы.

— Не слишком заумно? Я бы назвал их проще — двутелыми или наездниками. Но пусть будут ксенурсы. И где такое рождается, а?

Алиссон вспомнил жест всадника на суперзавре — Тихоня явно предлагал «покататься». Но куда? И каков способ его передвижения? Ведь тот «наездник» просто исчез... вместе с «конем».

Рация принесла запрос Киллера, и палеонтолог коротко рассказал о рогах суперзавров и телепатическом контакте. Затем предложил Кемперу проверить свою мысль. Летчик согласился без колебаний, жил он раскованно и любил риск не меньше Алиссона. Правда, если палеонтолог при этом был больше теоретиком, то Кемпер был практиком и всегда рассчитывал последствия каждого своего рискованного шага.

— А если они «кони» космоса? Унесут куда-нибудь в дальнюю галактику, и не вернемся.

Норман задумался.

— Не должны. Если мы правильно поставим задачу, все будет о'кей. Главного — взаимопонимания — мы, кажется, добились.

— Но как это выполнить практически?

— Наверное, надо забраться в седло и снова установить мысленный контакт.

— Тогда полезли на твоего Тихоню, Стрелок все время дергается, что-то его беспокоит.

Через полчаса они влезли на спину суперзавра и устроились в одной из рытвин седла.

— Не страшно? — спросил Алиссон.

— Страшновато, — признался Кемпер, доставая флягу с виски. — Но интересно, дух захватывает. Как говорит один мой приятель: «Только делая прыжок в неизведанное, мы ощущаем свою свободу»¹. Зови своего «коня».

Алиссон поманил Тихоню пальцем, и Кемпер оценил шутку смехом.

Группа наземного визуального наблюдения базировалась на специально оборудованной передвижной платформе и имела в своем распоряжении мощные бинокли, телескопический монитор с фотоумножителем и выходом на экран, а также набор подзорных труб разного калибра.

¹ Т. Уайлдер.

Дежурили по трое, сменяясь каждые два часа: один человек — у пульта телескопа, двое — в кабине (шахматы, кроссворды, треп).

Старший оператор смены, заканчивающий дежурство, лейтенант Морган, равнодушно вглядывался в фигуры суперзавров на экране телескопа. Вдруг он выругался, протер глаза, переключил аппаратуру на максимальное увеличение, схватился за бинокль. Еще через несколько секунд он докладывал по радиации об исчезновении одного из драконов с людьми в седле.

К платформе срочно прибыл адмирал Киллер в сопровождении офицеров связи. Оглядев «пастище» суперзавров в бинокль и обнаружив только одного из них, мирно дремлющего между глыбами песчаника, адмирал вызвал локаторщиков и вертолетчиков. Но и они не смогли выяснить причин исчезновения дракона Раваны с двумя исследователями. Объяснение физиков: панспермит телепортировался в космос, — ничего не объясняло, хотя Киллер и признал во всеуслышание, что в этом что-то есть. Не то чтобы он доверял интуиции ученых или верил в их сумасшедшие идеи, но и не верить совсем не мог. Слишком уж необычны были сами гигантские твари, таившие в себе неизведанные запасы тайн и чудес. А главное — возможностей их применения.

Как сказал Хойл:

— Они более загадочны, чем египетский Абу-л-Хавл¹, и потенциал их наверняка превышает скромные объемы нашей фантазии. Я бы даже ввел термин: «сфинктура» — степень загадочности объекта. У панспермитов она максимальна.

— Придется докладывать наверх, — сквозь зубы проговорил Киллер, отрываясь от окуляров бинокля. — Это ЧП степени один.

¹ А б у-л-Х а в л — древнее имя Сфинкса.

— Не спешите, — посоветовал физик. — Если панспермиты — «кони» пространства, то исчезнувшему Раване ничего не стоит вернуться обратно, лишь бы Алиссон нашел с ним нужный язык... а он его, очевидно, нашел.

— А если этот зверь разумен и решил отправить двух представителей вида хомо сапиенс собратьям для изучения?

Хойл улыбнулся:

— Ну и воображение у вас, адмирал, позавидуешь! — Физик помолчал и задумчиво добавил: — Хотел бы я знать, каких всадников носили эти... «кони».

— А я хотел бы знать, почему драконы не улетели раньше, если обладают такими способностями.

— Видимо, доктор Алиссон прав: панспермитам нужен приказ. То есть они действительно животные, прирученные какими-то существами для передвижения в космосе.

— Знать бы точно... Дьявольщина! Берринджер! — Адмирал взял микрофон рации. — Подберитесь к дракону поближе, пощупайте то место радарными свеху. Может быть, они просто провалились под землю?

Командир звена вертолетов ответил: «Слушаюсь, сэр», и вертолеты повернули на запад, к неподвижному суперзавру Индре.

— Я бы посоветовал вам задействовать службу наблюдения за пространством, — сказал Хойл, собираясь уходить к своим коллегам, ждущим окончания тревоги в одном из вездеходов. — Вполне может статься, что дракон с наездниками болтается сейчас где-то в ближнем космосе или на Луне. Всадники-то они неопытные, управлять таким «конем» не учились.

Киллер смотрел в спину ученого, пока тот не скрылся в люке вездехода, потом кивнул наблюдате-

лям и поспешил к штабной машине, мощному восьмиколесному бронетранспортеру «Пирана», оборудованному всеми видами связи и управления воинскими подразделениями в районе полигона. Спесь и надменность адмирал демонстрировал только в отношениях с подчиненными и гражданскими лицами, не имеющими веса в обществе, однако при всем при этом был он не дурак и умел ценить советы.

И все же система наблюдения за космическими объектами на территории Соединенных Штатов, способная разглядеть астероид размером в кирпич за орбитой Луны, а также на самой Луне, не смогла обнаружить канувшего в неизвестность суперзавра с исследователями. Ни час, ни сутки спуста.

Удар был страшен!

Алиссона буквально размазало по седлу суперзавра в тонкий атомарный слой, после чего он мгновенно испарился (поверхность седла оказалась раскаленной, как сковорода на огне) и повис эфемерным облачком пара, слепой, глухой, ничего не соображающий, в каком-то полузабытьи, близком к смерти...

Воскрес!

Каждый нерв тела вопил, будто его ошпарили кипятком, и это ощущение так и не прошло, только ослабело: жара в этом месте стояла страшная, «силзы» с ней явно не справлялись.

В ноздри проникли незнакомые ароматы, сбивающие дыхание. Некоторые из них напоминали ацетон, мускус, лимон, гудрон и другие, в сочетаниях, невозможных на Земле, но были и вовсе незнакомые. Не повезло с воздухом, подумал Алиссон, вдруг с дрожью в коленках осознав, что они могли попасть в безвоздушное пространство, где их маски-фильтры абсолютно непригодны. Вместе с чувством

страха вернулась способность думать, анализировать и делать выводы.

Во-первых, как и прежде, он с Кемпером сидел на спине Тихони. Во-вторых, дракон послушно перенес их туда, куда они хотели, вернее, в соответствии с их желанием. А желали они...

Минут десять спорили — куда отправиться и как внушить сверхдракону решение. О последствиях не думали: верили, что все обойдется, хотя не имели ни малейшего желания встретить ксенурсов — двутелых медведеподобных страшилищ. В конце концов сошлись на том, что для начала следовало бы выяснить, где находится родина драконов, а вопрос задали, представив мысленно целое действие: песчаная пустыня с тысячами черных граненых камней, яиц панспермитов, — рождение маленьких суперзавриков — их рост — полет в звездное небо — исчезновение...

Тихоня глянул на них с некоторым сомнением, вытянул морду к небу, испустил знакомый вопль, словно предупреждая кого-то, и... затем последовал тот самый удар, встряхнувший весь организм и отключивший сознание — на время телепортации или подпространственного перехода. Термин был не важен, важна была суть процесса.

Алиссон, дыша как рыба на берегу, встал на подгибающихся ногах и бросил взгляд с высоты суперзавра на расстилавшийся вокруг ландшафт. То, что они не на Земле, стало понятно еще до этого момента — по волне запахов и невыносимой жары.

Тихоня стоял в центре чашеобразной долины с отвесными горными стенами, светящимися изнутри угрюмым вишневым накалом. Этот накал создавал эффект ложной прозрачности: было видно, что материал стен — горные породы, скалы с их полосатым рисунком, и в то же время казалось, будто скалы сложены из хрусталя или стекла, а сквозь них из глубин планеты пробивается свечение магмы.

Почва долины, ноздреватая, как сыр, была оранжевого цвета, а в ее порах с размерами от двух до пяти метров торчали вершочки граненых фиолетовых кристаллов. Тихоня правильно понял намерение людей и привез их на свою «родину» — в инкубатор панспермитов.

Небо над долиной слегка светилось, вернее, серебрилось, как слой жемчужно-серой пыли, а в зените над центром чаши виднелось черное кольцо с алой звездочкой в центре.

Что-то мешало Алиссону рассматривать чужой мир, какой-то дребезжащий звук... звон... словно звенели цикады. Он сосредоточился и понял, что это звенит дозиметр: радиация здесь была под стать жару — гораздо выше защитных возможностей их костюмов.

— Как ты думаешь, — подал голос Кемпер, — этот кратер нам снится или существует на самом деле?

— Кратер? Скорее долина. Будь уверен, это денотат, я вижу то же самое.

— Дено... что? Попроще, док, мне ушибло голову, и я не соображаю.

— Денотат, объект, существующий вне восприятия субъекта. Тихоня послушно перенес нас к себе домой... в инкубатор. Слышишь звон? Это дозиметр. Яйца «фонят», как твои «нулевые точки» после взрыва. Надо убираться отсюда, и поживей. Я, идиот, не подумал, что дракон может перенести нас туда, где воздуха нет совсем. Ему-то любые условия нипочем.

— Согласен. Но каков инкубатор, а?! Их тут десятки тысяч, если не миллионы. Кто же их выращивает?

— Самое интересное, что панспермиты не принадлежат к агамным¹ видам, поскольку размножают-

¹ А г а м н ы е в и д ы — виды животных и растений, размножающихся без оплодотворения (почкованием, делением).

ся яйцекладкой, предполагающей оплодотворение, но представить этот процесс... — Алиссон покачал головой и закашлялся.

Кемпер хихикнул и тоже разразился кашлем.

— О, черт! Грохоту небось как при сражении!.. Почему ты об этом подумал?

— Если бы я знал... по какой-то ассоциации.

— А как по-твоему, Тихоня в таком случае мужчина или женщина?

Алиссон хотел состричь, но слова замерли у него на губах. От светящейся стены долины отделилась блистающая тусклым золотом фигура, двинулась к ним, постепенно вырастая в размерах и делясь на две... Впрочем, это был ксенурс, двутелый монстр, похожий на двух сросшихся медведей. Рост его достигал никак не меньше роста суперзавра, и в тяжелой молчаливой его поступи крылись угрюмая мощь и скрытая неведомая сила. Узкие светящиеся глаза во весь лоб на каждой голове чудовища смотрели на гостей внимательно и с угрозой, как показалось людям, но не меньше было и удивления.

Он вдруг позвал их: в голове Алиссона взорвалась граната странной музыки и кружевная вязь света, каждый узор которой имел свою спектральную окраску. Плюс к этому — всплеск чужих чувств, непонятных человеку, кроме одного: недоумения. Однако палеонтолог не успел разобраться в своих ощущениях. В ответ на зов существа Тихоня отозвался своим необычным воплем, словно конь — ржанием, признавая хозяина.

— Дуюм отсюда, — сдавленно прохрипел Кемпер. — Если это «пастух» — вряд ли он позволит нам вернуться домой на его «лошади».

Алиссон редко поддавался панике, владея оружием — головой почти с идеальной результативностью и успевая найти выход из положения, но вид существа был столь необычен, намерения его столь оче-

видны, а обстановка настолько своеобразной, что на анализ ситуации не хватило — не времени — душевного равновесия. Он зажмурился и изо всех сил представил поверхность Невады... без напарника Тихони, Стрелка. Просто забыл о нем. О чем в этот момент думал Кемпер, знал, наверное, только суперзавр. Но не о том, о чем Алиссон. Потому что Тихоня, послушный приказу из седла, но сбитый с толку противоречивостью мысленных образов всадников, вынес их не туда, куда они хотели.

Люди успели увидеть гладь залива — вода в нем была интенсивного желтого цвета, суперзавр утопал в ней по брюхо; близкий берег с пляжем, усыпанным крупной галькой всех оттенков желтого цвета — ни дать ни взять золотые самородки; скалы за пляжем — коричневые, оранжевые, желтые; и бледно-желтое небо. Затем оба вдохнули чужой воздух и... потеряли сознание. Если атмосфера этого мира и содержала кислород, то его было слишком мало для дыхания. Зато много было инертных газов и углеводородных соединений.

Стрелок был настроен очень миролюбиво, судя по его реакции на вертолетные маневры, но и его хорошее настроение имело пределы. Когда вертолет Берринджера спикировал ему чуть ли не на голову, обошлось без жертв, несмотря на то, что вертолет был пробит насквозь через пилотскую кабину. Рухнул он уже в лагере, но пилоты остались живы.

Прибывший к этому моменту на полигон сенатор Джайлс не сдержался и наорал на Киллера, обозвав его безмозглым солдафоном. Зачем летчикам была дана команда сблизиться со Стрелком-Индрой, не знал, наверное, и сам адмирал, признавший свое полное бессилие выяснить, куда подевался второй панспермит с двумя исследователями.

Через полчаса Джайлс, Киллер и Тиммери беседовали в штабном бронетранспортере уже вполне мирно, вырабатывая стратегию дальнейших поисков и тактику доклада о случившемся в две инстанции: в Пентагон и президенту.

— Господа, я уверен, что мои люди овладели секретом передвижения панспермитов, — сказал Тиммери, меньше всего озабоченный политическими последствиями происшествия, — и решили провести испытания, не дожидаясь соответствующих указаний. Кемпер — летчик от Бога и вообще лихой парень, ну а палеонтолог... — Тиммери улыбнулся. — Алиссон тоже не робкого десятка, авантюрная жилка не на последнем месте в его характере.

— Вот именно! — взорвался Киллер. — Авантюрист и подстрекатель этот ваш Алиссон! То-то он мне сразу не понравился. — Адмирал хотел еще что-то добавить, но наткнулся на взгляд Джайлса и передумал.

— Ты, Долф, как всегда, излишне категоричен в оценках. — Сенатор, председатель комиссии по делам вооружений, уже успокоился, и ум его работал не на собственное оправдание, как у Киллера, а на объяснение случившегося и устранение последствий. — Док Алиссон умеет думать и работать, а для ученого это главное. Он не сумасшедший, чтобы уйти в космос и не подготовить пути отступления. Они вернутся. Остается только ждать.

— Вам хорошо говорить — «ждать», а меня каждый час требуют на провод.

— Переживешь. — Джайлс помял свой второй подбородок громадной пухлой дланью. — Неужели ты не видишь, каким сокровищем мы обладаем? Ведь если подтвердится гипотеза «яйцеголовых»... простите, доктор. Если драконы и в самом деле могут телепортироваться в космос, а тем более управляемы... этому Алиссону памятник надо будет поставить! Бо-

лее интересного и важного открытия, способного перевернуть земную науку, я еще не встречал.

— Согласен, — кивнул бородкой Тиммери. — Если не учитывать открытие наших коллег на атолле Муруроа, о чем нам поведал доктор Леко. Мы же и так имеем целый пакет открытий, каждое из которых дает толчок своей области науки. Чего стоит, например, загадка костяного скелета панспермитов, решенная Кеннетом. Если у человека мышцы занимают сорок процентов всего тела, то у панспермитов почти сто! То есть живой суперзавр не имел скелета, как...

— Доктор, — перебил руководителя экспедиции Джайлс, — как вы думаете, откуда к нам прибыли панспермиты? То есть родители этих, вылезших из яиц уже на Земле? Если судить по материалу их тел, драконы могли жить даже на Солнце.

Тиммери снисходительно взглянул на сенатора:

— Сущность жизни связана с организацией, а не с субстанцией. На Солнце панспермиты жить не могли бы только потому, что строение их тел слишком функционально, подогнано природой под существование в условиях планет, пусть и более массивных, чем Земля. А гадать — где находится такая планета — занятие не для ученого. Во всяком случае, в Солнечной системе, как мне представляется, таких планет не существует. Ни Юпитер, ни другие внешние планеты не имеют условий, необходимых для нормального функционирования таких организмов, как панспермиты.

— Именно это я и хотел услышать. — Джайлс помрачнел. — Да, честно говоря, не очень-то я уверен, что наши доблестные естествоиспытатели не совершили хинфлюг¹... Но делать нечего, будем ждать. Только не надо больше рисковать людьми, за остав-

¹ Х и н ф л ю г (нем. Hinflug) — полет в одну сторону.

шимся драконом можно следить и отсюда. А вообще-то, Долф, в лужу мы сели глубокую. Ведь это ты высказал идею приручения драконов?

— Нельзя ничего сказать о глубине лужи, не попав в нее, — улыбнулся Тиммери. — Закон Миллера, коллеги.

— Откуда я знал, что этот ваш Алиссон такой... прыткий, — огрызнулся Киллер. — Пусть только появится, я ему!..

Сенатор вытер лоб платком, вздохнул:

— Что ты ему, адмирал? Если он вернется, ты первый поздравить его с успехом и повесишь на грудь медаль.

Снаружи вдруг раздался тонкий вскрик сирены. На броневой спинке, отделявшей кабину водителя от транспортного отсека, зажегся красный транспарант: «Тревога». Киллер схватил со стола трубку телефона, выслушал сообщение, лицо его налилось кровью.

— Поднимайте звено эф-шестнадцатых и роту «Блю лайз»! Берринджеру готовить свой «ирокез», я сейчас буду. — Адмирал бросил трубку и криво улыбнулся: — Он появился... в сорока двух милях отсюда. Но вместо людей дракон везет...

— Кого?! — подался вперед Джайлс.

— Поехали посмотрим. Наблюдатель не поднял бы тревоги зря.

Спустя минуту они сели в вертолет, а еще через несколько минут увидели в бинокли вернувшегося сверхдракона. Впрочем, уже было известно, что этот панспермит — не пропавший с людьми Равана. А в седле его сидел внушающий ужас монстр, не двухголовый, как показалось вначале, а составленный из двух гигантских «динозавров», растущих из одного седалища. Урод был закован в пластинчатые, блистающие золотом доспехи. У него было по одному узкому и длинному глазу на каждой вытянутой вперед,

закрытой решетчатым забралом морде и по одной лапе на каждом туловище. Не обращая внимания на маневры двух истребителей F-16, он спокойно ехал на своем шестиногом «коне», имевшем зеленовато-коричневую окраску, направляясь в сторону «пасшегося» в тридцати километрах Стрелка-Индры.

— Боже мой! — прошептал Джайлс. — Что это за чудище? И что ему здесь надо?

— Я не специалист по химерологии, — скривился Киллер. — Давно надо было уничтожить этих исчадий ада, а теперь расхлебывай тут чужую кашу. — В голосе адмирала, однако, вопреки смыслу сказанного прозвучало удовлетворение, он был человеком войны и чувствовал схватку. — Люди, наверное, захвачены, а это прибыл разведчик. Стоит попытаться захватить, а, сенатор?

Джайлс едва не выронил бинокль:

— У тебя крыша поехала, Долф! С чего ты взял, что люди захвачены, а к нам прибыл разведчик?

— Интуиция. Все, господа пацифисты, ситуация ясна! С этой минуты командуют здесь военные. Никто нам не простит, если мы не воспользуемся шансом и не скрутим этого... всадника.

Сенатор оторопело смотрел на адмирала, не зная, что сказать в ответ.

Каждый вздох отзывался в груди болью. Хотелось лечь поудобнее, прекратить дышать и ждать ангела, который освободил бы душу от объятий страдающего тела...

Алиссон открыл глаза и сквозь пелену слез увидел склоненную над ним фигуру. На ангела она походила мало. Разглядев, кто это, Норман попытался вскочить, но сил хватило лишь на то, чтобы встать. Гигантская, закованная в латы фигура почти человеческим жестом покачала головой с единствен-

ным светящимся горизонтальным глазом, разогнулась, и на человека глянули уже два глаза — с двух одинаковых медвежьих голов. Ксенурс! Два тела на одном тазобедренном суставе, две руки-лапы, две ноги со сплюсненными ступнями, похожими на копыта, вытянутые медвежьи морды с высоким лбом и щелью пронзительно горящего глаза...

Алиссон поднатужился и сел.

Они с Кемпером лежали в углублении седла суперзавра, окруженного какой-то бликующей прозрачной пленкой, словно козявки внутри мыльного пузыря. Пленка не искажала внешние предметы и была, вероятно, создана ксенурсом, который появился в этом мире в тот момент, когда люди потеряли сознание. Как он догадался, что гостям для дыхания необходим другой газовый состав, а тем более — сформировал необходимый воздушный объем — представить было трудно.

Палеонтолог огляделся.

Тихоня смиренно стоял у бугристой стены янтарно-желтого ущелья и вынюхивал в ней что-то. Суперзавр, на котором сюда прибыл ксенурс, бродил по заливу по брюхо, то и дело окуная голову в желтую жидкость, напоминающую расплавленное золото. Алые и оранжевые валуны величиной с двух-трехэтажный дом ползали у ног спешенного ксенурса, буквально вылизывая его ноги; за валуны их приняли люди, на самом деле это были живые существа, хозяева или просто жители этого сверкающего мира.

Рядом зашевелился Кемпер, закашлялся, перемежая кашель проклятиями. Перевернулся на спину, сел, держась за грудь, и только теперь заметил возвышавшуюся над ними гигантскую «статую» ксенурса.

— О, дьявол! — Летчик мгновенно развернул плечевой пулемет, но Алиссон вяло похлопал его по спине.

— Остынь, это наш спаситель.

Словно убедившись, что и второй путешественник жив, раздвоенный «динозавр» повернулся и зашагал прочь, вскоре затерявшись в изгибах прорезающего горный массив ущелья.

— Здешний воздух не для землян, — ворчливо продолжал Алиссон, — к сожалению, человек — биосистема с ограниченной способностью к адаптации. А он, очевидно, это знает.

— Какого лешего мы здесь оказались?

— Это я тебя должен спросить. Лично я думал о Земле, точнее, о возвращении в Неваду. А вот о чем думал ты?

— О том же... — Кемпер замер. — О возвращении домой... черт! Я ведь действительно думал о доме! Моем родном доме! Понимаешь? А эта образина...

— Уловила только одно знакомое ощущение — «дом»!

Кемпер встал, доковылял до края седла, глянул вниз с высоты в семьдесят метров. Потом протянул руку и дотронулся до пленки «мыльного пузыря» прежде, чем Алиссон успел крикнуть: «Не трогай!» Однако ничего особенного не произошло. Рука летчика продавila тонкий прозрачный слой, удерживающий земной воздух внутри «мыльного пузыря» над седлом, но была вытолкнута обратно.

— Осторожнее, экспериментатор. Давай сначала думать, а потом делать.

— Думать — занятие для умственно развитых, для тебя, например, а я человек действия. Мой отец говорил: действие — это переход возможности в действительность; сущность жизни — в действии.

Алиссон покачал головой, но спорить не стал.

— Что будем делать... человек действия? Предлагаю возвращаться домой... если это возможно. Еще одна попытка «свободного» полета может закончиться для нас печально. К тому же меня тревожит наш последний прыжок. Что, если дракон просто-напро-

сто не знает координат Земли? В таком случае, как бы мы ни напрягались, пытаясь поточнее представить конечную точку перелета, нам это не поможет.

Кемпер вместо ответа достал флягу, отодвинул кольчужную маску, сделал глоток и принялся обходить седло, что-то выглядывая. Алиссон понаблюдал за ним немного, наконец не выдержал:

— Что ты потерял?

— Стратегический объект под буквами WQ, — буркнул Кемпер. — Может быть, слезем? Как-то неудобно делать это на спине Тихони.

Палеонтолог засмеялся. Кемпер некоторое время смотрел на него с недоумением, потом засмеялся в ответ.

Хохотали минуты две, пока не увидели возвращающегося ксенурса, смотреть на которого было страшно, но интересно.

— Абзу, — пробормотал Алиссон, вспоминая шумерийские мифы. — А его дракон — Асаг¹. Кстати, он здорово отличается от нашего Тихони.

— Образина редкостная, — согласился летчик. — Рос-то он не на Земле. Может, сбежим отсюда, пока не поздно? Поди узнай, что у него в голове... точнее, в двух.

— Едва ли он спасал нас для кулинарных изысков. Это разумное существо, а значит, с ним можно договориться.

— Как?

— Мысленно, как с панспермитом. Смогли же мы установить с ним контакт.

— А о чем думать конкретно?

Алиссон невольно рассмеялся:

— Не о клозете же.

Кемпер рассердился:

¹ А б з у — бог бездны; А с а г — крылатый дракон, демон подземного мира.

— Чего ржешь? Я человек практичный, фантазии лишен начисто, даже раздевающую женщину представляю с трудом, а ты хочешь, чтобы я на равных говорил с инопланетным монстром!

— Думай о приятном... например... — Алиссон закусил губу, внезапно сообразив, что они сидят на спине суперзавра, способного по-своему понять их мысли и реализовать желания, о которых сами люди даже и не подозревают.

Однако опасения палеонтолога оказались напрасными. Ксенурс не стал разговаривать с людьми. Он с тяжелым звоном похлопал Тихоню по заду и, не задерживаясь, не взглянув на людей, прошагал к своему «коню», купавшемуся в заливе. Вскочил в седло, отличавшееся по форме от седла Тихони, и исчез вместе с драконом. Ни вспышки, ни взрыва, ни звука. Так исчезают привидения, а не существа из плоти и крови.

— М-да, — хмыкнул Кемпер. — Спасибо за совет.

— Ты о чем? — опомнился Алиссон.

— Ты советовал думать о приятном? Вот я и подумал, чтобы этот приятель убрался отсюда подальше. Что будем делать, док?

Алиссон вздохнул. Боль в груди прошла, но слабость в теле осталась, напоминая об опасности неосторожных шагов.

— Отдохнем, перекусим и помыслим. Пусть вопреки желанию, но осваивать этот процесс — я имею в виду мышление — тебе придется.

Тихоня наконец оторвался от стены ущелья, оглянулся на людей и направился к морю. На его морде отчетливо было написано сомнение.

Двухкорпусный гигант, высота которого достигала не менее ста пятидесяти метров, похожий на двух сросшихся в тазу «динозавров», за час достиг на сво-

ем «коне» каньона у Коннорс-Пик и принялся колдовать возле оставленных панспермитами яиц. Весил он, наверное, сотни тонн, потому что при каждом шаге выворачивал целые глыбы песчаника, оставляя глубокие следы и рвы. На маневры людей он внимания не обращал, словно не замечая их присутствия и попыток вступить в дружественный (и не совсем) контакт. К Стрелку-Индре он подошел только раз, похлопал его по крупу, оглядел седло и вернулся к яйцам. Затем начал в четыре руки-лапы возводить нечто вроде насыпи вокруг граненых цилиндров яиц, над которыми знойным маревом дрожал воздух.

Джайлс, как и, впрочем, остальные наблюдатели, разглядел, каким образом это делал чудовищный пришелец, и удивился изобретательности природы: две лапы монстра, с виду похожие на металлические гофрированные шланги толщиной в шесть-семь метров, в наплывах и утолщениях, заканчивались чем-то вроде культи без пальцев и когтей, но культи эти разворачивались в удивительные звездчатые много-сегментные захваты, способные с одинаковой ловкостью поднимать многотонный обломок или сантиметровый камешек.

Когда насыпь достигла высоты коленей гиганта, стройка прекратилась. «Бимедведь» сделал что-то со своей правой грудью, металлические доспехи его раздвинулись, и наружу вылезли блестящие «внутренности» — кошмарные конструкции, в которых лишь угадывались знакомые геометрические формы: грибы, шланги, ежи, решетки, параболические чаши и другие. Устройства эти повисли над огороженной территорией, и насыпь вдруг бесшумно выстроилась в дырчатый купол, накрывший яйца суперзавров. Устройства спрятались обратно в пояс пришельца, он обошел купол и удалился к своему дракону, который благосклонно посматривал на собрата, Стрелка-Индру, и терпеливо ждал хозяина.

Джайлс протер глаза, но видение не исчезло: камни, огромные валуны и обломки скал продолжали висеть в воздухе, образуя удивительную сеть в форме идеальной полусферы. Общая волна рации принесла шумный вздох Тиммери и возгласы его менее сдержанных коллег. Ученые были возбуждены и жаждали деятельности. Сдерживал их только приказ Киллера, гласивший, что проблемами контакта с чужаком будет заниматься в основном военспецы.

На полигон прибыла целая комиссия из Пентагона, помощник президента по специальным вопросам, а также крупные специалисты из Форт-Брагга, Пэйн-Блаффа, Центра биологических исследований в Форт-Детрике, Ливерморской и Эджвудской лабораторий, исследовательских центров ЦРУ и Агентства национальной безопасности. Сначала все думали, что руководство всеми силами возьмет на себя помощник президента, наделенный особыми полномочиями, но он, отменив лишь распоряжение Киллера не подпускать к суперзаврам телевизионщиков и журналистов, оставил его командовать всем сложным механизмом экспедиции, а заместителями определил Джайлса и Джона Рестелла, начальника полигона. Как оказалось впоследствии, это было ошибкой. Ни Киллер, ни Рестелл не обладали нужным объемом и широтой знаний, чтобы с успехом заниматься столь сложным и необычным делом, как информационный контакт с негуманоидным разумом. Не было подобного опыта и у ученых, но они обладали хотя бы такими качествами, как хорошее воображение, гибкость, нестандартность мышления и взглядов на проблему, сообщая они могли бы выпутаться из тупика. Военные такими качествами не обладали, а эрудиция сенатора Джайлса помочь им не могла, равно как и безумные идеи «конструкторов войны» — ученых и специалистов, работавших на военные программы.

Поскольку на радиозапросы и звуковые передачи «бимедведь» не ответил, решено было запустить к нему роботов, запрограммированных обратить на себя внимание любыми средствами или «умереть». Пока фирма «Контрол отомейшн» готовила роботов, Киллер скомандовал послать в район действий пришельца автоматический вездеход с телекамерами, оборудованный установкой телесвязи и комплектом приборов, который подготовили военные эксперты. К сожалению, кроме научной аппаратуры, «догадливые» вояки из команды Рестелла подложили в вездеход заряд сильнодействующего наркотического вещества, способного усыпить целое стадо слонов. Кто был инициатором этой операции, дознаться не удалось. Джайлс подозревал, что сам Киллер: сенатор помнил заявление адмирала о захвате «разведчика» инопланетян.

Как бы то ни было, вездеход спокойно достиг лагеря медведеподобного монстра, миновав Стрелка, который раньше не преминул бы испытать на ползучей машине свой поражающий луч. Кошмарный пришелец, которому физик Хойл придумал название «биурс» — «двойной медведь», а Тиммери имя — Ракшас, что по индийской мифологии означало — ночное чудовище, демон, — сначала не обратил внимания на рычащую моторами у его ног букашку; все-таки рост исполина в сорок раз превосходил высоту вездехода. Но затем до него, видимо, донеслась радио- или звуковая передача, и биурс заинтересовался неведомым предметом. Один из его торсов наклонился над вездеходом, голова с пронзительно сияющим глазом оказалась всего в десятке метров от кабины, и... по чьей-то команде оператор взорвал отравляющий заряд. В морду правой половины «медведя» врезалось облако коричнево-зеленого газа. Биурс резко отшатнулся, чисто человеческим движением закрыв лицо лапой. Вторая половина

«медведя» обняла его за глыбистые плечи, воздвигла над головой нечто вроде решетчатого зонтика и замерла.

Постояв так минут пять, — лагерь исследователей разглядывал эту картину по телемониторам буквально затаив дыхание, — «динозавромедведь» наступил на вездеход и вернулся к своим делам, не сделав ни одной попытки отомстить «шутникам». Зато Стрелок отреагировал на происшествие по-своему: вдруг выстрелил по вертолету наблюдателей, заставив его удалиться на безопасное расстояние в полтора десятка километров.

От вездехода с аппаратурой остался блин металла, впрессованный в плиту песчаника.

Еще через некоторое время биурс сел на «коня» и снова исчез, оставив суперзавра Индру сторожить купол с яйцами панспермитов. Лишь после этого люди в лагере, гражданские специалисты и военные, дали волю своим чувствам.

Что произошло, почему Тихоня вдруг решил перенести седоков в другое место, что заставило его покинуть спокойный золотой мир, Алиссон так и не понял.

Они с Кемпером отдыхали, обсуждая варианты реакции панспермита на их совместное желание доставить их домой, на Землю, как вдруг глубокий удар по голове — удар изнутри — бросил их в колодец удушья, жары и непривычных ощущений вроде «вытягивания» головы из шеи, а очнулись они уже в ином мире.

Видимо, защитная пленка — или поле, — созданная ксенурсом, все еще выполняла свои функции, потому что новый мир был явно враждебным человеку. Суперзавр стоял по брюхо в озере не то расплавленного металла, не то вулканической лавы,

жар которой ощущался даже на такой высоте и сквозь защитный купол и ткань «силзов». Лава пузырилась, извергала струи испарений и языки пламени; оранжево-желтую огненную поверхность ее пронзали черные дымящиеся пики скал, похожие наobelisks; на горизонте что-то взрывалось и вспыхивало мгновенным режущим светом; небо нависало багрово-бурой пеленой, — и вся эта картина очень живо напоминала ад!

— Чистилище! — прохрипел Кемпер. — Здесь-то мы как оказались?

— Не знаю, — угрюмо огрызнулся Алиссон. — Можно подумать, что тебя ждал рай. Хорошо хоть, сила тяжести здесь почти земная, даже поменьше чутков. Либо Тихоня реагирует на наши подсознательные движения души, либо что-то ищет сам. Если не удастся четко представить место, куда мы хотим попасть, на Землю нам уже не вернуться.

— Не пугай, проповедник. Эти черные полеты мне тоже надоели. Знать бы, куда нас занесло.

— Что толку от подобного знания? Даже если это не соседняя галактика, а соседняя звезда, пешком домой нам не дойти.

— Но дракон же не топает пешком, а летает.

— Вряд ли здесь применим термин «летает». Панспермит использует законы иной физики... скажем, М-физики, и мы их не знаем.

— Что еще за М-физика?

— Это я так назвал — «мистическая физика», для определенности, хотя какая уж тут определенность.

— Я думал, ты знаешь все.

— Мудр тот, кто знает нужное, а не многое.

Кемпер достал флягу, заметил философски:

— Что ж, тогда выпьем. Не хочешь? Помогает успокаиваться и соображать.

Алиссон поднял руку предупреждающим жестом. Сквозь шумы kloчущего моря лавы слышал-

ся низкий рокочущий гул, разбившийся на отдельные гулы и всплески. Сзади, со стороны крупы суперзавра, замершего в каком-то оцепенении, из вихрящейся мглы выдвинулась громадная тень, остановилась. Затем снова послышался гул и тяжелые шлепки, так что задрожала почва и по расплаву пошли волны. Тень превратилась в гороподобное страшилище, слегка напоминавшее трицератопса — динозавра, жившего на Земле в мезозое, разве что рога этого «трицератопса» были ветвистыми, как у лося, а глаз на морде был один — горизонтальный и длинный, во весь скошенный лоб. Чешуйчатая грудь его, складками переходящая в голову, отсвечивала полированным металлом, как и шкура суперзавра, а каждая чешуйка была размером с голову Тихони! Рта чудище не имело, вместо него на вытянутой морде светился конгломерат каких-то крючков, пластин и перепонок, напоминая жвалы паука и оскаленную пасть обезьяны одновременно.

— Боже милостивый! — выдохнул Алиссон. — Спаси и сохрани!

— Хороший экземпляр! — бодро возвестил Кемпер, но и в его голосе оптимизма было не больше. — Пусть сунется поближе, я его накормлю свинцовым горохом!

Только теперь Норман заметил, что плечевой пулемет летчик уже переместил из походного положения в боевое.

— Т-ты что?! Не сходи с ума! Ему твои пули — что дробина панспермиту!

— У меня есть и разрывные...

— А если прострелишь пленку? Думай, балда!

«Паукозавр», как окрестил его Алиссон, придвинулся вплотную и навис над Тихоней, как горный утес, заставив Кемпера умолкнуть. Наступила короткая томительная тишина.

Ног чудовище не имело, при движении сокращались складки груди, переходящие в брюхо, хотя вряд ли они способны были создавать тот самый гул и шлепки, будто по лаве шел двуногий великан. Голова монстра наклонилась ниже, она, как и голова панспермита, имела трехлучевую симметрию, и у Алиссона даже мелькнула мысль: не предок ли это суперзавров? — и в это время Тихоня, уловив панические мысли людей, прыгнул в космос...

Пережив те же ощущения, уже не вызывающие былых болей в позвоночнике и отрицательных эмоций, они выкарабкались из беспомощности в полной темноте и реагировали каждый по-своему, в силу воображения и разного опыта. Алиссону показалось, что он ослеп, а Кемперу — что очутились они в глубоком подземелье.

— Ты жив? — раздался в наушниках голос летчика.

— Такое впечатление, будто мне выкололи глаза.

— Просто нас занесло под землю. — Послышалось бульканье и недовольное ворчание Кемпера: — Черт, виски кончилось! У тебя найдется глоток?

— Полная фляга.

— Тогда живем!

— Что-то раньше я не замечал у тебя тяги к спиртному. Не отравишься?

— Как говорил философ: когда это дракон умирал от яда змей?¹ Давай свой напиток богов.

Алиссон передал флягу на ощупь, все еще ничего не видя, и в этот момент где-то далеко-далеко засияла желтая звезда, лучи которой оконтурили бледную, идеально ровную горизонтальную полосу, тающую в бесконечности. Стал виден абрис фигуры суперзавра с вытянутой вперед мордой, контуры седла, бликующая пленка вокруг него и человечес-

¹ Ф. Ницше.

ких фигур, но низ и верх, отделенные полосой, так и остались во мраке, вызывая мрачные ассоциации бездонной пропасти.

— Тихий, черт бы тебя подрал, ты куда нас занес? — проникновенно спросил Кемпер, глотнув виски.

Тихоня поднял голову повыше, и на носу его вспыхнул ослепительный свет, собрался в луч, ушел к горизонту — светлой полосе, по которой скользила далекая звезда. И тогда Алиссон с трепетом осознал, что дракон стоит на идеально ровном черном поле с рисунком квадратных плит и над головой его располагается точно такое же поле! Словно пол и потолок бесконечно большого помещения! Светлая полоса, по сути, играла роль горизонта — там, где плоскости сходились на пределе видимости, открывая вход в пространство... или куда-то еще.

Новая вспышка на голове суперзавра едва не ослепила людей, звезда на горизонте мигнула в ответ, и через минуту ушей коснулся низкий, очень низкий, почти инфразвуковой, рокот, на который спина Тихони отозвалась крупной дрожью.

— Что это? — прошептал Кемпер.

— Голос пустоты, — пробормотал Алиссон, обратившись в слух. — Нас кто-то зовет... А если не нас, то Тихоню точно. Вот что, Вир, давай определим конкретный образ, который надо внушить Тихоне, чтобы он доставил нас на Землю, и попробуем сосредоточиться. А то допутешествуем, что кончится запас воздуха, дарованный нам ксенурсом.

— Да я не возражаю. Хотя интересно, где это мы с тобой оказались. На планету не похоже, да? Похоже на зазор между пластинами бесконечного конденсатора: плоскость внизу, плоскость вверху... Сила тяжести земная...

Снова издали прилетел низкий рокошущий гул, заставил резонировать седло суперзавра и даже кос-

ти черепа, как показалось Алиссону. Звезда на горизонте засияла ярче, и вскоре стало ясно, что источник света приближается. А еще через двадцать минут люди увидели, что это такое. К ним приближался странный зверь, похожий на гигантскую морскую мантию с размахом плавников в триста метров, на спине которого сидел, скрестив ноги, в позе индийского факира, ксенурс!

«Манта» — животное, а может быть, и транспортная машина — не касалась поверхности этого колоссального ангара — летела-стелилась над ней, а во лбу ее горел, пульсируя и ничего не освещая, исключительно яркий глаз. Остановилась она в полукилометре от суперзавра с седоками. Ксенурс легко слез с ее спины и направился к Тихоне.

— Бежим? — быстро проговорил Кемпер. — Нерешительность — симптом неудачи. Или попросим помощи? Что опасней?

— Спроси что-нибудь полегче. Но вторая твоя идея мне нравится больше. Похоже, Тихоня идет знакомой дорогой, от мира к миру, как он когда-то возил ксенурсов, и гнать его дальше — значит удаляться от Земли... Хотя это лишь предположение.

— Тогда остаемся. — Кемпер взвесил в руке флягу с виски, поглядел на друга и с некоторым колебанием вернул ему. — Дело за тобой, док. Одна надежда на твою светлую голову.

С момента первого появления двухтуловищного существа, получившего название «биурс», совет ученых экспедиции на полигоне заседал три раза, каждый раз апеллируя к военному руководству о привлечении своих лучших умов к исследованию ситуации и контакту с биурсом, но Киллер игнорировал их заявления с завидным хладнокровием, пока наконец

Джайлс не нашел время поговорить с помощником президента. После этого к работе «группы риска», составленной из военспецов, были допущены биолог Тиммери, физик Хойл и лингвист Либих. Правда, их голоса решающими в группе не стали.

Биурс за двое суток, прошедшие со времени своего первого появления в Неваде, появлялся трижды, продолжая свою таинственную деятельность вокруг яиц, изредка «беседуя» с родившимся на Земле панспермитом Индрой. А тот исправно нес сторожевую службу, реагируя на приближение самолетов или вертолетов в соответствии со своим характером. Подступиться к нему ближе чем на пятнадцать километров не удавалось никому — ни воздушным, ни наземным транспортом.

Однако ученых не оставляла надежда «получить доступ к телу» биурса и вступить в ним в контакт. И надежда эта была близка к осуществлению, когда на полигоне появилась бригада принстонской фирмы (штат Нью-Джерси) «Контрол отомейшн» с дюжиной специально запрограммированных роботов.

Трое из них больше всего походили на механических кентавров: гибкий гофрированный цилиндр — торс, полусфера с фотодатчиками, окулярами и «ушками» антенн — голова, четыре манипулятора — руки плюс четырехногий корпус, в котором прятались электродвигатели, аккумуляторы, приборно-инструментальный комплект и компьютер. Остальные роботы напоминали гусеничные танкетки с тремя манипуляторами и набором инструментов вместо пулеметов.

Первыми к лагерю биурса направили две гусеничные машины. Они успешно преодолели каменистое ложе высохшей тысячи лет назад Коннорс-Рив, обогнули гряду скал, холмы и глубокие рытвины, но застряли в рваных бороздах — следах суперзавров и самого биурса, так и не сумев донести «приветы»

людей и кое-какие сюрпризы, о которых знали только Киллер и его команда. Двум другим роботам повезло больше, но их почему-то расстрелял Индра, словно учуяв какую-то опасность. Разъяренный Киллер запустил еще двух гусеничных роботов и поднял в воздух звено «апачей» для прикрытия, а когда Индра уничтожил первого робота, последовал ответный ракетный залп с вертолетов. Сорок восемь ПТУР «Хеллфайр», конечно, не могли навредить суперзавру, но люди этим как бы давали понять, что недовольны действиями бронированного «сторожа». Понял ли это сам Индра, было неясно, однако следующего выстрела из гамма-пушки не последовало, а биурс, внимательно наблюдавший за пируэтами винтокрылых машин, вдруг подошел к роботу и, взяв его своей страшной лапой, приблизил к морде правого тела. Дальнейшие события развивались стремительно.

То ли биурс передозировал усилия и раздавил корпус робота, то ли сработала вторая, «черная», программа, разработанная военными, то ли кто-то включил ее дистанционно, только робот взорвался. Это был не ядерный или тротильный взрыв, а скорее подрыв другой начинки робота — химической, и правую голову биурса окутало ядовито-желтое облако. Он резко откинулся назад, лапа сжала вездеход, сплющив его в ком металла, и обвисла, глаз правого туловища закрылся, а лапа левого обхватила голову и с минуту что-то с ней делала, будто вскрывала, копалась внутри и зашивала. Затем биурс повернулся, тяжелой поступью удалился к своему зеленому дракону, взгромоздился на него и исчез. Мстить он снова никому не стал. Видимо, не знал, что это такое — месть.

Среди ученых, наблюдавших за действиями механических посланцев, разлилось угрюмое молчание, а в группе военспецов, имевших задание найти «окно

уязвимости» двутелого монстра, возникло ликование... длившееся ровно три минуты. Потому что биурс вернулся. И не один. Неизвестно, было ли то существо живым или это был какой-то автомат, механизм, однако выглядел он, во-первых, ничуть не менее экзотично, чем сам биурс, а во-вторых, жуть внушал большую, потому что человек всегда видел в змеях и насекомых своих недоброжелателей. Здесь же взору предстало трехсотметровой высоты чудовище, соединявшее в себе черты богомола и кобры!

В лагере экспедиции повисла тишина.

Джайлс, который находился в компании Хойла и его молодых коллег, собравшийся было идти к Киллеру и затеять скандал, вернулся в палатку, глянул на экран телемонитора с чувством непоправимости случившегося и понял, что, если не предпринять что-нибудь умное, дальнейшие события окончательно выйдут из-под контроля и станут непрогнозируемыми. Хойл оторвался от экрана, чтобы оглянуться на возглас сенатора и пробормотать:

— Когда-то говорили, что дурак — сложное понятие, включающее бедность, честность, благочестие и простоту¹, но к этому классу дураков адмирал Киллер не принадлежит. Сенатор, его надо остановить. Он может подумать, что биурс вернулся отомстить, а это, скорее всего, не так.

Джайлс добрался до штаба Киллера в тот момент, когда тот отдавал приказ отряду ВВС атаковать «зловещих» пришельцев.

— Верни штурмовики! — Запыхавшийся сенатор вытер лицо платком и отпихнул адъютанта Киллера, который пытался его остановить. — Физики говорят, что это не есть демонстрация силы или угроза. Биурсу хватило бы и своей мощи, чтобы наказать нас. Пустите вперед ученых.

¹ Г. Филдинг.

— Под моим началом ученых тоже хватает, — скривил губы Киллер. Он потягивал гимлит¹, закусывая уткой на листьях спаржи и не отрываясь от экрана монитора. — И они не хуже разбираются в таких вещах. Во-вторых, ты забываешь, что ни на один призыв вернуть двух наших парней он не ответил.

— Значит, не понял.

— Ну да, конечно. Дракон понял, «конь», так сказать, а всадник нет. Чушь! Все он прекрасно понимает. А за это наказывают! Зачем он уничтожил роботов?

— Но ведь вы его сами спровоцировали! — Изумленный сенатор рухнул на сиденье рядом.

— Вот! — Киллер поднял вверх палец, ни капли не чувствуя себя виноватым. — И ты его пожалел! Урода! А кто-то из классиков, кого так любит твой умный Хойл, говорил: мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина для отдохновения воина; все остальное — лукавство.

— Безумство, — поправил Джайлс, который тоже читал Ницше.

И в это время F-16 вышли на цель.

Существо, на котором прилетел ксенурс, только издали и только когда на нем сидел двутелый гигант, было похоже на земную манту. Стоило «динозавромедведю» слезть, как «манта» встала на дыбы и превратилась в помесь гигантской кобры с богомолем. Смотреть на это чудище было тошно и страшно.

Ксенурс обошел Тихоню кругом, нагибаясь к нему то левым, то правым телом, постукивая снизу по корпусу сверхдракона, — слышались металлические поющие удары, — так постукивали когда-то молотками механики по колесам старинных парово-

¹ Г и м л и т — смесь джина с лимонным соком.

зов и вагонов. Затем нагнул голову суперзавра так, что она ушла из поля зрения замерших людей. П слышались новые звуки: треск, звон, скрипы. Тройной гребень на шее Тихони — его антенна-«воротник» — заискрился мелкими голубыми разрядами. Тела людей свела судорога, но не болезненная, почти приятная.

— По-моему, он нас не замечает, — заметил Кемпер. — Сейчас возьмет, сядет и раздавит. Давай покричим?

Алиссон улыбнулся, заинтересованный происходящим:

— А по-моему, нам ничто не угрожает. Эта зверога, полунасекомое-полукобра, всего-навсего наземный транспорт ксенурса.

Словно вспомнив о седоках, двутелый колосс вдруг протянул лапу, раскрыв девятиметровую «ладонь» веером, накрыл прозрачный пузырь над седлом и перенес пузырь вместе с людьми, как воздушный шарик, на черную почву этого мира. Затем снова занялся обстукиванием и обслушиванием суперзавра.

Ошеломленные и слегка оглушенные седоки — удар о прозрачные стенки шара был приличным — не сразу пришли в себя. Флегма Алиссона и природный оптимизм Кемпера были поколеблены не столько необычностью свершаемого, сколько непризнанием в них ксенурсом равных себе по разуму партнеров. Да и несопоставимость масштабов людей и гигантских существ действовала на психику, подавляла и отвращала. Смотреть на «кобробогомола», закрывшего собой половину горизонта, было не слишком весело. Что же касается двутелого негуманоида — по мнению Алиссона, он был достаточно вежлив, проявляя минимальную в данном случае заботу, но и только. О контакте речь не шла, ксенурсу он был не нужен.

По-видимому, ксенурс удовлетворился осмотром суперзавра, потому что подал неслышимую команду, и «кобробогомол» послушно принял горизонтальное положение, превращаясь в «манту». Новая команда — тихий световой всплеск в мозгу Алиссона, — и Тихоня взгромоздился на «манту», раскрылся, вставляя лапы и голову в выемки на горбу летающего чудовища. Последним на живую гору влез ксенурс, уселся в седле Тихони, едва не доставая головами потолка-неба. Затем взялся обеими лапами за «воротник» на шее суперзавра, и вся эта конструкция исчезла. Ни вспышки, ни звука, ни дуновения ветерка.

Кемпер очнулся от недоверчивого изумления первым, разразился бранью и восклицаниями. Алиссон пришел в себя позже, сделавшись рассеянным и задумчивым. Он размышлял и делал выводы.

— Симбиоз!

— Что? — остановил бурный монолог летчик. — Ты о чем? Ты понимаешь, что он нас бросил?! Ссадил, забрал «коня» — и аллюр три креста!

— Симбиоз, — повторил Норман. — Носитель, «конь» и наездник. И сдается мне, что каждая часть этой троицы разумна по-своему. Нет, он нас не бросил, — сказал Алиссон уже уверенней. — Он просто проверяет способность Тихони работать в одной упряжке. Я даже думаю, что Тихоня искал и нашел именно тех, с кем должен был соединиться давно... хотя это спорно. И тогда мне понятно, куда мы попали. Две плоскости — и ничего больше. Экотон.

— Попроще, док, я не шибко грамотен.

— Экотон — пограничная зона между сообществами. На Земле это опушка леса, берег реки, а здесь, в мире чужих гигантов, он выглядит так. Хотя, может быть, это лишь мы, люди, со своими несовершенными органами чувств, видим этот мир таким, а ксенурсы и иже с ними видят его другим.

Кемпер вздохнул, помолчал немного, постучал по шлему.

— Звенит. Пустая голова — источник звона. И вообще, я хочу есть, пить, спать и... домой.

— Я тоже, — засмеялся палеонтолог. — Неведомое и непонятное хорошо для организма в малых дозах, как яд. Подождем, он вернется. На, глотни виски.

Летчик отбросил кольчужную маску с нижней части лица и приставил ко рту флягу.

Неизвестно, почувствовал ли двутелый пришелец тревогу или просто был готов к коварству людей, дважды пытавшихся усыпить его, но на залп шести управляемых ракет «Мейверик» с трех самолетов F-16A «Файтинг фалькон» он отреагировал мгновенно, выпустив огромное черное облако. Впрочем, говорить «выпустил облако» было неправильно: просто воздух над районом в радиусе километра, в центре которого находились биурс, жуткий «кобробогомол» и суперзавр Индра, вдруг стал абсолютно непрозрачным, напоминая черную грозовую тучу! Ракеты вонзились в эту куполовидную тучу и... не взорвались! А затем в действие вступил Индра-Стрелок, для которого туча, наверное, была прозрачной. Две трассы гамма-луча поразили два самолета, а третья повредила вертолет «Хью кобра», неосторожно приблизившийся к зоне боевых действий.

Летчики сбитых истребителей катапультировались, а оставшиеся неповрежденными самолет и вертолеты быстренько ретировались на безопасное расстояние, не дожидаясь приказа растерявшегося командования.

Черная полусфера, накрывшая инопланетную компанию, исчезла без следа спустя минуту после бегства людей, и взорам наблюдателей предстала та-

кая картина: двутелый «динозавромедведь» подсаживает суперзавра Индру на «кобробогомола», который, опустившись на землю, стал плоским, похожим на земного ската. Уместившись на спине «коброската», дракон вытянул морду и воткнул ее в углубление на шее «ската», а биурс влез на него, устраиваясь в седле, совершенно как человек-всадник. И это было противоестественно и страшно, потому что на человека этот сутулый монстр не походил никак!

Миг — и их не стало! Лишь зелено-серый «конь» биурса, на котором он прибыл на Землю, остался лежать на скалах, не заботясь о хозяине. И в этот момент шесть ракет, выпущенных с истребителей и воткнувшихся в песчаные барханы, взорвались, подняв новую тучу — рыже-багрово-черную. Когда пыль и песок осели, а обломки скал перестали падать, люди увидели шесть неглубоких воронок и невозможного суперзавра, для которого не страшны были и прямые попадания.

— Долф, ты скотина! — сказал сенатор Джайлс Киллеру, но из-за шума в эфире и взрыва возбужденных голосов в кабине БТР адмирал не услышал этой фразы. Он уже вызвал своих главных экспертов и лихорадочно готовил план дальнейших действий. Биурс должен был вернуться, один или в сопровождении своих страшилищ, и у армии оставался шанс — захватить его в качестве похитителя двух представителей хомо сапиенс... на которых лично Киллеру было глубоко наплевать.

Помощнику президента шел пятьдесят четвертый год, но выглядел он моложе: коренастый, гладколицый, с бакенбардами и прилизанными волосами. Звали его за глаза Куском Мыла, видимо имея в виду способность влиять на президента, а настоящее его имя было Мэтью Стюард.

В люк штабного бронетранспортера он влез, почти не пригибаясь, одетый, как и все здесь, в пятнис-

тый комбинезон десантника. Адмирал Киллер проводил совещание и встретил его сдержанно.

— Господин Стюард, вы почти вовремя. Мы как раз обсуждаем проблему захвата нашего биурса... не нравится мне это название, хоть убей. Я бы лучше назвал его суперуродом.

Помощник президента сел в низкое удобное кресло, огляделся.

Кабина машины была переоборудована таким образом, что напоминала командный центр Пентагона и комфортный номер гостиницы одновременно. Аппаратура теле- и радиосвязи размещалась в передней части кабины, а остальной объем занимали кресла, стол с картой, бар и холодильник. Всего в кабине могло поместиться человек двадцать пять, но в настоящий момент в ней находилось, не считая операторов и офицера связи, шесть человек: Киллер, сенатор Джэйлс, генерал Рестелл и трое руководителей военных центров, имевшие, кроме высоких званий, еще и докторские степени. Всех их помощник президента знал прекрасно: химик и биолог Зборовски (полковник), астрофизик Стофф (генерал), психолог Эксминстер (адмирал). Ни один из гражданских ученых на совещание приглашен не был.

— Итак, мы сошлись на том, что монстр... черт с ним, пусть будет биурс, — с обычной долей высокомерия продолжал Киллер, постукивая пальцем по золотому портсигару величиной с кирпич, — в отличие от суперзавров имеет по крайней мере одно «окно уязвимости», а именно — химическое. Разработанный в лаборатории доктора Зборовски газ триметилди... эти... нолэтаз... не суть важно, подействовал на биурса, и если бы не вторая голова, то он был бы наш. Очевидно, что если нам удастся окунуть в газовое облако обе головы этого супермедведя...

— Я против, — буркнул здоровяк Джайлс. — Ваши методы, господа суперспецы, отдают терроризмом. Никто мне не доказал, что биурс захватил наших ребят в плен и держит у себя. По-моему, лучше натравить на него команду Тиммери, они быстрее найдут способ контакта с ним без стрельбы и угроз, а то ваши мальчики из лабораторий зациклились на войне. Правда, можно и их подключить к Тиммери, почему бы и нет? В крайнем же случае предлагаю просто не трогать этих колоссов. То, что биурс ни разу не ответил на провокации, еще не говорит о его миролюбии. Если вы держите слона за заднюю ногу и он вырывается, самое лучшее отпустить его.

— Если это твое мнение, Кристофер...

— Это мнение Авраама Линкольна, Долф.

Киллер скривился. Он не был так образован, как сенатор, и его злило всякое проявление начитанности. Если бы можно было поменять местами души сенатора и адмирала, это было бы только актом справедливости, так не соответствовала внешность обоим внутреннему содержанию.

— Считаю, что споры излишни. У тебя, Кристофер, всегда было особое мнение, но в данном случае оно резко отличается от общей концепции. Тем более что ничего мы с... э-э... биурсом делать не собираемся, только выясним, где наши парни. Сам-то он разговаривать с нами не желает. Не так ли, Мэт?

Помощник президента посмотрел на Киллера, потом на мрачного Джайлса, едва заметно улыбнулся.

— Это наша земля, Долф, — вмешался Рестелл, — и мы не позволим хозяйничать на ней каким-то космическим монстром... как французы позволили какому-то скату-мутанту раздолбать их полигон на Муруроа. А если завтра суперзавры забросают яйцами драконов всю Неваду? Или вообще Штаты?

Джайлс иронически поднял бровь:

— Господин помощник президента тоже так считает?

— Я присоединяюсь к мнению большинства, — проговорил наконец Стюард. — Кстати, президент извещен обо всем и одобряет наши действия. Итак, джентльмены, в чем состоит ваш план конкретно?

Ксенурс отсутствовал около трех часов.

За это время Кемпер успел выспаться, а Норман — создать концепцию жизни таких существ, как суперзавр, ксенурс и «кобробогомол». Увлечшись, он даже разбудил летчика, уснувшего мгновенно, как только его спина коснулась ровной плиты пола.

— Понимаешь, — сказал Алиссон, жестикулируя, — эволюция в мире этих существ действовала иначе, не так, как земная, она абсолютизировала эмерджентность.

— Что? — хрипло переспросил Кемпер, ничего не соображая со сна. — Какую «джентность»?

— Эмерджентность. Наличие у системы свойств, не присущих составляющим ее элементам. Действия ксенурса подтверждают это наглядно, недаром же Тихоня искал своего всадника, будучи сам всадником «кобробогомола». Каждый из них выполняет какую-то одну функцию, а вместе они — коллективное разумное существо, способное решать сверхсложные задачи.

Кемпер упал навзничь и снова уснул, но Алиссон этого не заметил, продолжая ходить вокруг спящего товарища и рассуждать сам с собой. Остановился он лишь тогда, когда неподалеку объявилась сумасшедшая троица: ксенурс, суперзавр и их «тягач» — «кобробогомол», от одного взгляда на которого хотелось перекреститься. Произошло это не так, как в прошлые прибытия.

Сначала в двухстах метрах от шара с людьми возникло огромное облако, сотканное из редких, тускло сияющих звездочек. Не сразу можно было разглядеть в этом облаке очертания «наездников» — ксенурса и суперзавра на кобробогомоле. Затем количество звездочек стало увеличиваться, а облако сжиматься, пока не приобрело размеры, близкие к реальным. И наконец, когда сияние разом погасло, взору предстали знакомые диковинные существа.

Ксенурс слез с «коня» очень медленно, с видимым усилием, будто смертельно устал. Таким же усталым выглядел и Тихоня, сползавший со «кобробогомола» буквально на ощупь. Алиссон, глядевший на эту картину во все глаза, растолкал Кемпера и шепотом поделился своими наблюдениями.

Ксенурс посидел у туши «кобробогомола» на корточках, ощупывая свои тумбообразные ноги, потом в том же замедленном темпе обошел суперзавра, хлопал его по боку, влез на спину «кобры» и с низким гулом умчался в темноту. Посадить людей обратно на спину Тихони он забыл. Тихоня остался стоять, понутив голову и раскорячившись. Бока его сочились тусклым желтым сиянием, и лишь гребенчатый нарост на шее светился чуть ярче, ничего не освещая, да горизонтальный глаз набух «кровью» — алым светом.

— Что это с ним? — прошептал Кемпер.

— Не знаю, — также шепотом ответил Алиссон. — Сдается мне, Тихоня просто не подошел тем двоим, не обладая нужным свойством, родился-то он на Земле, далеко от родных пенатов. А может быть, просто растренирован. То-то они так медленно «проявлялись», будто с трудом реализовались в здешнем пространстве.

— И как же нам теперь взобраться на него? Эта пленка прочнее стали, вряд ли удастся ее пробить да-

же из пулемета. — Кемпер вдруг загорелся. — А если попробовать? Что мы теряем, кроме тюрьмы?

— Воздух, — остудил его порыв палеонтолог. — Воздух теряем. Уверен, что здесь, на этой равнине, царит вакуум. Разорвешь пленку — задохнемся. Кстати, дышать становится труднее, не замечаешь?

— Тем более надо что-то предпринимать. — Кемпер подошел к краю отведенного им пространства, уперся рукой в невидимое нечто и внезапно заорал: — Эй, выпустите нас отсюда!

Вздрогнувший Алиссон покрутил пальцем у виска:

— Не кричи напрасно, у меня от тебя уже голова болит.

Летчик хмыкнул и сказал совершенно спокойно, будто не кричал только что:

— Да я ради профилактики. — Булькнула фляга. — Все-таки эта двухголовая образина, я имею в виду твоего ксенурса, вряд ли разумна. О нас он даже и не вспомнил.

— Устал. Видел бы ты, как он слезал с дракона — словно выжатый лимон. Что-то у него не получилось с Тихоней... — Алиссон не договорил.

Твердая плоскость под ногами, заменяющая почву, разделенная светлыми линиями на квадраты со стороной в километр, вдруг начала светлеть, протавивать в глубину. Причем происходило это лишь с соседними квадратами; тот, на котором находились люди и суперзавр, оставался черным, блестящим и твердым. А поскольку люди, заточенные в прозрачный шар, стояли не в центре, а в углу на пересечении четырех квадратов, то им хорошо были видны три из них.

Квадраты оказались как бы крышками исполинских сотовых ячеек с невероятно тонкими стенками. Глубина ячеек была неизвестна, каждая из них заполнилась оранжевым свечением, и лиц замерших путешественников коснулась теплая волна: ячейки

«фонили» в красном и инфракрасном диапазоне. В следующий миг плоскость, заменяющая небо над головой, внезапно растрескалась змеящимися белыми линиями, посыпалась в ячеи кусками зеркального стекла, открывая взору великолепную картину космоса: огромное звездное скопление в форме шара и уходящую за горизонт звездную полосу. Лишь над темным квадратом с людьми и суперзавром «небо» осталось твердым и непрозрачным, словно осколок зеркала был привязан к тверди невидимыми канатами.

А затем из светящихся глубин квадратных ячеек медленно и плавно поднялись знакомые «всадники» на гигантских плоских «скакунах»: ксенурсы на драконах, опирающихся, в свою очередь, на «мант» — «кобробогомоллов». Тела их угрюмо отсвечивали раскаленным металлом, и было их очень много, десятки, сотни тысяч! Поднявшись над ячейками, они перекрыли горизонт и почти загородили собой небосвод.

— Святой доллар! — прошептал Кемпер. — Никак это их конюшня! Или транспортная база? Целая армия кавалеристов! Ну и размах!.. Земной материк!

— Если не больше, — также шепотом отозвался Алиссон.

Им становилось все жарче, воздух внутри «мыльного пузыря» нагревался все больше, жар проникал под защитные слои костюмов, несмотря на включенное охлаждение, и наконец стал невыносим.

— Тихий! — хрипло заорал Кемпер. — Мы же сгорим, скотина! Сделай что-нибудь!

Тихоня, то задиравший голову в небо, то заглядывавший в ближайшую из ячеек, посмотрел на своих бывших седоков и словно в сомнении склонил голову набок. Он чувствовал мысленную сферу людей, их отчаянную мольбу о спасении, но вряд ли понимал, чего они хотят.

На одно мгновение Алиссону показалось, будто они находятся в трех местах сразу: на черном квадрате неизвестного плоского мира, в глубине кратера вулкана, погруженные в лаву, и на Земле, в пустыне... Потом наступила темнота и тишина...

Они уже не видели, как один из всадников вдруг обратил внимание на мертвый квадрат, прикрывающий пустую ячейку, и повернул свой составной «транспорт» к радостно затанцевавшему Тихоне.

Операцию по захвату биурса наблюдали только военспецы, командование и «черные береты» — охрана лагеря, для остальных членов экспедиции телесистемы включены не были под предлогом «регулировки» общего монитора.

Поскольку суперзавры — Индра-Стрелок и «конь» биурса — могли помешать операции, решено было заманить двутелого «динозавромедведя» в такое место, откуда он не был бы виден даже гигантам панспермитам и откуда его можно было вывезти под прикрытием темноты в ущелье Коннорс-Рив с отвесными стенами. Специалисты посчитали, что, если завалить ущелье с двух сторон геометрически точными взрывами, биурс не сможет выбраться из «клетки» самостоятельно.

Рестеллу была дана соответствующая команда, и он развил бурную деятельность, меньше чем за сутки доставив в район экспедиции нужную технику и спецоборудование.

Для приманки биурса был выполнен макет яйца суперзавра в натуральную величину с радиоактивной начинкой, имитирующей излучение настоящего яйца, и доставлен в небольшую, но глубокую долину Рэд-Хиллз в десяти километрах от лагеря. Разработчики операции не учли одного — нюха су-

перзавра на радиоактивность, и это едва не стоило им больших неприятностей.

Суперзавр Индра учуял контейнер сразу же после доставки его в пустыню, и даже двинулся было в том направлении, но в это время появился биурс. С момента его исчезновения на транспортной связке в составе «кобробогомола» и суперзавра прошло чуть больше двадцати трех часов.

На сей раз он прибыл на прежнем зеленом «рысаке» — панспермите, и прежде всего подошел к сделанной им из каменных глыб полусфере над яйцами драконов. Что-то его в ней не устроило, он начал собирать новую кучу валунов, но доделать работу не успел: суперзавр Индра отвлек его своим целеустремленным маршем к Рэд-Хиллз. Некоторое время «динозавромедведь», выпрямившись во весь рост на ближайшем холме, смотрел в сторону долины с псевдояйцом, а затем решил прогуляться туда сам.

Звероподобные пришельцы, видимо, общались между собой в мысленном диапазоне — электромагнитных излучений чуткие датчики людей не фиксировали, — потому что Индра вдруг безмолвно повернул назад, раздавив по пути двух роботов, а тронувшийся вслед за ним зеленый «конь» биурса остановился. Таким образом, первая часть плана Киллера реализовалась успешно. А когда биурс достиг долины и спустился вниз — не без некоторого колебания: минуты две он осматривал горизонт сразу обеими головами, топтался и кружил, — в действие вступила вторая часть плана Киллера.

Замаскированные в двадцати милях южнее лагеря машины MLPS — реактивные системы залпового огня — дали залп. Сто двадцать ракет, начиненных усыпляющим газом, одновременно взорвались вокруг ничего не подозревающего биурса и создали мгновенно вспухшее желто-бурое облако, скрывшее

под собой яйцо, двутелого пришельца и всю долину. На панспермитов этот газ не действовал, что было уже отмечено более ранними экспериментами, когда суперзавры ползали по Неваде в поисках пищи, но биурс не был готов к дыханию в отравленной атмосфере.

Сознание он потерял не сразу и, упав, еще пытался выбраться из долины, вызвав, очевидно, по мыслесвязи, своего «коня», который вздернул голову и начал озираться, искать хозяина, однако была дана еще одна команда, и всю корытообразную площадь Рэд-Хиллз накрыл второй залп — теперь уже ракетами с кумулятивными осколками, способными прожигать любую броню. После чего наблюдавшие картину сделали вывод, что всадник не столь хорошо защищен, как его «конь»-суперзавр. Получив около семидесяти семи тысяч попаданий, — добрая тысяча осколков пришлась на обе головы биурса, а сотни две поразили глаза, — биурс затих.

Тотчас же к долине выступил отряд мощных тягачей и подъемных кранов, ведомых бравыми парнями из группы спецназначения «Блю лайз», не боящимися ни черта, ни Бога, и через полчаса началась великая погрузка гиганта на суперпоезд из тридцати платформ с трехметрового диаметра колесами, каждая из которых была способна увезти груз весом в тридцать тонн по любому бездорожью. Одновременно в тот же район выдвинулся батальон противотанковых ракетных установок, предназначенный для отражения атаки суперзавров, если таковая произойдет. Но панспермиты, наверное, не могли самостоятельно решить проблему вылазки по маршруту исчезнувшего всадника-хозяина и продолжали бродить вокруг «гнезда» с яйцами, оставленными Тихоней и Стрелком.

Операция по загрузке биурса на автопоезд продолжалась два часа, причем пришлось использовать

вертолеты, но все закончилось благополучно, и поезд направился к ущелью Коннорс-Рив, охраняемый, как весь золотой запас Штатов.

По прямой до ущелья от этого места было около восемнадцати километров, но приходилось объезжать холмы, каменистые гряды и увалы, каньоны и глубокие балки, из-за чего дорога растянулась на целых сорок километров. Лишь к вечеру жуткий поезд приблизился к ущелью и углубился в него на две мили.

Дважды за время транспортировки (четыре часа) биурс начинал шевелиться, отчего стальные и кевларовые канаты толщиной в руку рвались как нитки, и оба раза залп из гранатометов с двух колонн сопровождения успокаивал монстра: желто-бурый газ действовал надежно. И никто из возбужденных исполнителей и командиров этого действия не подумал о том, выживет ли пришелец в этих условиях и что он предпримет, если освободится.

В одиннадцать часов вечера пустыню потревожили два взрыва, завалившие ущелье Коннорс-Рив километровой высоты почти отвесными стенами из скальных обломков. План Киллера был реализован идеально. И когда в штабе праздновали победу, пили виски, джин, коньяк и закусывали шоколадом и персиками, Джайлс угрюмо задал вопрос:

— Ну и что дальше, стратеги?

— Все идет о'кей, — засмеялся захмелевший Киллер. — Ты хотел вперед пустить науку? Пусть идет. Хотя приоритеты — наши, армии.

— Но ведь он без памяти, и никто не знает, как он поведет себя, когда очнется. А если он вызовет своих «скакунов»?

— Мы их остановим, — легкомысленно отмахнулся генерал Рестелл. — Из Форт-Брагга только что доставили свои новые плазменные шарики, да и «коулдж-стоидж» еще имеются. Будем сбрасывать по

парочке и держать драконов замороженными, пока двухголовый не заговорит. В конце концов должен же он сказать, куда дел наших людей. Надо вколотить в него всего лишь принципы нашей морали — и только.

— Армия всегда была проповедником добра, — хихикнул Киллер. — Брось свои сенаторские замашки, Крис, давай лучше споем «Боже, благослови Америку».

Джайлс допил тоник — спиртное он не употреблял, хмыкнул, пытаясь поймать ускользающий взгляд Куска Мыла и выяснить отношение помощника президента к происходящему.

— Кажется, Долф, тебе не удалось избежать соблазна проповеди добра с помощью огня и меча.

— Что? О чем ты?

Сенатор отвернулся от Киллера, глянул в упор на Стюарда.

— Мне не нравится, что здесь происходит, сэр. Тот, кто не чувствует боли, редко верит в то, что она существует, как говорил Сэм Джонсон, а мы не только усыпили биурса, мы его ранили! Зачем? Я отказываюсь участвовать в дальнейшей игре, и если вы, господин Стюард, не доложите мое мнение президенту, я сделаю это сам.

Помощник президента глянул на экран монитора, на котором застыла картина освещенного прожекторами ущелья с лежащим на дне двутелым чудовищем, кивнул. Во взгляде его мелькнуло удовлетворение, но когда он повернулся к Джайлсу, глаза его уже были ласково-масленными.

— Я вас понимаю, сенатор. Не волнуйтесь, президент получит полную информацию о том, что делается на полигоне. Не исключено, что он сам появится здесь в ближайшее время.

Киллер захохотал:

— Вот и решение вопроса. Не лезь в бутылку, Крис, давай выпьем за удачу. Мой план был гениален и выполнен профессионально.

Джайлс раздавил в руке стакан, порезался, тупо посмотрел на руку и вышел. Оставшиеся в кабине бронетранспортера переглянулись.

Алиссон пришел в себя от боли в голове. Особенно болели глаза и уши, и он даже попытался пощупать их руками, но наткнулся на гладкую поверхность шлема. Глаза удалось открыть с третьей попытки: казалось, они засыпаны песком. Но и открыв глаза, палеонтолог не сразу понял, где находится: свет был слишком ярок и подвижен, из-за чего пейзаж перед глазами казался зыбким, как отражение в воде. Впрочем, он и потом казался зыбким, обманчивым, текучим и одновременно твердым. Живой металл — пришло на ум сравнение. Сила тяжести в этом мире была чуть меньше земной, порождая удивительное чувство легкости, и благодаря этому чувству остальные негативные ощущения переживались легче.

Они все еще находились на спине Тихони, лежали в одной из выемок седла, накрытого прежним прозрачным пузырем. Кто их посадил туда, осталось за кадром. Но не сам Тихоня, конечно.

Норман принюхался — дышать было трудно, кислорода под колпаком оставалось все меньше — и, сняв шлем, все-таки потрогал уши. К его удивлению, они не выросли в размерах и не были поранены, хотя болели так, будто их смяли в блин. Снова надев шлем, он начал осматриваться.

Тихоня брел по сказочной, сверкающей полированным золотом, серебром и другими металлами почве долины, заросшей таким же сказочным металлическим лесом. Хотя форма «деревьев» вовсе не на-

поминала земные аналоги — кристаллы всех модификаций, плавно переходящих друг в друга, — все же это был настоящий лес. Живой лес! Потому что «деревья» шевелились, перетекая из формы в форму, меняли цвет и плотность и дышали, оставаясь в то же время ощутимо твердыми, металлическими, чешуйчатыми, как шкура суперзавра. И Алиссон внезапно понял, что Тихоня на этот раз в самом деле привез их в свой родной мир, где жили его сородичи.

Но и этот мир не был гостеприимным для людей. Здесь также царила страшная жара, а пленка защитного пузыря, не пропускающая макротела и воздух, почти свободно пропускала излучения, в том числе и тепловое.

— Ну, ты и здоров, док! — раздался сзади голос Кемпера. — Умудряешься все время подняться раньше меня. Черт! До чего же душно! И уши болят... Где мы?

Алиссон, дыша как рыба на суше, только повел плечом. Летчик подошел к нему, оглядел плывущий мимо ландшафт, хмыкнул и полез за флягой. Но та была пуста: виски кончилось еще на бесконечной равнине «конюшни».

Небо над головой было цвета меди, такое же твердое, как и все вокруг, но если задержать на нем взгляд — начинало казаться, что оно покрыто тонкой серебристой паутиной трещин и вот-вот осыплется, как слой пепла, стоит стукнуть по нему палкой.

Тихоня повернул и полез напрямик через лес, сворачивая деревья, которые спустя минуту после прохождения суперзавра полностью восстанавливали свою форму и продолжали «течь стоя» как ни в чем не бывало. Еще через несколько минут этой плавной рыси (километров семьдесят в час, прикинул Кемпер) они выбрались на край ровного, будто проделанного ножом, обрыва. Лес под обрывом высотой

в полкилометра не заканчивался, но этот лес был уже почти пламенем — золотистым, жидким расплавом, более текучим, чем вверху на равнине, и все же не терявшим форму. И температура в этом лесу держалась никак не меньше двух-трех тысяч градусов! А между исполинскими деревьями самых немыслимых очертаний, высота которых достигала трех-четырёх сотен метров, бродили суперзавры, молодые и старые, то сходясь в группы, то расходясь в немыслимом танце. Тихоня как замороженный усталился на эту картину, а люди вынуждены были отступить ближе к хвосту дракона, прячась от излучения за гнутой стенкой седла.

— Если он туда прыгнет, — мрачно заметил Кемпер, обливаясь потом, — мы сваримся в собственном соку. Это его родина, и думать не надо, однако нам тут делать нечего. Ну и влипли мы с тобой!

— Он нас не слышит... — прохрипел палеонтолог.

— Кто? Господь, что ли?

— Тихоня. Я пытаюсь мысленно заговорить с ним, но, наверное, надо подойти ближе к антенне-«воротнику».

— Не сходи с ума! Изжаришься!

— Так или иначе, надо что-то делать, долго в этом пекле мы не продержимся. — Алиссон отвел руку летчика и решительно двинулся к шее суперзавра, пока не уперся в податливо-упругую пленку защитного колпака. Тогда он раскинул руки, кожей всего тела чувствуя пульсацию огня, закрыл глаза и сосредоточился на одном видении: он стоит на берегу земного моря по колена в воде, смотрит в голубое небо с облаками и ощущает ласковый прохладный ветерок на лице...

Сомлел он незаметно, и Кемпер тут же оттащил его в «тень» седла, где было не так жарко. Летчик sprysнул его лицо водой из второй фляги НЗ и вдруг завопил что было силы:

— Вези нас домой, слышишь, урод?! А то морду набью!

Если бы Алиссон услышал своего друга, он бы рассмеялся. Но в сознание он пришел уже на земле...

Киллер только что выпроводил делегацию ученых во главе с Хойлом и был мрачен и зол. Ученые объявили ультиматум: или они наравне с армейскими специалистами участвуют в исследовательских работах и контакте с биурсом, или о том, что творится на полигоне, узнают журналисты и эксперты ООН. Имей он козыри на руках, адмирал только посмеялся бы в ответ на подобные угрозы, однако ситуация с биурсом зашла в тупик: разрешить проблему не смогли ни армейские чины, ни политики, ни военспецы.

Биурс не понимал, что от него хотят, а может быть, не хотел понимать, ибо разговаривали с ним на уровне требований, с позиций силы, ультимативно, подкрепляя свои намерения оглушающими ударами нервно-паралитического газа, как только двутелый пленник начинал вести себя «не так».

У гражданских специалистов даже была разработана версия по этому поводу, сводившаяся к тому, что сознание биурса плывет от непрерывных газовых инъекций, именно поэтому он никак не может сообразить, где находится и что от него хотят. Киллер сначала презрительно обозвал гипотезу «поисками дураков среди руководства», но потом призадумался: идея могла оказаться близкой к истине. Но он помнил и другое: очнувшийся после транспортировки биурс полез на стену, перегородившую ущелье, а когда испугавшийся командир ракетной установки, охранявшей стену со стороны западной части плато, выпустил в него четыре НУРС, ответил жутким ударом неведомой энергии, превратившей часть стены, скалы на краю и каменистую осыпь в пузырчатый

прозрачно-стеклистый монолит, напоминавший гигантский кочан капусты с дырой в центре, на месте кочерыжки. К счастью, разряд миновал ракетную установку с операторами, хотя стоявший рядом тягач превратился в одну из чешуй-листьев «кочана». Наверное, биурс все еще не восстановил зрение после того, как в глаза его попали осколки ракет второго залпа, и видел плохо. После этого инцидента ракетную технику отвели подальше и спрятали за скалами, надеясь, что инопланетная тварь не сможет самостоятельно вылезти из западни.

— Тупик, — вздохнул Киллер, не заметив, что заговорил вслух.

— Вряд ли вы их удержите, адмирал, — отозвался Мэтью Стюард, имея в виду ученых. — Следует, наверное, признать их требования справедливыми.

— Черта с два! — Киллер хотел добавить еще что-то резкое, но внезапно сник. — Я зря понадеялся на этих олухов из лабораторий и В-центров. Они могут только испытывать свои арсеналы и разрабатывать средства уничтожения себе подобных. На контакт с инопланетянами у них мозгов не хватает.

— Именно поэтому и привлечите кое-кого из лагеря исследователей, того же Хойла, Тиммери, Барбера, Романецкого, Леко. У них наверняка найдутся нетривиальные идеи. Если вы этого не сделаете...

Киллер внимательно посмотрел на помощника президента:

— То это сделаете вы, не так ли? Недаром о вас ходит слава, что вы всегда вовремя... умываете руки. Впрочем, в моих устах это похвала, мистер Стюард. Я подумаю.

— Сэр! — крикнул вдруг оператор с наушниками из-за прозрачной перегородки. — Наблюдатели сообщают, что в двадцати милях отсюда появился еще один суперзавр. С двумя людьми в седле. Похоже, это Равана...

Алиссона и Кемпера уложили в стерильном боксе передвижного армейского госпиталя.

Им повезло, что «скакуном» их был Тихоня-Равана со смирным и терпеливым характером, а не вспыльчивый Индра-Стрелок. Защитный пузырь над седлом исчез сразу же после «посадки» дракона на Земле, но люди были не в состоянии самостоятельно слезть с панспермита — они лежали в беспомощности. Снять Алиссона и Кемпера удалось через час, со второй попытки: дракон словно понимал, что нужно винтокрылым машинам с красным крестом на фюзеляже, и остановился, внимательно наблюдая за действиями вертолетчиков.

Первый вертолет, зависший было над седлом, шарахнулся в сторону от движения дракона, повернувшего к нему голову, зацепил винтом ажурный «воротник» на его шее и едва не разбился, с трудом дотянув до базы. Второму удалось забрать лежащих без движения путешественников и благополучно сесть возле госпиталя.

Палеонтолога и летчика раздели, обтерли влажными тампонами, привели в чувство и вкололи кучу укрепляющих и тонизирующих препаратов. После чего путешественники поели, выпили по литру специального коктейля и уснули, измученные и счастливые, послав к черту сгорающих от любопытства представителей командования. Разговаривать они были не в силах.

Проснулись через двенадцать часов, снова поели, отметив «воскрешение» стуком стаканов с коктейлем; оба с внутренней дрожью вспомнили пекло на родине суперзавров. После этого настал черед переговоров. Когда они закончились, обе стороны — Киллер и его компания и Алиссон с Кемпером — были одинаково потрясены новостями. Однако, в отличие от Киллера, бывшие «кавалеристы» испы-

тали и отрицательные эмоции, узнав о судьбе биурса-ксенурса (поразмыслив, Алиссон справедливо отметил, что название «биурс» подходит двутелому чудищу больше, нежели «ксенурс»), и решил впредь называть его, как все в лагере).

— Ну и положение! — присвистнул Кемпер, когда они наконец остались в боксе одни.

Алиссон, наслаждавшийся прохладой и чистотой постели, был поражен случившимся не меньше друга и в ответ лишь покачал головой. Тупость военных действовала на него угнетающе.

Через несколько минут в бокс заявили друзья и коллеги путешественников: Хойл, Тиммери, Кеннет, Романецкий, летчики и исследователи, всего душ пятнадцать. Протесты армейского врача и охранника они проигнорировали. Пришлось повторять историю путешествия и гостям, на что ушло в два раза больше времени, чем на тот же рассказ компании Киллера: во-первых, рассказчики не чувствовали скованности, во-вторых, Кемпер начал вспоминать подробности и не без юмора комментировать рассказ Алиссона.

Гости слушали жадно, а когда рассказ закончился, сидели некоторое время молча, переваривая услышанное. Первым заговорил Хойл, глаза маленького физика горели.

— Доктор Алиссон...

— Можно просто Норман, — великодушно разрешил палеонтолог.

— Э-э... Норман. Вы, по-моему, величайший из авантюристов, каких я только знаю! Не обижайтесь, это похвала. Лично я не решился бы на такое путешествие. Вы не смогли сориентироваться, куда вас заносило? Была ли это Солнечная система или вы побывали на планетах других звезд?

— Мне трудно говорить на эту тему, я не специалист, — осторожно проговорил Алиссон, — но мне

кажется, ни один из миров, куда переносил нас панспермит, не является планетой Солнечной системы. В большей степени — из-за температуры воздуха, в меньшей — из-за несоответствия дневных светил Солнцу. Так, третий и четвертый переносы вообще были осуществлены явно в иные системы — небо там украшали близкое шаровое звездное скопление и кольцо плериона¹. У меня сложилось впечатление, что дракон шел привычным маршрутом по цепочке миров.

— Как трамвай, — серьезно вставил Кемпер.

— И каждый мир вполне мог быть его родиной. А может быть, все они представляют «технологическую» цепочку родного дома.

Тиммери неодобрительно покачал головой:

— И после всех этих передрыг вы еще способны шутить? А если бы вы погибли или не вернулись, что, по сути, одно и то же?

— Ну не плакать же! Все закончилось нормально.

— Шаровые скопления — наиболее старые образования в Галактике, — пробормотал Хойл. — Я хочу сказать, что цивилизация этих биурсов... или всех трех симбионтов — возможно, старше нашей. Значит, биурс — наездник, панспермит — всадник, а «кобробогомол» — скакун? Три составляющих одной разумной личности?

— По-видимому, так, — согласился Алиссон. — Биурс может играть роль «головы», управляющего центра. Одно его тело управляет драконом, а второе — «кобробогомол».

— Bravo! Мысль отменная! Жаль только, что недоказуемая.

— Почему? Косвенно это уже доказано.

Хойл вздернул брови:

— Чем же?

¹ П л е р и о н — остаток сверхновой звезды.

— Биурс не идет на контакт не потому, что не хочет, а потому, что не может, не являясь полноценным организмом без своих составляющих.

Физик задумался.

— Это спорно. Ведь понимал же вас панспермит — всадник, так сказать, не обладавший высоким интеллектом.

— Знать бы точно, кто из них умнее, — философски заметил Кеннет. — А вообще спор на эту тему бесполезен.

— А почему вы решили, что путешествие происходило по нашей Галактике, Стив? — осведомился Тиммери, такой же седогривый и длиннолицый, как адмирал Киллер, но не столь спесивый и надменный. — Наши парни могли побывать и в других галактиках, и вообще в других вселенных. Во всяком случае, эти монстры настолько далеки по своим параметрам от нас...

— В данном случае это не столь важно, хотя, конечно, по внешнему виду действительно трудно поверить в наличие у драконов разума.

— Добавьте — подобного человеческому. Доктор Алиссон, ведь вы не заметили промышленной инфраструктуры ни на одной из планет?

— Кроме, пожалуй, мира двух плоскостей, — подумав, ответил Норман. — Если только гигантские ячейки-стойла можно назвать «промышленной инфраструктурой».

— Едва ли. И тем не менее отсутствие технологического пейзажа не говорит об отсутствии у обитателей миров разума. У вас чисто антропоцентристский подход к проблеме.

Хойл хотел возразить, но его перебил Кеннет:

— Ах, господа, не затевайте схоластических споров, есть вопросы поважней и поинтересней.

Физик не обиделся, тут же переключив тему разговора:

— Меня интересуют ваши ощущения, док... э-э... Норман, во время «подпространственных» переходов. То обстоятельство, что драконы владеют секретом преобразования топологических свойств пространства, не нуждается в комментариях, наша физика уже подошла к теоретическим разработкам многосвязных пространств: «суперструнных» узлов и топологических дыр, но я не понимаю, почему вы уцелели!

— То есть? — удивился Кемпер.

— Вы могли путешествовать по космосу со скоростью света только в виде волновых пакетов, а человеческое тело вряд ли способно вынести преобразования подобного типа.

— Факты — упрямая вещь, дружище, — пророкотал Тиммери. — Я понимаю, вы хотите минимальных объяснений их полетам, но никто не в состоянии вам их дать. В том числе и доктор Алиссон. Например, я, как биолог и криптозоолог, всю жизнь ищу объяснения цепочки причинных связей, приведших к зарождению жизни на Земле, но так и не нашел.

— Господа, господа, — запротестовал Кеннет, — мы снова отклоняемся от темы. Норман, мы как-то с тобой говорили об эволюции драконов, помнишь? Поскольку цель эволюции — ослабление зависимости от среды...

Алиссон остановил его жестом:

— Я имел в виду программное обеспечение разума в приложении к панспермитам. Но это же... — палеонтолог пошевелил пальцами, — только мои фантазии.

— О чем речь? — осведомился Тиммери.

Алиссон пожал плечами, нерешительно глянув на поскучневшего Кемпера.

— Мы говорили об эволюции таких существ, как суперзавры. На Земле генетический код утвердился в результате жесточайшей конкуренции и естест-

венного отбора. Живые существа, наделенные другими способами кодирования наследственной информации, не выдержали конкуренции и вымерли. Но панспермиты — пример совершенно иного способа кодирования...

— На уровне лептонного поля, — добавил Кеннет. — И совершенно неадекватная в человеческом понятии реакция биурса на наши действия, его неспособность злиться и мстить только подтверждают это.

— Господи, как скучен разговор «яйцеголовых»! — вздохнул Кемпер.

— Ну, не говорите, — живо возразил Хойл. — В наших разговорах и спорах жизнь танцует и смеется. Хотя, может быть, в данном случае им не место и не время. Мы еще поговорим... э-э... Норман, на эту тему. Я заинтригован и поражен.

— Я тоже, — добавил Тиммери.

Разговор разбился на несколько струй — у Алиссона образовалась своя группа слушателей и оппонентов, у Кемпера своя — и в конце концов иссяк. Хозяева устали.

Когда все ушли, Кемпер с удовольствием выдул две банки кока-колы и с облегчением откинулся на подушки.

— Уфф! Горло пересохло! Еще раз убеждаюсь в одной истине, которую я вывел самостоятельно: если женщина была второй ошибкой Бога, то ученый — третьей.

Алиссон засмеялся, откупоривая банку: горло пересохло и у него, и в этот момент в бокс вернулся Хойл, ведя за собой какого-то человека. Алиссон с удивлением узнал в нем Мориса Леко, французского полковника. Хойл плотно закрыл за ним дверь и посмотрел на хозяев, уставившихся на гостей.

— Выслушайте его, Норман. Это ученый из...

— Мы знакомы, — усмехнулся Леко. — Извините, коллеги, но я слышал весь разговор, хотя и не

присутствовал вместе со всеми. К сожалению, мне приходится применять методы нелегального положения. Надеюсь, вы меня простите за это. Во всяком случае, доктор Хойл меня понял. Дело в том, что наш скат-мутант на Муруроа здорово смахивает на ту зверюгу — «кобробогомола», которая возила суперзавра и биурса. И еще один момент: имею сведения, что в России, точнее, на Украине, возле Чернобыльской АЭС, найден двутелый великан, которого русские...

— Украинцы, — флегматично уточнил Хойл.

— Ну все равно славяне. Короче, украинцы считают его мутантом, помесью медведя и ящерицы. И он очень сильно похож на биурса, которого держат в плену ваши генералы.

В комнате наступила тишина. Но невольные космические путешественники были обескуражены в меньшей степени, нежели ожидал Хойл. Все же они были достаточно подготовлены всем тем, чему стали свидетелями за месяцы знакомства с панспермитами.

— Ну и что вы хотите сказать? — осведомился Алиссон наконец.

— У вас не возникло желания помочь пленному? Вернее, всем пленникам?

— К-кому? — не понял палеонтолог.

— Биурсу, — спокойно произнес француз. — Суперзаврам. Русскому двутелу, нашему скату...

— Вы с ума сошли! — крикнул Кемпер. — Док, неужели вы заодно с этим французским самоубийцей?

— Я не сторонник квиетизма¹, — хладнокровно ответил Хойл, — и не люблю быть просто созерцателем творящейся на моих глазах гнусности.

¹ К в и е т и з м — пассивно-созерцательное отношение к добру и злу как проявлениям воли Бога.

Кемпер и Алиссон переглянулись.

— Знаешь, Норм, это мне, пожалуй, подходит, — признался наконец летчик после минутного молчания. — Как, господин Алиссон? Попытаемся?

Норман подставил ладонь, Кемпер хлопнул по ней рукой, а Хойл и Леко повторили жест, произнося в душе известное заклинание Дюма-отца: один за всех, все за одного!

Начальник погранслужбы Кокона Вселенной галарх Сомадева был весьма удивлен, когда к нему в личный четырехмерный объем заявился тетрарх Ивандамари и меланхолично заявил об исчезновении в области Хаадада третьего элемента своей тетрады, а именно — наездника.

Сомадева одарил гостя не менее меланхоличным взглядом всех трех многомерных глаз.

— Что делал ваш наездник в Хаададе, тетрарх? Вы ведь патрулируете Ханаан. Хаадад — запретная зона.

— Я получил странный сигнал из Хаадада и послал наездника проверить информацию. На одной из планет скопления ХХ-96, которую жители называют Землей, наездник обнаружил наследников монады Адамевы, адаптировавшихся к местным условиям.

— Вы говорите, жители планеты? То есть разумные существа? Но рождение цивилизации в Хаададе не было закодировано в геноме сингулярности.

— Мне удалось выяснить, что появление разумного кластера в Хаададе, вида хомо сапиенс, — результат распада личности Корректировщика Адамевы. Однако цивилизация людей пока не вышла из стадии социальных конфликтов. Наследники монады Адамевы находятся в условиях постоянного давления, что, наверное, является следствием вторжения ударной волны чужого Закона в этом районе. Кстати, мой наездник захвачен людьми. Что посоветуете делать?

Сомадева сконцентрировался в трехмерности, представ перед Ивандамари в виде трех существ одновременно; как галеарх, он имел возможность расщепляться на множество личностей, недоступную патрульным системам класса тетрады Ивандамари.

— Что вы предлагаете делать сами? — спросил Сомадева-первый, он.

— Инициатива исходила от вас, — сказал Сомадева-второй, она.

— И вы знаете закон: инициатива всегда наказуема, — добавил Сомадева-третий, соединяющий в себе оба пола.

— Проще всего было бы освободить наездника, послав к нему носителя. Но у меня есть сомнения насчет этой простоты. Тот, кто вторгся в Хаадад, изменив законы бытия этого района Кокона, мог оставить в Хаададе хитро встроенный в Закон механизм порога срабатывания усиления Закона. Если я вмешаюсь, произойдет переворот Закона.

— Правильно мыслите, патрульный, — одобрительно проговорил Сомадева-первый. — И все же: ваши действия?

— Никаких действий. Надо ждать. Судя по наблюдениям, среди людей нет единства, у наездника и у наследников тетрады Адамевы появились друзья. Есть шанс рождения новой полноценной тетрады.

Сомадева-второй (она) скептически поджал губы:

— Тетрада без саварджа¹ невозможна.

— Роль саварджа могут сыграть сами люди, они, по сути, — потомки личности самого Адамевы.

— Хорошо, — после некоторого раздумья кивнули все три Сомадевы. — Что вам нужно для столь сложного действия, выражаемого словом «ждать»?

¹ С а в а р д ж — наше управление (*санскрит*); в данном случае — командир, управляющий.

— Средства наблюдения класса «виртуальный глаз».

— Получите. Но не забывайте, что ваша задача — патрулирование области Ханаана. Мы не гарантированы от второй волны вторжения в наш Кокон. Воюющий с нами Чужой Кокон не остановится на достигнутом.

— Монсеньор, для патрулирования границ необходимо усложнение патрульных систем до пентад. Тетрада не может гарантировать стопроцентное подавление чужого Закона.

— Вместе с ростом сложности систем растет цена их ошибки, — сказал Сомадева-второй (она). — Предел для патрульных систем — тетрада, да и она, к сожалению, не является оптимально сбалансированным организмом. Примером может служить судьба монады Адамевы. У вас все?

— Так точно, монсеньор.

— Идите.

Ивандамари, в трехмерном континууме представлявший собой двух существ, в которых нетрудно было узнать людей, мужчину и женщину, втянул оба тела в четырехмерный Кокон и тихо исчез в вакууме, став потоком информации.

Сомадева также перешел в четырехмерный континуум и вежливо «постучал» в мембрану многомерного личного Кокона экзарха саварджа, чтобы доложить ему о возникших осложнениях в системе защиты границ Вселенной. В исполнительности и уме патрульного Ивандамари он не сомневался, но в рождение полноценной тетрады в Хаададе не верил. Расщепление личности тетрарха Адамевы в условиях атаки чужого Закона не гарантировало рождение концептуально нравственной ветви разумных существ, по сути — его информационных потомков. К людям следовало присмотреться. Вполне могло случиться, что они сами стали носителями

вируса чужого Закона и могли сыграть роль инфекции. И тогда пришлось бы закрыть Хаадад в более жестком режиме — на противовирусный карантин.

Драма 6

МОНАДА

Так как официальное командование экспедиции, полностью перешедшее в подчинение адмирала Киллера, отказалось освободить биурса, Хойл решил действовать на свой страх и риск. Он понимал, что шансов у него и у его друзей мало, но и пассивно наблюдать за ходом «контакта» не хотел. Пример действий Алиссона заразил физика и позволил сбросить груз немалого количества лет, почувствовать себя молодым, энергичным и сильным.

Обсудив идею освобождения с французом Леко, а также с палеонтологом и летчиком, сумевшими вернуться буквально с того света, Хойл организовал своих сторонников в небольшую «группу риска», набрав ни много ни мало двенадцать человек. В нее вошли не только молодые ученые, ученики и последователи физика, но и друзья Кемпера и Алиссона, француз и даже двое офицеров — связи и охраны, которых порекомендовал Кеннет.

Из анализа ситуации было известно, что ночью биурс не делал попыток выбраться из ущелья, поэтому в данное время суток его и не бомбардировали газовыми снарядами, хотя и вели наблюдение. Исходя из этого, одним из самых сложных дел в плане операции, разработанной Хойлом, Алиссоном и Леко, было лишить военных обзора. За биурсом вели наблюдение восемь телекамер и два радарных поста, не считая вертолетчиков с биноклями и спутников, и все эти средства, кроме спутников, надо было обезвредить.

С летчиками договориться предложил Кемпер, он знал их почти всех и брался подобрать парней в нужную смену.

Идея обмануть телекамеры принадлежала офицеру связи. Так как управление камерами осуществлялось из одного центра — с монитора в штабе Киллера, оператор предложил записать поведение биурса ночью, а в момент операции отключить телекамеры и пустить запись на экраны.

Сложнее дело обстояло с радарными постами. Один из них можно было попытаться вывести из строя, но поломка обоих сразу вызвала бы подозрения или замену установок. Поэтому решили в нужную ночь просто связать операторов поста, если они не согласятся участвовать в освобождении добровольно. Эту часть операции вызвались реализовать Морис Лeko и капитан охраны Фосс.

Но самой трудновыполнимой деталью операции оставалось собственно освобождение биурса. В этой части плана мнения разделились. Хойл советовал просто взорвать перегородку из скальных обломков, ближайшую к плато, надеясь, что дальше биурс выберется сам. Алиссон же предлагал привести к ущелью суперзавра и лишь потом взрывать перегородку.

Физик умел думать быстро и принял предложение Нормана, хотя и с некоторыми уточнениями. Идея была отличная, он хорошо понимал это.

— Коль скоро удастся привести панспермита, — сказал он, — перегородку взрывать, может быть, и не придется. Но успеет ли панспермит достичь ущелья раньше, чем фанатичный Киллер накроет биурса газовым облаком? Если двутел уснет, поход дракона окажется бесполезным.

— В таком случае надо сделать так, чтобы команда на атаку ракетным комплексам не прошла, — меланхолически заметил Кемпер. — Дружище, — об-

ратился он к лейтенанту связи, — управление у вас проходит по кабелю или нет?

— Конечно нет, по рациям.

— Вот и сделайте что-нибудь, чтобы Киллера никто не услышал.

— Попробую, — кивнул связист.

— Прекрасно! — Хойл нервно потер ладонь о ладонь, повернулся к Алиссону: — Итак, мой друг, вам снова достается самое интересное задание — оседлать дракона. Если больше не хотите рисковать, пойду я.

Алиссон с улыбкой качнул головой:

— Тихоня слушается только меня.

— Что ж, тогда *sum deo!*¹

Палеонтолог отправился к суперзаврам, все еще ничего не подозревающим, вспахавшим местность вокруг шатра с яйцами по радиусу в два километра, в десять часов вечера. Его сопровождал Кеннет, да и то лишь на самом начальном этапе пути. Идти вместе к цели не имело смысла.

Попрощались в трех километрах от лагеря, после чего Кеннет залез на скалу, чтобы понаблюдать за Алиссоном в бинокль и, в случае чего, успеть вызвать подмогу, а Норман отправился дальше. Ему предстояло пройти еще около восьми километров пересеченной местности. Маршрут был выбран так, чтобы его нельзя было увидеть из лагеря ни визуальным наблюдателям, ни операторам радаров.

Дважды приходилось прятаться от вертолетов, хотя вряд ли летчики могли увидеть его в хаосе скал в кромешной тьме. Он и сам почти ничего не видел, несмотря на инфракрасную оптику шлема, и ориентировался лишь по звездам, зная направление. Ночь наступи-

¹ С Богом! (*лат.*)

ла на удивление звездная и холодная, и отопление костюма работало во всю мощь, пока Алиссон не разогрелся от ходьбы и не уменьшил обогрев.

К двенадцати часам он уже вплотную подошел к лагерю суперзавров, обозначенных в приборе ночного видения оранжево-стеклянными тушами; температура их тел чуть ли не на полсотни градусов превышала температуру скал и воздуха. Тихоня лежал прижавшись брюхом к песчаному бархану и вытянув вперед по камням длинную шею. Второй панспермит, «скакун» биурса, бродил в километре отсюда, поглядывая на шатер с яйцами. Изредка он вздрагивал и топорщил кристалло-чешуйчатую кожу, поднимая тонкий хрустально-металлический перезвон.

Тихоня-Равана почувал, а может, и заметил человека, когда тот приблизился на расстояние в сто метров. Вздернув голову, пристально взгляделся в фигуру в герметичном костюме, использовав и два боковых глаза-радара, затем спокойно опустил голову на место. По коже спины его конвульсивно пробежала волна, подняв звон. В ответ донесся тихий перезвон второго суперзавра.

— Узнал, — пробормотал Алиссон с облегчением и странной нежностью. — Узнал, бродяга!

Подойдя вплотную к морде Тихони, он легонько похлопал его по правой скуле, потрогал рог и четко и ясно представил, что лезет к нему на спину. Спустя мгновение пришел ответ. Алиссона словно окунули в расплав металла, тут же выдернули, и он увидел слегка искаженную картину всадника и коня: всадником был он — размером с биурса, а конем — суперзавр.

Алиссон снова похлопал Тихоню по морде, возвышающейся над ним как гранено-пупырчатый утес, и включил липучки. Через две минуты он залез на голову супердракона, а еще через минуту слезал с шеи на поверхность седла. Предстояло самое труд-

ное: заставить панспермита идти в нужном направлении и не улететь с ним при этом в космос.

Пискнул наушник рации:

— Норман, как дела?

— Нормально, собираюсь с духом. Очень не хочется путешествовать по дальним мирам одному.

— Видели, как он вас принял. Надеюсь, все будет хорошо. Мы начинаем свою часть операции. В лагере пока все тихо.

— Подождите, пока я не заставлю его идти. Надо, чтобы он понял и не поднял панику. Перехватчикам, чтобы взлететь и домчаться досюда, понадобится всего семь-восемь минут.

— Удачи вам!

Алиссон посидел еще немного, успокаиваясь, собирая волю в кулак, и заставил себя не отвлекаться.

Связист сделал все, что обещал, поэтому операторы войскового телемонитора ничего не заподозрили: два экрана исправно показывали неподвижно сидящего в ущелье биурса и смиренно лежащих в другом районе суперзавров. Видео пленка была закольцована, и картина повторялась каждые три часа, но едва ли кто-нибудь из операторов смог бы это обнаружить.

Ни один из радаров вывести из строя не удалось, зато удалось напоить дежурных локаторщиков одной из установок, и к полуночи оба техника уже спали. Со вторым постом этот трюк не прошел, пришлось применить ум и силу, чтобы и последний дежурный радар не видел маневра суперзавров и людей.

Охранялся пост отделением десантников в черной форме: шесть человек по периметру, в сотне метров от машин с оборудованием, антенной и генератором, и двое возле антенны — капрал и ефрейтор. Группа небольших скал и камней удачно скрывала машину

с экранами от большинства охранников, и шанс без шума обезвредить двоих у антенны увеличивался. Но, на беду, командовал отделением тот самый капрал Бенджамин Фримен, которого месяц назад Кемпер двинул по челюсти его же автоматом, а такое забывается не скоро.

Вместе с капитаном по фамилии Фосс, командиром охраны лагеря, и французом Леко Кемпер, переодетый в черный костюм десантника, добрался до радарного поста на вертолете.

Территория поста была освещена прожекторами, от машин протянулись, сливаясь с ночной темнотой, длинные тени. Татаканье движка генератора разносилось в ночи далеко и скрадывало шаги.

Возле машины с антенной их остановили.

— Момент!

Из тени выдвинулись две фигуры, одна высокая, другая пониже, но широкая, как шкаф. Кемпер взгляделся и обомлел: это был капрал Фримен, жаждущий поквитаться с летчиком в иных обстоятельствах.

— Допуск?

— «АА», — сказал Фосс, доставая бэдж из кармашка на груди.

Капрал внимательно осмотрел квадратик пластика с фотографией в пленке, вернул, козырнув, кивнул на Кемпера и Леко:

— А у них?

— Они со мной.

Охранник, помедлив, перекинул автомат из-под мышки за плечо, глянул на летчика, и вдруг глаза его сузились.

— Гм... а мы не встречались где-нибудь? Помоему, я тебя... — Капрал вспомнил. — Ага, вот и встретились, сукин сын! Летчик, кажется? А в нашей форме. Снова хочется поиграть в свои игры? Не получится, приятель, это говорю тебе я, Бенд-

жамин Фримен. Капитан, вы-то как оказались в его компании? Руки за голову!

Капрал сунул в рот свисток, и в то же мгновение Кемпер точно и сильно ударил его в подбородок. Фримен едва не проглотил свисток, подавился, схватившись за горло, и Кемпер ударил еще раз. Упал капрал с таким грохотом, что казалось, эхо разбудит весь полигон. Но все было тихо, если не считать равномерного рокота генератора. Внешняя охрана паялилась в темноту, а не на освещенные будки поста.

Кемпер спохватился, вспомнив о втором охраннике, и обнаружил его лежащим в двух шагах. Глянул на Леко.

— Хорошо дерешься, — буркнул француз, пряча газовый пистолет. — Берись, перетащим в тень. Откуда он тебя знает?

— Он слишком много говорит, — вместо ответа сказал Кемпер, рассматривая сбитые в кровь костяшки пальцев. — И по-моему, у него бетонная челюсть. Добавьте ему порцию газа.

Ежесекундно ожидая окрика, они перетащили тела в тень и вошли в кабину управления.

Три оператора в немом изумлении воззрились на них.

— Проверка режима, — лязгнул Фосс, показывая издали свой допуск «АА» с золотым обрезом. — С каким интервалом вы со штабом выходите на связь?

— Два часа, — дернулся ефрейтор с наушниками на голове.

— Когда следующий доклад?

— Через десять минут.

— Докладывайте.

— Но...

— У меня еще много дел, в том числе технический контроль. Связь, быстро! Все нормально?

Ефрейтор молча повиновался.

— Вот и хорошо, ребята, — сухо улыбнулся капитан, когда короткий, в пять слов, доклад был передан оператору штаба Киллера. — А теперь поспите пару часов.

Дежурные не успели ни испугаться, ни сообразить, в чем дело, — Леко стрелял из газового пистолета быстро и точно.

К вертолету добрались без помех и через десять минут были в лагере. Кемпер с благодарностью пожал руку Фосса и француза, после чего капитан отбыл в свое подразделение, а Леко присоединился к «группе риска».

С летчиками договориться было легче. С двенадцати и до двух ночи в барражировании над районом Коннорс-Рив участвовал экипаж майора Берринджера, который только с виду был солдафоном, недалеким и косноязычным, на самом же деле майор славился отзывчивостью и юмором и подчиненных уважал. Кемпера он понял сразу.

— Не надо меня долго агитировать, сынок, — заявил он, залезая в кабину своего двухвинтового «Кейюса». — У меня сын — специалист по изучению УФО, и я кое-что смыслю в пришельцах, винт им в глотку! Мне давно хотелось насолить этому выскочке Киллеру, вот и представился случай. Помоги тебе Господь, сынок!

Без четверти двенадцать Кемпер в сопровождении Хойла и Кеннета, одетых в «силзы», как и он сам, двинулся на вездеходе охраны к ущелью Коннорс-Рив. Они уже знали, что Алиссон добрался до суперзавра благополучно и ухитрился-таки заставить Тихоню идти в нужном направлении.

Ему удалось это с третьей попытки.

Сначала Алиссон решил просто представить плато с горным кряжем Коннорс-Пик и прорезающее горный массив ущелье Коннорс-Рив, помня, что в

прошлые разы суперзавр реагировал на такие внушения тем, что перемещался в нужное место. Однако Тихоня не понял: Алиссон вновь пережил ощущения жаркого удушья, падения в глубокую пропасть, «вытягивания» головы из шеи, — ощущения, сопутствующие мгновенному перемещению в пространстве, и... очнулся там же, в пустыне, ночью! Вероятно, Тихоня не нашел в своей памяти место, соответствующее представлениям Алиссона, и вернулся обратно, не выходя из подпространства в космос.

Норман осознал, что произошло, и испугался. До спазма в желудке! Он вдруг представил, что скользит с Тихоней по цепочке миров и возвращается двое суток спустя... Уфф! Полный провал!..

Алиссон включил охлаждение комбинезона, пока не высох пот на лбу и под мышками. Подумал: не переоценил ли он свои силы? Что теперь? О чем думать? Что представлять?..

Посидев пару минут, он снова собрался с духом и попытался представить биурса, лежащего неподвижно на дне ущелья. И снова Тихоня его не понял, хотя и не стал прыгать в космос. Суперзавр только повернул голову к человеку, и вид у него был потерянный и сомневающийся. Впрочем, Алиссону просто хотелось верить что это так. И тут его осенило.

Даже не проанализировав идею, он представил ноги суперзавра и заставил их двигаться. И Тихоня наконец сообразил, что от него требуется. Помедлив, он оторвал брюхо от скал, сделал шаг, оглянулся на всадника. Алиссон с чувством стукнул дракона по пластинам шеи и еще раз вызвал в памяти образ ползущего суперзавра. Тихоня с грохотом двинулся вперед.

Первое время он шел в сторону от Коннорс-Рив, но Алиссон дважды останавливал его, — делал это

он все смелей и смелей, — корректируя направление, и наконец они поползли точно к ущелью, озаемые только светом звезд.

Прожекторы лагеря включились только раз — наблюдатели услышали тяжелую поступь суперзавра, — но, пошарив по скалам, погасли. Управлял ими военный техник, входивший в «группу риска», и поднимать тревогу он, естественно, не стал.

Десять километров до ущелья дракон прошагал за десять минут, а у входа в каньон его уже ждали Кемпер, Леко, Хойл и Кеннет. Алиссон приказал Тихоне пересадить их в седло, обнялся с летчиком.

— Все в порядке?

— Стоило бы сомневаться. Знаешь, кого я встретил? — Кемпер засмеялся. — Того ублюдка, который не пускал нас к Джайлсу. Помнишь? Этот пес войны снова оказался на пути, хотел...

— Потом будете делиться впечатлениями, — перебил летчика Кеннет. — Самое трудное впереди. Двигаем к биурсу, пока нас не накрыли ракетным залпом.

Тихоня снова зашагал вперед с грацией шестиногого бегемота, увеличенного в пятьдесят раз.

Тревога в лагере началась, когда суперзавр с погонщиками преодолел плотину из обломков скал, перегородившую ущелье, и заглянул в каменный мешок, на дне которого сидел на корточках биурс.

Пружина ситуации сжалась до предела.

Джайлс вернулся из штаба в свою палатку злой и возбужденный. Разговор с помощником президента не получился, Кусок Мыла не перечил сенатору, но и не соглашался с его точкой зрения, снова пообещав поговорить с президентом. Вряд ли стоило звать к гуманизму и человечности этого чиновника, добившегося власти благодаря невероятно гибкому

уму и умению вовремя поддержать нужную кандидатуру.

— Скользящая тварь! — сквозь зубы произнес Джайлс, бросая куртку на походную постель, гаркнул: — Сэм!

В палатку вошел адъютант, он же личный охранник сенатора, Сэмюэль Старджон.

— Подъем в шесть утра, завтра убываем в Топону.

— К вам гость, сэр. Пригласить?

— Кому там не спится? Уже полдвенадцатого ночи!

— Говорит, у него важное сообщение. Назвался зоологом, доктором наук Зальцманом.

Джайлс плюхнулся в кресло, едва не сломав его.

— стакан глинтвейна, тосты... зови, черт с ним!

В палатку робко протиснулся громадный мужчина, не то чтобы толстый, но пухлый, с какой-то болезненной рыхлостью. Желеобразный, пришло на ум сравнение. Квадратное, с отвисшими щеками, такое же рыхлое, как и тело, бледное лицо окаймляли бакенбарды и редкая борода. Но глаза зоолога блестяли остро и хитро.

Опасный парень, подумал Джайлс.

— Слушаю, — сказал он, удовлетворившись осмотром, отхлебнул горячего напитка. Сесть посетителю не предложил.

— У меня есть сведения конфиденциального характера, — заговорил Зальцман неожиданно тонким голосом. — Но хотелось бы иметь гарантии...

— Короче. Все, что вы скажете, останется здесь.

— Я вам верю («Зато я тебе нет», — подумал сенатор). Дело в том, что в лагере заговор. Некоторые мои коллеги решили освободить этого двутелого монстра...

— Что?! — Джайлс поперхнулся, изумленно уставившись на зоолога. — Что за чушь вы несете?

— Это не чушь. Хойл, Романецкий, Кеннет... и другие, всех я не знаю, уже исчезли из лагеря, но мне точно известно, что они пошли к биурсу.

— Безумие! — Джайлс залпом допил глинтвейн, швырнул стакан в угол. — Ну а вы почему не с ними?

Рыхлый Зальцман дернул щекой, набычился.

— А-а, не взяли? — понял сенатор. — Понятно. Я бы тоже не взял. Вы уже сообщили кому-нибудь об этом?

— Нет, но если вы не примете срочные меры...

— Понятно. — Джайлс встал. — Приму.

Точным ударом кулака в подбородок он послал гостя на пол. Задумчиво сказал примчавшемуся на шум адъютанту:

— Ему стало плохо. Сделай укол успокоительно-го, пусть полежит здесь, поспит. Я в штаб.

Накинув куртку, Джайлс вышел в ночь. Но у Киллера, видимо, были свои информаторы, и он включил тревогу, когда задыхающийся от бега сенатор приближался к штабному БТР, придумав, как отвлечь адмирала, если он не спит. Втиснувшись в машину, сенатор стал свидетелем беспрецедентной ситуации: одна группа людей, рискуя жизнью, пыталась вызволить из западни чужое разумное существо, а вторая группа пыталась им помешать, готовая уничтожить и пришельца, и его добровольных помощников.

— Вы с ума сошли! — прохрипел Джайлс, услышав последние слова адмирала: Киллер советовался с командиром эскадрильи перехватчиков, чем лучше обстрелять ущелье Коннорс-Рив.

— У меня нет другого выхода, — оглянулся на него полный холодной ярости Киллер. — Эти ваши мягкотелые «яйцеголовые» друзья сами подписали себе приговор. И решаю здесь я!

— И вы посмеете... стрелять?! Там же люди! Четверо ученых...

По губам Киллера скользнула пренебрежительная улыбка.

— Сенатор, есть цели, оправдывающие любые средства. В данном случае это могущество страны. Сядьте и не мешайте. — Киллер отвернулся, беря в руки микрофон рации, но приказ отдать не успел.

Давно не дрался с таким удовольствием, подумал Джайлс, лет десять после того, как бросил спорт. Повернул Киллера к себе лицом и отправил адмирала в нокаут, как и доносчика Зальцмана перед этим. Помощник президента, генерал Рестелл, операторы у пультов и мониторов, офицеры связи и охраны, выпучив глаза, глядели на влипшее в стену кабины тело адмирала.

Сирена была слышна так, будто взывала в сотне метров отсюда, а не в двенадцати километрах, как на самом деле. Кеннет от неожиданности чуть не свалился вниз, и Кемпер едва успел удержать его на краю седла. Но и он подпрыгнул в испуге, когда Тихоня ответил сирене своим странным криком — воем-клекотом, от которого запросто могли лопнуть барабанные перепонки.

Биурс внизу, на глубине двухсот метров, зашевелился, неуверенно шаря вокруг себя обеими лапами. Правая голова его, на которой оранжево светился уцелевший горизонтальный глаз, посмотрела вверх, левая тоже запрокинула морду, но ее глаз не светился, скрытый какой-то стеклистой массой. Очень медленно биурс выпрямился. Шкура его — или броня скафандра? — тускло засветилась.

— О Господи! — пробормотал Хойл. — У него же глаз вытек!

— Очень похоже, но вряд ли соответствует истине, — попытался начать спор Кеннет, однако Алиссон цыкнул на них:

— Помолчите!.. Они разговаривают между собой... я чувствую. Пора сматываться.

— Пора взрывать стену, все готово.

— Не надо, для биурса это не проблема. Если только у него есть энергия. Поэтому нам надо быстрее убираться подальше.

— Но как? Мы же убьемся!

Словно в ответ Тихоня повернул к ним голову, приблизил страшную морду к седлу, так что Хойл и Кеннет отшатнулись. Алиссон же проворно полез на скулу суперзавра вслед за Кемпером, протянул руку французу, прошипел:

— Быстрее, мсье!

Физик и палеонтолог неуверенно переглянулись, но окрик Кемпера заставил их последовать за Морисом Лeko. Спустя минуту все пятеро стояли на вершине каменной стены, не успев опомниться от смены впечатлений, и лишь негромкий голос Алиссона вернул их к действительности:

— Наша миссия окончена, коллеги. Давайте-ка отползем отсюда вон на ту высоту, оттуда все будет видно.

— А если Киллер сделает залп ракетами с газом? Или с чем-нибудь похуже?

— Что может быть хуже отравляющего газа? Не посмеет. А если и отдаст приказ, мы все равно не успеем уйти.

— В любом случае мы ничего не теряем, — жизнерадостно сказал Кемпер, — кроме жизни. — И первым полез на скалы.

Они перебрались с горы камней на край плато, нависающий над ущельем, устроились на плоском скальном горбу и увидели финал высвобождения всадника, но не своим «конем», а внезапно прибывшей командой, которую никто не ждал.

Рядом с горой камней, перегородившей ущелье Коннорс-Рив, вдруг бесшумно замерцало огромное облако голубоватых звездочек. Это облако стало уплотняться, темнеть и через несколько секунд пре-

вратилось в громаду здания с высокой многосекционной трубой. Оторопев, люди смотрели вниз, на странное здание, явно слепленное из разных материалов. Видно оно было хорошо, потому что продолжало светиться изнутри багровыми прожилками.

Алиссон и Кемпер, никогда прежде не видевшие здания Чернобыльской АЭС, разглядывали его просто как шестнадцатипятиэтажное строение, готовое вот-вот рухнуть, но Морис Леко и Хойл сразу узнали контуры печально знаменитого четвертого блока реактора, взорвавшегося в 1986 году.

— Лопни мои глаза! — прошептал Хойл. — Это же...

— Чернобыльский реактор! — хмыкнул Леко, потряс головой. — По-моему, я сплю. Но как, черт побери... — Он не договорил.

Рядом с корпусом реактора протаял из воздуха контур какой-то двухголовой статуи высотой с трубу реактора, удивительно напоминающей нечто знакомое.

— Ущипните меня! — слабым голосом произнес Кеннет. — Это же... биурс! Только маленький!

Теперь и Алиссон понял, что статуя возле здания не что иное, как двутел, только раз в пять меньше исполина, которого они собрались вызволить из западни.

Малыш биурс, несмотря на «малый» рост, достигавший высоты двадцати с лишним метров, осмотрелся по сторонам сразу двумя головами, несколько отличавшимися по форме от голов взрослого биурса, заметил радостно взиравшего на него с высоты горы камней суперзавра Тихоню и замер.

Несколько секунд «конь» и малыш всадник разглядывали друг друга. Затаив дыхание, люди тоже смотрели на неземных существ, родившихся по воле случая на Земле, не зная, что предпринять. Потом Алиссон, сжав виски ладонями, прошептал:

— Они... разговаривают друг с другом... Я их... понимаю!

Малыш биурс вдруг прыгнул вверх и, как подброшенный пружиной, опустился рядом с горсткой людей на краю плато. Наклонился к ним, так что Хойл и Кеннет невольно отшатнулись, и положил на голую поверхность скалы два тела. Выпрямился, человеческим жестом указал одной из лап на тела и повернулся к Тихоне, все еще глядевшему на него во все три глаза. Перепрыгнул к суперзавру на гору камней и обломков скал, обошел его, доставая головами всего лишь до колен гигантских лап дракона, похлопал по боку, породив тяжелый слитный металлический звон, и ловко, как заправский наездник, взобрался в седло.

Кемпер очнулся первым, оторвался от созерцания «сладкой парочки» неземных динозавров и подбежал к телам людей, которых принес малыш биурс. Ими оказались две прелестные девушки, одетые в джинсовые костюмы, белокурая и черноволосая.

Обе были ранены, темноволосая в шею и в голову, белокурая в плечо. Она и очнулась первой от прикосновения подбежавшего Алиссона. Застонала, открыла глаза, но вряд ли сразу разглядела, кто перед ней, несмотря на слабое свечение фигур биурса и суперзавра, едва рассеивающее ночной мрак в ущелье. Прошептала:

— Кто вы?

— Не понял, — озадаченно пробормотал Алиссон. — Кто вы?

— Она говорит по-русски, — сообразил приблизившийся Морис Леко. — И биурс этот — оттуда, с Украины. Знать бы, зачем он прихватил с собой чернобыльский аварийный реактор...

— Это знаю я, — отрывисто бросил Алиссон. — Вернее, догадываюсь. Насколько я понял из «разго-

вора» Тихони и биурса в ловушке, тот связался с биурсом-младшим, родившимся в России...

— В Украине, — машинально поправил Леко.

— В Украине, и попросил о помощи. Но, кроме малыша двутела, биурс-старший связался еще с кем-то в Австралии... или где-то в том районе...

— На атолле Муруроа, — пробормотал ничуть не удивившийся француз. — Он связался с нашим Ифалиуком.

— Кто вы? — повторила девушка, пытаюсь сесть, и Алиссон с готовностью подал ей руку. — Где мы?

— Вы говорите по-английски?

— Немного. Так вы англичане?

— Янки. Норман Алиссон, палеонтолог. Это Вирджин Кемпер, летчик. Доктор Хойл, доктор Кеннет, Морис Леко, единственный француз в нашей компании... — Алиссон умолк, заметив гримасу боли на лице девушки. — О, черт, вы ранены! Давайте посмотрим рану. Как вас зовут?

— Алевтина, а ее Марина. Помогите сначала ей.

— Вир, ты там ближе...

— Я уже посмотрел. Раны две, но обе не опасны, пули прошли скользом. У меня есть спирт, сейчас она очнется.

Раздался стон, легкий вскрик, и темноволосая россиянка оттолкнула руку Кемпера с флягой виски. Вторая девушка на коленях подползла к ней, обняла, сказала по-русски:

— Успокойся, мы среди друзей. — Перешла на английский: — Дайте ей глоток... да и мне тоже.

Кемпер с готовностью сунул ей флягу.

— Откуда вы все-таки? И почему вас принес этот симпатичный маленький монстр?

— Это Мутик-то маленький?

— Какое странное имя — Мутик... Но вы не видели его старшего брата, он здесь, в ловушке.

— Потом выясним все детали, — перебил летчик Леко. — Надо спасать панспермитов. Тревога уже поднялась, сейчас сюда наверняка мчится свора Киллера на танках или, что хуже, на вертолетах. Они начнут стрелять не задумываясь.

Все, не сговариваясь, посмотрели на пару биурс — суперзавр Тихоня, отчетливо выделявшуюся на фоне ночного неба и, казалось, терпеливо ждущую приказаний. И тут Алиссона осенило.

— Братцы, эти звери действительно ждут наших команд! Потому что они — *элементы* разумной системы — *тетрады*, понимаете?! Тот скат, что разнес полигон на Муруроа, — носитель, наши суперзавры — «кони», биурс — наездник...

— А четвертый элемент тетрады? Ты назвал только три.

— Четвертый элемент — мы, то есть люди! Я наконец-то соединил разрозненные кусочки мозаики, которые мне внушал Тихоня, в одно полотно... Миллионы лет назад одна такая тетрада потерпела по неизвестной причине крушение и упала на Землю, а наши звереныши — их потомки!

— Бред! — неуверенно проговорил Кеннет.

— Хотелось бы верить... — начал Хойл.

— Не надо верить, — перебил его грубоватый Кемпер, хлопоча возле темноволосой Марины; Леко в это время начал было перевязывать белокурую девушку, но Алиссон ревниво отстранил его. — Морис, дело за вами. Надо сообщить Тихоне адрес вашего атолла.

— Зачем?

— Он перенесет нас туда.

— Но прежде надо освободить биурса. Зря мы, что ли, столько возились с ним? Как вы думаете, зачем малыш притащил сюда реактор?

— Не догадались еще? Биурс голоден...

Леко звонко шлепнул себя ладонью по лбу, и все невольно засмеялись, даже раненые русские де-

вушки; одна уже с видимой доброжелательностью принимала заботу Кемпера, а вторая с интересом посматривала на Алиссона. Но смех их длился не долго. С неба донеслось рычание, и над головами людей и панспермитов промчались стремительные треугольные тени, затмевая звезды.

— О, дьявол! — сдавленным голосом проговорил Хойл. — Истребители!

— Я беру их на себя! — Алиссон погладил Алевтину по щеке: — Извините, вас перевяжет Морис. — С этими словами он подбежал к обрыву и заорал: — Тихий! Наклонись!

Суперзавр Тихоня с охотой приблизил к нему страшную рогатую голову, и Норман, закрыв глаза, отчетливо представил, как суперзавр лучом сбивает несущие смерть машины. Реакция Тихони не замедлила себя ждать.

Сверкнула вспышка, другая, по небу метнулись шпаги белесого света, и тут же в трех километрах отсюда над скалами вспыхнули неэффектные из-за расстояния облака пламени, погасли. Через десять секунд прилетели приглушенные звуки взрывов, и все стихло.

— Живем! — Леко хлопнул широкой дланью по плечу Хойла так, что коротышка физик едва устоял на ногах. — Пусть теперь ваш Киллер сунется сюда! Эй, Норман, что дальше?

— А ничего, — подошел, блестя веселыми и дерзкими глазами Алиссон и встретил взгляд Алевтины. — Давайте я все-таки поухаживаю за вами.

— Не возражаю, — кивнула девушка, вполне понимая его чувства. — А вы боец, доктор.

— Это уж точно, — хохотнул француз. — Вы еще не знаете всего. Этот парень облетел полкосмоса на суперзавре...

— Очнись, Норм, — озабоченно проговорил Кемпер. — Ты тут много чего наговорил... непонят-

ного. Что нам делать? Мы еще не довершили начатое.

Алиссон разогнулся, помог Алевтине встать.

— Сейчас эти парни освободят своего родственника, попавшего в беду, мы сядем на Тихоню и отправимся в Австралию...

— Далась тебе эта Австралия. На Муруроа, ты хотел сказать?

— В общем, подальше отсюда, туда, где их ждет скат-носитель. А потом... — Алиссон глянул на белокурую девушку: — Не побойтесь совершить круиз по космосу?

— Не побоюсь, — храбро, с вызовом ответила Алевтина.

Алиссон несколько мгновений всматривался в ее огромные, загадочные, ждущие глаза и оглянулся на скульптурную композицию биурс — суперзавр:

— Тихий, давай!

Суперзавр дернул головой, будто отвечая кивком на команду, и сиганул вниз, с обрыва, в ловушку, где сидел взрослый биурс, обалдевший от газа. Тихоня ни капли не боялся разбиться, с гулом и грохотом ударился лапами о дно ущелья, так что скалы вздрогнули, как от землетрясения. Лапы дракона увязли в каменном ложе бывшей реки почти по колено! Слово это была не твердая горная порода, а песок. Но малыш двутел в седле даже не покачнулся. Он смотрел на своего старшего и гораздо более мощного собрата.

Биурс-пленник встал, также пристально разглядывая единственным уцелевшим глазом всадника в седле суперзавра, затем грузно осел на свой костлявый зад. Было видно, что сил у него почти не осталось.

Двутел-малыш слез с «коня», отодвинулся в угол каменного мешка, как бы уступая место, и раненый биурс снова зашевелился, поднимаясь на ноги.

С трудом залез в седло, но уселся не так, как обычно: правая и левая половины его тела прижались по обе стороны шеи суперзавра, лапы сжали гребенчатый нарост — антенну, и оба чудовища слились в одно, так что нельзя было различить границы их тел. А затем вся гигантская стена, образованная из обломков скал, запершая биурса в западне, плавно и бесшумно взмыла в воздух. Огромные многометровые глыбы выстроились одна возле другой, образовав колоссальную вертикальную решетку высотой в километр и толщиной в два скальных обломка.

У наблюдавших эту картину людей мороз пробежал по коже, когда они прикинули мощь «коня» и всадника. А неземные существа продолжали демонстрировать свои возможности, о которых люди даже и не подозревали.

Тихоня вытащил из камня увязшие лапы и с грохотом двинулся прямо на решетку. Алиссон ожидал столкновения, удара и разлета камней, но суперзавр прошел сквозь преграду без единого звука, как сквозь голографический фантом, и лишь когда он оказался по ту сторону решетки, камни стали искажать форму, вытягиваться, цепляться клейкими нитями за бока и хвост дракона, и так и застыли. Те же, которые он не затронул корпусом, превратились в изогнутые поверхности, напоминавшие паруса земных фрегатов, и тоже застыли, соединившись с нижними глыбами, деформированными в расплавленные бороды и хвосты, в одну гигантскую, гротескную скульптурную композицию неведомого скульптора-сюрреалиста.

Перед громадой здания Чернобыльского реактора суперзавр остановился. Биурс слез с него, буквально упал на здание, с грохотом разваливая его на части, вдавливая в каменистое ложе ущелья. Знавшие об опасности содержимого за стенами саркофага девушки в ужасе зажмурились, прижались к своим спасителям, не отходившим от них ни на шаг, ожидая

смертоносного смерча атомного взрыва. Но взрыва не было. Тело биурса вдруг оделось в ослепительную сеть голубых и желтых молний, он замер на мгновение («Заряжается!» — шепнул Хойл) и встал, обретая быструю точность и легкость движений. От многоэтажного корпуса четвертого блока АЭС и от саркофага, прикрывающего разрушенный реакторный зал, осталась груда сплавленного, тускло светящегося рубиновым светом конгломерата.

Биурс повернулся к выходу из ущелья (Алиссон схватился за голову, чувствуя мощный всплеск пси-излучения), и тотчас же напротив возник светящийся, как глыба зеленого стекла, суперзавр. Это был родной «конь» пришельца. Биурс легко взгромоздился на него, махнул рукой малышу двутелу, продравшемуся сквозь каменный «витраж» выхода из ловушки, и вдруг оглянулся.

Он не сделал при этом ни единого жеста, подобного прощальному взмаху рукой, но у всех свидетелей его освобождения на скале возникло ощущение вошедшего в голову Космоса! В этом ощущении не было ничего человеческого, ни одной знакомой эмоции, страсти или мысли, и оно быстро прошло, но след его остался — след безмерного разнообразия жизни и разума во Вселенной!

— Будь здоров! — проворчал расчувствовавшийся Кемпер. — Лети домой, сокол трехглазый... и прилетай попозже, когда у нас закончится калиюга.

Двутелый монстр приник к холке своего «рысака», и оба они с раскатистым грохотом помчались в пустыню, оставляя две глубокие рваные борозды. Грохот постепенно удалился, стих. В наступившей тишине стал слышен приближающийся рокот моторов — лети вызванные адмиралом Киллером вертолеты.

— Он что — бросил нас? — осведомился Кеннет.

— Пора и нам, — оглянулся Алиссон. — Он нас не бросил — предоставил свободу выбора. Теперь мы

вполне можем заменить командира тетрады. Итак, вперед?

Хойл и Кеннет переглянулись. Физик покачал головой:

— Я, наверное, пас. Вы молоды, Норман, у вас все впереди, вам перемены по плечу. А мое дело — здесь, на Земле. Может, когда-нибудь и свидимся...

— Я тоже остаюсь, — буркнул Кеннет, отворачиваясь.

— А я с вами, — бодро шагнул к обрыву Морис Лeko. — Доставьте меня хотя бы на Муруроа. Там я буду вам полезен. Не уверен, что отправлюсь с вами дальше, но и здесь мне делать нечего. Кстати, там у вас появятся попутчики: лейтенант Толендаль и его подруга Натили. Именно они первыми познакомились с Ифалиуком и научились его понимать.

Алиссон пожал руку Хойлу и Кеннету, подошел к Алевтине, взял ее под локоть и крикнул вниз с обрыва глазеющему на них Тихоне:

— Тихий, сажай малыша и забирай нас. Мы покидаем это негостеприимное место.

Вертолеты, посланные адмиралом Киллером для обстрела пойманного биурса газовыми снарядами и высадки десанта, приблизились к ущелью Коннорс-Рив в тот момент, когда группа людей перестала усаживаться в седло суперзавра Тихони и исчезла вместе с ним в неизвестном направлении.

Мчавшегося через пустыню биурса на своем «коне» вертолеты перехватить успели, но задержать не смогли даже с помощью газовой атаки. Биурс сбил два вертолета, отогнав остальных, забрал яйца суперзавра, «побеседовал» о чем-то с суперзавром Стрелком и исчез вместе с ним.

И впервые сенатору Джайлсу, наблюдавшему эту картину на экране монитора, показалось, что он осиротел.

Компания панспермитов и людей подняла изрядный переполох в лагере французских военных, окруживших атолл Муруроа плотным кольцом кораблей. Приказ о бомбардировке атолла с лежащим в глубинах лагуны мутантом был уже отдан, истекали буквально последние минуты, когда на рифе вдруг проявилась фигура гигантского, трехсотметровой длины, динозавра, на спине которого уютно расположились люди — трое мужчин и две женщины, а также два закованных в золотые латы чудовища ростом с девятиэтажный дом.

Присмотревшись, наблюдатели, не спускавшие с лагуны глаз, поняли, что чудовище на самом деле одно, но тел имеет два, причем оба опираются на один таз с двумя ногами. Однако больше всего наблюдателей поразило другое: в одном из мужчин они с недоумением узнали полковника Мориса Леко, начальника штатной исследовательской команды полигона.

Словно зная, что на него сейчас смотрят десятки широко раскрытых глаз, полковник улыбнулся, помахал рукой, сделал поклон и повернулся к Алиссону, который разглядывал море, лагуну, риф и небо:

— Он здесь, на дне лагуны.

— Как нам его вызвать?

— По-моему, он не на дне, — сказал Кемпер, глядя на середину лагуны из-под козырька руки. — Норм, дай-ка бинокль.

Алиссон вспомнил о своем бинокляре в снаряжении костюма и поднес к глазам бинокль. Он увидел катер, округлую гору под цвет воды, выроставшую над поверхностью лагуны, и двух человек на вершине горы — мужчину и смуглокожую женщину. Леко отобрал у него аппарат.

— Это Толендаль и Натили. Дело плохо, если они оседлали Ифалиука. Надо поспешить и выяснить, в чем дело. Не могли бы вы, мсье, заставить нашего

«коня» переместиться в центр лагуны? Вообще-то здесь везде мелко, кроме двух-трех ям, пусть смотрит под ноги.

Алиссон кивнул, закрыл глаза, напрягся так, что кровь прилила к щекам, и... Тихоня с седоками оказался стоящим на горбу исполинской манти — Ифалиука, «бога лагуны», не сделав ни одного шага.

Через минуту суперзавр помог лейтенанту и его подруге вскарабкаться к себе на спину (они оказались не робкого десятка и ничуть не испугались страшной головы панспермита), и тогда стало ясно, почему жизнь внутри атолла и вокруг него замерла.

— Значит, генерал Рене все же отважился на ядерный удар, — пробормотал Леко. — Сколько у нас времени?

— Не имеет значения, — бесшабашно-пренебрежительно сказал Алиссон, на которого присутствие Алевтины действовало взбадривающе, не хуже глотка виски. — Сейчас мы это уладим. — Он снова повернулся лицом к «воротнику»-антенне на голове Тихони, напрягся и через несколько секунд расслабился. Обвел воинственным взглядом вопросительно глядевших на него приятелей.

— Все в порядке, Тихоня обезвредит бомбу или ракету, как только она окажется в поле его зрения.

— Я гляжу, вы все лучше понимаете друг друга, — усмехнулся полковник. — Суперзавр слушается тебя беспрекословно.

— Свой парень, — ухмыльнулся Кемпер. — Давайте знакомиться?

Все по очереди обменялись рукопожатиями с загорелым до бронзового свечения улыбчивым лейтенантом, девушки обнялись с его подругой, и все шестеро посмотрели на Мориса Леко с таким откровенным ожиданием, что тот засмеялся:

— Понимаю, седьмой — лишний. Что ж, экипаж монады в сборе. Как говорится, савардж обеспечен,

выбор за вами. Куда направитесь? Или продолжите патрульную службу?

Алиссон внимательно глянул в непроницаемые глазки полковника:

— Мсье, мне кажется, вы не тот, за кого себя выдаете. Откуда вам известно о... патрулировании?

Леко снова засмеялся:

— Ну, скажем, мне приснился сон... — Он вдруг стал серьезным. — Просто я, полковник французской армии, доктор физики Морис Леко, на время получил обязанности контролера Хаадада. Вы уйдете, а я останусь... полковником. Понятно?

— Что это еще за должность — контролер Хаадада? — буркнул Кемпер, почему-то не доверявший французу. Черноволосая Марина не отходила от него, и было видно, что летчику приятно.

— Он объяснит. — Леко кивнул на задумчивого Алиссона. — Прощай, тетрада. Попутного вам ветра, друзья.

Не поворачиваясь к ним спиной, полковник шагнул назад, сорвался с седла Тихони под дружный вскрик девушек и исчез.

Кемпер и Толендаль бросились к тому месту, где он стоял, глянули вниз, но ничего за корпусом суперзавра не увидели. Алиссон подошел к ним, спокойно оглядел спину смиренно лежащего на воде лагуны Ифалиука, вздохнул:

— Куда теперь, команда?

— А он? Ты же видел...

— Неужели разбился? — Толендаль явно намеревался спуститься, и Алиссон удержал его.

— Полковник не пропадет.

— Но он же упал... а высота здесь...

— Потом объясню, он вовсе не полковник... вернее, полковник, но не совсем человек.

— Не говори загадками, — нахмурился Кемпер.

— Давайте-ка уберемся отсюда, не хочется играть роль мишени для этих военных болванов, что запланировали на остров ядерную атаку.

— Вы хотите сказать, что мы... что нас... — Толендадь оглянулся на свою подружку. — Эти великаны могут нас унести отсюда? Как далеко?

— Хоть в другую галактику, — буркнул Кемпер, испытующе глядя на Алиссона: — Норм, ты уверен, что?..

— Уверен. Теперь нас шестеро, то есть три пары, что, собственно, составляет «критическую массу» управления всей тетрадой. Савардж, как выразился полковник. С помощью биурса мы войдем в единое поле сознания и образуем монаду, способную преобразовывать Вселенную. — Алиссон усмехнулся, хорошо понимая, что творится в душах окружающих. — И не смотрите на меня квадратными глазами. Я с ума не сошел. Готовы к... рождению?

Алевтина, ничего не понявшая из объяснения палеонтолога, тем не менее не раздумывая шагнула к нему, стала рядом, оглянулась на подругу:

— Я с ним. А ты?

— А я с ним, — засмеялась все еще бледная Марина, кивая на хмурого, удивленного и обрадованного одновременно Кемпера.

— Ну а мы с вами, — заулыбался француз. — Да, Тили?

— Но как это делается? — задал трезвый вопрос Кемпер, когда они пережили удивительное чувство общности. — Надо как-то устаиваться...

И тут в разговор вмешался двутел. Он внезапно протянул к ним раскрытые лапы, схватил двух своих приятельниц, Алевтину и Марину, и посадил их к себе на плечи. Затем перенес таким же манером Натили и Толендаля, устроил их в «ключичном» углублении у шеи правого торса. Последними он поднял Алиссона и Кемпера, задумался на мгновение,

словно оценивая, и безошибочно усадил каждого к «своей половине»: Нормана к Алевтине, Вирджина к Марине.

И тотчас же над атолом раздался звенящий торжествующий крик-вой-клекот Тихони, заставив похолодеть от страха всех, кто его слышал. Кроме шестерки саварджа.

Затем наблюдатели со всех сторон атолла: генерал Рене, контрразведчики, сотрудники службы безопасности Франции, офицеры и морские пехотинцы — увидели потрясшую их до глубины души картину: над лагуной воспарила кошмарная композиция из трех чудовищных существ — гигантский скат-мутант держал на спине супердинозавра, в седле которого сидел двутелый монстр; людей издали видно не было. Потом вся эта «скульптурная» группа, словно отлитая из серебра и золота, покрылась сеточкой фиолетово-синих молний и исчезла.

Новорожденный Корректировщик отправился в свой первый полет...

14 мая 1996 г.

Орехово-Зуево

РАССКАЗЫ

ВОЛЕЙБОЛ-3000

Этот парень привлек внимание Устюжина едва ли не с первого своего появления в зале. За двенадцать лет тренерской работы Устюжину пришлось повидать немало болельщиков волейбола — игры красивой, зрелищной и элегантной. Он видел разные лица: заинтересованные, радостно увлеченные, спокойные, иногда скучающие или откровенно равнодушные — у случайных гостей, и все же лицо юноши поразило тренера сложной гаммой чувств: оно выражало жадный интерес, напряженное ожидание, горечь и тоску, мерцавшую в глубине темно-серых внимательных глаз.

Юноша приходил почти на каждую тренировку сборной «Буревестника», появлялся в зале обычно за полчаса до начала и устраивался на верхней смотровой галерее зала, стараясь не очень привлекать внимание. Опытный глаз Устюжина отметил его рост — метра два или около этого, широкие плечи, длинные руки, и у тренера даже мелькнула мысль проверить юношу на площадке, однако с началом каждой тренировки он забывал о своем желании и вспоминал только после очередной встречи с поклонником волейбола, не желавшим, судя по всему, чтобы его замечали.

Через месяц Устюжин так привык к этому болельщику, что стал считать его своим. Случай познакомиться с ним пришел в руки неожиданно.

В субботу, отработав с женской сборной «Буревестника», Устюжин заметил своего заочного знакомого у выхода из зала и подошел:

— Здравствуйте, давайте знакомиться: Устюжин Сергей Павлович, тренер. Вас заметил давно, с месяца назад. Студент?

Юноша, ошеломленный появлением незнакомого человека, кивнул:

— Медицинский, второй курс.

— А на вид вам больше двадцати.

— Двадцать шесть. Я работал, потом поступил...

— Ясно. Как вас звать?

— Иван... Иван Погуляй.

— Знаменательная фамилия. — Устюжин усмехнулся, продолжая изучать парня. Теперь, стоя рядом, он понял, что недооценил его рост. Пожалуй, два десять — два пятнадцать, прикинул он с долей удивления. Неплохо! И все же чего-то ему не хватает... и взгляд у него напряженный, будто он боится... Чего?

— У меня предложение, Ваня, — продолжал тренер. — У вас идеальное сложение для волейбола. Не хотите заняться волейболом? Может быть, вы станете...

Устюжин замолчал, увидев, какое впечатление произвели его слова на молодого человека.

Лицо того побледнело, потом жарко вспыхнуло — до слез, губы дрогнули, раскрылись, напряглись.

— Если не играли раньше, не беда, — поспешил Устюжин. — Главное, что вы любите волейбол, это я уже заметил. За год мы с вами войдем в дубль-состав «Буревестника», даю слово.

Юноша покачал головой, сжав губы так, что они побелели, повернулся и пошел к выходу. Устюжин

молча смотрел ему вслед, сразу все поняв: парень хромотал. Нога не сгибалась в колене, и он относил ее чуть в сторону и ставил на полную ступню, все быстрее и быстрее, раскачиваясь из стороны в сторону, будто чувствуя взгляд.

Кто-то за спиной сожалеюще цокнул языком. Устюжин вернулся в зал и задумчиво присел на горку поролоновых матов, вспоминая отчаянное лицо и глаза парня, в которых бились боль, и ярость, и отчаяние.

Вернувшись домой, Иван дал слово больше на тренировки студенческой сборной не ходить, поужинал без аппетита, односложно отвечая на вопросы матери, потом заперся в своей комнате и долго стоял у окна, прижимаясь лбом к холодному стеклу и вспоминая минутный разговор с тренером. В душе царило странное спокойствие да сожаление, и он даже удивился этому, хотя тут же подумал: «Реакция? Или я действительно смирился с положением, привык? Угораздило меня прийти сегодня!.. Но кто же знал, что тренер подойдет с таким предложением! Неловко вышло... И все же как сказал тогда хирург после операции? «Терпение — это та скала, о которую разбиваются волны человеческого безрассудства». Слова Дюма-отца. Оба они безусловно правы. Терпение и еще раз терпение — вот моя дорога, и лет через тридцать — сорок, к пенсии, — тут Иван усмехнулся, — я найду способ лечения раздробленного коленного сустава. А тогда милости прошу приглашать в сборную...»

Остаток дня он провел в библиотеке. Дома почитал на ночь «Трех мушкетеров», ощущая себя таким же ловким и сильным, как д'Артаньян, разделся, собираясь лечь спать, и в это время почувствовал, что не один в комнате.

Оглядевшись — тишина, мягкий свет торшера, тени от шкафов с книгами, тиканье маятника ста-

ринных часов, — он, сомневаясь в своей трезвости, тихо спросил:

— Кто здесь?

— Простите, — раздался из воздуха мягкий приглушенный голос. — Разрешите вас побеспокоить?

— Пожалуйста, — хрипло ответил Иван, откашлялся. — Входите.

— Спасибо. — В комнате без всяких световых и шумовых эффектов появились двое незнакомцев в плотных белых комбинезонах. Оба были высокими, под стать Ивану, хорошо сложенными, с живыми человеческими лицами, на которых легко читались смущение и озабоченность. Оба держали в руках тонкие черные стержни с пылающими алым светом шариками на концах.

Иван поборол искушение закрыть глаза и потрясти головой и жестом радушного хозяина указал гостям на диван:

— Прошу садиться.

— Не пугайтесь, ради всего святого! — сказал один из незнакомцев тем же приятным голосом. — Нас проинформировали, что вы любите волейбол.

— Люблю, — улыбнувшись, сказал Иван и пошевелил искалеченной ногой; ситуация забавляла, сон был любопытен и навеян, очевидно, взволновавшей его встречей с тренером.

— Извините, — вмешался второй, на лице которого отразилось беспокойство. — Мы понимаем, физический дефект не позволяет вам реализовать себя в настоящем, но все же — вы были бы не против?

Иван пожал плечами:

— Если бы не... дефект, как вы говорите, я бы, конечно, играл.

— Тогда все в порядке. — Гость облегченно вздохнул.

— А откуда вы? — полюбопытствовал Иван. — Из какого уголка Галактики?

Незнакомцы переглянулись.

— Мы такие же земляне, как и вы, — сказал первый. — И все сейчас объясним. Но сначала позвольте провести небольшое медицинское обследование — я правильно выразился?

— Правильно-то правильно. — Иван покачал головой. — Только в больницу я не...

— Этого не потребуется. Станьте так: ноги на ширине плеч, руки опустите, дышите ровно и глубоко.

Иван повиновался, удивляясь тому, что начинает верить в реальность происходящего, хотя временами спохватывался и улыбался в душе: сон ему нравился.

Гость провел концом стержня окружность в воздухе, и вместо стены с ковром Иван увидел длинный зал с рядами вычурных пультов, то и дело меняющих форму и цвет. От одного из пультов протянулись к нему десятки световых нитей, коснулись тела, головы, рук, ног... стало трудно дышать. Иван мотнул головой, шагнул с места, пытаясь набрать в грудь воздуха, и почувствовал, что его поддерживают сильные руки.

— Все отлично, — извиняющимся тоном сказал один из гостей, второй в это время складывал гибкий черный шнур, пока тот не превратился в знакомый стержень с шариком на конце.

— А теперь поясним суть нашего появления. Дело в том, что вы являетесь потенциальным игроком в волейбол планетарного класса «хронопризрак», наблюдатель не ошибся. И у вас есть возможность участвовать в Олимпийских играх трехтысячного года по вашему летоисчислению. Вы не хотели бы принять в них участие?

— В качестве кого? — с иронией произнес Иван. — В качестве судьи?

— Игроком сборной команды Земли, — ответил гость без улыбки.

— Каким образом? Я же калека!

Незнакомцы снова обменялись беглыми, как бы летящими улыбками, видимо, это был их постоянный способ общения: они понимали друг друга с полувзгляда. Иван побледнел. Во рту мгновенно стало сухо. Он понял, что все с ним происходит наяву.

— Ну да, конечно, медицина у вас не чета нашей... а я вернусь обратно?

— Разумеется, с точностью до миллисекунды.

— Тогда согласен.

Первый из гостей протянул руку:

— Смелее.

Комната имела привычные стены и черный матовый пол, но вместо потолка нависала над головой пушистая пелена, похожая на облако белого пара.

— Не делайте резких движений, — раздался из этой пелены вежливый баритон. — Сядьте на пол.

Иван повиновался, оглушенный мгновенным переходом из своей вполне реальной квартиры с вещами, которых касался не раз, в комнату, сам вид которой говорил о другом времени.

Его охватила сладкая истома, тело потяжелело, каждая его клеточка налилась сонным теплом, щекочущие невидимые пальцы пробежали по коже, захотелось потянуться, принять удобную позу и спать...

Сколько времени длилось это состояние, он не знал. Пробуждение наступило внезапно: просто захотелось встать, размяться, тело было отдохнувшим, полным сил и энергии, но очень хотелось есть. Иван встал, постоял с минуту, ожидая команды, потом медленно обошел комнату, прислушиваясь к своим ощущениям. И вдруг понял, что его искалеченная нога... сгибается в колене! Он замер, боясь поверить

в случившееся, осторожно шагнул, перенес всю тяжесть тела на больную ногу — никаких болезненных ощущений! Нога сгибается так же легко, как и до травмы; мало того, она стала сильнее!

Иван подпрыгнул на месте и чуть не достал головой до белой пелены потолка, повисшей от пола не менее чем в четырех метрах. «Однако! — подумал он, — медицина у них действительно на высоте! И никаких машин... если только я не нахожусь внутри одной из них».

— Как вы себя чувствуете? — напомнил о себе баритон.

— Отлично! — искренне отозвался Иван, краснея от мысли, что вел себя не совсем сдержанно: за ним, несомненно, наблюдали.

— Пройдите в следующий зал.

Иван хотел спросить, где дверь, но тут одна из плотных, металлических на вид стен исчезла, будто ее и не было, открыв вход в соседнее помещение.

Комната напоминала зал вычислительного центра: все пространство занимали ряды странных пультов, уже виденных им однажды, а напротив висел над полом, ни на что не опираясь, гладкий черный диск. Из его глубины всплыла световая стрела и развернулась над ним в светящуюся надпись: «Внимание! Нулевой цикл».

В зале никого не было и стояла тишина, но стояло Ивану шагнуть вперед, как рядом с диском возник, словно выпрыгнул из-под пола, высокий молодой человек в свободной белой рубашке и голубых брюках. У него было открытое веселое лицо, загорелое до черноты, с внимательными ярко-зелеными глазами, держался он очень естественно и был гармоничен в каждом жесте. Иван невольно вздохнул, понимая, в какую эпоху попал: в то, что это не сон, он уже поверил.

— Зовите меня Даниилом, — улыбнулся незнакомец. — Хотя я всего лишь виомфант и не нуждаюсь в имени. Проходите, садитесь.

Диск превратился в кресло. Иван сел. Удобно, мягко. В душе зашевелилось любопытство.

— Виомфант — ваша профессия?

Даниил засмеялся.

— Я всего лишь машина, искусственный интеллект третьего поколения, инк, как говорят в обиходе, и нахожусь в действительности за сорок километров от этого места, а то, что вы видите, — «призрак», фантом.

Иван вспотел и больше не делал попыток заговорить.

Даниил извлек из воздуха легкий шлем с двумя штырями у висков, протянул Ивану. Шлем был ощутимо материален.

— Это ваш. Я отвечаю за вас во всех аспектах от здоровья до накопления информации, знаний быта и профессиональных. Кстати, физика тела вас удовлетворяет? Нигде не «жмет»?

Говорил «призрак» по-русски безупречно, хотя Ивану все время чудился странный акцент — не то в интонации, не то в ударениях; в общем, даже машины говорили здесь хорошо, видимо, русский язык в третьем тысячелетии стал основой разговорного языка для всего человечества.

— А вас? — ответил вопросом на вопрос Иван.

Даниил снова засмеялся:

— Наверное, больше, чем вас лично, потому что вы ко многому не привыкли, а кое о чем и не догадываетесь. Ничего, сейчас пройдем нулевой цикл — быт, особенности языка, жизненно необходимая информация, и все станет на свои места. Небось хотите посмотреть, какой стала Земля?

Иван молча натянул шлем. Что-то щелкнуло в наушниках, и он «поплыл» в дебри неведомых знаний...

Через три сеанса гипноучебы Иван освоился с жизнью Земли трехтысячного года настолько, что не мыслил иной жизни, а прошлую свою жизнь считал чуть ли не мифом. Но тут пошли тренировки в волейбол не только мысленно, через информационно-психологические комплексы, но и нормальные, на площадках и в залах, и он полностью отдался своей страсти, не имевшей выхода в реальности двадцатого столетия.

Волейбол тридцатого века отличался от волейбола двадцатого не только количественно-цифровыми показателями высоты сетки, размеров площадки и так далее, но качественно, соответственно всем раскрывшимся возможностям человеческого тела и технического гения человека. Единственное, что напоминало Ивану знакомую ему спортивную игру, — традиционно сохранившаяся форма игрового поля с размерами площадок десять на десять метров, сетка, разделявшая площадки, и мяч, напичканный, правда, современной молекулярной техникой — для облегчения судейства. Конечно, сетка была натянута гораздо выше, чем в его время, верхняя ее кромка устанавливалась на высоте трех метров шести сантиметров от пола, но все же это была нормальная волейбольная сетка.

Однако, во-первых, изменилось инженерно-техническое сопровождение игры: сила тяжести на площадках устанавливалась равной девяносто трем сотым, вся зона игры охватывалась специальным барьером, и над ней свободно плавали в воздухе плоские диски кибер-судей; каждая ошибка игрока классифицировалась мгновенно, и тут же звучала определенная музыкальная гамма, по которой зрители без судьи-информатора могли узнавать вид ошибки.

Во-вторых, и это было главным, игра проходила как в пространстве, так и во времени! То есть игрок

по желанию при подаче мяча мог посылать его не только в определенную точку площадки противника, но и «смещать» мяч «по оси времени» в будущее в пределах десяти секунд, для чего площадки ориентировались еще и в хронополе. Если мяч при подаче перемещался и во времени, то игроки подающей команды имели право тут же подать мяч повторно, но уже без смещения во времени, что всегда и делалось всеми командами без исключения. Зрительно это выглядело так, будто мяч при подаче исчезал в никуда и возникал в пространстве игры в тот момент, когда кончалось время его посылки в будущее... Пока отыгрывалась обычная подача, могла прийти первая — со сдвигом во времени, и надо было успеть отреагировать, принять подачу, выдать пас и нанести нападающий удар, и были случаи, когда над площадками летали сразу два мяча и обе команды выпускали на поле седьмого игрока, так называемого «засадного». Поэтому остановок в игре почти не было, напряжение матча не спадало от начала до конца сета, завораживая болельщиков волейбола внезапностью и красотой комбинаций.

К концу третьей недели интенсивных тренировок по спецпрограмме с использованием уплотнения времени Иван вошел в основной состав сборной команды Земли по волейболу. До начала Олимпийских игр оставалось чуть более трех месяцев.

Волейбольный турнир Олимпиады проходил на Земле, в спортивном зале комплекса «Россия», старинном сооружении, начало которому дали спортивные постройки Москвы далекого двадцать первого века.

Иван, стоя на километровой башне обозрения, смотрел на панораму города трехтысячного года, по привычке называя эту цифру, в то время как по со-

временному календарю шел тысяча восемьдесят третий год, и думал, что фантасты его родного времени не ошиблись в главном: Земля Идеальной эры представляла собой сплошной город-лес, именно лес, первобытный, с буреломами, чащами и даже непроходимыми топями. Это не означало, конечно, что за лесом не ухаживали, но наряду с ухоженными парками, рощами, садами, очищенными от лесного мусора дендрариями, выращенными вокруг комплексов зданий, существовали неприступная тайга, джунгли, сельва и болота. Человек тысяча восемьдесят третьего года экологически чистой эпохи предпочитал видеть Землю естественной, такой, какой она была до него, разве что помогал быть ей красивой и первозданной, направляя эволюцию природы так, чтобы выгодно было обоим: и природе, и человеку.

Здание спортивного комплекса выделялось среди зеленого оазиса гигантским языком оранжевого пламени: архитекторы ландшафта вписали этот язык в пейзаж с таким мастерством, что издали, с расстояния десятка километров, казалось, что горит настоящий костер, вернее, олимпийский факел.

В воздухе то и дело «проявлялись» фигуры людей: человек давно научился с помощью мысленного усилия управлять механизмами мгновенного перемещения в пространстве сквозь десятки и сотни тысяч километров, научился и Иван, хотя привыкнуть к этому не мог. Люди спешили в спортзалы комплекса, несмотря на совершеннейшие видеопередачи с мест спортивных событий во все уголки Солнечной системы. Иван отметил сей факт для себя: болельщики на Земле не перевелись, просто возможности их выросли во сто крат, хотя пригласительных билетов, как всегда, не хватало.

Иван мысленно вызвал отсчет времени — в медцентре восстановления и подготовки ему «разбуди-

ли» собственные биочасы — было без семи минут десять по среднесолнечному времени, что соответствовало и времени Москвы. Пора, подумал он, невольно ощущая сожаление: время его пребывания в будущем, в сказке, как он повторял про себя, подходило к концу. А что ждет его на Земле ушедшего двадцатого века, он страшился даже и представить. Снова искалеченная нога? Муки неполноценности? Участливые взгляды друзей?.. Впрочем, как говорил некий мудрец, все будет так, как должно быть, даже если будет иначе. То, что он пережил, — не пережить никому из его современников, и надо будет просить новых друзей, чтобы они оставили в памяти хотя бы эмоциональную сторону его приключения. Того же Даниила; судя по встречам, Иван ему понравился...

Иван сосредоточился и оказался в метре над белым кругом финишного поля, ближайшего к тому месту, куда он стремился попасть, мягко спружинил на ноги. Рядом возникали из ничего десятки улыбающихся людей: юношей и девушек, женщин и мужчин в расцвете лет, уступая место новым, прибывающим на соревнования. Впечатление было такое, будто шел дождь из разноцветных тел и испарялся, не достигая земли. «Испарился» и Иван, ступив на синий квадрат конформного лифта, вознесшего его в комнату психомассажа, где переодевалась сборная команда Земли по волейболу.

Переодеваясь и отвечая на приветствия товарищей, спешащих в объятия эмоционтектора бодрости, Иван вспоминал реестр сборных, участвующих в Играх. Команд было шестнадцать, пять из них из Солнечной системы: сборные Земли, Луны, Марса, Астрономического союза и сборная внешних планет, остальные — сборные поселений людей у других звезд. Еще во время знакомства с командами по видео Иван с трепетом ждал встречи с другими разум-

ными существами, однако в этом вопросе прогнозы его любимых писателей не оправдались: по всей видимости, человеческая цивилизация была уникальна во Вселенной. Во всяком случае, человек, проникший за тысячу лет звездоплавания к центру Галактики, братьев по разуму не обнаружил.

Эта игра со сборной Марса была предпоследней и самой трудной: сборная Марса по волейболу была чемпионом Галактического спортивного союза тысяча семьдесят второго года, и землянам предстояло в этом поединке доказать, что Кубок предыдущих Игр принадлежит им по праву.

Иван волновался, несмотря на защитный барьер психомассажа и месяц аутотренинга, мысли его все чаще возвращались в родное время, он гнал их прочь и... ничего не мог с собой поделать. Возвращаться не хотелось.

Товарищи понимали, что с ним происходит, ибо человек третьего тысячелетия научился, кроме всего прочего, реагировать на чувства, ощущать боль соседа, сочувствовать, сопереживать, устанавливать мысленный контакт, хотя в последнем случае вступали в силу этические нормы мыслесвязи: никто не «читал» мысли собеседника без его разрешения на контакт; товарищи по команде понимали Ивана и с присущим им тактом «не замечали» его состояния. Он помощи не просил, не ждал, следовательно, мог сам справиться со своими переживаниями.

В десять минут одиннадцатого старший тренер-организатор сборной Земли построил игроков, вздохнул и сказал:

— Веселиться вы умеете, вижу. В нашем активе пять побед, так вот постарайтесь, чтобы их стало на одну больше.

Все засмеялись. Иван же вдруг почувствовал, как тает в душе айсберг напряжения. Он знал, что в дру-

гих командах тоже есть выходцы из прошлого, в том числе и в команде Марса — Сергей Павлов, живший в двадцать втором веке: по правилам Игр разрешалось укреплять команды игроками прошлых веков, прошедшими адаптацию и давшими согласие на временное перемещение; парадоксы времени исключались, наука тридцатого столетия вычеркнула время из списков врагов человечества. Иван был знаком и с Сергеем, и с другими выдающимися игроками, преодолевшими бездну времени, и от мысли, что возвращаться в свое время придется не ему одному, зависть к остающимся и неудовлетворение собственным положением отодвинулись на задний план.

Иван видел, чего ждали от него товарищи и тренеры, в него верили, и единственным способом отблагодарить их за эту веру мог быть только спортивный стресс — полная самоотдача в игре.

Конечно, и среди современников Олимпиады было немало великолепных спортсменов, в совершенстве владевших всеми приемами волейбола трехтысячного года, но надо было, кроме всего, еще и любить волейбол, как любил Иван, жить игрой, забывая обо всем на свете, отдавать всю страсть, пыл, силы и эмоции, уметь подчинять тело до риска ауто-травмы, чтобы понять тех, кто выловил эту находку из глубины времен. А что физические данные людей того времени и современников не были равны — никого не волновало. Медицина и физиология к тому времени «разбудили» многие «спящие» центры в мозгу человека, и разбудить их у Ивана не представляло сложности.

Игру он начал в четвертом номере у сетки, в нападении — угрозе. Подавала сборная Москвы. Первый мяч был послан, как и ожидалось, в будущее, второй — на заднюю линию обороны площадки зем-

лян. Мяч принял игрок второй защитной линии Гвендолин, разводящий игрок-координатор во втором номере — Стан подкорректировал передачу и выдал мягкий скользящий пас невысоко над сеткой, так называемый классический полупрострел. Иван, подпрыгнув над блоком, пробил мяч почти вертикально вдоль сетки, в первую линию площадки сборной Марса. Но тут пришла первая подача, посланная в первый номер площадки землян, и, как оказалось, на шесть секунд в будущее. Ошибся в приеме Сергей, при передаче нападающему во второй номер переиграл Иван, и мяч был утерян. «Белый балл». подача осталась у марсиан, а игрокам сборной Земли засчитывалось лишь одно очко — половина оценки. Забей они оба мяча — заработали бы «красный балл» — очко и подачу.

С этого момента у землян явно не пошла игра. Резко, непонятно. словно утратились навыки игрового контакта и пропали куда-то реакции и чутье времени.

Иван не сразу почувствовал неудовлетворение игрой, лишь с трудом переправив мяч через сетку, он с досадой посмотрел на недовольного игрой Стана и определил, что в их отлаженном механизме команды что-то испортилось. В это время из воздуха «выпрыгнул» мяч прошлой подачи марсиан. Гвендолин с опозданием упал, мяч угодил в сетку. Сергей в прыжке выполнил «хобот», но блок противника обмануть не смог. Трибуны стотысячного зала игровых видов спорта зашумели. Иван посмотрел на Стана и пожал плечами:

— Попробуем сменить режим первой подачи?

— Не спеши, — хмуро ответил Стан. — Надо отыграть хотя бы стандартную перебежку, я не чувствую настроения команды.

Тренер наблюдал за игрой внешне спокойно, отвечая на советы запасных игроков односложными

«да» и «нет». Он тоже видел, что команда потеряла игровое настроение, но не мог определить причины. Минутный перерыв, однако, брать не стал, сначала надо было разобраться в причине плохой организации защиты самому, ребятам на площадке сделать это труднее.

Первый сет они проиграли со счетом двадцать четыре — тринадцать.

В середине второго тренер взял минутный перерыв.

— Вы что? — негромко, но резко спросил он игроков, разгоряченных и злых. — Перегорели? Или сетка высоковата? Где стиль команды? Почему хроноимпульсы однообразны? Ведь они поймали ваш ритм хроноподачи, а вы продолжаете в пятисекундном ритме. Смените режим, играйте второй, третий варианты вперемешку, сбейте их с толку. Они не лучше вас, но тактику выбрали лучшую. Поняли? Иван, посиди отдохни, вместо тебя поиграет пока Сосновский.

— Замена в сборной команде Земли, — гулко возвестил голос судьи-информатора. — Вместо номера один — Ивана Погуляя продолжает игру номер девять — Януш Сосновский.

Иван сел рядом с тренером и вытянул ноги, вытирая полотенцем лицо и не глядя на товарищей, делавших вид, что ничего особенного не произошло. Тренер присмотрелся к его хмурой физиономии и хмыкнул.

— Устал?

— Не знаю, — помедлив, ответил Иван. — Что-то мешает играть, а что именно — не пойму.

Несколько минут молчали. Игра чуть-чуть выровнялась, но отрыв в очках был слишком велик, и надежда выиграть сет была призрачной.

— А ты попробуй сыграть выше своих возможностей, — тихо проговорил тренер. — На пределе!

И перестань думать о возвращении. Я правильно тебя понял?

Иван вспыхнул. Тренер понимающе кивнул и сжал его плечо твердыми пальцами:

— Ты не первый мой гость из прошлого, Иван. В прошлогоднем чемпионате Союза планет у нас играл Виктор Афанасьев. Твой не только современник, но и земляк. Уходя, он сказал: «Теперь уверен, что проживу свой век не зря — я видел свою мечту, значит, работал и мечтал правильно».

— Я этого не отрицаю, — пробормотал Иван.

Второй сет сборная Земли тоже проиграла. Тренер выпустил Ивана на площадку только в третьей партии при ничейном счете, жаждущего борьбы и полного желания совершить невозможное.

О себе Иван уже не думал, сердце забилося ровно и сильно, исчезла скованность, пришло ощущение полета и сказочной удачи, тело словно потеряло вес и стало легко управляемым. Он сразу увидел игру, мгновения полета мяча растягивались для него в секунды, в течение которых он успевал прикинуть траекторию полета, подготовиться к приему первого мяча, найти партнера, принять мяч и выдать пас с точностью автомата.

Сначала он, играя в защите на второй линии, достал «мертвый» мяч, посланный нападающим соперником в угол площадки. Громадный зал ахнул и отозвался волной аплодисментов, но Иван их не слышал.

— Меняем темп, — сказал он Стану. — Максимум — третий вариант с переходом на второй при обычной перебежке в первой зоне.

Стан отмахнулся было, потом оглянулся на Ивана, словно не узнавая, и передал остальным игрокам:

— Ребята, играем третий с полупереходом, предельно!

И они заиграли.

Гвендолин из центра сразу выдал Ивану пас во вторую линию для джамп-темпа. Это был очень сложный для исполнения нападающих удар: Иван взвился в воздух, повернулся на лету на девяносто градусов, показав противнику левую руку в замахе и тем самым обманув блок, и с сухим звоном вбил мяч в центр площадки марсиан — при нанесении завершающего удара «перемещать» мяч во времени запрещалось. Зал зашумел и снова замер.

В третьем номере Иван вместе со Станом и пятым игроком провели великолепную скоростную трехходовую комбинацию «зеркало», причем ситуация осложнилась появлением мяча прошлой подачи, так что на площадке в своеобразной петле времени замкнулись сразу все семь игроков, в том числе и «засадный», и два мяча.

Сначала Иван принял подачу, вспомнил положение рук подающего игрока марсиан две секунды назад и переместился на место, куда, по его расчетам, должен был прийти посыл первой подачи. Стан в прыжке выполнил «юлу» — имитацию нападающего удара — и направил мяч вдоль сетки, а закончил комбинацию пятый игрок команды, чисто срезав мяч на взлете во втором номере. В то же время, когда этот мяч еще только летел вдоль сетки, Иван в падении достал второй мяч прошлой подачи. Гвендолин мягко, кончиками пальцев пропустил его за собой, и седьмой игрок, мрачноватый Кендзобуро, обманным ударом «сухой лист» отправил его со второго темпа в угол площадки соперника. Действие длилось не более трех секунд, мячи уже впечатались в площадку сборной Марса, а Иван, Кендзобуро, Стан и Гвендолин еще находились в воздухе.

Зал снова зашумел, выдохнул одновременно и замолчал до конца игры, словно боясь шумом аплодисментов нарушить таинство игры.

Иван нападал с любого номера, согласно смене вариантов, с задней линии, с центра. Он угадывал появление мяча в хронополе до десятых долей секунды, перепрыгивал и пробивал блок, доставал в защите такие мячи, которые лишь теоретически считались доставаемыми. Он блокировал нападающих в труднейшем исполнении аутконтроля — ловящим блоком, угадывая направление удара в четырех случаях из пяти.

Это была игра на вдохновение. Она зажгла остальных игроков команды, и они творили чудеса под стать Ивану, разыгрывая комбинации хладнокровно и уверенно, как на тренировке. Если играют команды, равные по классу, то именно такая игра, четкая, слаженная, когда партнеры понимают друг друга по жесту, по взгляду — мысленный контакт карался так же, как и техническая ошибка, потерей мяча, — когда все их движения подчиняются ритму и кажется, будто на площадке всего один игрок, чье многорукое тело перекрыло все поле, и мяч каждый раз натывается на него, с удивительным постоянством отскакивая к согласующим игрокам-координаторам, такая игра только и может дать положительный результат. И земляне, проиграв первые два сета, выиграли остальные три.

Зал еще секунду немо дивился на освещенные квадраты игрового поля, на обнимавшихся игроков сборной Земли, а потом словно шторм обрушился на Дворец спорта.

— Спасибо! — сказал тренер с грустным восхищением, обнимая Ивана последним. — Мы не ошиблись в тебе, брат! Спасибо! Думаю, едва ли я когда-нибудь еще увижу такую игру. Лишь после такой отдачи ты имел право... — Он не договорил.

— Я понял, — кивнул Иван. — Лишь играя на пределе, я имел право увидеть то, что увидел.

В этот момент Иван любил всех, и возвращение домой уже не вызывало в нем отчаяния, несмотря на перспективу остаться в своем времени калекой на всю жизнь.

Его дружно оторвали от пола и подкинули в воздух.

На буфете часы пробили десять часов вечера.

Иван очнулся и поднял голову, не узнавая привычной обстановки. Он сидел на корточках на полу, в плавках, с полотенцем в руках. «Странно, — подумал он с недоумением, — странно, что я это помню! Они же должны были «ампутировать» в мозгу всю информацию о будущем. Забыли? Или все снова сводится к банальнейшему из объяснений — сон?!»

Иван встал, сделал шаг к двери и... жаркая волна смятения хлынула в голову, путая мысли и чувства: он не хромал! Нога сгибалась свободно и легко, мышцы были полны силы и готовности к действию. Тот душевный подъем, который сопровождал ему во время пребывания в далеком трехтысячном году, не покинул его. Значит, все это... случилось наяву?!

Он присел, пряча запыхавшее лицо в ладонях, с минуту находился в этой позе, потом с криком подпрыгнул, достал головой потолок — дом был старый и потолки в нем высокие, — остановился и подумал: «А если они и в самом деле забыли? На радостях? Чего не бывает в жизни. Может быть, возвращением ведает тот же виомфант Даниил, а он всего-навсего робот, машина, взял да испортился... У меня же остались все знания и навыки спортсмена, который может родиться только через тысячу лет! И если я начну в своем времени проявлять эти чудовищные способности, я изменю реальность, говоря азимов-

ским языком. Ну и влип! Никому ведь не скажешь, не пожалуешься и не посоветуешься... Что же делать?»

Иван снова подпрыгнул, вымещая на теле растерянность и злость, и в этот момент в комнату без стука вошла мать.

— Ваня! — прошептала она, схватившись рукой за горло. — Прости, что без разрешения, мне показалось... ты прыгал?! Ты уже не... что с тобой?

Иван обнял ее за плечи, привлек к себе.

— Все в порядке, мам, не пугайся. Я скрывал от тебя, боялся проговориться раньше времени... просто я тренировался, лечился и... нога начала понемногу сгибаться.

Признание звучало фальшиво, но мать поверила.

Два дня Иван скрывал от всех свое физическое превосходство и мучительно размышлял, что делать дальше. Старые переживания, свойственные ему в «доисправленной» жизни, вернулись вновь, но теперь он решил их иначе: комплекс неполноценности превратился в комплекс превосходства и мучительное нежелание возвращаться к прежней жизни. Душа Ивана превратилась в ад, где добродетель боролась с низменными сторонами личности, и он все чаще ловил себя на успокаивающей мысли, что ничего плохого не случится, если он останется «суперменом», просто придется жить тихо и по возможности не проявлять своего превосходства. Омар Хайям со своими нравоучениями типа:

Ад и рай — в небесах, утверждали ханжи.

Я, в себя заглянув, убедился во лжи.

Ад и рай — не круги во дворце Мироздания,

Ад и рай — это две половины души —

заглох совсем.

Конечно, оставался еще волейбол. Ивана тянуло на площадку все сильнее и сильнее, знания и воз-

можности требовали отдачи, выхода в реальность, но показать себя в игре современников — значило раскрыть инкогнито, расшифровать себя неизвестному наблюдателю, который когда-то выявил его среди болельщиков, и тогда о нем вспомнят там, в будущем, и вернуться, чтобы исправить недосмотр... Иван приказал себе забыть не только о волейболе трехтысячного года, но и вообще о существовании этой игры, и решился на бегство, хотя бы временное, из города, в глубине души сознавая, что способов бегства от самого себя не существует.

На третий день борьбы с самим собой, притворяясь хромым, он заявился в деканат и отпросился на две недели для «лечения на море», придумав какую-то «чудодейственную» бальнеолечебницу под Одессой. Декан дал разрешение, не задав ни одного вопроса, чем облегчил мучения Ивана, и сомнения беглеца разрешились сами собой.

Вернувшись домой, он сочинил матери «командировку», с удивлением прислушиваясь к себе: лгать становилось все легче, язык произносил ложь, почти не запинаясь. Уложив вещи в спортивную сумку, позвонил на вокзал, узнал, когда отходят поезда на юг, в сторону Одессы, и полчаса унимал сердце, понимая, что возврата к прежней жизни нет: он уже переступил невидимую черту, отделяющую совесть от цинизма.

Но он недооценил своего прежнего «я». В троллейбусе нахлынули воспоминания, навалилось душное, жаркое чувство утраты болезненного смятения, неуютной потери смысла жизни, пришлось сойти за три остановки до вокзала, пряча пылающее лицо от любопытных взоров окружающих.

— Ваня! — позвал вдруг кто-то с другой стороны улицы, выходящей прямо на набережную. Голос был мужской и знакомый, но Иван не хотел ни с кем разговаривать и с ходу свернул в дыру в забо-

ре: справа шла стройка двенадцатиэтажного жилого дома.

Его окликнули еще раз, пришлось прибавить ходу. Иван обошел штабель кирпичей, нырнул в подъезд и, не останавливаясь, одним духом, словно убегая не от настырного знакомого, а от самого себя, поднялся на самый верх здания. Никто его не остановил, принимая то ли за проверяющего, то ли за члена кооператива дома. Двенадцатый и одиннадцатый этажи еще достраивались, и он вышел на балкон десятого, выходящий на улицу и реку за ней. Внизу шел нескончаемый плотный поток пешеходов, не обращающих внимания на привычный пейзаж стройки, равнодушный ко всему, что происходит вне данного отрезка маршрута и конкретной цели бытия.

Иван поставил сумку на пол балкона и бездумно уставился в пропасть, распаханную обрывом проспекта. Не хотелось ни думать, ни двигаться, ни стремиться к чему-то, жизнь тягуче двигалась мимо, аморфная и не затрагивающая сознание, раздражающее нервы стремление к цели растворилось в умиротворении принятого исподволь решения, как облако пара в воздухе...

Сколько времени он так простоял — не помнил.

Очнулся, как от толчка, хотя никого рядом не было. Взгляда вверх было достаточно, чтобы понять — случилось непредвиденное, грозящее отнять многие жизни тех, кто шел сейчас под стеной здания по своим неотложным делам: четырехсоткилограммовая плита перекрытия, как в замедленной киносъемке, соскользнула с края крыши, пробила ограждение лесов и зависла на мгновение, задержавшись за железную штангу, чтобы затем рухнуть вниз с высоты в тридцать метров.

«Сейчас грохнется!» — сказал кто-то чужой внутри Ивана, хотя мозг, натренированный на мгно-

венную реакцию в трехтысячном году, уже рассчитал варианты вмешательства, способность изменить реальность события. Требовалось немного: по-волейбольному прыгнуть с балкона вперед и вверх и «заблокировать» плиту так, чтобы результирующий вектор ее последующего падения уперся в реку. Все. И сделать это мог только один человек в мире — Иван Погуляй, с его новыми «сверхчеловеческими», по оценке современников, возможностями.

«Не делай глупости, — шепнул ему внутренний голос. — Никто не знает, что ты это можешь, никто никогда не догадается, ты не виноват, что техника безопасности здесь не сработала. Ты для этого ушел из дома? Только жить начинаешь по-человечески...»

Мгновение истекло. Плита сорвалась с железной стойки лесов.

«Если бы еще была возможность уцелеть самому, — добавил внутренний голос, — а то ведь разобьешься в лепешку!..»

В следующее мгновение Иван прыгнул, как никогда не прыгал даже во время прошедших Игр, вытянул руки, безошибочно встретил плиту в нужной точке и направил ее по дуге в реку, тем самым «заблокировав» чью-то смерть...

...Уложил вещи в спортивную сумку, позвонил на вокзал, узнал, когда уходят поезда на юг, в сторону Одессы, и полчаса унимал сердце, понимая, что возврата к прежней жизни нет: он уже переступил невидимую черту, отделяющую совесть от цинизма.

Но он недооценил своего прежнего «я». В троллейбусе нахлынули воспоминания, навалилось душное, жаркое чувство утраты, болезненного смятения,

неуютной потери смысла жизни, пришлось сойти за три остановки до вокзала, пряча пылающее лицо от любопытных взоров окружающих.

— Ваня! — позвал вдруг кто-то с другой стороны улицы, являющейся одновременно и набережной. Голос был мужской и знакомый, но Иван не хотел ни с кем разговаривать и с ходу свернул в дыру в заборе: справа шла стройка двенадцатиэтажного жилого дома.

Его окликнули еще раз, пришлось прибавить ходу. Иван обошел штабель кирпичей, нырнул в подъезд и, не останавливаясь, одним духом, словно убегая не от настырного знакомого, а от самого себя, поднялся на самый верх здания. Никто его не остановил, принимая то ли за проверяющего, то ли за члена кооператива дома. Двенадцатый и одиннадцатый этажи еще достраивались, и он вышел на балкон десятого, выходящий на улицу и реку за ней. Внизу струился нескончаемый плотный поток пешеходов, не обращающих внимания на привычный пейзаж стройки, равнодушный ко всему, что происходит вне данного маршрута и конкретной цели бытия.

Иван поставил сумку на пол балкона и бездумно уставился в пропасть, распахнутую под ногами. Не хотелось ни думать, ни двигаться, ни стремиться к чему-то, жизнь тягуче шла мимо, аморфная и не затрагивающая сознание, раздражающее нервы стремление к цели растворилось в умиротворении принятого исподволь решения, как облако горячего пара в воздухе...

И в этот момент что-то произошло. Мир вокруг исчез. Иван оказался внутри серого кокона с дымчатыми стенами. Из стены вышел человек и оказался Устюжиным, тренером «Буревестника».

С минуту они смотрели друг на друга. Потом Иван кивнул:

— Я так и думал, что вы и есть наблюдатель.

— Вы правы. — В глазах Устюжина появилось сложное выражение вины, горечи и холодной жестокости. — Итак, Иван Михайлович, вы вернулись. Поговорим?

— Поговорим, — согласился Иван. — Хотя я в глупейшем положении. Как случилось, что меня вернули с памятью?

Устюжин помрачнел, глаза у него и вовсе сделались как у больного без надежды на выздоровление, тоскливыми и всепонимающими.

— Редчайший случай в моей практике. Виомфант Даниил солгал, что отпустил тебя прежним! Эти автоматы имеют не только интеллект, но и эмоциональную сферу, так что от людей их отличают только способы размножения и существования. Не знаю, чем ты ему так понравился, что он смог солгать! Специалисты еще не разобрались.

Иван тихо присвистнул.

— Не ожидал!

— Мы, к сожалению, тоже. Но виноват во всем я, что не проконтролировал возвращения и не начал искать тебя в тот же день.

— И вы появились, чтобы исправить ошибку? — Иван развел руками и улыбнулся. — Я готов. Попытка к бегству не удалась, и к лучшему. Я ведь хотел уехать отсюда и жить полным сил. Но едва ли я смог бы прожить таким образом долго.

— Я знаю. — Выражение глаз Устюжина не изменилось. — Все гораздо сложнее. Мою ошибку исправить труднее, чем твою. После того, что произошло, у нас с тобой есть три варианта: в порядке исключения, потому что вина лежит на всех нас и больше всего на мне, Совет разрешил тебе самому выбирать свою судьбу. Это первый прецедент подобного рода, который послужит нам уроком. Что касается меня, то я отстранен от работы наблюдателя и буду скоро

отправлен в другое время и на другую работу. И так, вариант первый: игрок сборной Земли трехтысячного года... к сожалению, без права возвращения в свой век. Сейчас ты поймешь почему. Второй: наблюдатель хомоаномалий Земли всех времен, и тоже без права возвращения домой. — Устюжин поднял измученные внутренней болью глаза. — И третий... оставить все, как есть.

Иван удивился:

— Не понял! Жить здесь таким?!

— Не жить, Иван Михайлович. Жить тебе осталось всего полчаса. Сейчас ты увидишь падающую железобетонную плиту и прыгнешь в последний раз в жизни, используя все навыки волейболиста, ей навстречу, чтобы сбить с траектории и спасти тех, кто идет вниз, ни о чем не подозревая.

Молчание повисло внутри пространственного кокона, тяжелое и холодное, как ржавая болотная вода. Двое молча смотрели друг на друга и решали одну и ту же задачу, каждый по-своему, поставленные волей жестоких обстоятельств в абсолютно неравные условия, перед нравственным выбором одного. Потом Иван спросил пересохшими губами:

— Вот, значит, как... и выхода... нет?

Устюжин понял.

— Нет. История должна подчиняться закону детерминизма, как и пространство-время. Мы не можем произвольно изменять историю, а падающая плита — это не безобидное явление, это исторический факт, повлекший тяжелые последствия. Остановим мы плиту — и мир будущего изменится, потому что изменится реальность биографических линий большого количества людей. Начни мы исправлять прошлое — и будущего бы не было. Конечно, в мире за все время существования человечества свершилось много жестоких событий: войны, стихийные бедствия, катаклизмы, и многое можно было бы по-

вернуть не так, но потомки — ветви, а мы — их корни. Они станут такими, какими ты их видел, если и мы останемся теми же, с грузом наших ошибок, и сомнений, и лучших моральных качеств. Итак, что ты выбрал?

— Что тут выбирать, — пробормотал Иван. — Выходит, из-за меня вы идете на нарушение закона? Конечно, играть в сборной Земли и жить там... разве я заслужил? Но объясните, что это за работа — наблюдатель хомоаномалий.

— Все просто. Спустя полтысячи лет после твоего рождения на Земле возникнет служба, назовем ее «Хомо супер», которая начнет искать аномалии талантов среди людей во всех веках, чтобы генофонд человечества, фонд гениев и творцов «работал» в полную силу, с отдачей своего потенциала человечеству. Я работаю здесь, в Рязани двадцатого века, другие наблюдатели сидят в других временах, такие же люди, как и все. Я не «пришелец из будущего», а такой же рязанец, как и ты, мне просто повезло, что я работаю в родное время.

— Поиск гениев? — переспросил Иван, оглушенный открытием. — Я-то здесь при чем?

— Хочешь, чтобы это сказал я? Гениев, кстати, обогнавших свое время, не так уж и мало, просто мы знаем далеко не всех. Реализуют свои возможности лишь яркие индивидуальности или те, кому помогли фортуна, случай, обстоятельства, условия. Самые громкие примеры ты, наверное, знаешь: индеец майя Кецалькоатль — Пернатый Змей, Джордано Бруно, Леонардо да Винчи, Эйнштейн.

Иван скептически усмехнулся:

— Неужели и я в этой шеренге?

Устюжин не улыбнулся в ответ.

— Напрасно иронизируешь, ты тоже гений — гений спорта, гений волейбола, если хочешь, очень редкое явление. Среди сфер искусства, культуры,

политики, науки и техники сфера спорта — самая не насыщенная гениями. Талантливых спортсменов немало, гениев — единицы. Бегун Владимир Куц, хоккеист Валерий Харламов, прыгун Боб Бимон, футболист Пеле, борец Иван Поддубный. Список можно продолжить, но он мал. Ты выбираешь профессию наблюдателя?

Иван качнул головой, закрыв глаза и снова вспоминая свою последнюю игру в волейбол трехтысячного года.

— А что будет, если я... не прыгну?

Устюжин отвел глаза.

— Будут... жертвы. Но ведь ты мог и не зайти сюда, мог просто ускорить шаг и пройти мимо. Так что выбор твой оправдан.

«Вы это искренне говорите?» — хотел спросить Иван, но передумал, он и так понял тренера.

— Ясно. Однако, чтобы стать наблюдателем хо-моаномалий, нужно иметь призвание. К тому же профессия наблюдателя требует таких качеств, как терпение и умение оценить человека с первого взгляда. И главное: у долга и совести альтернативы нет, не может быть. Я струсил, это правда, но уйти сейчас в будущее, зная результат такого бегства... это... предательство!

Устюжин отвернулся, помолчал и сказал глухо:

— Я не ошибся в тебе, брат. Прости за вмешательство в твою судьбу. Прощай.

— Прощайте. — Иван задержал руку тренера в своей. — Не поминайте лихом. Еще один вопрос, он почему-то мучает меня: как будут играть в волейбол еще через тысячу лет после тех Игр? Ведь волейбол в трехтысячном — не предел.

— Не предел, — согласился Устюжин. — Например, в четырехтысячном году произойдет слияние многих игровых видов спорта с искусством, игры будут напоминать красочные представления-турни-

ры со множеством действующих лиц... а волейбол станет хроноконформным: во время игры будет трансформироваться не только мяч, но и пространственный объем игры, и время, и сами игроки.

Иван вскинул заблестевшие глаза:

— Хотел бы я поиграть в такой волейбол...

— Ваня! — позвал вдруг кто-то с другой стороны улицы, являющейся одновременно и набережной. Голос был мужской и знакомый, но Иван не хотел ни с кем разговаривать и с ходу свернул в дыру в заборе: справа шла стройка двенадцатиэтажного жилого дома...

ДВОЕ В ПУСТЫНЕ

На Космической троллейбус задержался: впереди стояла желтая машина ремонтников, и двое угрюмых парней в спецовках не торопясь что-то подстukiвали наверху в стыках проводов. Через минуту тронулись, а я вдруг перестал воспринимать действительность. Знакомое чувство повторения виденного охватило меня. Такое бывало и раньше: вдруг ни с того, ни с сего начинает казаться, что тебе знакома та ситуация, которую ты только что пережил. Так и сейчас: все во мне напряглось, воспоминание рождается мучительно долго и безнадежно — такое уже было... такое или почти такое... но где и когда?

Едва осознавая себя, я сошел на следующей остановке, и тут это произошло...

Удар тишины! Встряска всего организма от чего-то непонятного, неподвижного и тем не менее яростно динамичного... Словно вихрь промчался надо мной и внутри меня, очистил от шелухи мыслей и чувств, и вот я уже стою онемевший, растерянный, в странном мире, где разлиты покой, тишина и неподвижность...

Нет-нет, я находился все там же: остановка «Перспект Героев», справа — стена десятиэтажного дома почти километровой длины, прозванного в быту «Китайской стеной», слева — высотный серый дом

из сплошного унылого бетона, рядом почта, гастроном... Все то же и совсем не то! Ни людей, ни звуков их торопливой жизни! Застыли коробки троллейбусов и автобусов, пустые, как скорлупа съеденных орехов, совершенно обезлюдели тротуары, подъезды, дороги. Ни одного пешехода, ни одной живой души! И над всем этим мертвым спокойствием разлит странный розовый небосвод, струящий ровный, без теней, свет на опустевший жилой массив...

Первым инстинктивным движением моим был шаг назад, в салон троллейбуса, но скрип и шорох пустой, накренившейся под моей тяжестью машины не отрезвил меня, а наоборот, заставил сделать еще несколько нелепых движений: я выпрыгнул обратно, зажмурил глаза, надавил до боли на глазные яблоки, открыл и увидел тот же знакомый и одновременно чужой до жути пейзаж и закричал:

— Лю-ю-ди-и!..

— ...Уди-уди-уди-ди-и... — ответило долгое эхо.

И снова молчание, ни стука, ни гула моторов, ни шелеста шагов...

Как всегда, я просыпаюсь уже после того, как полностью постигаю всю глубину своего одиночества. Оно бьет по нервам так сильно, что я просыпаюсь в страхе и долго не могу прийти в себя, смотрю на смутно белеющий во тьме потолок и успокаиваю сердце по методу раджа-йоги. Потом, качая головой, произношу мысленно сакраментальную фразу: «Приснится же чепуха, Господи! О толкователи снов, где вы?»

Однако с некоторых пор я перестал быть уверенным в том, что это чепуха. Сон мой — с опустевшим городом — донимает меня уже вторую неделю аккуратно через день. И если первые мои реакции на сон были еще более или менее положительными: любопытство не позволяло заниматься глубоким самоанализом, то в конце второй недели я стал

досматривать сон с ужасом, не делая попыток рассмотреть подробности обстановки, как раньше, не умея отстраниться от тоски, страха и жуткого ощущения ирреальности происходящего, засасывающего в бездну небытия. Ребята на работе, врачи-исследователи, как и я сам, посоветовали обратиться к психиатру, благо, что в институте их пруд пруди, и все знакомы. И я согласился, хотя как врач-невропатолог всегда был высокого мнения о своей нервной системе — был уверен, что друзья не отправят меня на Игрень — известное в нашем городе место, где расположена психолечебница.

Я было совсем уже собрался на консультацию к психиатрам, их лаборатория находилась рядом, за стеной, как начальство в лице заведующего лабораторией нервных заболеваний Пантелеева послало меня в командировку, и я решил понаблюдать за собой в иной обстановке: кто знает, может быть, от перемены местожительства исчезнут и мои сны?

Командировки, честно говоря, я не люблю, и если и терплю их, так это лишь за новые, неизвестные мне ранее и потому полные таинственного смысла и романтики дороги, след юношеского увлечения романтической литературой и туризмом...

Ехать нужно было в Кмиенск, во Всесоюзную лабораторию иглоукалывания и электропунктуры, куда я ездил до этого случая всего два раза, причем оба раза на автобусах — восемь часов качки и тряски, чем не тренажер для космонавтов? На сей раз автобус отпадал: он отправлялся на следующий день в семь утра, а мне нужно было в тот же день в девять утра быть в лаборатории. Пришлось ехать по железной дороге, вечером, с пересадкой в Черницах, чему я даже обрадовался, забыв ироническое напутствие Пантелеева, который почему-то всегда разговаривал со мной, как со студентом, а не научным сотрудником с полугодовым стажем.

Как я оказался на вокзале — не помню, увлекся, наверное, самоанализом, помогающим иногда коротать время в общественном транспорте. В кассе мне еще раз объяснили, что ехать надо с пересадкой: до Черниц на электричке, а дальше на любом проходящем до Кмиенска. Меня это вполне устраивало, и я приготовился к трем удовольствиям, доступным каждому командированному: созерцанию пейзажей за окном вагона, чтению книг или журналов, до которых дома просто не доходят руки, и случайным встречам.

Что касается встреч, то тут судьба уготовила мне именно то, чего я тщетно ждал последние два года. При посадке в электричку на перроне мелькнуло удивительно знакомое красивое девичье лицо. Я стремительно кинулся назад из вагона, по инерции оценил достоинства фигуры удалявшейся девушки, и тут меня как громом поразило — это была Алена. Девушка, с которой нас когда-то связывало нечто большее, чем знакомство. Лишь внезапный, неизвестно чем вызванный отъезд ее из города помешал мне предложить ей руку и сердце, и с тех пор я ждал встречи, исчерпав все возможности отыскать ее за пределами города. В одно мгновение регулятор моей жизни крутнулся с ускорением, исчезли спокойствие и уверенность, философское отношение к жизни, порядок в душе и здравый смысл.

Я успел заметить, что Алена садится в ту же электричку, и поблагодарил судьбу, не ведая, что приготовил мне его величество случай в лице Пантелеева.

Я мчался по вагонам так, словно гнался за собственной тенью. А заметив Алену в предпоследнем вагоне, остановился наконец и перевел дыхание.

«Остынь, ненормальный! — сказал во мне скептик оптимисту. — Прошло два года, тебе и ей уже по двадцать шесть, и если ты за это время не сумел найти пару, то ей-то необязательно ждать так долго. Будь уверен, у нее уже двое детей и лысый муж!»

«Почему лысый? — возмутился оптимист. — При чем тут лысый муж? Подойди к ней, дурак, это же Алена!»

«Ну да, как же, подойди, — насмешливо проговорил скептик. — Подойди, давай. И что ты ей скажешь? «Привет, Аленушка? Как живешь? Как дети? Здоров ли лысый муж, холера его задави?!»

Ну да, ты искал ее, искал год, два, а потом? Потом смирился, успокоился. А если она не приехала сама, не дала о себе знать, значит, незачем было приезжать и писать. Ты забыт, давно и прочно, и не стоит напоминать ей о собственном существовании, приятного тут мало. Сиди спокойно, парень, твой шанс упущен два года назад, не стоит ворошить прошлое, любить можно только в настоящем...

И я, совсем тихий и трезвый, сел неслышно на последнее сиденье вагона, чтобы не терять из виду ее милое лицо с челкой, со слегка оттопыренной в раздумье нижней губой, и смотрел, смотрел, все больше приходя к мысли, что она совершенно не изменилась. Или это шутки памяти? Но нет, она и раньше носила такую прическу... и не красила губы... Я успел отвернуться, когда она подняла голову.

Нет, я никогда не был робким, но в данный момент, несмотря на мучительное желание прижаться щекой к ее нежной, хранящей теплоту моих и, может быть, чужих поцелуев, щеке, обнять ее, зарыться лицом в разлив каштановых волос, я лишь судорожно сжимал в окаменевших руках «дипломат», мял душу в болезненный ком и всем телом чувст-

вовал ее недоступную близость, рожденную пропастью времени и неизвестности.

А потом она встала и вышла через вторую дверь. Ноги сами вынесли меня в проход, но в голове пискнула задавленная эмоциями здравая мысль: «А командировка?» — и я смирился.

Наверное, я представлял собой довольно жалкое зрелище, потому что вошедший в вагон пожилой дядя внезапно предложил мне закурить. Я посмотрел сквозь него, и он куда-то испарился вместе с сигаретами и брюшком. Двери электрички захлопнулись, и я понял, что упустил этот последний шанс обрести ту, первую и единственную, о которой не устают писать поэты, а двадцатилетние мужики вроде меня вспоминают не раз и не два, но лишь в тех случаях, когда потеря бьет по сердцу до боли, до крови, до короткой, но звериной тоски...

Не помню, как я снова очутился на сиденье в вагоне. Мыслей не было, в голове царил фон серой, щемящей грусти, который пронзали чьи-то выкрики: «Кретин! Растяпа! Шляпа!» — и кое-что похлеще. Лишь сосредоточившись, понял, что оптимист во мне вопит победившему скептику, и приказал им обоим прекратить. Справиться с собой в момент эмоционального кризиса невероятно трудно, это я знаю как профессионал, но и тут я оказался на высоте, подтвердив собственное мнение о своей нервной системе. Горько усмехнувшись, я подумал, что могло бы случиться, если бы она — нервная система — была у меня ни к черту? О своих снах я в этот момент забыл начисто.

За окном бежала зубчатая кромка леса, пылал ало-розовый, в полнеба, закат, а я смотрел на все это великолепие природы и видел только лицо Алены, милое, уходящее, уплывающее, тонущее в розовом сиянии...

Через час, когда я более или менее успокоился, оказалось, что в вагоне кроме меня никого нет. Все вышли, и никто больше почему-то не входил. Правда, я и до этого не помнил, были ли в нем пассажиры. Впрочем, были. Я пожал плечами, устраиваясь поудобнее у окна, потом смутная мысль заставила меня посмотреть на часы. Шел двенадцатый час ночи! По всем даже самым пессимистическим подсчетам Черницы я уже проехал! Но ведь... но Черницы — конечная?!

Я бросился к дверям.

Электричка продолжала свой стремительный бег сквозь ночь, словно во всем мире не существовало ничего, кроме звенящего гула рельс и перестука вагонных колес! Во всем мире только электричка и я! И ничего больше! Странное совпадение двухнедельных снов и реальности... Впрочем, почему я так уверен в реальности происходящего? А если это просто новый сон?!

Я выбежал в соседний вагон — пусто! Следующий — пусто, и дальше — никого, пусто, никого! И тогда я прислонился к косяку двери и засмеялся. Но смеялся не долго: смысл происходящего наконец дошел до меня во всей своей трагической нелепости. Я опомнился, сердце сжала холодная лапа тревоги. Дошел до двери тамбура, выглянул в окно. Там уже не было той зыбкой черноты, которая радовала меня час назад. Вместо мрака какой-то розовый отсвет ложился на мелькающие по сторонам кусты, деревья, на распаханное поле, на изгибы реки. Там, куда безудержно мчалась пустая электричка, разгорался странный — в двенадцать ночи! — розовый день.

Через несколько минут стало совсем светло, небо приобрело чистый розовый цвет, ни одно облачко не портило его безукоризненной чаши. Электропоезд проехал лес, вырвался на край долины, и в до-

лине я увидел город. Город как город — многоэтажные дома, улицы в паутине проводов, скверы, заводские трубы, но я сразу понял — это город из моих прежних снов, *пустой* город! И ждет он меня. И снова, как в тех снах, предчувствие грядущего одиночества погнало меня по вагонам в поисках хотя бы одной живой души.

В кабине машинистов никого не оказалось, а добежать до хвоста поезда я не успел. Электричка замедлила бег, колеса дробно простучали по стрелкам, приблизился двухэтажный, отражающий всеми стеклами чистый пламень неба вокзал. Двери открылись с шипением, я сошел.

Как и ожидалось, вокзал не встретил меня обычным шумом людской толпы, свистом тепловозов и вздохами громкоговорителей. У меня было такое ощущение, будто я с разбегу треснулся лбом о стену и оглох. Эхо моих шагов было единственным шумом, нарушившим покой вокзала. Впрочем... я замер... я услышал шаги, торопливые шаги одинокого человека. Метнулся обратно на перрон и увидел ее, Алену. Удивленное, слегка растерянное лицо, в глазах недоумение.

— Виктор, ты?

— Нет, — сказал я хрипло, отыскав сердце где-то в желудке. — То есть я. Ну здравствуй, Алена.

Она еще не поняла, что мы одни на вокзале, одни в городе, а может быть, и на Земле. Это понял пока лишь я один. И еще я понял, что мои недавние странные сны были только подготовкой к реальному событию, и событие это наконец произошло. Она же была занята встречей, остальное для нее отодвинулось на второй план... так, во всяком случае, я расшифровал ее взгляд. Надолго ли? Но возликовать мне помешала тишина.

— Ты так неожиданно уехал...

— Я?!

Она усмехнулась:

— Не я же. А я ждала, что напишешь... долго...

Я вдруг засмеялся против воли и тут же умолк. Оказывается, вопреки действительности, уехала не она, уехал я! Шутка? Или все это звенья цепи, приведшей нас сюда, в пустой город? И называется все это — умопомешательство? Мое?!

— Алена, — сказал я проникновенно. — Я не мог прийти раньше (а что еще можно сказать в данной ситуации? Выяснить отношения — кто из нас уезжал на самом деле — глупо). Но, как видишь, я все же нашел тебя (и это неправда, но кому-то из нас надо же взять ее на себя). Пошли?

— Куда? — спросила она доверчиво — это одно из главных ее достоинств, — протягивая руку.

Действительно, куда, подумал я, но вслух сказал:

— В город из сказки. В город, где мы будем только вдвоем.

Я вывел ее на привокзальную площадь, заполненную тишиной, как талой водой. Я делал вид, что пустой город сказочно красив и таинственен, что все идет по плану (чьему только, хотел бы я знать?), что впереди нас ждет море счастья и жизнь, полная радостных событий, а в сердце заползал удав тревоги, все громче звучал в душе голос стихийного протеста против этого затеянного неизвестно кем и неизвестно для чего безжалостного эксперимента, которому я уже придумал название: «Двое в пустыне», ибо что такое город, как не технологическая пустыня? Кстати, худшая из пустынь. И разве одиночество не есть пытка, даже если ты вдвоем с любимым человеком, который к тому же еще не понял всей трагедии случившегося?

Я все говорил и говорил, захлебываясь красноречием, чтобы отвлечь ее от дум, от размышлений, уберечь от того страха, который охватил меня с утробной по сравнению с «сонными» страхами си-

лой. Там я был одинок сам, один на один с собой — здесь мы были одиноки оба, помимо нашей воли, помимо нашего желания, и я уже страдал ее будущим страданием, которое вскоре поглотит все — и первую заинтересованность положением, и необычность встречи, и ощущение новизны. Я ведь знал, что не смогу заменить ей всех: друзей, подруг, товарищей по работе и просто людей, почти четыре миллиарда людей Земли, тех, о ком не имеешь ни малейшего представления, пока тебя с кровью не оторвут от них и не бросят в пустыне... Робинзон Крузо смог прожить двадцать восемь лет в одиночестве только потому, что у него была надежда на возвращение к людям. У меня такой надежды не было, таков был замысел тех, кто посадил нас с Аленой в клетку пустого города. Почему я знал об этом? Знал и точка. Словно родился с этим знанием.

— Здесь все наше, понимаешь? — говорил я. — Считай, что нам преподнесли такой свадебный подарок — пустой город и вообще весь мир. Не возражаешь? Здесь мы будем только вдвоем, никто нам не помешает, не бросит укоризненного взгляда, ты не представляешь, как здорово быть вдвоем! Ты и я, город и небо.

— Не дурачься, Виктор, — сказала она вдруг. Глаза ее расширились, недоумение плеснуло в них тяжелой волной. Пока лишь недоумение. — Что случилось, Виктор? Почему здесь никого нет? Тишина... как странно... Ты не шутишь? Мы действительно в пустом городе? Где мы?

— В пустыне! — воскликнул я тогда с отчаянием, уже ни на что не надеясь. Перед моим мысленным взором пронеслись картины нашей будущей жизни. Одни в пустом городе... сначала любопытство, попытки приспособиться к жизни в бетонном раю, потом скука, жизнь воспоминаниями...

Что мы можем — одни? Чего мы стоим — только двое? Человек — существо общественное, кому же понадобилось убеждаться в противном? Пришельцам, коими забиты сборники фантастики? Соседям из «параллельного пространства»? Ну а если мы выдержим экзамен на одиночество? Что тогда? Ведь люди не раз доказывали, что способны на невероятное, казалось бы, терпение, не раз проявляли невероятную выдержку, силу воли. Что, если сможем и мы? Я же еще не проигрывал такого варианта, не был готов, что же произойдет в этом случае?

Я остановился. Что-то происходило во мне помимо воли, прояснялось, словно проявлялась фото-пленка и на ней проступали заснятые ранее кадры. Словно кто-то неведомый — не разобрать, друг или враг — оставил во мне след, таинственные письмена, которые стали вдруг мне понятными.

По-видимому, то же самое происходило и с Аленой.

— Как... Адам и Ева? — с запинкой произнесла она. — Ты это хотел сказать, Виктор? Мы с тобой — Адам и Ева новой цивилизации? Отвели нам свободное пространство — живите, дышите, любите, рожайте детей, а мы посмотрим. Так?

— Аленка! — крикнул я с болью и ненавистью к тем, кто все это затеял. — Я-то тут при чем? Мы ведь действительно одни! Ты и я! И я тоже не знаю — почему. Верить?

Эхо подхватило мой голос, понесло по улицам и переулкам пустого города и вернулось уже нечеловеческим смехом, перебранкой чужих голосов, ползучим шепотом.

— Верните нас! — крикнул я снова, обращаясь к невидимым экспериментаторам, наблюдавшим за нами, я верил, что они существуют. — Верните хотя бы ее! — Я подтолкнул Алену вперед.

— Что ты делаешь? — гневно воскликнула девушка и схватила меня за руку. — Только вместе! Слышишь? — Это она мне. — Слышите? — Невидимым наблюдателям.

Она была так красива в этот момент, что я готов был на все — на бой с неявным, но всемогущим врагом, на пытку — на смерть, наконец! — лишь бы она была рядом со мной. Потерять ее в этот миг означало для меня покончить счеты с жизнью. И все же — пусть мы будем вдвоем — и со всеми, такой я сформулировал девиз, потому что только вдвоем мы не будем счастливы наверняка.

— Алена... — позвал я шепотом, протягивая к ней руки...

Полумрак, белый потолок, тихое тиканье часов на буфете и шаги над головой. И сердце, занимающее полгруды...

Я приподнял гудящую голову над подушкой, бессмысленным взглядом окинул комнату.

— Алена... — машинально позвал я и осекся. — О боги!

Так это снова был сон? Сон, и больше ничего? До жути реальный, реальный до дрожи в руках, но все-таки сон? Но как же Алена? И командировка в Кмиенск?..

Я встал, прошлепал босиком до кухни, по пути посмотрел на часы — четыре утра, — напился воды, словно только что действительно вернулся из путешествия по пустыне, где едва не умер от жажды, и, сказав вслух: «С ума можно сойти!» — рухнул на кровать. Но до утра так и не уснул. Сон выбил меня из колеи окончательно. Я пытался найти хоть какую-нибудь логическую нить в посетивших меня сновидениях, но ассоциации уводили меня то в глухой ночной лес, то в пески, то в палату умали-

шенных, где я отвечал на вопросы лечащего врача, моего однокашника, путаясь в самых элементарных вещах, так что в конце концов меня стала колотить дрожь и я прямо с утра решил пойти к психиатру. Откладывать визит не имело смысла, тем более что командировка мне действительно предстояла.

У двери нашей лаборатории я встретил двоих врачей-практикантов, Сашу Круглова и Сашу Монахова, их интерн-сектор находился рядом с нашим отделением, за стеной.

— Привет интерн-шизикам, — шуточно приветствовал я их, останавливаясь, решив соблюдать хотя бы внешнюю бодрость при полном отсутствии внутренней. — Что это у вас вид похоронный?

— Кузя сдох, — угрюмо сказал Монахов, отличавшийся редким лаконизмом речи.

— Ах ты, несчастье какое! — посочувствовал я. Кузей звали нашего институтского кота. — Вероятно, от нехватки подруг.

— Нет, — сказал Саша Круглов, обладавший редким даром принимать шутки всерьез. — Понимаешь, мы испытываем... с шефом конечно, новый генератор психополя, сначала на крысах пробовали, а потом на... в общем, Кузя взял и сдох.

— Не рассчитали дозировку излучения, — небрежно сказал я. — Вот и сдох ваш несчастный Кузя, царство ему небесное, хороший был кот. Экспериментаторы! А какова программа?

— Психомотив одиночества, — буркнул малообщительный Монахов.

— Пси... мотив чего? — тупо переспросил я.

— Одиночества, — терпеливо повторил Круглов. — Программа включает гипноиндукционное вступление, то есть подавление воли перцепиента, и волновую передачу, внушающую явление пассивной психоизоляции и прорыв подсознания во сне.

— Ну конечно, — сказал я, шалея. — Одиночество... аккуратно через день.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно посмотрел на меня Монахов. — Валька растрепалась?

Валькой была новенькая лаборантка в их секторе, часто забегавшая к нам.

— Ага... то есть нет. — Я постепенно отошел. — Стена, понимаешь ли, тонкая, вот в чем дело, друг ты мой ситный. Психомотив одиночества. — Я вдруг захохотал с облегчением. — Основатели цивилизации Виктор-Адам и Алена-Ева... пришельцы... ха-ха-ха... Параллельное измерение! Паршивцы!

Я хохотал до колик в животе, а оба Александра тревожно рассматривали меня, явно вспоминая классификацию шизоидов и решая, к какому классу сумасшедших отнести меня.

— На крысах? — спросил я слабым голосом, изнемогая. — Гениально! Молодцы практиканты! Психомотив одиночества проверять на крысах и кошках — это гениальная мысль! Кто автор?

— Шур, — помолчав, сказал Монахов, — чего это его так развеселило? — Он снова оценивающе посмотрел на меня. — Не понял я его намеков на тонкую стенку.

— Эх вы, юмористы. — Я вздохнул. — Дело в том, что вы чуть было не отправили меня по пути кота Кузи. Так-то, экспериментаторы! Генератор ваш стоит небось у самой стены, справа от входа?

— Стоит, — подтвердил Круглов. — Ну и что?

— Ну вот, а с другой стороны стены — мое рабочее место!

Через час я стал знаменитостью института номер один.

Меня замучили расспросами девушки, выясняя в основном, кто такая Алена, постоянно донимали

ехидными репликами друга. А потом начальство в лице Пантелеева и директора института послало меня под неусыпным надзором в командировку в Киев вместе с результатами анализов и записями на пленке моих ответов на все существующие психотесты. В Киевском институте экспериментальной медицины меня ждали академики-психиатры с новейшей медицинской и вычислительной техникой.

В поезде я помог какой-то девушке внести в купе чемодан, а когда случайно вскинул на нее взгляд — даже не удивился, просто не поверил: это была Алена.

Мы стояли, оба одинаково потрясенные, и молчали. А я вспомнил сон с пустым городом и пожалел, что кругом полным-полно пассажиров, что мы не в пустыне, вдвоем, только она и я.

И НАСТУПИЛА ТЕМНОТА

Хроника одного космического полета

Старт

Он был очень красив — первый трансгалактический космолет, изящество и сила сочетались в нем удивительным образом, создавая впечатление гармонии и эстетического совершенства, но экипаж космолета состоял всего из двух человек, потому что целью экспедиции была проверка вывода ученых-космологов о конечности Космоса, иными словами — разведка «границ» Вселенной.

Выслушав напутствия взволнованных ученых, командир корабля Иванов произнес блестящую речь, состоящую из трех слов: «Спасибо! До встречи», и скрылся в космолете. Пилот Петров помахал остающимся рукой и молча последовал за ним. В кабине Иванов ответил на все вопросы диспетчера даль-разведки, вопросительно посмотрел на товарища, и тот ободряюще кивнул. Иванов включил двигатель.

Первый трансгалактический космолет стартовал в сторону галактического полюса, в неизвестность.

День первый

Выйдя за пределы Солнечной системы, космолет сделал первый гиперсветовой прыжок за пределы Галактики, и космолетчики долго любовались вели-

колепной спиралью Млечного Пути, занимавшей весь объем главного экрана. Второй прыжок вынес их за пределы местного скопления галактик, откуда родная Галактика выглядела уже слабеньким пятнышком света размером с человеческий зрачок.

— Не потеряться бы, — сказал молчавший со времени старта Петров, вечно занятый какими-то расчетами.

— А курсовые автоматы на что? — отвечивал Иванов, зная, что Петров знает, что он, Иванов, тоже знает, что космолет ведут автоматы по давно рассчитанной траектории и затеряться практически невозможно.

Однако Петров почему-то пожал плечами, и на лицо его упала тень сомнения.

День второй

Третий, и пятый, и двадцать пятый прыжки в режиме «звездный кенгуру» ничего не меняли в окружающем их пространстве. Все так же со всех сторон светили слабенькие светлячки далеких галактик и их скоплений, складываясь в ячеистую мозаику на экранах, все так же горел впереди «путеводной звездой» квазар «Беглец-XX», олицетворявший для науки Земли видимую в телескопы «границу» Вселенной.

После двадцать шестого прыжка квазар отвалил в сторону, и космолетчики принялись за исследование окружающего мира и проверку систем корабля. Анализ пройденного пути показал, что космолет пронзил около тридцати миллиардов световых лет и действительно прошел вблизи квазизвездного источника, известного под названием «Беглец-XX» — догорающего со времени рождения Вселенной клочка праматерии.

Отпраздновав событие ~~звоним бокалов~~ с тонизирующим аи, космолетчики направили бег корабля в густую тьму «завселенского» пространства. Позади остался сверкающий редкими огнями знакомый космос, впереди людей ждала Ее Величество Неизвестность...

Куда дальше?

Очнувшись от суточного небытия, Иванов пошупал тяжелую после гипносна голову и встретил взгляд товарища, выражавший вопрос. Выключив защиту, он дал команду автомату, и экраны прозрели.

— Елки-палки! — угрюмо буркнул Петров.

Их со всех сторон окружала полная тьма! Ни одного лучика света, ни одной самой крохотной звездочки! Ничего! Мрак!

— Тринадцатый день одно и то же... — пробормотал Иванов и нехотя включил бортовой исследовательский комплекс. Но и с помощью приборов не удалось определить, где находится космолет. Здесь не существовало таких понятий, как «верх» и «низ», «вперед» и «назад», «далеко» и «близко». Казалось, весь корабль плотно упакован черной, непроницаемой для света материей. Автоматика тоже не могла дать рекомендаций, как выбираться из этого странного угольного мешка, в котором не существовало расстояний и линейных мер. Не верилось даже, что за стенками космолета вакуум, но компьютер заверил — пространство существенно не изменилось, вокруг тот же континуум, заполненный реликтовым излучением. Правда, плотность энергетического потока со всех сторон стала ничтожно малой, сверхчувствительные датчики выбрасывали на табло почти одни нули.

Сутки исследователи ничего не предпринимали, думали. Потом Иванов снова включил двигатели.

— Будем прыгать, пока куда-нибудь не припрыгаем, иного пути у нас нет.

Надежда

Совершив сотый прыжок, отчаявшиеся космолетчики с угасающей надеждой обшарили глазами черноту обзорных экранов, и вдруг Петров сбросил свою угрюмую флегматичность:

— Ущипни меня, Толя, я сплю!

Иванов проследил за его взглядом и, так как не запрещал себе говорить вслух все, что думает, произнес более длинную тираду, смысл которой сводился к слову «ура!».

Слева по носу космолета появилась маленькая искорка. Она была почти не видна, далеко за пределами человеческого зрения, но если свет от нее дошел в эту область пространства, значит, впереди сияла жизнь? Иная Вселенная?..

— Звездулечка ты наша! — пропел Иванов от избытка чувств.

Петров в ответ достал бокалы.

Недоумение

После пятого прыжка с момента обнаружения искры света Иванов остановил сверхсветовое движение космолета, с тревогой посмотрев на счетчик запасов энергии.

Звезда увеличилась, но уж очень странной был ее спектр, он не укладывался в рамки ни одной из теорий звездного излучения.

Сначала Петров мрачно пошутил, что они попали в антимир, потом предположил, что это «белая дыра» — выход в иную Вселенную из той, откуда они вылетели. Но никто из них не предполагал истинного положения вещей.

Змея, кусающая себя за хвост

Сделав еще прыжок, они наконец увидели, что это такое.

Перед ними, ясно видимая в черноте космического пространства, висела исполинская, горящая ровным оранжевым пламенем... свеча!

— Сто тысяч парсеков! — пробормотал Петров, дикими глазами глядя на визирные метки экрана. — Глянь, Толя, длина пламени — сто тысяч парсеков! Представляешь?!

Иванов не представлял, он просто смотрел открыв рот.

Свеча была витой, капли расплавленного стеарина застыли на ней (?!), а ее основание терялось во мраке. Она горела ровно, невозмутимо, бездымно, словно стояла на столе в подсвечнике, а не висела в космосе, размером больше любой галактики!

«Батюшки светы! — ахнул Иванов, озаренный догадкой. — Это куда же нас вынесло?! Уж не вывернуло ли обратно на Землю? Из макромира в микромир?!»

Развить мысль он не успел. Откуда-то из мрака «засвечного» пространства придвинулись к свече исполинские человеческие губы, дунули на пламя и — наступила полная темнота...

СТИХИЯ

Солнце зашло. Весь западный склон небосвода заняла медленно надвигающаяся мрачная фиолетовая пелена облаков. Ветер уже давно затянул свой пронзительный вокал. Резко похолодало.

Прохожих на мосту через Днепр в этот предвечерний час не было, но Ивонину это обстоятельство лишь доставляло удовольствие: он любил с работы и на работу ходить один, настраиваться на рабочий или «отдыхательский» режим в одиночестве. К тому же впереди была встреча с Ингой, и он шел и улыбался.

День закончился удачно: начальник отдела не тревожил, предоставив Ивонину право самостоятельно решить проблему компоновки пульта спецконструкции, главный специалист отдела сделал пару глубокомысленных замечаний и тоже «умыл руки», таким образом Ивонин в спокойной обстановке нашел решение, и теперь предстояло расчетами доказать его осуществимость. Ну а за это Ивонин не тревожился, теоретически он был подкован неплохо, как отметил с долей иронии начальник на оперативке, намекая на почти никакой опыт Ивонина как молодого специалиста.

Окончательно стемнело. Сине-фиолетовая стена туч придавила город обреченностью непогоды. Ветер

усилился, хотя дождя еще не было; на мосту он свирепствовал всюду, не опасаясь заблудиться на проспектах и улицах, в тупиках и двориках.

Ивонин поднял воротник плаща, прибавил шагу. Проводив взглядом переполненный троллейбус, он уловил сочувственный взгляд пожилой женщины и усмехнулся в душе: настроение, несмотря на непогоду, не ухудшалось. Для поэтической души Ивонина, как и для природы, плохой погоды не существовало.

На середине двухкилометрового пролета он вдруг почувствовал — не увидел или услышал, именно почувствовал, — что кто-то прячется в нише моста, на площадке, делавшей изгиб над опорой. Почему прячется? Потому что без причины никто сидеть у перил моста не станет, значит, прячется... или упал.

— Кто здесь? — негромко спросил Ивонин, останавливаясь.

Фонарь в этом месте только что погас, спустив темноту. Страх Ивонин не ощущал, первый разряд по боксу неплохо гарантировал личную безопасность, но смутное беспокойство все же заставило его пристальнее взглянуть во мрак.

— Кто здесь? — повторил он громче. И вдруг ему показалось, что он... падает в бездонный колодец, зыбкие стены которого сложены из страха, боли, тоски и одиночества, — бесконечный колодец, пронизывающий Вселенную человеческих трагедий. Станным образом он увидел, как неведомо где оползень уничтожает несколько зданий на окраине какого-то города — и получил укол пронзительной боли в сердце; увидел, как волна цунами, подхватив стоящие в бухте корабли, понесла их на берег и разбила о скалы — обруч жаркой боли сжал голову; увидел, как падает с обрыва в реку поезд с горящим тепловозом; потом промелькнули видения

автобуса, несущегося в пропасть; заливаемый водой поселок; снежный буран, ломающий домики экспедиции; падающая со стапелей на полигоне ракета; полицейские, разгоняющие демонстрацию, танк, стреляющий по белым трубам близкого города, и тысяча других событий, каждое из которых затрагивало какой-нибудь нерв и превращало тело в сплошной распухающий ноющий нервный ком...

И вдруг все исчезло. Ивонин ощутил себя на мосту, ветер яростно бросал в лицо пригоршни неизвестно когда начавшегося ливня.

Одинокий автобус обдал парапет рассеянным светом окон, и тут Ивонин увидел в углу ниши скорчившуюся фигуру. С минуту он приходил в себя, ни о чем не думая, даже не пытаясь дознаться, кто прячется в нише. Удар реакции от страшной цепи галлюцинаций был довольно сильным, лишь проезжавшая мимо колонна грузовиков привела его в чувство.

Как нарочно ртутный фонарь над ним в это время вспыхнул, напомнив астрономический термин «пульсар». Ивонин наконец смог разглядеть, кто перед ним. Это был худой, нескладный пожилой мужчина, на лице которого выделялись лихорадочно поблескивающие глаза и яркие, словно искусанные, губы. Одет он был в черную кожаную куртку, чрезвычайно потертую на сгибах, серые бесформенные брюки, натянувшиеся на острых коленях, и тяжелые армейские ботинки с проржавевшими насквозь пряжками. Шею незнакомца укутывал лиловый шарф, тем не менее он дрожал так, что это было заметно даже на расстоянии.

Ивонин встретил его взгляд и ахнул: столько в этом взгляде было неистойвой боли, тоски и отрешенности...

— Сердце?! — подскочил к незнакомцу Ивонин, нагнулся. — Давайте помогу.

— Двадцать тысяч... — прошептал незнакомец невразумительно. — Восемь баллов... за три минуты...

Ивонин беспомощно оглянулся. В обе стороны мост был пуст, струи дождя превратили его в зыбкий хребет какого-то доисторического чудовища. Только сумасшедший мог решиться идти через мост пешком в такую погоду.

«У него бред, — подумал Ивонин, — и как назло ни одной машины. А может, все это чудится? Мне, а не ему?»

— Сейчас, — продолжал шептать обладатель кожаной куртки. — Сейчас пройдет... не волнуйтесь. — Болезненная улыбка исказила его губы, глаза постепенно обрели смысл, прояснились, боль стала покидать их. — Не надо искать машину, — продолжал он уже более внятно. — Ни один врач не в силах помочь мне, уж поверьте, Игорь.

— Откуда вы меня знаете? — хмуро удивился Ивонин.

Незнакомец сделал неопределенный жест. Улыбка его исчезла. Он ухватился за перила, медленно разогнулся и оказался на голову выше Ивонина. Со смешанным чувством жалости и недоумения тот отвел глаза от нелепого костюма незнакомца, потом снова посмотрел на его лицо. Страшно было видеть, как крупная дрожь колотит его тело, не затрагивая головы.

— Наденьте мой плащ, — решил молодой человек. — И пойдемте отсюда, а то промокнете окончательно. Я вас провожу.

— Не стоит. — Незнакомец отвел руку Ивонина и сморщился. Глаза его снова остекленели на минуту, так что Ивонин почувствовал раздражение и смутное недовольство собой. «Псих какой-то, — подумал он, вытирая лицо ладонью, — или наркоман... а я пристал со своей благотворительностью...»

— Так помочь вам? — почти грубо сказал он, хотя тут же смягчил тон. — Далеко идти?

Незнакомца стало корчить, судорога исказила лицо до неузнаваемости, оно стало страшным, как у эпилептика.

— О, черт! — Ивонин обхватил согнувшееся, бившееся крупной дрожью тело, не зная, что предпринять, беспомощно оглянулся. По мосту промчался желтый «Москвич», но водитель не заметил их возни, а может, не захотел остановиться. Инженер чувствовал в этот момент себя так глупо, что первой его мыслью было плюнуть и уйти. Но тут незнакомец снова забормотал:

— Еще волна... и еще семь тысяч... Иранское нагорье... три города полностью... не держите меня, не держите... мне легче.

Ивонин отпустил странного больного, тот с усилием разогнулся. Лицо у него стало серым, как бетон моста.

— Идите, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы. — Я знаю, вы спешите, Игорь, идите, я сейчас справлюсь с приступом сам.

Инженер, наверное, выглядел довольно обескураженно, потому что незнакомец снова усмехнулся через силу.

— Зовите меня Михаилом, — сказал он. — Я не псих и не наркоман, и болезнь моя не входит в арсенал излечивающихся. Ни одна клиника мира не способна вылечить того, на ком отражается любое явление природы, чья нервная система способна ощущать зарождение циклона в Тихом океане и лесной пожар в джунглях Мадагаскара, вспышку на Солнце и падение вулканической бомбы... к сожалению, не только вулканической.

Мучительная гримаса перекосила губы Михаила, он с заметным усилием преодолел свой новый приступ. Что он почувствовал сейчас, какое событие?

Ивонин понял, что принял слова Михаила за правду, и разозлился. Но тот вдруг улыбнулся и проговорил:

— Только что в Джайлаусском ущелье произошел обвал, есть жертвы... Вы не верите, я вижу, но не обижаюсь, привык. В современную эпоху мне никто не верит. А я в самом деле реагирую на все, что происходит в мире, просто крупные явления природы, сопровождающиеся большим количеством жертв, «забивают» основной фон мелких событий. Иногда бывает так больно, что хочется покончить с собой, иногда организм «сочувствует» мне и я теряю сознание... Если хотите проверить, засекуте время: только что на набережной грузовик наехал на тумбу и опрокинулся. А на проспекте Гагарина ветер повалил фургон на трамвайные рельсы, и трамвай врезался в него и загорелся. Завтра все это появится в газетах.

— Но это же страшно! — воскликнул Ивонин. — Это удивительно и страшно, если только это правда!

— Правда. — Улыбка у Михаила получилась совсем «человеческая», горькая и задумчивая. — Я ношу это в себе почти всю жизнь.

— И никто не знает этих ваших способностей?

— И сейчас никто, вернее, только вы. Раньше знали Кампанелла, Гострид, Абу-ль-Вефа, Соломон... Нас было трое, но товарищи не выдержали пытки жизнью, и теперь я совсем один, один вот уже около двух веков.

Ивонин недоверчиво посмотрел на голову Михаила без единого седого волоска. В глазах нового знакомого искрилась усмешка, он иногда во время разговора уходил куда-то в лабиринты своих чувств, в свою сверххранимую душу, которую пронизывали не видимые никем силовые линии бурлящей вокруг жизни. И каждое сотрясение отражалось на нем вспышкой боли! Как же он выдерживает?!

— Не знаю, — тихо и печально отозвался Михаил, хотя Ивонин не задал вопроса вслух. — Для меня этот век самый жестокий, потому что во время войн я умираю тысячи раз... и воскресаю вновь. Не знаю зачем, но природа заложила в меня бессмертие. Может быть, скомпенсировав тем самым смертность остальных?.. Вы снова не верите. А я помню сожженные Карфаген и Геркуланум, гибель Помпеи и Содом и Гоморру, провал Ниагары — там сейчас знаменитый Ниагарский водопад, и сражения Второй мировой войны, Хатынь и Саласпилс, Хиросиму и Нагасаки, Вьетнам и Гренаду... Я помню вспышку сверхновой в тысяча пятьсот шестом году и пожар Москвы в тысяча восемьсот двенадцатом, гибель Атлантиды и землетрясение в Чили в тысяча двести девяностом... Очень редко встречаются те, кто выслушивает меня до конца, еще реже — кто верит. Да я и в самом деле привык к недоверию. Просто становится легче, когда есть с кем поделиться, тогда я отдыхаю.

— А вы не пробовали бороться? — невольно увлекся Ивонин.

— Пробовал не однажды. В шестнадцатом веке я стал ради этого алхимиком, в девятнадцатом — фармацевтом.

— А к врачам не обращались?

— Я уже говорил, врачи не помогут, хотя я конечно же обращался к ним за помощью. Никто не верит, зато тут же заносят меня в списки сумасшедших. Штамп мышления... Только великие умы верили мне, но и они помочь не сумели. Саварина как-то предположил, что помочь мне может лишь мой двойник по психонатуре, тот, кто умеет сопереживать, принять на себя груз боли... Я встречал людей, с которыми мне становилось легче, вот как с вами, но чтобы полностью убрать экстрасенсорность, как теперь говорят...

— Подождите, — остановил его Ивонин, у которого голова кругом пошла от обилия сведений и разыгравшейся фантазии. — А вы не пробовали убедить компетентные органы... в... ну, чтобы в районы бедствий вовремя успела помощь? Скажем, произошла где-то катастрофа, и вы тут же сообщаете о ней, чтобы спасатели...

Михаил сморщился.

— Пробовал и такую глупость, но... — Он безнадежно махнул рукой. — Давно... теперь смирился. Да и всем не поможешь.

— Ну не знаю... — не согласился Ивонин. Что-то в нем погасло. Жалость к собеседнику и интерес к разговору. «Что это я? — подумал он, вслушиваясь в гортанный голос Михаила. — Поверил? Конечно, в нем есть что-то заслуживающее доверия... и в то же время отталкивающее... вроде снисходительных интонаций и блеска превосходства в глазах. А может, так оно и есть — превосходство мудрости? Сколько же ему лет, если он помнит гибель Атлантиды? Тут он перехватил явно, не надо было всовывать мне Атлантиду. Шарлатан он, вот кто, увлекся собственным красноречием, чтобы взамен что-нибудь попросить... И я уши развесил, лопух...»

— И вы как все, — с горьким смешком прервал свою речь Михаил. — Шарлатан... Оливер Лодж назвал меня «камертоном событий». И лет мне ровно двадцать три тысячи сто пять.

«Пророк! — хмыкнул про себя Ивонин. — Михаил — пророк... «ангел», так сказать... «камертон событий»... Обалдеть можно! Интересно, откуда он сбежал?»

Ивонин с сожалением посмотрел на часы, окончательно уверовав в свою гипотезу о сбежавшем больном.

— Извините, мне пора идти. Интересно было познакомиться. Так я ничем не могу вам помочь?

— Вы уже помогли, — пробормотал Михаил, щеку его дернул нервный тик. — Прощайте...

Он шагнул из ниши и растаял в шелестящей дождем темноте. Издалека, словно из-под моста, донесся голос:

— Спасибо за участие!

И все стихло, остался лишь шелест осеннего дождя, одевшего в блестящую под светом фонарей кольчугу асфальт тротуара.

Ивонин потоптался на месте, зачем-то заглянул через перила под мост, никого и ничего не увидел, выругался в душе и побрел на светлое зарево огней вдоль набережной, которое сулило сухое тепло и отдых. Его вдруг начала колотить дрожь, как и странного собеседника на мосту, и, словно отзвук жуткого колодца, в голове засела заноза боли. «Заболел! — с долей удивления подумал он. — Простудился и заболел, вот и все. Отсюда и сегодняшние приключения, встреча с «камертоном событий»... Бред собачий! По словам мамы, я всегда был излишне впечатлительной натурой, вот и нафантазировал...»

На встречу с Ингой он опоздал...

Ночь провел плохо.

Боль не отпускала, пульсирующая, скачущая, колющая боль.

Ивонин снова и снова вспоминал незнакомца на мосту, снова и снова анализировал его слова, поведение, и утром вдруг с пугающей ясностью понял — он не просто простудился, а заразился от Михаила! Тот существовал наяву, а не в горячечном бреду сна.

«Подходящая психонатура, — горько думалось Ивонину. Неужели все это мне не привиделось? Не сон, не бред, не галлюцинация? Что же делать? Если у «камертонного» вируса большой инкубационный период, то, может быть, я успею посоветоваться с... с кем? Кто мне поверит?»

Приступ боли, зародившейся где-то в области сердца, свалил его на пол, и он отчетливо увидел стену урагана, поднявшую в воздух деревянные дома какого-то поселка...

«Так! — сказал сам себе Ивонин, лежа на полу и пытаюсь унять боль мысленным усилием. — Человек слаб... Человек слаб, если у него нет друзей и он остался один... Но у меня-то они есть! Инга! Ребята в институте... они поверят. Правда, придется разговаривать с ними на расстоянии, чтобы и они не заразились, и мы поборемся! В первую очередь, надо будет научиться определять географические координаты районов бедствий, но с этим я справлюсь, по географии когда-то пятерки были. Михаилу было труднее, у него не оказалось никого, кто хотя бы просто посочувствовал ему. Вот в чем его беда — отсутствие друзей! Вот в чем его трагедия! Плохо, что он опустил руки, отделил себя от всех, «закуклился» в себе самом... бессмертный эгоист! Попробую отыскать его, вместе с нами ему будет легче...»

Ивонин привстал, но жестокий приступ боли затуманил сознание — где-то далеко падал в океан горящий пассажирский самолет.

Ивонин, упорно цепляясь за стол, встал, пошатываясь пошел к телефону.

— Ничего! — выговорил он в три приема, кусая губы. — Мы еще посмотрим, кто кого! Я тоже — стихия!

ДЕРЕВО

Гигантское лезвие взрыва вспоролло экран, пересекло пульт, разметало людей и ахнуло в противоположную стену ходовой рубки, расколов ее зигзагом щели...

В сознание они пришли тем не менее быстро: первым Диего Вирт, потом Грехов, последним Мишин. И только Саша Лех по прозвищу Мальчик-с-Пальчик не шевелился, раскинув по разбитому пульта большие руки.

Диего выкарабкался из-под аппаратной стойки, взлетел к потолку рубки — наступила невесомость, — приблизился к пульта и наклонился над Сашей. Через несколько секунд он повернул к остальным побледневшее лицо и прошептал одними губами:

— Мертв!

Никто из них не знал причины катастрофы, даже Мишин, единственный в экипаже спасательного шлюпа теоретик и практик мгновенной «струнной» связи. Работником Управления аварийно-спасательной службы он стал недавно. И вот первый же его полет в составе аварийного патруля начался катастрофой, причем по иронии судьбы пострадал сам спасательный шлюп.

Мишин подумал было, что приемная тахис-станция каким-то невероятным образом вышла из резо-

нанса, что и послужило причиной аварии, но такое предположение нельзя было доказать, и он промолчал.

Маленький их кораблик был поврежден, что называется, надежно: киб-координатор не работал, навигационные системы тоже, лишь системы жизнеобеспечения еще кое-как дышали, снабжая рубку кислородом и крохами электричества. Через два с лишним часа прозрели уцелевшие экраны, но информации о положении шлюпа это не прибавило. Слева по носу шлюпа тускло светила волокнистая россыпь мрачных багровых звезд. Справа, совсем близко, пылало косматое оранжевое солнце. Несмотря на свой опыт, ни Диего Вирт, ни Габриэль Грехов не могли определить, куда вышвырнул их взбесившийся тахис-канал.

«Неклассическая ситуация, — подумал Грехов, с горечью сознавая свое бессилие. — Авария на спасательном модуле — нонсенс! Ирония судьбы. Что произошло на самом деле? Станция на Земле бросила нас по «струне» всего лишь на сто пятьдесят миллионов километров, к Меркурию, а оказались мы здесь... неизвестно где, разбитыми чуть ли не вдребезги. Наверное, такие случаи бывали только в самом начале тахис-плавания. Как же выпутываться из этого положения?»

И тут озарился пепельным светом центральный экран, и в его глубине выплыл горб близкой планеты...

Шлюп падал уже несколько часов.

Из разбитых блоков пульта Грехову удалось вдвоем с Мишиным собрать слабенькую схему ручного управления, и тогда у всех затеплилась смутная надежда на спасение.

За это время они подробно рассмотрели планету: то, что она могла стать их могилой, не умаляло интереса. Планета представлялась мертвой. Безуслов-

но, это первое впечатление было сугубо эмоциональным: растительность — они открыли степи и леса — уже жизнь! Однако люди невольно искали в безмолвных просторах степей намеки на жизнь разумную и не находили.

Шлюп заканчивал второй, и последний виток.

Мишин попробовал включить аппаратуру экспресс-анализа, но попытки его не увенчались успехом. Зато он первым обнаружил странную деталь на поверхности планеты. Сначала Диего Вирт шутки ради предположил, что перед ними конец планетной оси вращения. Потом ему же показалось, что это искусственное сооружение, башня необычной формы. Но лишь опустившись до уровня запрещенной орбиты, на которой они уже не могли уберечь шлюп от падения, даже если бы работал двигатель, люди поняли, что видят гигантское — около трех километров высотой! — дерево.

— Ущипните меня! — пробормотал Мишин. — Я сплю. Ей-богу, дерево! Или я на самом деле сплю?

— Эка невидаль — дерево, — пренебрежительно сказал Диего Вирт. — Лучше бы то была антенна даль-связи.

— Да вы что, ребята? Это же то самое Дерево спасателей! Помните историю с «Клинком солнца»?

— Сказки! — грубовато ответил Диего, по привычке не унывать в самых трудных ситуациях. — Давайте прощаться, что ли, шлюп уже падает.

Грехов в ответ мотнул головой, продолжая копаться в развороченном пульте. А через несколько минут, когда ждать больше как будто было нечего, Мишин вдруг сморщился и, стыдясь своего порыва, сунул Вирту жесткую темную ладонь. И почти сразу же Грехов крикнул:

— Держитесь!

Толчок включенного двигателя бросил людей в глубину кресел. Затем последовали еще толчки и еще...

Сначала Диего вытащил безвольное тело Мишина, с трудом ворочаясь в смятой, перекошенной рубке. Передохнул и полез в шлюп снова. Вынес Грехова и несколько минут ждал, пока пройдет боль в груди. Потом уже автоматически вернулся за мертвым пилотом. Саше Леху теперь было все равно, где лежать.

Хотя шлюп был почти неуправляем и при посадке пропахал носом несколько сот метров, экипаж он спас. Люди отделались ушибами и ссадинами.

— Слава твоим создателям! — проговорил с улыбкой Диего, погладив с нежностью шероховатый бок шлюпа. — Запас прочности просто поразительный, почти как у человека, да, командир?

Грехов зашевелился, поднялся с трудом, упираясь кулаками в желтоватую почву, оглянулся на целый с виду шлюп и снова лег на спину, стал смотреть на открытое ими с орбиты дерево, наслаждаясь покоем и ощущением уходящей боли. Диего подошел и лег рядом, тоже глядя на дерево. По странной случайности они упали рядом, всего в полукилометре от этого оптического, а может быть, и материального, во что было трудно поверить, феномена. Очнувшийся Мишин сопел рядом, и все трое ни о чем не думали, просто лежали и смотрели на дерево.

— А дела-то наши дрянь, — сказал наконец Диего равнодушно.

— Не паникуй раньше времени, — отозвался Грехов невнятно.

— Да я и не паникую, просто констатирую факт. — Диего пожал плечами, что вызвало укол боли в спине, перевел взгляд на Мишина. Тот окончательно пришел в себя и сел, дыша тяжело, с хрипами. Нереальная прозрачность пленочного скафандра позволяла видеть его измученное, посеревшее лицо.

— Это вовсе не сказки, — проговорил Мишин, словно продолжая прерванный на орбите спор. —

Можете смеяться или иронизировать, но это дерево, выполняющее желания. О нем постоянно толкуют пилоты галактических транспортников и дальразведки. Одно время его даже пытались искать.

— Фольклор, — пробормотал Диего и сморщился: прикушенный язык мешал разговаривать. — Миф века. Шутка какого-то пилота, превратившаяся в легенду.

— Возвращение «Клинка солнца» не легенда. — Мишин тяжело встал. — У них полетел тахис-генератор, и если бы не дерево, выплывшее вдруг рядом... вспомните их ответ. Описание, кстати, сходится даже в деталях.

Он долго смотрел на дерево из-под козырька руки — больше всего оно походило на исполинский одуванчик с чешуйчатым стволом — потом пробормотал:

— Пойду пройду, посмотрю поближе, любопытно все-таки. — И, не дожидаясь ответа, побрел на холм, скрывающий основание ствола дерева.

Диего подождал, пока он скроется из виду, выключил радиосвязь и приблизил голову в шлеме к голове Грехова:

— Как ты думаешь, он понимает, что мы обречены? Или у него шок от удара?

— Не знаю, — глухо ответил Грехов, тоже отключив связь. — Что-то я тебя не пойму. Ты что же, смирился с положением?

— А ты знаешь способ, как отсюда выбраться?

— Пока нет, но... в нашем положении очень хочется верить в существование Дерева желаний.

— Вообще-то о дереве и я слышал немало всякого, причем от серьезных людей. Но когда оно оказывается рядом...

— Дерево и я вижу, а вот насчет желаний... Видишь ли, я привык полагаться прежде всего на свои собственные силы.

— Что-то я тебя не пойму, — поддразнивал командира Диего. — Уповать на собственные силы в таком положении трудно.

— В детстве я часто мечтал о волшебной палочке, выполняющей любые желания.

— Я тоже, — признался с улыбкой Диего.

Они одновременно посмотрели на неподвижное тело Саши Леха.

Через час Грехов, облазив модуль от кормы до носовых защитных экранов, вынужден был констатировать, что с ремонтом шлюпа собственными силами не справиться.

— Я хорошо знаю навигационное оборудование, — сказал он устало, — но почти ничего не смыслю в передатчике и двигателях. Ты, кажется, тоже?

— Я-то? — усмехнулся Диего Вирт. — Двигатели и передатчик, понимаешь ли, не входят в компетенцию врача. Но вот Мишин наверняка кое-что смыслит в тахис-аппаратуре, а значит, и в передатчике. Нам бы только сигнал подать, глядишь бы и выкарабкались.

— Нам надо не только сигнал подать, но еще и успеть выполнить задание. Был бы жив Саша...

Диего посмотрел на командира, как на сумасшедшего, но ничего не сказал.

— Кстати, где Михаил?

— Опять пошел к своему дереву.

— Надо его как-то отвлечь, а то свихнется мужик. Пошли-ка и мы посмотрим на это чудо, разомнемся хотя бы. Нам повезло, что планета такая спокойная.

Они медленно побрели на холм, ступая по короткой, очень жесткой серой траве. На лысой макушке холма задержались, глядя на одинокую человеческую фигурку, застывшую возле мощной колонны

дерева. У обоих мелькнула одна и та же мысль, но оба запрятали ее поглубже: один — как заведомую чепуху, второй — как напрасную надежду. Спустившись в низину, молча остановились возле Мишина.

Поверхность дерева действительно напоминала кору — толстая, морщинисто-чешуйчатая, темно-коричневая, более светлая в разломах и трещинах. Ствол вздымался над ними исполинским пальцем, воткнувшимся в небо, крона была почти не видна — легкое серебристое облачко не то листвы, не то пуха.

— Ну и корень у него должен быть! — пробормотал Диего, которому стало не по себе. — А почему все-таки оно выросло здесь одно? Где другие такие деревья?

Грехов не ответил, потому что мысль, которую он только что прогнал, вернулась вновь.

— Миша, — позвал он, легонько тронув Мишина за плечо. — А как дерево исполняет желания? Какова процедура?

— Что? — очнулся Мишин. — А-а... да очень просто. — Он оживился. — По легенде — каждый человек должен загадать желание, но не высказывать его вслух, и если желания у всех совпадают, то это общее желание исполняется.

— «По легенде»! — фыркнул Диего. — А фактически? Как, например, спасся экипаж «Клинка солнца»?

— Они шли над Тубаном — альфой Дракона. Без генератора добирались бы к Солнцу около трехсот лет... Встретили дерево на одной из планет Тубана, сели. Ну, конечно, сомневались, спорили... а потом собрались вместе и... корабль вышел уже над Ураном, в Солнечной системе.

— Просто у них снова заработал генератор, — сказал Диего и хихикнул. — Квазиживые механизмы иногда начинают бастовать, а потом приходят в норму.

— Да нет, генератор так и не починили, списали потом.

— А что, если попробовать? — сказал вдруг Грехов.

— Ты серьезно?! — изумился Диего.

— Давайте и в самом деле попробуем, — взмолился Мишин. — Что мы теряем? Попытка не пытка...

— Чтобы потом был повод посмеяться друг над другом?

— Брось! — недовольно проговорил Грехов. — Можешь начинать смеяться, но минута веселья еще не пришла. Если есть хоть какой-то шанс, его надо использовать.

Они стояли молча несколько минут, стараясь не глядеть друг на друга. Наконец Грехов тихо сказал:

— Начнем, пожалуй.

Диего приподнял бровь:

— Как?

— Михаил уже предложил: думать о том, чего ты хочешь.

— А если наши желания не совпадут, тогда что?

— А ничего, останемся у разбитого корыта.

— Только желание должно быть очень сильным, — заторопился Мишин, хотел что-то добавить, но посмотрел на Диего Вирта и осекся.

— Давайте тогда уж сядем, — предложил Диего, пряча скептическую усмешку. — В ногах правды нет. Кто знает, сколько ждать придется... исполнения желаний.

Трое сели на небольшой бугор и обратили лица к дереву. Сидели так минуту, две, пять...

В Грехове боролись неверие в чудо и ожидание чуда. Он знал, что чудес не бывает, да и ситуация была далека от сказочной, но сдаваться не хотел. «Ну а если это все же пресловутое Дерево желаний? Способное сделать то, что мы считаем чудом? Полет человека без видимых приспособлений тоже когда-то казался чудом... разве все законы природы

нами познаны? Может быть, спасение разумных существ — тоже закон, хотя он и требует чистоты помыслов. А раз так, главное теперь — не ошибиться!»

«Все же это дьявольски трудно — верить в исполнение желаний! — думал Диего Вирт, стараясь не шевелиться. — Вот когда необходима дисциплина мысли! Справимся ли мы? Вернее, справлюсь ли я?! Вдруг думаю не о том? Простит ли командир? Вернее, прощу ли я себе сам?! Господи, не дай ошибиться!..»

«Напрасно я втянул их в эту авантюру! — У Мишина так сильно затряслись губы, что он вынужден был закусить их до боли. — Сколько можно ждать? Неужели это все — досужий вымысел, сказки для взрослых детей? Или наши желания не совпадают?!»

Последняя мысль была непереносимой.

Они сидели и ждали, изнемогая от борьбы с собой, от слабости и неистовой надежды. А когда даже Мишин готов был сдаться, Грехов решил отступить, а Диего Вирт — вскочить на ноги и послать этот неведомо кем спровоцированный спектакль ко всем чертям, они услышали сзади шорох быстрых шагов. Хорошо знакомых, словно крадущихся шагов.

Грехов рывком обернулся.

На голой вершине холма, в двух десятках метров, стоял живой и невредимый Саша Лех — в скафандре, с пилотской блямбой на груди — и разглядывал их с недоверием и тревожным изумлением.

— Черт вас возьми! Что это вы здесь делаете? Что тут вообще деется? Шлюп урчит двигателями, киб орет о срочном вызове, а вы тут пикник устроили! Что случилось, командир? Где мы? Как сюда попали? Я что, уснул? Ничего не помню.

— Еще бы! — пробормотал Диего Вирт, на секунду теряя сознание.

— Ты задаешь слишком много вопросов, — ответил Грехов, тоже ощущая страшную слабость во всем теле. — Шлюп готов к старту?

— Естественно, ведь нас только что тестировали.

— Иди на место, мы сейчас придем.

— Ну и ну! — Саша еще несколько мгновений разглядывал коллег с теми же чувствами, затем послушно повернулся и скрылся из глаз.

— Я себя уже щипал... — прошептал Диего Вирт, кривя губы. — Но оказалось, что я не сплю. Хотя и не верю! Ничего этого на самом деле нет, я дома, на Земле, и снится мне сон, глупый, кстати, потому что в реальной ситуации мы бы поняли, что воскрешать надо было не Мальчика-с-Пальчик, надо было пожелать сразу оказаться Земле. Ведь несмотря на отремонтированный деревом модуль, мы все обречены, на своем слабеньком двигателе до Солнца нам не добраться. Я не прав?

Грехов покачал головой. Да, все они хотели, чтобы пилот остался жив. Конечно, они могли пожелать и другого, например, чтобы дерево дало им новый корабль, или передатчик, или то и другое сразу. Или действительно оказаться на Земле. Это были самые простые варианты спасения. Но это были варианты ИХ спасения! Себя спасти они могли, но Сашу не выручила бы никакая земная медицина, он был мертв много часов. Зато теперь их снова четверо, спасательный отряд в полном составе, дерево подарило им шлюп, и они готовы постоять за себя сами!

— Выход найдется, — сказал наконец Грехов. — Рад, что мы решили правильно. Был момент, когда я начал сомневаться...

— Во мне? — скривился Диего Вирт.

— В себе.

— А вы думаете, я не сомневался? — подал слабый голос Мишин. — Еще как сомневался! Но ребята... я за вас теперь... извините мою телячью нежность...

— Один за всех! — засмеялся Диего.

— Все за одного! — подхватил Грехов. — Кстати, как мы объясним ситуацию Саше?

— А никак. Станция на Земле бросила нас в тахис-туннель, а оказались мы уже здесь. И точка!

С вершины холма Грехов оглянулся... и ахнул! Дерево странно расплылось, затем засветилось нежным зеленым светом, вытянулось огненным языком, в котором замелькали вереницы фигур, конструкций, строений знакомой и незнакомой формы. Потом появились изображения людей, их четверка, и — все растаяло. Пыльный смерч поднялся в небо, распался, и ветер развеял его по серым травяным равнинам.

— Мы забыли сказать ему спасибо, — пробормотал Мишин.

«Кто ты? — подумал Грехов, разглядывая пустое небо. — Существо или автоматическое устройство? Или корабль аварийно-спасательной службы иного разума? Только службы этической, начинающей операцию спасения с проверки моральных качеств спасаемых. Кто вы, принявшие ответственность за всю Галактику, отвечающие за ее духовный баланс? Дерево ведь видели в разных концах Млечного Пути... Может быть, и нам когда-нибудь придется перенять у вас эстафету?.. А пока — спасибо! И до встречи...»

— Миссия дерева закончена, — сказал он негромко. — Наше спасение теперь в наших собственных руках. И не только наше. Не кажется ли вам, спасатели, что нашей помощи ждут?..

МАЛЬЧИШКА ИЗ 22-ГО

Пушку привезли под вечер, когда старшина Агабаб Джавахишвили забеспокоился и собрался послать Курченко к комбату справиться — оставаться ли им на высоте или возвращаться в расположение батареи.

Новенькое стомиллиметровое орудие с трудом уместилось в естественном каменном окопчике, и пришлось сдать его назад, за нагромождение известняковых глыб, испятнанных сухим мхом.

Черная от грязи и копоти «тридцатьчетверка», разворачиваясь, задела пушкой скалу, и пожилой, промасленный до костей танкист зло и неслышно заорал что-то в люк.

— Нервничает, — философски заметил Антон Осинин, передвинув автомат на грудь, чтобы удобнее было лежать. — А чего, спрашивается, нервничать? Пешком не топать, как нашему брату.

— Мели, Емеля... — Коренастый, заросший до бровей Сандро Куцов потянулся всем телом и встал. — Нашел, кому завидовать. Ты везде себе укрытие найдешь, а он сидит как в консервной банке, и лупят по нему все кому не лень... Пошли поможем, разлегся тут.

Осинин лениво повернул голову и посмотрел на суетившийся у пушки расчет лейтенанта Белова. Самого лейтенанта еще не было, и командовал рас-

четом старшина Джавахишвили, которого никто никогда не называл по фамилии, даже комбат. Агабаб да Агабаб, в крайнем случае старшина Агабаб. А исполнилось старшине всего девятнадцать лет.

— Да-а-а, — пробормотал Осинин, — ежели такая дура по танку плюнет... Эй, дядя Сандро, а пулемет?

— Никуда не денется, не отставай.

До позднего вечера они устанавливали и маскировали пушку, выбирали позицию для пулеметчиков и рыли окопы. Лейтенант пришел, когда совсем стемнело. Был он не то чтобы юн, но достаточно молод, хотя до войны успел жениться и закончить институт, а за глаза его прозвали Профессором. Но то была не насмешка, а дань его знаниям, не раз приводившим в удивление бывалых солдат.

Он быстро оглядел усталых бойцов, освещенных пламенем костра, кивнул «вольно», похвалил за работу и отозвал в сторонку старшину.

Докладом Агабаба Белов остался доволен, насколько это было возможно в его положении. Пушку установили так, что вход и выход из лощины, похожей на ущелье, виден был как на ладони. Кроме того, слева и справа вставляли крутобокие каменные холмы, заросшие сосняком, а впереди склон был завален глыбами известняка. Танки подойти близко не смогут, а против пехоты у них имелся «станкач» и лучшие пулеметики полка. Правда, смущало одно обстоятельство: вся батарея занимала позицию в пяти километрах отсюда, на берегу речки Ключевой, а они поставлены здесь были только на страх и риск комбата, узнавшего от разведчиков, что через расположение его батареи немцы наметили танковую атаку. Сведения эти впоследствии как будто не подтвердились, но комбат представил, что будет с батареей, если внезапно пойдут танки, и ре-

шил подготовить артзасаду в наиболее выгодном для атаки фашистов месте обороны. Белов знал об этом все, и тем не менее его не покидала тревога.

Агабаб понял его несколько прямолинейно. Сверкнув рысьим глазом, он стал перечислять достоинства позиции, нарочно усиливая свой природный грузинский акцент: он знал, что лейтенанту нравится его «русская» речь.

Издали они походили друг на друга, как братья: тонкие, гибкие, перетянутые в талии ремнями до скрипа, — но насколько Агабаб был смугл и черноволос, настолько лейтенант светился соломенно-белой головой, как одуванчик в поле.

— Ну вот что, — сказал он, прищурясь, внимательно выслушав доводы старшины. — Ты за упокой раньше времени не пой, не к тому я тебе все рассказал, понял?

— Так точно, — виновато ответил Агабаб, вытягиваясь. — Нервничаю я, а? Может, сделать ложную позицию, для самолетов?

— Вот и займись. — Белов присел на снарядный ящик и достал планшет.

Агабаб постоял немного рядом и отошел.

— Курченко, Помозков, Осинин, — срубите сухую сосну, очистите от сучьев и сделайте ложную позицию на соседнем холме.

— Темно уже... — начал было Осинин, но осекся, встретив тяжелый взгляд Куцова.

— Сержант, как позиция? — спросил Белов, искоса поглядывая на него.

— Да так, ничего, — неопределенно ответил Куцов, докуривая папиросу.

Под утро почти не спавший Белов спустился к пулеметчикам и наметанным глазом окинул и умело вырытый окоп, и ход сообщения, оценил и правиль-

ность выбора секторов обстрела. Хозяйская обстоятельность сержанта, спавшего чутко, вполуха, была ему по душе.

Куцову недавно исполнилось пятьдесят. В полку его звали просто — дядя Сандро, молодые бойцы слушались беспрекословно. Славился он не только медвежьей силой, но и неожиданной для его громоздкого тела реакцией и ловкостью. Говорили, что в прошлом он не то знаменитый охотник, не то не менее знаменитый борец. Но главное, конечно, было не в этом: от него исходила та спокойная внутренняя сила и уверенность, которая подчиняет даже таких острых на язык и одновременно ленивых людей, как Антон Осинин.

— Не спишь, дядя Сандро? — тихо спросил Белов, закуривая, и, опустившись на корточки, протянул вторую папиросу Куцову.

Тот взял папироску короткими толстыми пальцами, размял и высунул голову из окопа.

— Гудят, гады, на левом крыле гудят... А нас не скоро снимут отсюда, лейтенант? Похоже, отдыхать сюда прислали... неизвестно за какие заслуги.

Белов докурил папиросу и вдавил окурочек в землю.

— Боюсь, отдыхать не придется, старшина, — сказал он, выпрямился и вернулся к оружию.

— Слухай, дядя Сандро, — раздался из окопа голос проснувшегося Осинина. — На фига надо было такую здоровенную пушку в засаду ставить? У ней же скорострельность — что у меня чих. Два раза выстрелит — и кранты, засекут.

Куцов помолчал, глядя, как загораются легким золотом верхушки сосен на дальних холмах.

— Готовь гранаты, парень. Может быть, и нам придется поиграть с танками в кошки-мышки.

— А мы так не договаривались, — протянул обескураженно Осинин.

В пять утра расчет был готов к стрельбе.

Белов прищурился на Помозкова, который вдруг затрясся в нервном ознобе, подмигнул ему:

— Тебя можно использовать вместо вибратора в лабораторных опытах, Толя.

— Не дрейфь, Помозок. — Курченко шлепнул подносчика по спине широкой ладонью. — Открой-ка лучше ящик с бронебойными.

— Туман не помешает? — пробормотал Агабаб, протирая окуляры дальномера.

Белов хотел ответить, но не успел.

Совсем рядом вдруг прозвучал треск, словно рухнуло дерево. А потом из-за кустов к пушке вышел юноша, почти мальчик, в новенькой гимнастерке с погонами сержанта и в залатанных на коленях га-лифе.

Оглянувшись, Осинин издал сиплый возглас и вскинул автомат. Куцов резко пригнул ствол вниз: человек был без оружия.

Несколько мгновений солдаты и юный незнакомец стояли, вглядываясь друг в друга. Потом лейтенант вышел из-за щита пушки и отрывисто спросил:

— Кто такой? Как сюда попал?

Лицо сержанта побледнело, странным прерывающимся голосом он медленно проговорил:

— Я отстал от своих... разрешите... остаться с вами?

— А где оружие? — все так же резко спросил Белов.

Незнакомец на секунду замешкался, стал вдруг краснеть.

— У меня нет... оружия.

— Как это нет?! Бросил?!

— У меня... не было. — Незнакомец опустил голову, у него горели уши.

— Во дает! — сказал Осинин и покосился на Куцова. — Говорит вроде по-русски, а акцент фрицевский. Может быть, это фашист переодетый?

Разведчик? Ну-ка, руки вверх, Ганс, или как там тебя!

— Я не разведчик, — не оборачиваясь в его сторону, сказал странный сержант. — Меня зовут Дан.

Белов хмыкнул. Поведение юноши казалось лишним элементарного правдоподобия. Кто он? Немецкий разведчик? Не похоже. Стал бы разведчик краснеть и молотить чепуху... Парнишка, случайно переодевшийся в форму сержанта? Убежал от мамы на войну? Тоже не очень похоже...

— Курченко, обыщи его, — велел Белов, наблюдая за действиями незнакомца. Тот вздернул голову, но обыскать дал себя безропотно.

Курченко покачал головой:

— Гол как сокол. В карманах ничего.

— Так, — усмехнулся лейтенант. — Приключений захотелось? Сколько тебе лет?

Дан смутился, снова краснея, мучительно, до слез.

— Восемнадцать...

— Что-то мало верится. Придется доставить тебя... — Белов не договорил.

— Танк! — крикнул Куцов из своего укрытия.

В дальнем конце лощины показалась тупорылая пятнистая машина и с ревом покатилась вперед.

— Ложись! — рявкнул лейтенант. — Помозков, возьми его под свое командование, пусть подает снаряды. Бронебойным — заряжай!.. Да, как твоя фамилия, малый? Уж больно знакомая физия у тебя...

— Белов моя фамилия, — отозвался новоявленный помощник, неумело отползая за ящики со снарядами.

— Не нравится мне все это... — пробормотал Куцов и положил на бруствер тяжелые руки.

— Мне тоже, — протянул Осинин, думая о своем. — Что, у него на морде написано, что он свой? Сомневаюсь я. А лейтенант ему сразу поверил, видал? Он, конечно, ученый и все такое прочее... а ну

как ошибся? Возьмет этот приبلудный да и подаст сигнал фрицам...

— Помолчи, — буркнул Куцов. — И без твоего нытья на душе муторно...

Первый «тигр» был разведкой. Он остановился, поворачивая башней, выискивая цели на гребнях холмов, никого не обнаружил и тихонько пополз дальше, останавливаясь через каждые полсотни метров.

— Нервничают фрицы, — усмехнулся Белов, поглядывая на однофамильца и все больше убеждаясь, что не нюхал пороха этот парень. — Чуют свою смерть.

Старшина сделал глотательное движение и растегнул ворот гимнастерки. Поймав взгляд лейтенанта, криво улыбнулся:

— Понимаешь, всегда перед боем горло пересыхает.

— Ты мне каждый раз говоришь об этом, — засмеялся Белов. — Ничего, сейчас твой мандраж как рукой снимет. «Тигра» пока не трогай, пойдут колонной — ударим сначала по хвосту, а этот никуда не денется.

Агабаб кивнул и припал к окуляру.

«Тигр» разведки прошел в конец лощины, поворачивая башней и остановился. До него было всего метров сто, и стоял он боком, так что у старшины даже руки похолодели от желания дернуть за спуск.

— Хорош зверинец! — прошептал Белов, считая начавшие выползать из-за холма танки. — Тут тебе и «тигры», и «пантеры», и «фердинанды»... Хорошую атаку наметили фашисты... Сначала замыкающего, Агабаб, потом эту сумасшедшую зверюгу впереди.

Старшина пошевелил лопатками и выстрелил.

Первым же выстрелом они с ходу проломили борт «пантере», замыкающей колонну. Следующи-

ми тремя подожгли злополучного «тигра» в авангарде и вторую самоходку. Остальные круто развернулись и стали расползаться по ложине, отплевываясь огнем и дымом.

— Беглым — огонь! — Лейтенант махнул рукой и бросился к подноскику, который вдруг схватился за голову и упал. — Давай снаряд, пацан.

— Кажется, и наша очередь пришла, — спокойно заметил Сандро Куцов, глядя на замелькавшие на склоне соседнего холма зеленые мундиры.

Осколками близкого разрыва убило Курченко и ранило Агабаба. Белов, отброшенный взрывной волной на разбитые в щепу снарядные ящики, с трудом поднялся и поковылял к пушке.

— Снаряды! Огонь, старшина!

— Не могу, руку перебило! — простонал Агабаб. — Где же обещанная подмога, командир? Что они, не слышат?..

— Ползи к реке, доберись до комбата...

— А ты?

— Пока живы пулеметчики, жив и я. — Лейтенант оглядел панораму боя, и яростно-ликующая усмешка искривила его измазанное землей, пороховой гарью и кровью лицо.

В ложине горело девять танков, но в дыму ползали еще столько же, и все стреляли сюда, и только удачно выбранная позиция не позволяла им расправиться с пушкой сразу.

— Уходи, старшина, а я еще задержусь. Забери с собой однофамильца. Эй, Дан Белов, за старшиной, живо!

— Не пойду! — прокричал испачканный чьей-то кровью и пятнами гари молодой сержант, добавил торопливо: — Пошли вместе, дед.

Лейтенант не расслышал последней фразы. Он почувствовал толчок в спину и снова упал. Показалось, что он плывет в невесомости. Боли не было, только спине стало горячо, словно заалела гимнастерка. Склонилось над ним лицо странного парнишки, кого-то смутно напоминавшего, но у Белова уже не осталось сил вспоминать кого.

— Ты еще... здесь? — прошептал он, пытаясь подняться. — Жив? Помоги встать... ноги не слушаются... но у нас еще есть снаряды... где Агабаб?

— Убит.

— Пулеметчики?

— Убиты.

Сердце отозвалось болью. Дан усадил его, испачкав руки в крови. Мальчишка словно повзрослел за минуту, сказал строго и просто:

— Я пришел за тобой, дед. Я не однофамилец, я твой правнук. Нас ждут там, пошли.

— Бред! — Белов закашлялся кровавой пеной. — Откуда ты свалился... такой?

— Не бред, Александр Иванович. У меня слишком мало времени на объяснения. А чтобы ты поверил...

Дан распахнул гимнастерку, под ней оказался сверкающий живым ртутным огнем костюм, обтягивающий тело, тяжелый на вид ремень с выпуклой пряжкой, в центре которой горели цифры: 1943.

— Это аппаратура перемещения во времени, настроена на возвращение двоих.

Рядом ударила автоматная очередь, Дан заторопился:

— Мы обнаружили в архивах твои работы, дед, о квантах времени и принципе обмена причинности. Идеи эти верны, ты обогнал эпоху на два столетия, и ты очень нужен там, где я живу, в двадцать втором веке. Ты... ты гений, дед!

Белов не двигался целую минуту, полузакрыв глаза.

— А почему ты пришел именно сейчас? Зачем такой риск? Тебя же могут убить...

— Я просил, чтобы послали именно меня. Но... это твой последний бой, дед. «Завтра» для тебя... не будет. Прошу тебя, поторопись.

Белов снова задумался на бесконечно долгую минуту, пытаясь представить тот самый век, век грядущий, в котором живет его правнук; он поверил ему сразу.

Дан выглянул из-за пушки. Танки не стреляли, по склону холма двигалась редкая цепочка зеленых фигур. Пулемет Куцова молчал.

Потом Белов зашевелился и медленно, напрягаясь, встал. Дан подставил ему плечо, но лейтенант покачал головой.

— Возвращайся один, правнук. Человечество без меня как-нибудь обойдется — там, у вас, но не обойдется здесь. У долга нет альтернативы, как и у совести. Я не имею права... уходить. Ты поймешь меня, потом... к тому же у нас еще есть снаряды. Пока я жив, они не пройдут! Прощай...

— Это твоё окончательное решение? — высоким звенящим голосом спросил Дан.

Лейтенант не ответил, нагибаясь к прицелу и стараясь не упасть. Он держался только потому, что рядом был мальчишка из двадцать второго века, который был обязан уйти живым, потому что не должны гибнуть дети, тем более дети будущего, ради спасения одного человека, кем бы он ни был!

— Уходи же!

— Я остаюсь. — Голос Дана дрогнул. — У нас еще есть снаряды, дед.

Они успели выстрелить. И еще раз. И еще...

ФУОР¹

На высоте сорока двух километров десантный шлюп воткнулся в мощное струйное течение, охватывающее кольцом всю планету по экватору. Удар горизонтального воздушного потока кинул его в крутое пикирование, и хотя экипаж не пострадал, все же прошло какое-то время, прежде чем шкипер выровнял шлюп. Произошло это на высоте трех километров. Остановив кораблик в воздухе, шкипер Диего Вирт включил системы обзора.

Под ними простиралась черная равнина с разбросанными кое-где по ней глыбами льда! А может быть, стекла — с высоты не очень-то разберешься в материале необычных образований. Каждая глыба занимала площадь от одного до четырех десятков квадратных километров и соединялась с соседними странного вида отростками, напоминавшими известняковые натеки или трубы. Равнина уходила за горизонт, мрачная, выжженная, усыпанная пеплом и сажей, и лишь полупрозрачные молочно-голубые айсберги, игравшие в гранях холодным огнем, да веселое белое око светила вносили некоторое разнообразие в этот угрюмый пейзаж.

— Везде одна и та же картина, — сказал невозмутимый, собранный Денисов. — Все черное и

¹ Ф у о р — вспыхающая звезда типа FU Ориона.

фиолетовое и кое-где белое с голубым — потухший ад!

— Не знаю, потухший ли, — с сомнением покачал головой Эллина. — Температура поверхности плато под нами плюс сто сорок по Цельсию. И ледяные поля?

— Не знаю, ледяные ли, — в тон ему отозвался Диего Вирт. — Насколько мне известно, самый тугоплавкий из льдов, тритиевый, плавится при температуре плюс четыре градуса, а тут сто сорок!

— Значит, это не лед. Может быть, в самом деле стекло? Нужен анализ. Смотрите, отростки тянутся от одного ледяного массива к другому, как паутинные нити. Что это может означать?

— Филипп, сообщи главному, — сказал шкипер диспетчеру связи на корабле-матке, — идем на посадку. Никаких признаков «Ра» в этом районе пока не видно. До захода светила около трех часов, так что успеем сделать общегеологическую характеристику, радиолокационный зондаж материка и убраться отсюда до вечернего урагана. Зонды на поиски «Ра» высылай по пеленгу немедленно.

Крейсер Управления аварийно-спасательной службы «Слава» продолжал накручивать на планету очередной виток, изредка выстреливая в черноту космоса автоматические зонды и десантные шлюпы, принимая вернувшиеся из очередной экспедиции.

Пошла вторая неделя поисков пропавшего в этом районе трансгалактического разведчика «Ра» со ста двадцатью шестью членами экипажа, вторая неделя разведки вблизи огромной желтой звезды, известной на Земле как фуор ипсилон Кормы Корабля.

— Данные земной астрономической службы подтверждаются, — проговорил начальник экспертной группы Сажин. — В атмосфере звезды аномально

высокое содержание лития. Звезда молода, и совершенно непонятно, каким образом она приобрела эту единственную планету.

— Да еще почти на круговой орбите, — добавил командир «Славы» Чашин. — Будь у нее эллиптическая орбита с большим эксцентриситетом, можно было бы предположить, что планета захвачена звездой при прохождении возле старой системы, но круговая орбита...

— Уточнили, когда произошла вспышка? — спросил Джаваир, думая о чем-то своем и разглядывая покрасневший в объеме экрана шар звезды, окутанный колоссальными космами протуберанцев. Ответ он знал заранее, просто хотел услышать это из уст ученого.

— Почти два года назад, — сказал Сажин. — Точнее — двадцать два месяца шестнадцать дней.

— То есть практически в то же время, когда замолчал и «Ра». — Чашин встретил взгляд Джаваира и понял его мысль. — А период вспышек? — спросил он.

— Периода как такового нет, — с досадой произнес Сажин. — Процессы в атмосферах фуоров еще полностью не изучены, фуоры вспыхивают неожиданно, могут раз в год, могут раз в десять лет. По последним данным, до очередной вспышки нашего фуора осталось около двух недель.

— Понятно, — буркнул Джаваир. — Продолжаем работу по плану, информации недостаточно для определенных выводов. «Ра» не мог быть уничтожен вспышкой звезды, аппаратуру он имел не хуже нашей, и команда заранее узнала бы о вспышке, как и мы с вами. Хотя, конечно, не исключено, что я ошибаюсь. И все же, кроме пылевых облаков в радиусе трехсот астрономических единиц от звезды, мы имеем еще и загадочную планету, которая здесь не должна была находиться и которая в силу этого обстоятельства наверняка заинтересовала экипаж «Ра».

— Вполне вероятно, что загадки планеты связаны с тайной исчезновения разведчиков, — пробормотал Сажин. — Так?

— Именно так. В связи с чем исследования планеты придется вести ускоренными темпами, необходимо бросить на нее всю автоматику. За две недели до очередной вспышки мы должны, соблюдая максимальную осторожность, определить истину и найти пропавших без вести. Или... установить причины их гибели.

— Диего на приеме, — доложил диспетчер связи крейсера. — Они там открыли странный лед...

— Так что же это за вещество? — медленно проговорил Диего Вирт, приблизив к поверхности одного из стеклянно-ледяных «айсбергов» пластину шлема.

В полупрозрачной глубине он увидел какие-то голубоватые смутные тени, серебристые жилы, пятна, мерцающие искры, узоры неведомых цветов. Глядя на них, Диего не мог отделаться от ощущения, что внутри «льда» течет своя, таинственная, неправдоподобная, сказочная жизнь.

— Лазер его не режет, плазма не берет, аннигилятору оно не поддается, — начал перечислять Эллини. — Анализу оно тоже не поддается... Нет, это не вещество, скорее, какое-то неизвестное силовое поле.

— Но приборы не отмечают никаких электромагнитных и гравитационных аномалий.

— Ну и что же? Значит, это поле не порождает известных науке эффектов. Почему это тебя удивляет?

— Так и прикажешь докладывать на крейсер? Мол, неизвестное науке поле, ни одного параметра определить не удастся?

Эллини пожал плечами:

— Командир группы не я.

— Пора домой, — позвал товарищей Денисов, томившийся в шлюпе. — Зонды зарегистрировали фронт сухой грозы, движется в нашем направлении.

Диего оглянулся на ртутно блестящую пирамиду шлюпа, махнул рукой:

— Еще пару минут, Слава. Пройдемся к перемычке, соединяющей эти горы, интересно взглянуть поближе.

Перемычка вблизи напоминала обросшую известняковыми наростами прозрачную трубу диаметром около четырех метров. Диего прошелся вдоль нее, касаясь рукой в перчатке. Показалось ему, что внутри трубы движутся какие-то объемные фигуры, но так быстро, что глаза не успевают фиксировать их даже на мгновение... Он постоял немного, напрягая зрение, но понимание процессов, происходящих внутри трубы, ускользало от сознания, и в конце концов Диего с сожалением вынужден был констатировать: для изучения «айсбергов» нужна специальная экспедиция с соответствующим оборудованием, а не поисковая группа. Он оглянулся на черные бугры и рытвины бесконечной равнины: все тот же потухший ад... потухший... ад... Что-то было в этом словосочетании, отзвук какого-то бывшего воспоминания... Ах да, ну конечно, во время вспышки звезды тут, вероятно, ад настоящий!

— Пошли, — сказал наконец начальник группы, обернувшись к низкому светилу, над которым уже копилась грозная тьма черного урагана. — Продолжим съемку сверху.

Сажин ворвался в каюту Джаваира под утро, воплывая в себе чудом бежавшего из-под стражи пленника.

— Вот! — Он высыпал на стол пачку объемных фотоснимков. — Вчера Чащин с тоски предложил заложить все снимки в комп, чтобы тот нашел хоть какую-нибудь закономерность в расположении этих чертовых связанных друг с другом «айсбергов». За-

кономерности не нашлось, зато компьютер отобрал очень интересные кадры, полюбуйся... Извини, Доминик, разбудил?

Джаваир сел на магнитокойке, помял лицо ладонями, усмехнулся на последнюю реплику начальника экспертной группы и взял снимки. На первом из них располагалась глыба «льда», формой напоминавшая... пропавший космолет! На втором — тот же «айсберг» в другом ракурсе. Остальные голографии повторяли первые две.

— «Ра»! — пробормотал Джаваир, окончательно просыпаясь. — Ты думаешь...

— Похоже, — кивнул Сажин. — Глыба напоминает космолет до умопомрачения, по размерам же она в три с лишним раза больше.

— Та-ак. Неужели совпадение, каприз природы?

— Не знаю, не бывает таких совпадений, начисто опровергающих теорию вероятности.

— Не преувеличивай. И все же... ладно, я сейчас оденусь и приду в рубку. Кто там внизу ближе всех к тому району?

— Группа Вирта.

— Свяжитесь с ним, пусть посмотрит.

В рубке Джаваир появился через четверть часа.

Объем экрана часто перекрывался полосами помех, внизу бесновался электрический ураган, поэтому казалось, что Диего Вирт смеется.

— Хорошо, — послышался сквозь водопад помех его слабый голос. — Проверим. Можно начинать прямо сейчас? Мы хотели возвращаться.

Джаваир заколебался: приходилось рисковать экипажем десантолета, но времени до очередной вспышки фуора оставалось совсем немного, меньше двух недель, к тому же ураганные ветры по всей планете не прекращались теперь и днем из-за усилившейся солнечной активности, поэтому риск в общем-то был оправдан.

— Начинайте, но из шлюпа не вылезать ни под каким предлогом! Используйте только дистанционную технику. Через пару часов пришлю смену. Все.

На малой скорости, покачиваясь под боковыми ударами ветра, шлюп обогнул километровую, льдисто мерцавшую в полутьме гору, по очертаниям напоминавшую земной разведкрейсер, развернулся и пошел на посадку.

— Глазам не верится! — сказал в тишине кабины Эллини.

— «Если на клетке слона прочтешь надпись «Буйвол», не верь глазам своим», — процитировал Козьму Пруткува образованный Денисов. — Кстати, что-то не вижу я перемычки, соединяющей эту гору с соседними «айсбергами».

— Мы только что прошли над ней, — буркнул Диего Вирт, сросшийся с пультом в одно целое. — Просто она почти совсем прозрачна. Вдобавок в этой черной круговерти немудрено потерять ориентацию.

Шлюп, содрогаясь, постоял в воздухе и спружинил на посадочную гармонику в полусотне метров от странной горы.

— Запускай зонд, — скомандовал Денисов Эллини. — Выходить будем, шкипер?

— Ты же слышал распоряжение начальства.

— Соблюдение «СРАМ»¹? СРАМ!

— Отставить пререкания! Если под слоем этой полупрозрачной гадости, которую ничто не берет, покоится космолет... не вляпаться бы! Понятно?

— Так точно, енерал! — вытянулся Денисов, как мог, в кресле и скафандре. — Прикажете ползком? Осторожность в нашем деле еще никому не вредила, — добавил он фразой из лексикона начальника экспедиции.

¹ «С Р А М» — один из пунктов инструкции: сведение риска к абсолютному минимуму.

— Словоблуд, — проворчал Диего.

— Рады стараться, вашбродь!

Полусфера зонда взмыла в небо по крутой параболе и пропала в черном смерче. На экране медленно проступила сияющая вершина горы.

— Ниже!

Зонд послушно пошел вниз.

— Еще ниже. Сканирование... ничего не видите?

Часть поверхности горы под зондом вдруг потемнела, перестала светиться, впечатление было такое, будто из сияющих глубин «айсберга» всплывает какая-то спрутоподобная черная масса. Темнота в этом месте сгустилась до полного мрака, превратилась в дыру, и в тот же миг передача с зонда оборвалась.

— Дьявольщина! — выругался Денисов. — Что за фокусы? Шкип, я не виноват, честное слово, автомат вырубился сам.

— Выпускай второй, потом... — Диего не договорил.

— Смотрите! — крикнул обычно более сдержанный Эллини.

Прямо перед шлюпом в стене горы проявилось вдруг круглое темное окно, выросло до размеров десантного корабля, сгустило цвет. Пульт и экраны кабины странно исказились, потом вспучился пол, волна искривления обожала рубку. Мягкая и неодолимая сила стала плющить десантолет, складывать его вдвое, втрое...

«Старт!» — хотел скомандовать координатору шлюпа Диего, а потом ему показалось, что «ледяная» гора выстрелила по ним черным сгустком смолы...

— Со вторым и третьим шлюпами то же самое, — угрюмо доложил Чашин. — На связь не выходят. Зонд облетел ту странную гору сто раз — никаких следов пребывания шлюпов!

— Зато на самой горе появились новые ледяные натеки, — сказал Сажин. — Предвижу вопрос: да, возможно это наши зонды и шлюпы, но может быть, и нет. Времени на обдумывание ситуации у меня нет. У вас тоже.

Джаваир с минуту рассматривал изображение, переданное зондом: километровый голубовато-белый пик, похожий по форме на земной космолет, и прилепившиеся сбоку три пятидесятиметровые скалы.

— Как прикажете классифицировать случившееся? — Начальник экспедиции поднял худое, резкое, как нефритовая маска, лицо. — Как нападение? Нечто, чему мы даже не подобрали название, пожирает звездолет и десантные шлюпы и в память об этом вырабатывает их скульптурные изображения? Так, что ли?

— Факт исчезновения шлюпов налицо, — сказал Чащин. — И, судя по всему, кроме как внутри «айсбергов» быть им негде. Вот только почему они там не видны? И как это проверить? Каким способом разбить эту «ледяную» корку?

— По-вашему, они замурованы? — иронически приподнял бровь Сажин. — Так сказать, заморожены в «айсберг»? Впрочем, извините мой скепсис, я тоже не вижу иного выхода, кроме разрушения «ледяной» корки.

— Прошу внимания, — раздался в зале голос бортинженера крейсера. — Фуор увеличил выход жесткой компоненты в излучении. Вспышка по прогнозу через восемь — десять часов.

Джаваир не пошевелился, только закрыл глаза. Молчал Сажин, молчали шестнадцать человек экипажа спасательного корабля. Наконец начальник экспедиции очнулся от раздумья, заметил взгляды подчиненных и встал.

— Прошу подготовиться к посадке в районе исчезновения шлюпов. Группе риска — готовность ноль. Иные мнения есть?

— Иных быть не должно, — с облегчением проворчал Чашин. — В случае чего, стартуем в джамп-режиме прямо с поверхности, у меня опыт в этом деле немалый. Правда, надеюсь, до этого не дойдет.

Джаваир понял смысл его последней фразы: старт крейсера с поверхности планеты в джамп-режиме был бы равен природному катаклизму типа мощнейшего извержения вулкана Кракатау на Земле много лет назад.

Крейсер опускался, величественный и строгий, окутанный многоцветной радугой защитного поля. В десятке метров от черного обожженного холма он выбросил веер ослепительного бирюзового огня — холм расплылся алым озерцом и застыл. Ветер тут же бросил на гладкую поверхность вновь образованного зеркала посадочной площадки поток сажи. Крейсер фыркнул ледяным облаком жидкого азота, подождал минуту и беззвучно опустился в центр озерца.

— Давайте попробуем ударить по горе ходовым ФГ¹, — предложил Чашин, сбежавший перед посадкой из экспедиционного зала в ходовую рубку. — Пару выхлопов на минимуме тяги. Проверим на прочность. Аннигиляторы пасуют перед этим веществом. А лучше бы шваркнуть по горе из информационно-топологических преобразователей! Не впускую же мы их везли сюда.

— Какие мы грозные! — усмехнулся через силу Джаваир. — И откуда это в человеке? Бей-круши, ломать — не строить, пиф-паф, ой-ой-ой! Без анализа, без расчета последствий, без самого естественного в данной ситуации вопроса — зачем? Ползет из леса что-то непонятное — а давайте-ка ударим по нему из аннигилятора, чтобы надежно! Стена перед нами — трахнем по ней из носовой противометео-

¹ Ф Г — генератор фазового прокола пространства.

ритки! Кричит кто-то страшным голосом в горах — шандархнем по горам из гравипушки! На всякий случай, чтобы не кричало.

— Я этого не предлагал, — заявил озадаченный речью начальника экспедиции Чашин. — И никогда не был сторонником штурма и натиска, всем это известно. А если нет времени на размышления? Через несколько часов здесь будет Страшный Суд, найдем ли мы после этого своих ребят?

— И все же подождем, подождем. — Джаваир вздохнул. — Не обижайся, в данном случае не о тебе речь. Сначала пошлем поисковые группы, может быть, мы ошибаемся в оценках и шлюпы где-то рядом, провалились в ущелья или ямы. Поищем часа два обычными средствами. Потом пошлем группу риска, вооруженную... как на войну.

— Боюсь, обычными средствами все-таки не обойтись, — сказал задумчиво-мрачный Сажин. — Придется использовать более мощные инструменты. В том числе и наши излучатели.

Но люди не успели выслать десантолеты и выйти из крейсера. От исполинской сверкающей горы потянулся вдруг к кораблю радужный рукав, превращаясь в глотку колоссального удава. Пилот успел накрыть крейсер коконом аварийной защиты, а в следующий миг корабль оказался внутри ярко освещенного голубого пузыря.

Спустя несколько минут, в течение которых члены экспедиции приходили в себя, в одном месте пузыря открылось темное отверстие и на оплавленную скалу ступил в скафандре Диего Вирт. За ним Денисов, мужчина в скафандре даль-разведки и... нет, не человек, не землянин: иные пропорции тела, поза, одежда, — гуманоид — да, но не человек.

— Бог ты мой! — прошептал Сажин. — Кто это с ними? Что происходит?

Никто ему не ответил.

Первым в экспедиционный зал вошел рослый рыжеватый молодой человек в командирском комбинезоне.

— Виктор Торанц, — представился он, пожимая руку Джаваиру. — Командир разведгала «Ра». А это Итин-Ис-Сторм. — Он повернулся к подошедшему следом существу. — Представитель цивилизации итинов, заведующий станциями внешней защиты.

Рука у итина оказалась вполне человеческой, пятипалой, жесткой и сильной. Он не казался смущенным или настороженным, наоборот, во взгляде его читалось понимание происходящего и едва заметное ироническое простодушие.

— Вы, очевидно, уже объяснились с нашими разведчиками, но мы в неведении, — сказал Джаваир. — Объясните все в двух словах. Почему вы не выходили на связь почти два года? Впрочем, расскажете потом, надо торопиться. Через пять часов фуор вспыхнет, и к этому времени мы должны быть за пределами системы.

— Торопиться не надо, — вмешался Диего Вирт, улыбаясь. — И не обязательно быть за пределами системы во время вспышки. Мы находимся под защитой векторно-временного континуума — так это переводится с языка итинов. Таинственные «ледяные» горы и поля на самом деле — временно-пространственные объемы, в которых время течет под углом к потоку времени в космосе. Универсальная защита от любых катаклизмов, в том числе и от вспышек сверхновых. Итины включают ее, как только прогнозы предсказывают год беспокойного солнца. Командир, рассказывай дальше сам.

Торанц кивнул.

— Мы виноваты лишь в том, что не сразу уяснили разницу во времени: для нас внутри мира итинов прошло всего два месяца. Да и никого это не интересовало, мы были заняты контактом. Итины вышли

на нас сами, когда мы произвели посадку на планете «айсбергов».

— Значит, каждый «айсберг» — область с иным ходом времени? — спросил заинтригованный Сажин, будучи скептиком по должности и ученым до мозга костей. — А перемычки?

— Туннели между закапсулированными районами. Сами понимаете, чтобы охватить временным полем всю планету, нужна колоссальная энергия, а ее у итинов не так уж и много, вот и приходится экономить, векторизовать лишь города и производственные центры. Советую дать сообщение на Землю, пока есть время до вспышки, пусть высылают экспедицию Комиссии по контактам, иначе Управление снова пошлет сюда спасательную экспедицию. Дело серьезное, хотя и мы кое-что успели сделать.

Стоящий все то время совершенно неподвижно представитель цивилизации итинов вдруг пошевелился, по-птичьи быстро повернул голову к Чашину и спросил на чистом русском языке, почти без акцента:

— Что это вы заскучали, коллега Чашин?

Все остолбенели. Диего Вирт, успевший оценить умственные способности итинов, тихонько засмеялся. Лишь Джаваир, переживший беспощадные минуты взвешивания решения, но умевший держать себя в руках, остался бесстрастным. Он поглядел на хмуро удивленного Чашина, хмыкнул и сказал серьезно:

— Командир Чашин обижен тем, что ему не дали продемонстрировать всю мощь крейсера для пробивания дырки в вашей защите. Но он отходчив. А мы все искренне рады познакомиться с вами!

Итин-Ис-Сторм улыбнулся: он умел ценить юмор.

БЕГЛЕЦ

Вертолет снизился до четырехсот метров и, накренившись, пошел по кругу.

— Видите желтое пятно? — прокричал пилот Березину. — Это и есть Драконья пустошь. Посередине — Клык Дракона.

Клык представлял собой совершенно гладкий каменный палец диаметром около полусотни метров и высотой чуть выше двухсот. Палец был окружен обширным песчаным оазисом, который с трех сторон охватывала тайга, а с четвертой ограждали пологие, израненные фиолетово-бурыми тенями бока Салаирского горного кряжа.

— Давай вниз, — показал рукой Березин.

Пилот утопил штурвал, и вертолет провалился вниз, взревев мотором у самой вершины скалы.

С двухсотметровой высоты Драконья пустошь выглядела бесконечной пустыней, ровной и гладкой на удивление. Ни камня, ни кустика Березин на ней не заметил, несмотря на свой двенадцатикратный бинокль. Негреющий желток солнца над горизонтом и белесый пустой небосвод довершали картину мертвого спокойствия, царившего в природе.

Счетчик Гейгера и дублирующий дозиметр Березин включил еще в воздухе, но они молчали — повышенной радиации над Драконьей пустошью не

оказалось. Но что-то же было, раз его, эксперта Центра по изучению быстропеременных явлений природы при Академии наук России, послали сюда в командировку при полном отсутствии финансирования.

— Ты, случайно, не знаток местных легенд? — спросил Березин, подходя к краю площадки.

— Вообще-то не знаток, но слышал одну... Местные алтайцы говорят — дурная здесь земля. Зверь вокруг пустоши не живет, люди тоже почему-то не селятся. По преданию, в этих краях обосновался дракон, дыханием своим иссушающий сердца и уносящий людей в ад...

— Поэтично... и загадочно. Радиоактивности нет, обычный фон, а это очень странно, если учесть одно обстоятельство: два дня назад...

Два дня назад в районе Салаира разразилась магнитная буря с центром в зоне Драконьей пустоши, а спутники отметили здесь еще и источник радиации. Березин вылетел к Салаирскому кряжу сразу же, как только в Центр пришла телеграмма, но выходит, пока он собирался, источник радиации исчез, а буря стихла. Чудеса...

— Очень странно... — повторил Березин задумчиво.

Пилот выглянул из кабины. На лице его, хмурым от природы, отразилось вдруг беспокойство.

— Ничего не чуешь? Мне почему-то хочется смотреть отсюда, и побыстрей.

От этих слов Березину стало не по себе, пришло ощущение неуютности, дискомфорта, и ему внезапно показалось, что в спину ему пристально смотрит кто-то чужой и страшный...

Впечатление было таким острым и реальным, что он невольно попятился к вертолету, озираясь и чувствуя, как потеют ладони. На многие десятки километров вокруг не было ни единой души, кроме них

двоих, но ощущение взгляда не исчезало, усиливалось и наконец стало непереносимым.

— А, ч-черт, поехали!

Березин ретировался под сомнительную защиту вертолета, влез в кабину и захлопнул дверцу.

— Что, и тебя проняло? — пробормотал пилот.

Вертолет взмыл в воздух, мелькнули под ним и ушли вниз отвесные бока скалы, сменились желто-оранжевой, ровной, как стол, поверхностью песков. Клык Дракона отдалился...

— Давай сядем поближе к нему, на песок, — предложил Березин, все еще глядя на таинственную скалу, странный каприз природы, воздвигшей идеальный обелиск в центре песчаного массива. Уж не работа ли это человеческих рук? Но кто, когда сделал это и, главное, зачем?

Пилот отрицательно качнул головой:

— На песок нельзя.

Спустя несколько минут вертолет завис над узенькой полоской земли возле стены леса и спружинил на полозья.

Только теперь Березин обратил внимание на то, что лес, начинавшийся всего в сотне шагов, был какой-то странный — сплошной сухостой. Корявые стволы переплелись безлистыми ветвями, создавая мертвую серую полосу вдоль песчаного пляжа, насколько хватало глаз. Живой зеленый лес начинался за этой полосой не сразу, а как бы по мере отдаления от пустоши, вытягивающей из него всю воду.

Березин с недоумением разглядывал колючую поросль высохшего кедрового стланика, подумал: не пролетала ли здесь когда-нибудь стая саранчи? — но пилот окликнул его, и он поспешил на зов.

— Смотри. — Пилот подобрал камень, забросил на недалекую песчаную гладь. Камень упал и исчез

из глаз, словно нырнул не в песок, а в воду. — Зыбун.

— Что?! — удивился Березин. — Зыбучие пески? То-то я смотрю — песок слишком гладкий — ни барханов, ни ряби... Зыбун! На все два десятка километров?

— Факт. Когда начинается ветер, песок аж течет, сам видел, я над этими местами пять лет без малого летаю. Ну что, будем брать пробы?

— Непременно будем. А завтра заберем помощника, перевезем палатку и все необходимые вещи, и я начну куковать тут один целую неделю. Не забудь забрать.

Березин энергично принялся за работу.

А через полчаса, когда он взял необходимые пробы грунта, сделал замеры и собрался отнести приборы к вертолету, горизонт вдали над центром мерцающей золотом песчаной плещи вспыхнул вдруг лиловым пламенем, песчаная равнина встала дыбом, и спустя несколько секунд жаркий ревуший вихрь обрушился на лес.

Воздушная волна отбросила Березина неглубоко в заросли колючего кустарника. Пока он выбирался, царапая тело острыми сучьями, рев ослаб, как бы отдалился. Теперь он напоминал шум водопада, слышимого с недалекого расстояния.

— Жив? — окликнул Березин пилота.

— Очень может быть, что и нет, — мрачно отозвался тот, невидимый из-за плотной желтой пелены пыли.

Березин пробрался на голос, зажимая нос платком, обошел смутно видимую тушу вертолета и сел рядом.

— Что это было?.. Ох и запах, чуешь?

— Еще бы! — Пилот закашлялся. — Вертолет вот повалило, винт помяло, придется теперь попотеть, пока поставим на полозья да винт починим. А рва-

нуло как раз в районе Клыка, недаром меня тянуло выбраться оттуда.

— Метеорит? Или испытания баллистической?

— Почему испытания? У наших «вояк», случается, и сами ракеты летают. — Пилот снова закашлялся, прикрывая рот ладонью. — К чему гадать? Подождем, пока осядет пыль, поставим вертолет и слетаем туда. Ты эксперт, тебе и карты в руки.

Желтая мгла рассеялась настолько, что стал виден лес, пустыня и зеленоватое небо. В той стороне, где прогремел неожиданный взрыв, все еще гроыхало и в небо ввинчивался черный с синим столб дыма, подсвеченный снизу оранжевым. Дым с глухим ворчанием распухал в плотное облако, расплзавшееся, в свою очередь, по пустыне.

— Чему там гореть? — пробормотал пилот, глядя на тучу из-под козырька ладони. — Ведь пески одни... и куда-то подевался этот чертов Драконий Клык...

Березин постоял рядом, напрягая зрение, потом вспомнил о бинокле, кинулся было в кабину и неожиданно заметил невысоко над песком летящее по воздуху черное пятно. Оно медленно, плавно плыло сквозь марево, заметно снижаясь на ходу, и было в его очертаниях что-то необычное, притягивающее взор.

Не сговариваясь, они бросились к тому месту, где должно было приземлиться пятно, и, еще не добывав, Березин решил, что это... человек, одетый в черный комбинезон.

Плыл он в очень неестественной позе метрах в трех от земли, словно ничего не весил, и пролетел бы мимо, если бы пилот, отломивший на бегу длинный сук, не остановил неуклонное скольжение незнакомца. Тело человека медленно обернулось вокруг конца ветки и вдруг тяжело рухнуло на землю, будто

оборвав те невидимые нити, которые поддерживали его в воздухе.

Березин осторожно обошел тело, нагнулся, всматриваясь в лицо незнакомца, и едва не отшатнулся. Лицо упавшего, несомненно, принадлежало не человеку. Наметанный глаз эксперта отметил и безупречные овалы глаз, открытых, но темных, без зрачков и проблеска мысли, и прямой, едва выступавший нос, и слишком маленький рот, и чрезвычайно густые брови... Похож на человека, но не больше, чем кукла или робот. Впрочем, откуда здесь, в районе Салаира, роботы?!

— Чудной какой-то, — буркнул пилот, встречая взгляд Березина. — Кукла, что ли?

И тут с глаз незнакомца исчезла темная пелена. Они стали прозрачными, наполнились желтым «электрическим» сиянием. Незнакомец неуловимо быстро изменил позу, точно перелился из положения «сидя» в положение «лежа», некоторое время не сводил своих чудных глаз с облака пыли и дыма на горизонте, потом непонятная гримаса исказила его правильное лицо, и низкий, чуть ли не уходящий в инфразвук, голос медленно произнес:

— Кажется, это была последняя ошибка...

В этом голосе было столько вполне человеческой горечи, что Березин проглотил вертевшиися на языке вопросы и молча стоял рядом, мучаясь от сознания своей беспомощности и непонимания ситуации. Выручил пилот.

— Кто вы? — спросил он хрипло.

Незнакомец повернул голову, оглядел обоих равнодушно, но голос снова выдал его душевные муки, потому что в нем звучала непередаваемая тоска и боль:

— Можете называть меня Последним. Я землянин, но предыдущий. Веселенькая ситуация, не правда ли?

— Ситуация, конечно, ого... — обрел дар речи Березин. — Но на человека вы... как бы это сказать... не очень-то...

Незнакомец с проблеском интереса оглядел Березина, пилота и внезапно улыбнулся. Во всяком случае гримасу его можно было оценить как улыбку.

— Представляю, как я выгляжу. Я не сказал, что я — человек, землянин — и только. И я действительно Последний...

Прилетевший из пустыни словно погас, неожиданно лег, вернее, перетек в лежачее положение и продолжал уже лежа, значительно тише:

— Кроме того, я беглец.

Березин посмотрел на растерявшегося пилота, лихорадочно соображая, что делать дальше. Обстановка складывалась неординарная, даже исключительная, и хотя он и был подготовлен к неожиданностям — год работы экспертом в Центре приучил его ко всему, — такого поворота событий не ожидал.

— Что предлагаешь делать? — быстро спросил он, отводя пилота в сторону и понижая голос.

— Его бы надо в столицу, — робко предложил пилот. — Может, успеем спасти...

— Не успеете, — сказал сзади Последний, обладавший отменным слухом. — Время моей жизни истекает, я успею лишь ответить на ваши вопросы и объяснить, кто я такой. Если вы этого хотите. Остальное уже не имеет значения.

Березин слушал Последнего с неопределенным чувством — нечто среднее между иронией, изумлением и скепсисом. Поверить до конца в происходящее он не мог, не мог и решить, как относиться к пришельцу. Хотя пришельцем Последний не был.

По словам его, двести миллионов лет назад на Земле существовала цивилизация, по какой-то причине (по какой — Последний уточнить не захотел) исчезнувшая в веках. Лишь немногие, в том числе и он сам, успели бежать в будущее от неизвестного катаклизма, найдя миллионы лет спустя новую цивилизацию, современную, молодую, горячую и... небезопасную.

— Да, небезопасную, — повторил Последний. — К сожалению, у нас не было выбора. Вы, люди, — диэнерги! Вы излучаете сразу два вида энергий: разрушения и созидания! Вам неведомо, что источниками энергии являются ваши эмоции: энергии разрушения — зло и ненависть, созидания — доброта и гуманизм. Источник один — эмоции, но виды излучений разнятся так же, как ваши машины для разрушения отличаются от машин для созидания, строительства. Вы даже не подозреваете, что обладаете исполинской силой, способной творить Вселенные! И тратите эту силу поистине с безумной щедростью, но главное — абсолютно бесполезно, даже не замечая ее существования. Кроме редких случайных проявлений — телепатии, например, ясновидения, телекинеза... Взамен над чувствами начинает преобладать трезвый расчет, и появляются на свет атомные бомбы, напалм и генераторы смерти...

Беглец из прошлого замолчал.

— Почему же наша цивилизация такая плохая? — спросил задетый Березин, когда молчание затянулось. — Только из-за совершенствования орудий истребления?

— В последнее время наши... назовем их приборами, стали фиксировать нарастающую волну бессмысленных трат энергий разрушения, а мы достаточно опытные, чтобы понимать, к чему это может привести.

— К чему же?

— Вы становитесь равнодушными... к природе, к себе... к разуму вообще. Равнодушие — худшая из бед! Природа не терпит пустоты, и, не встречая сопротивления, гипертрофически растет безликая энергия равнодушия, которую слишком просто обратить в энергию разрушения... к чему пришли и мы за двести миллионов лет до вашего рождения. Моим коллегам-беглецам повезло больше, многие из них прошли инверсию времени благополучно, выбрав другие отрезки вашей истории. Я же ошибся, ошибся дважды... — Голос Последнего понизился до шепота. — Уже само бегство было ошибкой, трагической ошибкой, исправить которую я уже не могу.

— А взрыв? — не удержался пилот, не в пример Березину слушавший с жадным интересом и поверивший пришельцу сразу и безоговорочно.

— Инерция была слишком велика, когда я захотел остановиться, — прошептал едва слышно Последний, — и инвертор времени захлебнулся.

Через четверть часа им удалось поставить вертолет на полозья, и пилот снял переборку за сиденьями, куда они с превеликим трудом поместили Последнего: тело нежданного беглеца из прошлого оказалось необычно тяжелым. Он не сопротивлялся, только сказал:

— Напрасно вы возитесь со мной, помочь мне не в силах ни один современный врач. Я не гуманоид, как вы считаете, хотя и похож на людей. Видимый мой облик, все эти «руки», «ноги», «голова» — порождение вашей фантазии, как и мой «русский» язык. Вы слышите не речь, а мысль! Вы, должно быть, и видите меня по-разному...

Березин не удивился, только кивнул, его уже трудно было чем-нибудь удивить, к тому же беспокоила одна идея.

— Излучение зла, — сказал он, кое-как уместаясь над поверженным пассажирским сиденьем, — это, наверное, условность?

— Разумеется, термин относителен, — отозвался Последний. — Градации энергии эмоций вообще условны. Излучение имеет спектр, и каждая эмоция имеет свою полосу. Но какая ирония судьбы — вы, величайшие из творцов во Вселенной, не знаете своей огромной творящей силы!

— Да уж, силой Бог нас не обидел! — пробормотал Березин, перед мысленным взором которого промелькнули картины человеческой деятельности. Подумал: одновременно это и страшная сила! Если, конечно, все это не розыгрыш или шутка гипнотизера... и не бред больного. Хотя на больного этот черный малый не похож. Знал бы он, сколько еще у человека злобы и ненависти, равнодушия и зависти, властолюбия и презрения! Может быть, и права эволюция, что не раскрыла нам сразу всего нашего могущества — наделали бы дел! Прежде надо научиться жить по справедливости и излучать в одном диапазоне — доброты и отзывчивости. Почему же к нам бегут из бездны прошлого? Что за парадокс? Неужели там жизнь хуже? Или они сами оказались бессильными перед своим собственным могуществом?

— А что это означает — энергия зла или доброты? — спросил Березин. — Можно ли ими управлять, дозировать?

Последний повозился в своем импровизированном кресле, помолчал с минуту.

Фыркал мотор, пилот, не вмешивающийся в беседу, несколько раз выскакивал из кабины и возился наверху. Наконец он запустил двигатель, и кабина задрожала от вибрации ротора.

Наконец раздался невыразительный голос (мысль!) беглеца:

— Пожалуй, я рискну дать вам знание вашей собственной радиации доброты, хуже от этого никому не станет, тем более мне. Но предупреждаю: знание это вы сможете использовать только для себя и не во вред другим. Любое иное применение станет фатальным.

Глаза Последнего налились желтым сиянием, у Березина внезапно закружилась голова, и он судорожно ухватился руками за какую-то перекладину впереди. И в это время тело беглеца из прошлого стало распухать и распадаться черным дымом. Дым заполнил кабину, перехватил дыхание.

Березин ударил ногой в дверцу и вывалился из кабины на землю, задыхаясь от кашля и нахлынувшей слабости. Отползая на четвереньках от вертолета, из которого, как из кратера вулкана, валил дым, он увидел по другую сторону отчаянно ругавшегося пилота, проворно отбегающего к пескам.

Двигатель вертолета продолжал работать, лопасти вращались и прибивали струи дыма к земле. Глаза начали слезиться, кашель выворачивал внутренности наизнанку, голова гудела, и Березин, судорожно загребая землю руками, отползал от вертолета все дальше и дальше, понимая, что Последний умер...

— И тут я потерял сознание окончательно. — Березин облизнул сухие губы и замолчал.

— Да-а, — пробурчал Богаев, избегая смотреть на пострадавшего. — Очень интересно... и очень правдоподобно. Однако вынужден тебя огорчить — все это тебе привиделось. И почудилось, показалось, померещилось — выбирай любую формулировку.

— Расспросите пилота, он подтвердит.

— Пилот до сих пор не найден. — Богаев нахмурился, встал со стула, поправил сползающий с плеч

халат и подошел к окну палаты. — Когда взорвался этот проклятый газовый мешок, вертолет ваш, очевидно, перевернуло, и двигатель загорелся. А пилот свалился в зыбун. Его еще ищут, но и так понятно.

— Какой газовый мешок? — прошептал Березин. — Почему загорелся вертолет? Не может быть!

— К сожалению, может. Тебя подобрали спасатели в глубине сухого леса, ты еще хорошо отделался. Скажи спасибо, что МЧС сработало оперативно и по звонку из Бийска — там зарегистрировали взрыв — послали спасателей.

— Значит, на Салаире взорвался газовый мешок?..

— Подземные пустоты, заполненные газом. Наверное, раньше запросто просачивался в районе Драконьей пустоши понемногу, а когда мешок взорвался, волна газа окатила все вокруг пустоши на десятки километров. Отсюда и твои красочные галлюцинации — надышался. «Излучение зла»... надо же придумать!

Березин посмотрел на свои забинтованные руки. Галлюцинации?! Ничего этого не было на самом деле?! Не было странного беглеца из страшно далекой эпохи, не было их разговора?.. И вдруг Березин вспомнил: «Я дам вам знание своей собственной радиации доброты»... Неужели и это — галлюцинации?..

— Разбинтуйте-ка мне руки, — попросил Березин тихо.

— Зачем? — удивился Богаев, оборачиваясь.

— Разбинтуйте, пожалуйста.

— Ты с ума сошел! — Богаев с тревогой посмотрел в глаза Березину. — Зачем это тебе? Врач меня из окна выбросит, когда увидит! Несмотря на то, что ты мой подчиненный.

— Авось не выбросит, вы быстро.

Богаев помедлил, пожал плечами и стал неумело разбинтовывать руки пострадавшего, пропахшие антисептикой, в желтых пятнах ушибов, с узором царапин и ссадин.

— Ну и что дальше?

Березин тоже смотрел на свои руки, лицо его осунулось вдруг, стало строже и суровей.

А затем Богаев увидел, как руки эксперта посветлели, порезы, царапины и ушибы на них исчезли, словно с кожи смыли краску.

Березин без сил откинулся на подушку, полежал немного, отдыхая и весело глядя на побледневшего начальника. Потом неожиданно подмигнул ему и медленно воспарил над кроватью...

МЕРА ВЕЩЕЙ

Шлюп медленно дрейфовал в струе кристаллического аммиака, выброшенного совсем недавно из глубин атмосферы Юпитера. Под ним обрывалась сияющая, клочковатая, желто-оранжевая бездна, в которой угадывались колоссальные провалы, нагромождения облачных масс и кипение атмосферных течений. С высоты в сорок тысяч километров Юпитер не был ни полосатым, ни пятнистым — невероятный по размерам кипящий котел, в котором то и дело взлетали вверх ослепительно желтые султаны аммиака, оранжевые протуберанцы гелия и серебристые волокна водорода; котел, поражающий воображение и заставляющий человека жадно вглядываться в его пучины, испытывая суеверный страх и не менее суеверный восторг, и с особенной остротой воспринимать масштабы космических явлений, одним из которых был Юпитер — вторая неродившаяся звезда Солнечной системы.

Шлюп положило на бок, и Пановский очнулся. Последовал мысленный приказ, летающая лаборатория поползла вверх, на более безопасную орбиту, сопровождаемая перламутровым ручьем «тихого» электрического разряда, на зигзаге которого вполне уместилась бы земная Луна.

— Спокоен старик сегодня, — сказал Изотов, отрываясь от окуляров перископа. — Радиус Ю-поля в два раза короче, чем вчера, мы даже не дошли до верхней гелиопаузы. Рискнем?

Пановский отрицательно качнул головой.

— Пора возвращаться. Мы и так проболтались без малого пять часов, ловушки заполнены до отказа, записей хватит на неделю детального анализа.

Изотов хмыкнул, исподлобья взглянул на товарища, занимающего в данный момент кресло пилота. Пановскому шел сорок второй год, был он высок, жилист, смугл от вакуум-загара. Он начал работать над гигантской планетой двенадцать лет назад, когда закладывались первые Ю-станции на спутниках Юпитера, естественно, это был один из самых опытных Ю-физиков, знавший все внешние повадки исполина, участвовавший в трех экспедициях глубинного зондирования его атмосферы.

— Жаль, — пробормотал Изотов, думая о своем.

— Чего жаль? — не понял Пановский, поправляя на голове эмкан — бесконтактный шлем мыслеуправления. Шлюп продолжал ввинчиваться в гаснущее зарево разреженной водородной атмосферы Юпитера, направляясь к Амальтее, на которой располагалась Ю-станция «Корона-2».

— Жаль, говорю, что не удалось видеть КУ-объект. Вчера ребятам повезло больше.

Пановский поймал в визирные метки пульсирующий радиоогонек маяка станции, переключил управление на автоматику и повернулся к напарнику.

Изотов появился на Ю-станции недавно. Был он молод, настойчив, самолюбив и не успел еще потерять надежд открыть на Юпитере «древнюю цивилизацию», существование которой то ставилось под сомнение, то вспыхивало ненадолго сенсацией в научных и околонаучных кругах Солнечной системы.

— КУ-объект — фикция, — убежденно сказал Пановский, продолжая исподтишка изучать лицо молодого Ю-инженера. — Я летаю над Юпом двенадцать лет и ни разу не видел ничего подобного.

— Значит, тебе просто не повезло. Ведь многие видели. Сабиров, например, Вульф, Генри Лисов...

— И никто из них не привез ни одной голографии.

Изотов вздохнул. Что правда, то правда: никто из ученых — будь то зеленые новички вроде него или опытные «зубры» — не смогли запечатлеть КУ-объект на пленку и доставить снимки на базу. На голограммах проявлялись лишь обычные облачные структуры верхней газовой оболочки Юпитера и ничего похожего на КУ-объект.

— Не вешай носа, — добродушно усмехнулся Пановский, видя, что напарник расстроен. — Повезет в другой раз, не со мной, видимо, я и в самом деле неудачник.

— «Сотый», «сотый», — раздался в рубке знакомый голос диспетчера станции. — Срочно отвечайте, остался ли аппарат-резерв?

— Да, — коротко отозвался Пановский, бегло проглядев записи бортового компьютера. — Три ленты в видеосканере, дюжина кристаллов в приемнике «Омеги». В чем дело?

— Немедленно возвращайтесь к южной тропической зоне, координаты... — Диспетчер продиктовал координаты. — Генри только что на главном оптическом наблюдал рождающийся КУ-объект! Вы ближе всех в этом районе...

Диспетчер еще не договорил, а Пановский уже успел перехватить управление автомата и бросить модуль в разворот.

— Что я говорил! — воскликнул Изотов, скорее изумленный, чем обрадованный поворотом событий.

Пановский не ответил, не веря в миражи и тем не менее признаваясь в душе, что вера в чудо не угасла в нем и по сей день.

Шлюп вышел точно по координатам над большой облачной спиралью. В непосредственной близости от короны Юпитера голоса диспетчера уже не было слышно, сложная система радиационных поясов планеты полностью забивала эфир помехами. Пановский осторожно повел шлюп к Южному полюсу, опасаясь приближаться к внутреннему кометно-метеоритному кольцу, возле которого плотность метеоритного вещества достигала критических величин. И тут они действительно увидели загадочный КУ-объект.

Из желто-коричневой мути аммиачно-водородных облаков высунулся ослепительно белый «цветок» на тонком стебле: по форме КУ-объект напоминал земную гвоздику. Стебель «гвоздики» продолжал расти, она увеличивалась в размерах, и наконец стало ясно, что это вполне реальное явление, отнюдь не галлюцинация и не радиолокационный призрак.

Пановский включил аппаратуру видеосъемки и дистанционного анализа, покосился на товарища:

— Ну и везет тебе, юноша! Честно говоря, я и сейчас не верю в его существование. Загипнотизировал ты меня своими фантазиями, да и Ю-поле, наверное, действует, потенциал уже давно выше нормы.

— «Если на клетке слона прочтешь надпись «Буйвол», не верь глазам своим», — процитировал Козьму Прутков Изотов. — Ю-поле тут ни при чем. Кстати, почему эту штуку назвали КУ-объектом?

— Первым его увидел и описал полгода назад Костя Уткин, неисправимый фантазер и выдумщик, отсюда и сокращение... Он пропал без вести после третьей встречи со своим открытием. Во всяком случае, сообщил по радио, что идет на сближение...

Изотов повернул голову, мгновение смотрел в серые непроницаемые глаза Пановского, словно пытаясь прочесть его мысли, потом расслабился и пожал плечами:

— Случайность, которая подстерегает каждого из нас. Посмотри на анализаторы: материал КУ-объекта — безобидное облако ледяных кристаллов. Разве что магнитное поле великовато для обычного облака... Давай подойдем поближе.

Пановский красноречиво постукал пальцем по лбу.

Шлюп проходил уже под краем «гвоздики», достигшей размеров земного Мадагаскара, и в этот момент что-то произошло.

Пановскому показалось, что КУ-объект взорвался! Шлюп вздрогнул, оборвалось пение приборов в рубке, ослепли экраны, наступила глубокая тишина. И в этой тишине раздался Голос! Глубокий, нечеловеческий Голос-вскрик — не звук — сенсорный импульс, ударивший по нервам. Он пронизал оболочку шлюпа, прошел сквозь все его защитные экраны и сквозь тела людей и умчался в космос, в неизмеримую даль — бестелесная молния, сгусток мысли неведомого исполина. Это было последнее, о чем подумал Пановский. Хлынувшая в мозг тьма погасила сознание...

Зал связи Ю-станции «Корона-2» тонул в тусклом серо-желтом сиянии юпитерианского серпа: станция проходила над ночной стороной планеты. Гул переговоров отражался от стен зала, смешивался с гудками и тихими свистами аппаратуры и возвращался таинственным шепчущим эхом. Четыре виома отражали четыре таких же, как и этот, зала с группами людей у пультов.

В зал вошел высокий бледный человек с узким жестким лицом. На рукаве его куртки алел шеврон

научного директора станции. У главного пульта раступились люди.

— Какие новости? — спросил, почти не разжимая губ, директор.

— Второй КУ-объект мы прозевали, — сказал смуглый до черноты Генри Лисов. — Вернее, не знали, где ждать. Третий успели захватить в начале образования. А потом — как отрезало, никаких следов. Видимо, существуют какие-то периоды активности КУ-объектов, когда они появляются довольно часто. За последние четыре дня — четыре появления! Но какова длительность периода — еще предстоит рассчитать, не хватает статистики.

— Самое интересное, что третий КУ-объект ничего не излучал, как первые два, — сказал седобородый Сабиров. — Но приборы обнаружили слабое волновое эхо в пространстве сразу после его выхода, я имею в виду приборы станций СПАС.

— Вы полагаете, что это был...

— Приемник, вернее, приемная антенна, если пользоваться земной терминологией. А первые два были передающими антеннами. После выхода их в эфир станция пространственного слежения за орбитами Урана и Плутона, а также станции СПАС этого сектора поймали «след» импульсов, направленных в сторону шарового звездного скопления омега Кентавра. Час назад расчетная группа закончила анализ импульсов. По оценкам машин — это одномоментные передачи огромных массивов информации.

— Итак, КУ-объекты суть аппараты юпитериан, — медленно проговорил Зимин. — Цивилизация на Юпитере — не миф! Вы хоть представляете себе важность сего фактора?!

Сабиров переглянулся с Генри Лисовым, но директор станции не ждал ответа.

— Три года мы возимся с легендой о цивилизации на Юпитере, полгода — с легендой о КУ-объ-

ектах, не подозревая, что они существуют реально... Кстати, почему их невозможно голографировать?

Генри Лисов помялся.

— Гипотез много, но дельной ни одной... Считается, что все дело в Ю-излучении, сбивающем настройку приборов, в результате чего человеческий глаз видит КУ-объект не там, где он есть на самом деле. Ни на одной из последних голограмм КУ-объектов нет! Визуально наблюдаемы, особенно вблизи, но запечатлеть не удастся, хоть плачь.

— Интересная загадка. Что ж, мы на пороге величайших открытий за всю историю космоплавания. Что?

Сабиров откашлялся.

— У меня иное мнение. Уже сто лет человечество изучает Юпитер, из них более полувека — активно, с помощью зондов и обитаемых станций. Множество экспедиций в атмосферу и на дно, тысячи потерянных зондов, гибель исследователей... Едва ли юпитериане не замечают нас, по-моему, это невозможно, но тогда их молчание говорит об одном — об отсутствии интереса с их стороны к нам. О каком контакте может идти речь? А если они нас просто не замечают, значит, отличаются по всем параметрам жизнедеятельности. Да и неудивительно: я до сих пор не могу представить, как на этом газожидкостном шаре могла возникнуть жизнь! А уж разумная жизнь... — Сабиров махнул рукой.

— Да здравствует скептицизм! — улыбнулся нежнолицый Вульф. — Так, Баграт? Но факты — упрямая вещь. Вот насчет контакта я с тобой согласен.

— Вопросы ко мне есть? — спросил Зимин, переждав шум. — Прежде всего у заместителей. Я отбываю на Землю на неопределенный срок.

— Есть, — сказал Сабиров. — Что с ребятами?

Зимин нахмурился, помолчал.

— Для них встреча с КУ-объектом в момент излучения закончилась печально. По мнению экспертов, модуль попал в краевую зону излученного импульса. У обоих шок, общий паралич... Их отправили в медцентр на Курилах. Еще вопросы?

Вопросов больше не было.

— Тогда прошу всех вернуться к исполнению своих непосредственных обязанностей. Помните, что на нас ложится большая ответственность. Как бы ни был контакт с цивилизацией на Юпитере далек, начинать его придется нам.

Зимин подошел к главному обзорному виому станции вплотную и с минуту смотрел молча на слабеющее дымное свечение юпитерианского серпа, пока от него не осталась лишь тонкая бледная полоска. И тогда стало заметно тусклое багровое мерцание в толще ночной атмосферы планеты — отблески небывалых по величине гроз, а может быть, и результат титанической работы неведомых ее обитателей.

— Вы напрасно не придаете этому значения, — сказал Старченко. — Это по-настоящему сенсационное открытие!

Наумов молча разглядывал переносицу заместителя, удивляясь его горячности и недальновидности, а может быть, нежеланию вникнуть в суть дела. Сенсация... Неужели для него это лишь сенсация? Что это — максимализм молодости или неопытность? Или еще хуже — равнодушие? Ведь для тех двоих...

Он перевел взгляд на молочно-белые кубы реаниматоров, скрывающих в своем чреве ученых с Юпитера, пострадавших от неизвестного излучения. Вот уже месяц, как крупнейшие ученые Земли: невропатологи, нейрохирурги, нейрофизиологи, психологи, лингвисты, специалисты в области биоэнергетики и

физики излучений — пытаются спасти этих людей, но все, что удалось пока сделать, — это предотвратить коллапс и паралич нервной системы космонавтов. Тела их с помощью специальных устройств жили, а мозг, пораженный чудовищной дозой излучения, не хотел просыпаться.

Гипотеза Наумова, высказанная им на консилиуме, породила сенсацию среди медиков, именно о ней и рассуждал Старченко. Гипотеза состояла в том, что передача юпитериан, предназначенная для неизвестного людям абонента в шаровом звездном скоплении омега Кентавра... была воспринята космонавтами на всех уровнях сознания и подсознания! Мозг ученых «захлебнулся» ливнем чужеродной информации, сфера сознания оказалась переполненной, а основная информация осела в глубинах неосознанной психики и привела к параличу двигательных центров, что не позволяло освободить память пострадавших обычными путями и почти не оставляло надежды на их излечение.

— Сенсация, — повторил Наумов глухо. — Это прежде всего боль и горе родных и близких... вот что это такое.

Он был молод, главный врач Симуширского медцентра нервных заболеваний. Небольшого роста, хрупкий, нервный, он не был красивым, лицо слегка портила угрюмая складка губ и неожиданно нежный «девичий» подбородок, но, когда он улыбался, а случалось такое нечасто, становилось понятно, за что его любят пациенты и персонал клиники.

— И все же, по сути дела, у нас в руках клад с тайнами Юпитера, — упорствовал Старченко. — Представь, какие знания мы получим, расшифровав «записанную» в их головах информацию!

— Не знаю. — Наумов отвернулся и подошел к пульту медицинского комплекса. Автоматы продолжали следить за состоянием пациентов, и красно-

желтая гамма на панели пульта указывала на то, что пострадавшие находятся на грани жизни и смерти.

На панели замерцал синий огонек, на трехметровые кубы реаниматоров опустились плоские много-сегментные зеркала следящих систем. Одновременно ожил виом над пультом, и взорам врачей предстали тела космонавтов, поддерживаемые невидимыми силовыми сетками. К рукам и ногам лежащих придвинулись белые шланги с присосами, на панели зазвучала надпись: «Питание».

Головы космонавтов скрылись в сложных ажурных конструкциях энцефаловизоров, но Наумову показалось, будто он видит страдальческие гримасы на белых как мел лицах, и ему стало зябко и неуютно.

Тихий звон видеовызова заставил Старченко замолчать и подойти к дальней стене зала, за перегородку технических систем. Через минуту он вернулся.

— Снова эта женщина, Изотова. Просит пропустить к вам. Я сказал, что сейчас время процедур и ты занят.

— Впусти. — Наумов нахмурил тонкие черные брови. — Это не просто женщина, это его жена.

— Жена! — хмыкнул Старченко. — Да они давно не... — Врач наткнулся на холодный взгляд главного и поспешил скрыться за перегородкой. Белобрысый, высокий, широкоплечий, шумный, он являл собой полную противоположность Наумову, и тот иногда удивлялся в глубине души, как это они проработали вместе уже два года. В этот день Старченко был Наумову особенно неприятен. Может быть, из-за того, что в его рассуждениях было рациональное зерно и Наумову не хотелось в этом признаться?..

Наумов вырастил из стены пару кресел и сел, продолжая наблюдать, как сменяются аппараты над телами людей.

Отчего же пришло острое чувство сострадания? Разве мало прошло перед ним пациентов? Разве мало он повидал смертей? В тех случаях его не однажды охватывали отчаяние и гнев — медицина слишком часто оказывалась бессильной, и люди умирали, несмотря на все ухищрения ее много-сотлетнего опыта. Люди научились побеждать болезни, прежде считавшиеся неизлечимыми, выращивать новые органы тела взамен утративших жиз-неспособность, но мозг — мозг оказался слишком хрупким и сложным, и даже самые тонкие и точ-ные методы его лечения подчас не давали желае-мого результата. Мозг во многом продолжал оста-ваться тайной, открытие новых его возможностей происходило медленно, и люди продолжали умира-ть, если он оказывался поврежденным, продол-жали умирать, если ошибалась природа, продол-жали умирать на операционных столах «под ножами» хирургов в результате их неосторожности или не-знания...

Из-за перегородки шагнула в зал молодая жен-щина, высокая, гибкая, с лицом строгим, насто-роженным, на котором выделялись твердые, властные губы. Взгляд ее синих глаз сказал Наумову, что он имеет дело с натурой сильной и целеустремленной.

Такая, пожалуй, не станет ни плакать, ни жало-ваться, подумал он с мрачным удовлетворением.

— Здравствуйте, Валентин.

Голос у нее был глубокого баритонального оттен-ка, который обычно называют грудным, такой же красивый и уверенный, как и весь ее облик.

— Здравствуйте, Лидия, — ответил Наумов, вста-вая навстречу. — Предупреждаю: нового ничего.

Изотова посмотрела на виом, губы ее дрогнули, раскрылись.

— Он?

— Слева, — кивнул Наумов.

Лидия едва заметно усмехнулась. Наумов понял: кому, как не ей, знать, с какой стороны лежит ее муж.

Они сели. Лидия еще с минуту смотрела на виом, потом повернулась к главному врачу медцентра:

— Я знаю, вы один из самых лучших нейрохирургов Системы... — Наумов сделал протестующий жест, но Лидия не обратила на это внимания. — Не надо меня успокаивать, ответьте прямо: есть надежда? Есть ли надежда, что Сережа будет жить?

Наумов с трудом выдержал прямой выпад синего взгляда.

— Прежде чем ответить, разрешите задать в свою очередь несколько вопросов. Как давно вы... не живете с Сергеем?

Она удивилась, прикусила губу.

— Неужели это необходимо для лечения?

— Да, — твердо ответил он.

— Я не живу с Сергеем почти два года.

— И вы...

— Я люблю его.

Сказано это было просто и естественно, Наумов не мог не поверить, но любовь — и полтора года друг без друга?..

— В чем причина ссоры?

— Он спортсмен.

Заметив удивление в глазах Наумова, она заторопилась:

— Он спортсмен во всем: в работе, в увлечении... в жизни вообще. Он ни в чем не хотел быть вторым, и в семье тоже. Правда, сейчас мне кажется, что он был прав.

— Понятно. И вы не встречались с ним... потом?

— Встречались. Потом он ушел к Юпитеру искать утраченную мужскую гордость. — В голосе женщины прозвучала горечь. — Он сильный человек, но... еще мальчик... Послушайте, ну это же не важно, в

конце концов! Мы были нужны друг другу, независимо от... и я люблю его, разве этого мало? И хочу знать, он будет жить? Именно таким, каким я его знаю?

Наумов невольно посмотрел на виом, но тот уже погас: программа процедур закончилась.

— Знаете, Лида, положение осложнилось. Изотов и Пановский попали не под простой лучевой удар, а под удар информационный. Ну, вы, наверное, слышали об открытии цивилизации на Юпитере. Так вот, юпитериане послали в космос мощный импульс, содержащий некую закодированную информацию, и, оказавшись на пути луча, космонавты «поймали» импульс на себя, в результате чего информация «записалась» у них в мозгу почти на всех уровнях памяти. Мозг теперь заблокирован чужеродной информацией, и разблокировать его мы... в общем, пока не в состоянии.

— Но ведь вылечивается же синдром «денежного мешка» — болезнь мозга от переизбытка информации.

— Это абсолютно другой случай, так сказать «космический синдром», шок от переизбытка сверхинформации, причем закодированной неизвестным образом. И тут есть еще одна сложность... — Наумов помолчал, обдумывая, как бы смягчить объяснение, но не придумал. — Сложность в том, что мы еще не разобрались, какие центры и уровни памяти «забиты» ненужным знанием. Может случиться, что в результате операции сотрутся те виды памяти, которые заведуют механизмами памяти наследственной, то есть сотрется «я» Сергея Изотова, это страшнее смерти.

— Что может быть страшнее смерти? — покачала головой Лидия. — Только сама смерть...

«Она права, — подумал Наумов. — Но что я могу сказать ей в ответ?» Кто-то заметил: «Если не зна-

ешь, что сказать, говори правду». Иногда жестокость — единственное выражение доброты.

— Извините, что я так сразу... Все может закончиться хорошо. Мы будем бороться, это я вам обещаю.

— Спасибо. — Лидия встала, вызываясь-виноватым взглядом отвечая на взгляд Наумова. Юбка при движении распахнулась, открыв красивые стройные ноги. — Я верю, что вы спасете его.

Попрощалась и ушла.

«Его»!.. Эгоизм в самом чистом виде! О товарище мужа она даже не вспомнила, все заслонил любимый... Самый слепой из эгоизмов — эгоизм любви! Черт возьми, мне-то от этого не легче! Лгать другим мы разучились, зато продолжаем лгать себе, испытывая при этом величайшее наслаждение. Как врач, специалист, я не верю в их исцеление, но как человек надеюсь. А многое ли сделаешь, имея надежду и не имея уверенности? Обещание бороться за их жизни — не гарантия успеха...»

— Нас вызывает Петербург, — подошел Старченко. — Экспертный отдел Академии.

Наумов кивнул, задумавшись. Красные огни индикаторов на пульте казались ему шипами, вонзающимися в незащищенное тело.

Южный циклон принес на Симушир туман и теплый дождь, продолжавшийся с перерывами три часа.

Наумов соединился с бюро погоды Южно-Сахалинска, и ему объяснили, что циклон пропущен на материк по глобальным соображениям Тихоокеанского центра изменения погоды.

— Потерпите еще часа три, — виновато сказал диспетчер, юный до неприличия. — Мы понимаем: медцентр и все такое прочее, но...

— Это не прочее, — сдерживаясь, перебил его Наумов. — Это здоровье пациентов, в медцентре их тысяча двести тридцать, и всякое изменение погоды в зоне Симушира несет им дополнительную, и причем отрицательную, нервную нагрузку! Понимаете?

Диспетчер покраснел, не зная, что ответить.

Наумов понимал, что тот не виноват, но оставлять это дело без внимания не хотел.

— Предупредили бы. Мы бы спланировали микроклимат. Дайте телекс главного синоптика, я поговорю с ним.

После разговора с главным конструктором погоды главврач несколько минут прохаживался по кабинету, поглядывая сквозь прозрачную стену на плотное покрывало тумана, скрывшее под собой бухту Броутона в виде полумесяца, пролив Дианы, сопки на северной оконечности острова. Лишь строгий конус вулкана Прево плавал над туманом, словно в невесомости, подчеркивая тишину и покой.

Симуширский центр нервных заболеваний представлял собой комплекс ажурных ветвящихся башен, собранных из отдельных блоков лечебных и процедурных палат. Он был построен десять лет назад на гребне кальдеры бывшего вулкана Уратман, образовавшего бухту Броутона, когда люди научились не только предсказывать землетрясения и вулканические извержения, но и управлять ими. С тех пор Симушир, имеющий на языке айнов еще одно название — Шаншири, что значит гремящая, содрогающаяся земля, перестал будить Курилы эхом вулканических взрывов и превратился в заповедную зону медцентра.

Каждая палата клиники смотрела стенами на четыре стороны света и купалась в чистом морском воздухе. Кабинет главного врача венчал одну из башен и ничем не отличался от других блоков, кроме внутреннего инженерно-медицинского обеспечения.

Наумов вспомнил лицо диспетчера погоды и поморщился. Чувство неудовлетворенности не проходило, однако рабочий день только начинался, и в причинах хандры разбираться было некогда. Он сел за стол и вызвал по видеоселектору заведующих отделениями...

В четырнадцать часов дня кабинет быстро наполнился светилami медицины Земли и представителями Академии наук, причем «живых» людей было от силы пять-шесть человек, большинство присутствовало через виомы, хотя по внешнему виду невозможно было отличить «призрак» от реального человека.

Несколько минут ушло на знакомство, потом Старченко стоя сообщил всем о состоянии космонавтов. Глядя на его уверенное красивое лицо, Наумов подумал, что знает своего заместителя совсем плохо, только с внешней стороны. Странное дело: работают бок о бок полтора года, а друзьями не стали, правда, и врагами тоже... Откуда же эта молчаливая договоренность не переступать рамки служебных отношений? Не потому ли, что оба представляют разные полюса характеров?..

Первым вопрос задал академик Зимин, научный директор Ю-станции «Корона-2», непосредственный руководитель пострадавших от излучения ученых. К удивлению Наумова, Зимин прибыл на Землю и явился в медцентр материально, а не визуально, и этот не совсем обычный поступок имел для главврача некий тревожный смысл.

Внешность Зимин имел впечатляющую: узкое лицо, сухое, с морщинами на лбу, похожими на шрамы, тонкие губы, выдающийся массивный подбородок, прямой нос и круглые, цепкие глаза — лицо человека, наделенного недюжинной силой воли, знающего, чего он добивается. Он был высок, худощав, жилист, силен. Наумов невольно сравнил широкоую ладонь ученого со своей и вздохнул.

— Подтверждено ли предположение о «перезаписи» информации излученного с Юпитера импульса в мозг обоих больных?

— К сожалению, да, — после некоторого колебания сказал Наумов.

— И как велик информационный запас?

— В мегабайтах? — спросил вдруг с иронией Старченко. — Или вам нужен наглядный пример?

Не ожидавший подобного выпада от заместителя, Наумов с любопытством посмотрел на Старченко. Парень явно рассердился.

— Мозг человека способен вместить все знания, накопленные опытом цивилизации, — продолжал молодой врач. — А у космонавтов заблокированы чуть ли не все уровни памяти, сознание и подсознание, так что запас чужой информации, «забившей» даже инстинкты, огромен!

Среди общего оживления Зимин остался бесстрастным и холодным, изучая Старченко, будто выбирал место для удара.

— Существует ли возможность «считывания» этой информации?

Старченко замаялся и оглянулся на главного. Он помнил спор и помнил отношение Наумова к своим выводам.

Этого следовало ожидать, подумал Наумов. Было бы странно, если бы кто-нибудь не задал этого вопроса. Что ему ответить? Изложить свою точку зрения? Которой нет...

— Теоретически существует, — ответил он. — Но на практике последние пятьдесят лет никто с этим не сталкивался, потому что случай этот особого рода. — Наумов помолчал. — Существует так называемый метод психоинтеллектуальной генерации, основанный на перекачке криптогнозы, то есть информации, осевшей в глубинах неосознанной психики, из сферы подсознания в сферу сознания. Но,

во-первых, этот метод применялся всего один раз и нет доказательств, что он себя оправдал, а во-вторых, может оказаться, что мы сотрем психоматрицу субъекта, что для моих пациентов равносильно смерти.

— Я понимаю. — Зимин пожал плечами. — Но поймите и вы: открыта цивилизация на Юпитере! Чужой разум! Это событие неизмеримо великого значения для всей науки Земли, для всего человечества. И появилась возможность узнать об этой цивилизации очень и очень многое, если верить вашим же словам. Представляете, что может в результате приобрести человек? Мы с вами?

— Ну, хорошо, предположим, мы «перепишем» всю информацию, — вмешался академик Чернышов. — Но сможем ли прочитать ее, расшифровать? Код записи может оказаться таким сложным, что расшифровать ее не удастся — вспомните роман Лема «Голос неба», — что тогда? Люди-то попали под луч случайно, информация предназначалась не нам.

Наумов благодарно посмотрел на старика.

Зимин усмехнулся, но глаза его остались холодными и недобрыми. Наумов ощущал его взгляд физически, как укол шпаги, и невольно напрягал мышцы живота. Он не знал, что ответить Зимину, доводы ученого не были абстракцией, они отзывались на его собственные мысли, были созвучны им. Не из-за этого ли хандра в душе? Предчувствие беды? Профессиональная этика врача запрещала колебаться, но оказывается, он даже как врач не ощущал своей правоты. Не в этом ли причина раздвоенности и глухой досады?

— Кроме всего прочего, — продолжал Наумов, — существует врачебная этика (Давай, борись с собой, доказывай, что слова твои — сама истина, что только человеколюбие движет тобою, в то время как Зи-

миным... а что Зимин? Он ведь тоже, наверное, не для себя старается? Единственное, от чего воротит, что он прикрывается выгодой для человечества. Банально и неоправданно, хотя и выгодно...) и принципы человеческой морали. Кто возьмет на себя ответственность за убийство людей даже во имя блага для всего человечества? И кто, в конце концов, разрешит нам сделать это? Родственники пострадавших? Их любимые и любящие? Да и не в них дело, поймите, мы не должны ставить на весы жизнь людей и самый ценный из материальных выигрышей — знание.

Наумов видел, что убеждает прежде всего самого себя, и, понимая это, не мог не чувствовать, что фальшивит, и эта фальшь, казалось ему, видна и остальным.

— Я не спорю, — негромко сказал Зимин. — Но в истории человечества известны примеры, когда рисковали жизнью во имя гораздо менее значимых целей.

— Да, но люди шли на это сами, — так же тихо сказал Чернышов. — И в этом их преимущество перед нами. За них никто не решал, не распоряжался судьбами. По-моему, прав Валентин, мы не должны решать вопросы жизни и смерти в отсутствие рискующих жизнью.

— Это тавтология. — В голосе Зимина зазвенел металл. — Пациенты не могут сказать за себя ни слова де факто. Зачем эти выпренные слова?

— Коллеги, — вмешался Старченко, — мы отвлеклись от основной проблемы — как лечить больных. Давайте оставим в стороне моральные проблемы и правовые вопросы дела и вернемся к медицине.

— Правильно, — поддержал врача один из биофизиков. — Мы собрались, чтобы обсудить метод лечения, проблема чисто медицинская, не стоит

привлекать для ее решения морально-этический кодекс.

Зимин хотел что-то добавить, но передумал.

Разговор перешел в русло медицины. Наумов больше не вмешивался в обсуждение предлагаемых методов лечения, хотя здесь присутствовали многие авторитеты в области изучения человеческого мозга. Он только командовал техникой кабинета, показывал палаты, записи, документы, аппаратуру центра, а в голове раздавалось: «Не все еще закончено в споре, не все аргументы исчерпаны. Зимин не остановится перед хрупкой, по его мнению, преградой этики, и, к сожалению, он не одинок в своем мнении. Но самое страшное — я не чувствую себя его противником. К тому же в любом случае способ лечения космонавтов небезопасен, и это плохо. Это отвратительно, это главное, на что сделает упор сам Зимин и иже с ним, выйдя в высокие инстанции... А где найти контраргумент, я не знаю...»

В том, что Зимин обратится в арбитраж более высокого ранга, в Академию медицины, а может быть, и в Высший координационный совет Земли, Наумов не сомневался. Он хорошо понял ход мыслей ученого и доминанту его характера: добиваться конечно-го результата любыми средствами.

— Предстоит тяжелое объяснение в методсовете Академии, — сказал Чернышов, когда совещание закончилось и кабинет опустел. — Но я с вами, Валентин, можете располагать моим голосом.

— Вы не со мной, — пробормотал Наумов, — вы с ними. — Он мотнул головой в сторону включенного виома, показывающего реаниматоры.

— А я понимаю Зимина, — сказал Старченко, выключая аппаратуру. — Юпитер изучается более века, и сколько там погибло исследователей — не счесть. И вдруг появляется возможность за несколько минут раскрыть суть юпитерианской цивилизации!

— Я его тоже понимаю, — с горечью сказал Наумов и вспомнил лицо Лидии Изотовой. — Скачок вперед, к новым достижениям, к новым вершинам знаний, к великим открытиям... Почему бы и нет? Но если бы при этом не надо было перешагивать через такую «малость», как две жизни.

В холле Управления аварийно-спасательной службы Наумов несколько минут разбирался в указателях, нашел нужный лифт и вскоре стоял перед дверью в отдел безопасности космических исследований. Дверь открылась, он вошел.

В кабинете начальника отдела находилось двое: сам Молчанов, невысокий, худой, спокойный, с серыми внимательными глазами, и академик Зимин. Присутствие ученого неприятно поразило Наумова, однако он сделал вид, что ему все безразлично, и сел.

— Ну, я, наверное, больше не нужен, — сказал Зимин, вставая. — Всего доброго.

Во взгляде академика Наумов прочел странное сожаление, и в душе снова шевельнулся дремлющий удав тревоги. Однако взгляд Молчанова он выдержал, ждал, с чего начнет начальник отдела.

Тот щелкнул ногтем по сенсору видеоселектора и сказал «призраку» оперативного дежурного:

— Сима, я буду занят еще пятнадцать минут, все вопросы переключи пока на Ромашина. — После этих слов начальник отдела обратил неулыбчивое свое лицо к гостю.

Они были знакомы давно, года три, по совместному увлечению спортом — прыжками с трамплина на лыжах, тем не менее с минуту присматривались друг к другу, словно встречаясь впервые.

— Ну что там, Валя? — спросил наконец Молчанов. — Что будем делать?

— А что надо делать? — удивился Наумов. — Если ты в курсе проблемы, повторяться я не буду.

— В общих чертах. — Молчанов бросил взгляд на дверь, за которой скрылся Зимин. — Что и говорить, открытие цивилизации на Юпитере — открытие века! Общечеловеческий стресс! Хотя ждали контакта давно и вроде бы привыкли к ожиданию. У меня и без того проблем хватало, а теперь и вовсе вздохнуть некогда.

Наумов иронически усмехнулся. Молчанов посмотрел на него оценивающе.

— Что, жалоба не по адресу? Ты прав, у кого из нас не хватает забот. А что, Валя, Изотов и Пановский действительно восприняли информацию юпитериан? — внезапно спросил он.

— В том-то и проблема! Чтобы вылечить их, надо «стереть» чужую информацию, иного выхода попросту нет. Не существует.

— Понимаю, не горячись. Ну а если, «стирая», одновременно записывать эту информацию в память машины?

— «Стирать» и «стирать и записывать» — суть два разных метода, причем последний увеличивает вероятность смертельного исхода. Мы рискуем убить людей!

— Как убить?

— Можем стереть человеческое «я», личность, что для пострадавших равносильно смертному приговору.

«Повторяю в третий раз, — тоскливо подумал Наумов. — Последний ли? Каждому надо доказывать, каждого убеждать... в том числе и себя самого. Когда же настанет время мысленного сопереживания, сострадания, сочувствия? Когда не надо будет убеждать собеседника, ибо он и без слов почувствует твою растерянность и тоску?»

— Зимин говорил, что и обычное «стирание» может дать отрицательный результат.

— Может! — разозлился Наумов. — И все же риск на порядок меньше.

— Риск все равно остается. — Молчанов предупредительно поднял руку. — погоди, не спеши доказывать обратное, побереги доказательства и красноречие для ВКС.

Наумов недоверчиво посмотрел в глаза начальника отдела.

— Так серьезно?

Молчанов почесал горбинку носа, утвердительно кивнул.

— Понимаешь, Валя, после открытия цивилизации на Юпитере над ним уже погибли двое исследователей... кроме твоих пациентов.

Наумов побледнел.

— Так что проблема несколько серьезней, чем ты себе представляешь. Открытие взбудоражило всю систему Ю-станций, ученые грезят контактом. Дальнейшее изучение планеты повлечет новые жертвы... и, возможно, та информация, которой обладают твои пациенты помимо своей воли, спасет не одну жизнь. Я понимаю. — Молчанов встал и прошелся по кабинету, остановился у окна. — Этико-моральная сторона любого действия ни для кого из нас не является отвлеченным понятием, но она не должна становиться самоцелью.

— Но я отвечаю за их жизнь. — Наумов тоже встал и подошел к окну. — Я врач и обязан думать о своих пациентах.

— А я обязан думать о живых, — тихо сказал Молчанов. — И здоровых.

В душе Наумова копилась пустота и холод и странное ощущение вины. «За что? Перед кем? Будто и решения своего не менял, и аргументы не все исчерпал... но вот уверен ли в решении? Нет же, не

уверен, иначе откуда взялись тоска и мука? Как это получается у Зимина: жизнь одних за счет жизни других?! Молчанов, по всему видно, тоже близок к его позиции... но не эгоизм же ими руководит, не холодный расчет — самые благие намерения... Стоп-стоп! Вспомни: «Дорога в ад вымощена благими намерениями!» Господи, какой ценой иногда приходится расплачиваться за очевидное, самое простое и верное на первый взгляд решение! Кто способен оценить, что дороже: человеческая жизнь или знания, добытые ценой жизни? Нет, не так, страшнее: убить, чтобы спасти! Так? На войне когда-то тоже убивали врага, чтобы спасти друга... И это не то... при чем тут враг? Кто враг?! Обстоятельства? Или я сам себе враг?»

Наумов взмок от усилий вылезти из болота рассуждений, в которое влез, пытаясь оправдать сразу двоих: себя и воображаемого оппонента, и вытер мокрый лоб ладонью.

— А ты как думал? — покосился на него Молчанов, словно зная, что творится в душе товарища. — Подчас принять решение труднее, чем его выполнить, и уж гораздо труднее, чем пожертвовать собой, поверь.

Наумов вдруг снова, уже в который раз, вспомнил Лидию Изотову. Она верила в него. И друзья и родственники ученых, кто бы ни приходил, тоже верили в него. А он? В кого верит он сам? В себя?

— На кого из начальства мне выйти в Совет?

Молчанов вернулся к столу, тронул сенсор координатора.

— К Банглину, наверное. Только не пори горячку, на твоём лице написано все, о чем ты думаешь. Таких, как Зимин, много, и в Совете они тоже найдутся. Он тут много наговорил, и я почти согласился с ним, но ты учти — кое в чем он прав! И рискованные полеты к Юпитеру — это ого-го какой аргумент!

Ты не был над Юпитером? Много потерял, и наверстать будет трудно.

— А ты не встречался с близкими моих пациентов, — пробормотал Наумов. — У тебя не было такого, чтобы от твоего решения зависела жизнь другого человека?

Молчанов застыл, потом медленно разогнулся, упираясь кулаками в стол, и на мгновение утратил самоконтроль: лицо его стало несчастным и старым.

Наумов пожалел о сказанном, извинился, пробормотал слова прощания и направился к двери.

Юпитер кипел, увеличиваясь в размерах. Вот он закрыл собой боковые экраны, затем кормовые, рубку заполнил ровный глухой шум — фон радиопомех. Все предметы окрасились в чистый желтый цвет, настолько интенсивным было свечение верхней разреженной атмосферы планеты.

Бам-м-м!

Шлюп содрогнулся, под ним загудело и загрохотало, в носовом экране выпятился из сияющей клочковатой бездны странный золотой волдырь, распустился кружевным зонтом и медленно пополз в высоту, рассыпаясь на белые волокна толщиной с горный хребет. Одно из волокон настигло убегающий модуль, изображение в носовом экране покрылось черной сеткой трещин.

«Падаю! — раздался слабый, искаженный помехами голос. — Не могу... Прощайте!»

Экран погас. Наумов закрыл глаза и остался недвижим.

— Это их последняя передача, — донесся словно издалека голос Старченко. — Погибли все трое: Сабиров, Вульф и Горский. Показывать второй фильм?

Наумов отрицательно покачал головой.

— Не стоит. Оставь записи, может быть, я посмотрю их позже.

Старченко выключил проектор, потоптавшись, ушел. Наумов посмотрел на часы: девятый час вечера. Одиннадцатый по среднесолнечному, перевел он в уме. Где у них консультативный отдел? Кажется, в Петербурге, а там уже утро.

Он соединился с Центральным справочным бюро ВКС и через него с консультативным отделом Совета. Узнал телекс Банглина и с ходу хотел позвонить ему, однако еще с полчаса сидел в кабинете, постепенно заполнявшемся сумерками, и смотрел сквозь прозрачную стену на далекий черный конус пика Прево, врезанный в вишневый тускнеющий закат.

Над далеким Юпитером, в тщетных попытках постичь его суть, тайны бытия и молчаливое пренебрежение к роду человеческому, к попыткам контакта с обретенными братьями по солнцу, продолжали гибнуть люди, первоклассные исследователи и сильные натуры. Зов тайны — сквозь боль собственных ошибок, сквозь ад мучительных сомнений в собственной правоте, сквозь слепую веру в совершенство разума и сквозь собственное несовершенство — вперед! И только сам человек способен оценить поражение, делающее его человечней.

Юпитер — лишь тысячная доля проблем, волнующих человечество, какой же ценой платит оно за прогресс в целом, если одна проблема требует гибели многих?! И как сделать так, чтобы не платить человеческими жизнями ради решения любых, самых грандиозных задач? Или не существует иной меры вещей?..

На пульте слабо пискнул вызов. Наумов повернул голову, но не двинулся с места. Сигнал повторился. Это звонила жена.

— Я тебя заждалась, Валентин, — с упреком сказала она. — Уже девять!

— Извини, Энн, — пробормотал Наумов. — Я скоро приду, только закончу один не очень приятный разговор.

— Ты плохо выглядишь. Что-нибудь случилось?

— Ничего, наверное, эффект освещения, у нас тут сумерки.

— Нет, случилось, я же вижу. Это из-за твоих новых подопечных Пановкина и Изотова?

— Пановского, — поправил он машинально. — Понимаешь, Энн... их надо срочно оперировать, а я... я боюсь.

Она внимательно присмотрелась к нему и сказала решительно:

— Приходи скорей, слышишь? Обсудим все твои проблемы вдвоем.

Виом угас. Снова сумерки завладели кабинетом. Где-то в невидимых зарослях под зданием лечебного корпуса прокричала птица: не сплю, не сплю, не сплю... Оранжевая полоса на западе становилась тоньше и тусклее, в фиолетово-синем небе засияла белая черточка — капсула гидрометеоконтроля.

Наумов встал, прошелся, разминая ноги, и вдруг подумал: «А не трушу ли я на самом деле?! И все мои переживания не что иное, как самый обыкновенный страх ответственности?»

Он стоял долго, уставившись на далекую звезду, потом очнулся и без дальнейших колебаний вызвал комиссию по этике.

Руслан Банглин был очень и очень стар, где-то под сто сорок лет. Морщинистое темное лицо с озерами холодных, прозрачных, будто заполненных льдом, глаз. Волос на длинной, огурцом, голове почти нет, шея скрывается под глухим воротником свитера. Он не удивился, увидев перед собой заведующего Симуширским медцентром.

— Слушаю вас, — сказал он хрипло, с едва слышным присвистом.

Протез гортани, подумал Наумов отрешенно. По долгу службы он имел встречи с председателем комиссии морали и этики, и каждый раз у него складывалось впечатление, будто он беспокоит этого страшно занятого властного человека по пустякам.

— Я, собственно, к вам по такому вопросу... — начал Наумов, не зная, как сформулировать этот свой проклятый вопрос.

— Пановский, Изотов, — подсказал Банглин.

Наумов не удивился: вездесущий Зимин успел побывать и здесь.

— Возникла проблема...

— Выбор метода оперирования, так?

— Дело в том, что нейрохирургическое вмешательство в мозг почти всегда чревато последствиями. Даже микролазерное и тонкое магнитное сканирование ведет к разрушению соседствующих с оперируемым участков мозга, и хотя в нормальной жизни, как правило, это не сказывается, однако природа зачем-то сконструировала запас клеток, который мы уничтожаем ничтоже сумняшеся. А что теряет человек в результате операции, не знает никто. В случае с космонавтами изложенный мной тезис звучит так: при «перезаписи» информации с мозга в машину вероятность их гибели увеличивается по сравнению с методом простого «стирания». Я сделал расчет, по которому вероятности неблагоприятного исхода относятся как два к трем.

— Вектор ошибки?

— В «красной зоне». — Наумов невольно покраснел, но не опустил глаз. — Но зона сама по себе не определяет исхода операции из-за недостаточного...

Банглин кивком прервал его речь.

— Полно, Валентин, эмоции тут ни при чем. Вы сами понимаете, риск остается, а соотношение два к трем не слишком выразительно. Расскажите-ка

лучше, как относятся к операции друзья и родственники пострадавших.

Наумов еле удержался, чтобы не пожать плечами. Он устал и был зол на себя за слабоволие. Мысль, что он попросту струсил перед операцией и пытается теперь переложить ответственность на чужие плечи, не покидала его, а звонок Банглину вообще стал казаться жестом отчаяния, какого он в себе пока не ощущал.

— Пановский холост, — медленно начал он. — Отец его в дальней звездной и вернется не скоро. Мать... ну что мать, она как и все матери, сын ей нужен живой и здоровый. Она согласна на любую операцию, которая спасет сына. У Изотова отец и мать, две сестры... жена. Ситуация примерно та же. О жене и говорить не приходится, я уже разговаривать спокойно с ней не могу, так и кажется, что во всем виноват.

Банглин чуть заметно улыбнулся:

— Ясно. Охарактеризуйте каждого, в двух словах.

Наумов озадаченно пощипал подбородок.

— До этого случая я их не знал, сужу только с чужих слов...

— Этого достаточно.

— Тогда... Пановский. Ему сорок один год. Ю-физик. Начиная работать над Юпитером в числе первых исследователей на стационарных комплексах. Три экспедиции глубинного зондирования планеты, последняя едва не закончилась трагически, их вытащили в момент падения. Спокоен, малоразговорчив, необщителен, но всегда готов помочь товарищу... Извините за путаную речь, я волнуюсь, а последняя характеристика универсальная для всех космонавтов. Вот, пожалуй, все, что я о нем знаю.

Изотов молод, он почти мой ровесник, по специальности — инженер-молетроник. Хороший спортсмен — мастер спорта по горным лыжам («Он

спортсмен во всем, — вспомнил врач, — в работе, в увлечении... в жизни...»). Честолюбив, упрям, любит риск, излишне самонадеян...

В глазах Банглина зажглись иронические огоньки, но перебивать Наумова он не стал.

— С женой не живет два года, — продолжал врач. — Но у меня сложилось впечатление, что некоторым образом это устраивало обоих, хотя они и любят друг друга... любили.

— Интересное заключение.

Наумов нахмурился:

— Самого Изотова я не знаю, но с его женой...

«Стоп! — подумал он. — Что ты плетешь, приятель? Двусмысленность видна невооруженным глазом, следи за речью... черт тебя дернул позвонить!»

— Я верю. — Банглин на несколько секунд задумался, мысль его ушла в дебри памяти, в прошлое. Наумов определил это интуитивно. — Мне кажется, вы преувеличиваете размеры проблемы. И недооцениваете себя. Я не чувствую в вас уверенности, профессиональной уверенности врача, не говоря уж об уверенности психологической, гражданской. Даже не зная всех событий, могу предположить, что вы задумались над шкалой общественных ценностей, так? Но и не имея понятия о существовании определенных нравственных норм, присущих обществу на данном этапе развития, норм врачебной этики, право врача решать — какой метод использовать для лечения больного, можно принять решение исходя из одного простого принципа, вы его знаете: мера всех вещей — человек! Человек — и никто и ничто другое! Да, было бы интересно раскрыть тайны Юпитера «одним ударом», и этот интерес общечеловечески понятен: кто бы мы были, не имей страсти к познанию? Любопытства? И все же пусть вас не смущают доказательства и примеры прошлого. К сожалению, кое-кто прав: как и сотни лет назад, че-

ловек иногда рискует жизнью во имя неоправданных целей, а тут — познание открытой внеземной цивилизации, случай беспрецедентный в истории человечества! Плюс к этому возможное предупреждение гибели исследователей. Поневоле задумаешься, я вас вполне понимаю. Ведь мы не отступим, нет? Да и куда отступить? За нами — мы сами. Вот и подумайте, разберитесь в себе, а когда придет уверенность, когда вы будете убеждены в своей правоте — позвоните мне и мы вернемся к этой теме. Только времени у вас мало. Заседание Совета послезавтра, и к этому сроку вы должны быть готовы.

Наумов кивнул. Банглин помолчал, медля выключать связь, выжидательно глядя на врача. Наконец Наумов шевельнулся.

— Я не буду звонить... должен решить сам. Извините, если... А еще вопрос можно? Совет собирается из-за случая с космонавтами?

Банглин вдруг улыбнулся по-настоящему: улыбка у него была хорошая, добрая и немного грустная.

— Я же сказал, не преувеличивайте проблемы до масштабов, способных потрясти все человечество. Нет, Совет будет решать множество задач, и лечение пораженных излучением ученых — одна из них. Но для вас, — Банглин погасил улыбку, — для вас она остается главной. Это именно тот экзамен, не сдать которого вы не имеете права. Всего вам доброго.

Виом погас.

«А ведь он решил, — понял Наумов. — Он решил, это заметно. И Зимин решил — по-своему, и Молчанов... А я... Я — врач? Чего я боюсь больше всего: принять неправильное решение или оперировать? Не знаю... не знаю!»

Наумов убрал одну из прозрачных стен кабинета и подошел к образовавшемуся проему.

Как странно: один говорит — проблема серьезней, чем ты думаешь, и он прав. Другой — не преувеличивайте масштабы проблемы, такие тысячами встают перед человечеством, и он тоже прав! Наверное, все дело в том, что проблема, мизерная для всего рода людского, оборачивается макропроблемой для одного человека, перед которым она встала, превращается в такую ношу, что выдерживает далеко не каждый. Но черт возьми, каким же образом из тысяч субъективных мнений формируется одно объективное знание?! Маленькая задачка, слишком ординарная для цивилизации, и как же она велика, когда выходишь на нее один на один!.. Как сделать, чтобы не ошибиться? Как спасти двоих, стоящих на грани вечности, и уберечь живых, рискующих жизнью каждый день, идущих на подвиг и не знающих этой своей добродетели? Как?..

Над черным острием вулкана на другой стороне бухты всплыл узкий серп месяца — чаша амриты, из которой боги извечно пили свое бессмертие. Бухту пересекла зыбкая, блещущая рассыпанным жемчугом полоска. Кричала птица, вздыхал ленивый прибор...

Наумов подставил лицо прозрачному свету, а в ушах вдруг раздался басовитый гул юпитерианских недр, свисты и хрипы радиопомех, писк маяков и исчезающий, задыхающийся человеческий голос: «Падаю! Не могу... Прощайте!..»

Спасти тех, кто сейчас идет на штурм Юпитера и кто пойдет завтра... и спасти двоих, перегруженных чужим знанием, — на каких весах это измерить? И если спасти облученных, если поставить задачу — любой ценой спасти космонавтов, то кто-то снова будет падать в Юпитер?..

«Падаю!.. Не могу... Прощайте!..»

«А я могу?!» — крикнул Наумов в лицо ночи. Невслышно крикнул, сердцем, страстно желая, чтобы

пришло к нему ощущение будущей удачи. Кто он — без права на ошибку? Мыслящая система, загнанная в тупик логикой трезвого расчета. Но с другой стороны — имеет ли он право на ошибку? Выходит, цена ошибки — тоже человек? Его жизнь и смерть? Кто-то сказал:

С своей тропы ни в чем не сступая,
Не отступая, быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль...

Быть самим собой — не в этом ли главное твое достоинство, человек?

Проклятая птица под окном перестала кричать, но она могла себе позволить снова и снова будоражить ночь криком. Лишь Наумов не мог позволить себе криком показать свое отчаяние и бессилие. Или, может быть, наоборот — силу?..

Он позвонил домой и сказал, что остается готовиться к операции.

Колебания его не умерли, но умер прежний Наумов, не испытывавший неудач и поражений и потому еще не знающий, что такое жизнь...

СОДЕРЖАНИЕ

КОРРЕКТИРОВЩИК. Повесть	7
РАССКАЗЫ	
Волейбол-3000	329
Двое в пустыне	359
И наступила темнота	374
Стихия	379
Дерево	390
Мальчишка из 22-го	401
Фуор	411
Беглец	424
Мера вещей	437

Головачев В.В.
Г61 **Корректировщик: Повесть, рассказы.** — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1996. — 471 с.

ISBN 5-218-00289-5

Герои повести «Корректировщик», войдя в контакт с доселе неизвестной формой жизни — суперзавраами — осваивают с их помощью космические пространства, открывают новые обитаемые планеты. Человек не одинок во Вселенной, и встречи с ее обитателями порождают многочисленные проблемы. Пафос творчества классика российской научной фантастики В. Головачева — в том, что человек может победить в самой невероятной ситуации, оставаясь человеком.

ББК 84.Р7

**Василий Васильевич
Головачев**
КОРРЕКТИРОВЩИК
Повесть, рассказы

Редактор *О.Н. Крутилина*
Художественный редактор *А.И. Моисеев*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Корректоры *О.А. Левина, И.С. Соловьева*

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.12.96.
Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,4.
Уч.-изд. л. 21,31. Тираж 20 000 экз. Заказ № 3183.

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валовая ул., 28

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВACHEВ

•
КОРРЕКТИРОВЩИК
•

